РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

ISSN 1726-1139
e-ISSN 1816-8590
DOI 10.22394/1726-1139

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

2019. №11(131)

Научно-практический журнал

Выходит ежемесячно

Издание входит в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим специальностям: 08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством, 08.00.13 – Математические и инструментальные методы экономики, 08.00.14 – Мировая экономика, 23.00.01 – Теория и философия политики, история и методология политической науки, 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии, 23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития

С 2005 года статьи включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу http://elibrary.ru (Научная электронная библиотека). Размещается в открытом доступе в полнотекстовом виде

Сведения, касающиеся издания и публикаций, включены в базу данных ИНИОН РАН и публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям “Ulrich's Periodicals Directory” и в базе данных EBSCO

Журнал включен в индексацию международной базы данных научных публикаций DOAJ

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
199004, Санкт-Петербург, В.О., 8-я линия, д. 61.

Тел.: (812) 335-94-72, 335-42-10. E-mail: antonova-ev@ranepa.ru

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей

При перепечатке ссылка на журнал «Управленческое консультирование» обязательна

© Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2019
© Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2019
© Редколлегия журнала «Управленческое консультирование» (составитель), 2019
© Все права защищены

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License

Главный редактор: **Шамахов В. А.** — директор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, действительный государственный советник Российской Федерации 1-го класса (Санкт-Петербург), председатель Редакционного совета;

Заместитель главного редактора: **Мерешкин Д. Е.** — кандидат юридических наук, заместитель директора Северо-Западного института управления РАНХиГС.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Бахтизин А. Р. — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, директор Центрального экономико-математического института РАН (Москва);

Елисеева И. И. — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Санкт-Петербург);

Еремеев С. Г. — доктор экономических наук, профессор, ректор ЛГУ им. Пушкина, сопредседатель Российского Общества Политологов (Санкт-Петербург);

Комаровский В. С. — доктор философских наук, профессор, председатель Совета Учебно-методического объединения кафедр политологического профиля РАНХиГС и региональных академий государственной службы (Москва);

Макаров В. Л. — доктор физико-математических наук, профессор, академик Российской академии наук, научный руководитель Центрального экономико-математического института РАН (Москва);

Межевич Н. М. — доктор экономических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, президент Российской ассоциации прибалтийских исследований (Санкт-Петербург);

Смирнов В. А. — кандидат политических наук, начальник департамента Управления Президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами (Москва)

Сморгунов Л. В. — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой политического управления Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург);

Субетто А. И. — доктор философских наук, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, президент Ноосферной общественной академии наук, вице-президент Санкт-Петербургского отделения Академии проблем качества, член Президиума Петровской академии наук и искусств (Санкт-Петербург)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Квинт В. Л. — доктор экономических наук, профессор, иностранный член Российской академии наук, почетный доктор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва), председатель совета;

Крастиньш А. В. — почетный доктор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор, директор Института международных экономических связей и таможни Рижского технического университета (Латвия);

Вольман Х. — PhD, доктор права, профессор (Германия);

Кармен Перес Гонсалес — доктор философии в области права, Университет им. Карлоса III (Мадрид, Испания);

Феликс Вакас Фернандес — доктор философии в области права, Университет им. Карлоса III (Мадрид, Испания)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Акопов С. В. — доктор политических наук, доцент (Санкт-Петербург);
Балашов А. И. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);
Бодрунов С. Д. — доктор экономических наук, профессор (Москва);
Ветренко И. А. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);
Волков В. А. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);
Вульфович Р. М. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);
Запорожан А. Я. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);
Казанцев А. А. — доктор политических наук (Москва);
Караватова Л. Г. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);
Колесников В. Н. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);
Куклина Е. А. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);
Малькевич А. А. — кандидат политических наук, доцент (Москва);
Полякова Т. М. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);
Теребнёв Л. В. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);
Халин В. Г. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);
Ходачек В. М. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);
Цыгалов Ю. М. — доктор экономических наук, профессор (Москва);
Шумилов М. М. — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)

Chief Editor: **Shamakhov V. A.** — Director of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Science (Economics), State Councilor of the Russian Federation of the 1st class (St. Petersburg), Chairman of the Editorial Council

Deputy Chief Editor: **Mereshkin D. E.** — PhD in Jurisprudence, Deputy Director of North-West Institute of Management of RANEPA

EDITORIAL COUNCIL

Bakhtizin A. R. — Doctor of Science (Economics), Professor, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Russian Academy of Sciences Central Economic Mathematical Institute

Eliseeva I. I. — Doctor of Science (Economics), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Worker of Science of the Russian Federation (St. Petersburg);

Eremeev S. G. — Doctor of Science (Economics), Professor, Rector of the Pushkin Leningrad State University, Cochairman of the Russian Association of Political Experts (St. Petersburg);

Komarovsky V. S. — Doctor of Science (Philosophy), Professor, Chairman of the board of educational and methodological Association of chairs of a Political Sciences Profile of a RANEPA and regional academies of public administration (Moscow);

Makarov V. L. — Doctor of Science (Physics and Mathematics), Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Academic Director of the Russian Academy of Sciences Central Economic Mathematical Institute (Moscow);

Mezhevich N. M. — Doctor of Science (Economics), Professor of the St. Petersburg State University, President of Association of Baltic studies (St. Petersburg);

Smirnov V. A. — PhD in Political Sciences, Head of the Department of the Presidential Directorate for Interregional Relations and Cultural Contacts with Foreign Countries (Moscow)

Smorgunov L. V. — Doctor of Science (Philosophy), Professor, Head of the Chair of Political Governance of the St.Petersburg State University (St. Petersburg);

Subetto A. I. — Doctor of Science (Philosophy, Economics), Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, President of Noosphere Public Academy of Sciences, Vice-President of the St. Petersburg office of Academy of Problems of Quality, Member of Presidium of Petrovsky Academy of Sciences and Arts (St. Petersburg)

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

Kvint V. L. — Doctor of Science (Economics), Professor, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Doctor of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow), Chairman of the Board;

Krastins A. V. — Honored Doctor of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Science (Economics), Professor, Director of Institute of the International Economic Relations and Customs of the Riga Technical University (Latvia);

Wolman H. — Doctor of Science (Jurisprudence), Professor (Germany);

Carmen Perez Gonzalez — Phd in Law, University Carlos III de Madrid (Spain);

Felix Vacas Fernandez — PhD in Law, the University Carlos III of Madrid (Spain)

EDITORIAL BOARD

Akopov S. V. — Doctor of Science (Political Science), Associate Professor (St. Petersburg);

Balashov A. I. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Bodrunov S. D. — Doctor of Science (Economics), Professor (Moscow);

Vetrenko I. A. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Volkov V. A. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Vulfovich R. M. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Zaporojan A. Ya. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Kazantsev A. A. — Doctor of Science (Political Science) (Moscow);

Karanatova L. G. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Kolesnikov V. N. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Kuklina E. A. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Malkevich A. A. — PhD in Political Sciences, Associate Professor (Moscow);

Polyakova T. M. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Terebnev L. V. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Halin V. G. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Khodachek V. M. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Tsygalov Yu. M. — Doctor of Science (Economics), Professor (Moscow);

Shumilov M. M. — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg)

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

8 **От главного редактора**

ГОСУДАРСТВЕННАЯ И МУНИЦИПАЛЬНАЯ СЛУЖБА

10 **ВОЙНАРОВСКАЯ Л. И.**
К вопросу нормативно-правового обеспечения и методики контроля служебной деятельности государственных гражданских и муниципальных служащих РФ

ПОЛИТИКА И ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО

16 **КЛЫЧКОВ А. Е., МЕРКУЛОВ П. А.**
Проблематика конфликта политических партий в условиях конкурентного политического рынка: к вопросу о политическом маркетинге

27 **КУЧЕРЯВЫЙ М. М., МИНИН Е. А.**
Стратегические и тактические задачи освоения Арктической зоны Российской Федерации

39 **МАЛЬКЕВИЧ А. А.**
От электронного голосования к протестной мобилизации: как интернет трансформирует политическое участие

47 **МУРАТШИНА К. Г.**
Политика государств постсоветской Центральной Азии в отношении Договора о запрещении ядерного оружия

57 **ШТРИКОВ С. А.**
Управленческое проектирование коммуникационной политики органов государственной власти субъектов Российской Федерации в условиях утверждения информационного общества

ВЛАСТЬ И ЭКОНОМИКА

69 **ИСАЕВ А. П., ВАСИЛЬЕВА Т. В.**
Практический опыт управления распределенной системой электронного обучения «SPIDER» при подготовке студентов факультета экономики и финансов Северо-Западного института управления РАНХиГС

76 **ГРАДУСОВА В. Н., ЛИПАТОВА Л. Н.**
Возможности региона в укреплении экономической безопасности в сфере обеспечения населения продовольствием

92 **МИРОШНИКОВ С. Н.**
Применение проектного подхода в рамках системы стратегического планирования регионального развития

101 **НАРУЖНЫЙ В. Е., ТИТОВ В. А., ОБОЛЕНСКАЯ Ю. А.**
Импортозамещение в России: исторический опыт и текущие перспективы

113 **РУКИНОВ М. В.**
Трансформация мировой системы экономических отношений под влиянием глобальных интересов США: риски для России

120 **САУРЕНКО Т. Н., АНИСИМОВ Е. Г., РОДИОНОВА Е. С.**
Методика оценки ожидаемой стоимости проектирования технических и технологических инноваций

129 **ВЕРСОЦКИЙ Р. Р., КУПРИН А. А.**
Воздействие научно-технических факторов на развитие инновационных процессов малого бизнеса в системе крупного производства

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

135 **АНТОНЧЕВА О. А., АПАНАСЕНКО Т. Е.**
Формирование имиджа России медиаканалами: пример измерения

145 **ГРИГОРЬЕВ В. Ю.**
Оценка и анализ образования: что оцениваем?

155 **РЯБОКОНЬ М. С., СКУЙБИН Б. Г., ЩЕГЛОВ Д. К.**
Патентные исследования как инструмент анализа рынка технических решений

163 **ЧУГУНОВ А. В., КАРАЧАЙ В. А.**
Электронное участие и инициативное бюджетирование как механизмы обратной связи в модели «умного города»

180 **ФИЛАТОВА О. Г.**
Дискурсивные практики в цифровой публичной сфере современной России: результаты и направления исследований

A LINEA

193 **ЗАХАРЕНКО Г. А.**
Роль коммуникационных каналов в проведении процедуры аккредитации медицинских специалистов

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

201 **СТЕПАНОВ А. В.**
Рецензия на книгу А. Ф. Измайлова «Куда бредут „Троянский конь“ и „пятая колонна“...». Очерки о борьбе с профашистскими группами в битве за Ленинград в 1941–1944 гг.

EDITOR'S COLUMN

8 **From the Chief Editor**

CIVIL AND MUNICIPAL SERVICE

10 **LYUDMILA I. VOINAROVSKAYA**
Problems and Methods of Evaluating the Effectiveness of the System of State and Municipal Management of Russian Federation

POLICY AND LAWFUL STATE

16 **ANDREY E. KLYCHKOV, PAVEL A. MERKULOV**
Problematic of Political Parties Conflict in the Conditions of Competitive Political Market: To the Question of Political Marketing

27 **MIKHAIL M. KUCHERYAVY, EVGENY A. MININ**
Strategic and Tactical Tasks Development of the Arctic Zone of the Russian Federation

39 **ALEXANDER A. MALKEVICH**
From Online Voting to Protest Mobilization: How the Internet is Transforming Political Participation

47 **KSENIA G. MURATSHINA**
Post-Soviet Central Asian States' Policies towards the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons

57 **SERGEI A. SHTRIKOV**
State Communication Policy Design under the Conditions of the Information Society Development in the Russian Federation

POWER AND ECONOMY

69 **ALEXEY P. ISAEV, TATYANA V. VASILYEVA**
Practical Experience of Managing the Distributed E-Learning System «SPIDER» in the Preparation of Students of the Faculty of Economics and Finance at the North-West Institute of Management, Branch of RANEPA

76 **VALENTINA N. GRADUSOVA, LYUDMILA N. LIPATOVA**
Capacity of the Region in Enhance Economic Security in the Provision of Food

92 **SERGEY N. MIROSHNIKOV**
Application of Project Approach within the Framework of Strategic Planning of Regional Development

101 **VYACHESLAV E. NARUZHNYY, VICTOR A. TITOV, YULIYA A. OBOLENSKAYA**
Import Substitution in Russia: Historical Experience and Current Prospects

113 **MAKSIM V. RUKINOV**
Transforming the World System of Economic Relations under the Influence of U.S. Global Interests: Risks for Russia

120 **TATYANA N. SAURENKO, EVGENY G. ANISIMOV, EVGENIA S. RODIONOVA**
Methodology for Estimating the Expected Cost of Engineering and Technology Innovation

129 **ROMAN R. VERSOCKIY, ANDREY A. KUPRIN**
Development and Impact of Scientific and Technical Factors on the Development of Innovative Processes of Small Business in the System of Large Production

SOCIETY AND REFORMS

135 **OLGA A. ANTONCHEVA, TATIANA E. APANASENKO**
Russia's Image Formation by Media Channels: A Case Study of Measurement

145 **VALERY YU. GRIGOREV**
Assessment and Analysis of Education: what are we Assessing?

155 **MAXIM S. RYABOKON, BORIS G. SKUYBIN, DMITRIY K. SHCHEGLOV**
Patent Research as a Tool for Analysis of the Technical Solutions Market

163 **ANDREY V. CHUGUNOV, VITALINA A. KARACHAY**
Electronic Participation and Participatory Budgeting as Feedback Mechanisms in the Smart City Model

180 **OLGA G. FILATOVA**
Discursive Practices in the Digital Public Sphere of Modern Russia: Results and Directions of Research

A LINEA

193 **GLEB A. ZAKHARENKO**
Role of Communication Channels in the Accreditation Procedure for Medical Personnel

ANNUAL CONTENT

201 **ALEXEY V. STEPANOV**
Review of the book of Albert F. Izmaylov "Where "Trojan Horse" and "Fifth Column" are Staggering Around..." Essays on the fight against pro-fascist groups in the Battle of Leningrad in 1941–1944."

DOI 10.22394/1726-1139-2019-11-8-9

От главного редактора

Споры о судьбе Российского государства не прекращаются как в «тучные годы», так и в эпохи новых испытаний. Является ли это только российской чертой исторической и политической рефлексии? Вероятно, нет. Испания, пережившая много драматических моментов своей истории как в XX веке, так и ранее, казалось бы, пришла к примирению и даже «пакту забвения». Фундаментальная работа профессора Омара Г. Энкарнасьона «Демократия без справедливости в Испании: политика забвения» вышла в свет незадолго до того, как концепция исторической памяти Испании вновь поменялась, а события в Барселоне 2019 года показали, что новый учитель демократии безнадежно болен авторитаризмом.

Впрочем, нас интересует Россия, а не Испания. Дискуссии об исторической памяти у нас традиционно активизируются в ноябре. «Белые» и «красные» традиционно сходятся в идеологических боях. Соседство 4 и 7 ноября заставляет нас задуматься о том, что, при всех своих различиях, 4 и 7 ноября, недели и месяцы, примыкающие к этим датам, стали рубежом для Российского государства. 4 ноября — праздник народного единства, однако почему так понадобилось это единство? Если бы в предшествующие годы с единством все было хорошо, Москву не пришлось бы освобождать от польских интервентов. Подлинное единство на определенный и, увы, небольшой отрезок времени сформировалось для восстановления русской государственности, а затем страна опять подвергалась постоянным смутам и испытаниям. Что же касается семнадцатого года, то масштабный корпус литературы убеждает нас в том, что никакого единства не было у условных «белых» и далеко не всегда оно было в рядах «красных».

Методы формирования этого единства и их результаты никоим образом не могут считаться оптимальными.

Периодически вспыхивающие дискуссии о том, что же происходило в начале XVII и в начале XX века, позволяют нам прийти к определенным выводам.

Во-первых, на определенных этапах развития, прежде всего под влиянием внутренних факторов, в России (СССР) начинается хаотизация политических экономических отношений. Новое качество российской государственности рождается не

эволюционным, а именно революционным путем. Увы, но войны и конфликты начала XVII века в этом отношении похожи на 1917-й.

Во-вторых, «смуты» и «революции» качественно повышают вопрос о личной ответственности каждого человека, предпринимателя, политика, эксперта, студента. Жанр альтернативной истории постоянно ставит перед нами вопросы, а что было бы, если бы объединились лидеры белого движения? А чем закончилась бы смута, если бы Минин и Пожарский не объединились? Что бы произошло, если бы поход на Варшаву был хотя бы чуть-чуть более скоординированным?

Однако сегодня нам важно не это, а понимание масштабной личной ответственности за происходящее в Российском государстве. Мы смело в личном качестве можем праздновать и 4 ноября, и 7 ноября, и оба праздника вместе. В конце концов, и в первом и во втором случае после великих испытаний вновь появилась великая Россия.

Директор Северо-Западного института управления РАНХиГС,
доктор экономических наук,
профессор В. А. Шамахов

DOI 10.22394/1726-1139-2019-11-10-15

К вопросу нормативно-правового обеспечения и методики контроля служебной деятельности государственных гражданских и муниципальных служащих РФ

Войнаровская Л. И.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; voinalu@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье анализируется содержательная часть законодательной инициативы Минэкономразвития РФ по разработке проекта нормативно-правового документа, позволяющего повысить эффективность контроля служебной деятельности государственных гражданских и муниципальных служащих РФ. Необходимость дальнейшего совершенствования законодательства подтверждается наличием недостатков существующей в настоящее время системы комплексной оценки профессиональной деятельности государственных и муниципальных служащих РФ, в том числе и со стороны органов президентского контроля. Анализ показателей результативности президентского контроля со стороны такого института, каким является Полномочный представитель Президента РФ в федеральном округе, в процессе его взаимодействия с главами субъектов Российской Федерации, как с точки зрения методологии формулировок, так и методики использования, позволяет сформулировать ряд предложений по повышению их эффективности.

Ключевые слова: методика оценки, эффективность, система государственного и муниципального управления, президентский контроль, гражданская служба

Для цитирования: *Войнаровская Л. И.* К вопросу нормативно-правового обеспечения и методики контроля служебной деятельности государственных гражданских и муниципальных служащих РФ // Управленческое консультирование. 2019. № 11. С. 10–15.

Problems and Methods of Evaluating the Effectiveness of the System of State and Municipal Management of Russian Federation

Lyudmila I. Voinarovskaya

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation; voinalu@mail.ru

ABSTRACT

The article considers the problems and methods of evaluating the effectiveness of the system of state and municipal management. Effective monitoring requires that the system of all monitored indicators be uniform and consistent, and that the indicators themselves be adequately reflected in the performance evaluation system of civil or municipal employees. Currently, such conditions are not provided.

Keywords: evaluation methodology, system efficiency, public administration, presidential control, civil service

For citing: Voinarovskaya L. I. Problems and Methods of Evaluating the Effectiveness of the System of State and Municipal Management of Russian Federation // Administrative consulting. 2019. No. 11. P. 10–15.

Современное состояние системы контроля служебной деятельности государственных и муниципальных служащих РФ опирается на методический инструментарий,

разработанный Министерством труда Российской Федерации, представляющий систему комплексной оценки их профессиональной деятельности (включая общественную оценку)[1], где содержатся следующие определения:

- эффективность и результативность — способность гражданского служащего к достижению поставленных целей, выполнению задач и реализации планов в полном объеме с требуемым качеством в установленный срок при оптимальном использовании организационных, кадровых, финансовых, информационных и других типов ресурсов, имеющихся в распоряжении государственного органа;
- показатели эффективности и результативности — набор количественных и качественных характеристик профессиональной служебной деятельности гражданских служащих, позволяющих определить степень достижения целей, оценить объем и качество полученного результата, сроки выполнения и эффективность использования ресурсов;
- система комплексной оценки профессиональной служебной деятельности гражданского служащего — набор оценочных процедур, технологий и методов, позволяющих получить интегральную оценку профессиональной служебной деятельности гражданского служащего;
- комплексная оценка гражданского служащего — интегральная оценка квалификации гражданского служащего, его профессиональных качеств, а также эффективности и результативности профессиональной служебной деятельности гражданского служащего.

Недостаток предложенных формулировок заключается в необходимости разделять (разводить) интегральные («многослойные») понятия: «результативность и эффективность государственного органа»; «результативность и эффективность гражданской службы»; «результативность и эффективность контрольной деятельности» (как одну из задач и функций отдельного государственного органа и как часть служебной деятельности конкретных гражданских служащих, занятых в контроле).

В другом случае определение общей эффективности организации (государственного и/или муниципального органа, системы органов) определяется по формуле:

$$Э = R/I,$$

где R — положительные результаты (превышение желательных последствий над нежелательными), I — допустимые издержки деятельности исполнительных органов власти. Вместе с тем очевидны затруднения в определении численных значений как R, так и I, также заметим, что деятельность любой организации эффективна при соблюдении одного из двух условий: заданный результат ($R = \text{const}$) получен при минимальных издержках ($I \to \min$); наилучший (максимальный) результат ($R \to \max$) получен при заданных издержках ($I = \text{const}$). При этом чаще всего выглядят некорректными такие формулировки, как «максимизировать результат и одновременно минимизировать издержки». В этом случае поставленная задача, по мнению автора, рационального решения не имеет.

Таким образом, очевидна необходимость дальнейшего совершенствования российского законодательства, что определено, прежде всего, недостатками существующей в настоящее время системы комплексной оценки профессиональной деятельности государственных гражданских и муниципальных служащих Российской Федерации, причем как с точки зрения упорядочивания названий показателей, так

[1] Методический инструментарий по внедрению системы комплексной оценки профессиональной служебной деятельности государственных гражданских служащих (включая общественную оценку) от 23 августа 2017 года (с изменениями от 20 декабря 2018 года) [Электронный ресурс]. URL: http://www.rosmintrud.ru/ministry/programms/gossluzhba/16/4/0 (дата обращения: 21.07.2019).

и методик определения эффективности. По этой причине еще в 2015 г. по инициативе Минэкономразвития РФ был разработан проект Федерального закона «Об основах государственного и муниципального контроля (надзора) в Российской Федерации»[1], где применительно к государственному и муниципальному контролю служебной деятельности государственных и муниципальных служащих РФ были предложены следующие формулировки его показателей:

- результативность — степень достижения общественно значимых результатов государственного и муниципального контроля (надзора), выражающихся в минимизации причинения вреда охраняемым законом ценностям в соответствующей сфере деятельности;
- эффективность — степень устранения риска причинения вреда охраняемым законом ценностям с учетом используемого объема трудовых, материальных и финансовых ресурсов, а также уровня вмешательства в деятельность граждан и организаций;
- охраняемые законом ценности — жизнь и здоровье граждан, нравственность, исполнение всеми гражданами и организациями обязанностей по уплате налогов, сборов, таможенных и иных обязательных платежей, сохранность животных, растений, иных объектов окружающей среды, объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, прав и законных интересов граждан и организаций, имущества, установленного порядка осуществления государственной власти и местного самоуправления, обороноспособность страны и безопасность государства.

Представляется, что в силу универсальности приведенных формулировок их применение не должно противоречить принципам института президентского контроля. Согласно п. 2 ст. 1 его положения не применяются к вопросам контроля, осуществляемого Президентом РФ[2]. В идеале, чем эффективнее и результативнее исполняют свои служебные обязанности гражданские и муниципальные служащие, тем эффективнее и результативнее действуют государственные органы и органы местного самоуправления (МСУ), в которых служащие работают. С другой стороны, неэффективные сотрудники препятствуют достижению заданного результата [1].

Вместе с тем эффективность гражданской службы не может и не должна определяться и подменяться деятельностью государственного органа в целом [5]. Закономерно, что в процессе обсуждения реформы государственного и муниципального контроля (надзора) в России, высказывалось мнение об отсутствии нормативно установленных критериев эффективности президентского контроля[3], численных значений таких показателей, методики их определения. Напомним, что президентский контроль осуществляет аппарат Представителя Президента РФ в процессе своего взаимодействия с главами субъектов РФ. Анализ контрольной деятельности Аппарата Полномочного Представителя РФ (на примере СЗФО) показывает, что в сложившейся практике к показателям ее эффективности принято относить:

- своевременность исполнения документов (поручений, указаний, резолюций, правовых актов и др.), имея в виду осуществление контроля в рамках установленного срока;

---

[1]Проект Федерального закона «Об основах государственного и муниципального контроля (надзора) в Российской Федерации» (подготовлен Минэкономразвития России) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 25.08.2015) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/law/hotdocs/47109.html/ (дата обращения: 21.07.2019).

[2]Там же.

[3]Реформа государственного и муниципального контроля (надзора) в России. Портал Открытого правительства. Контроль-надзор.рф [Электронный ресурс]. URL: http://knd.ac.gov.ru/ (дата обращения: 21.07.2019).

- качество исполнения, под которым понимается отсутствие случаев возврата документов, содержащих информацию о результатах контроля, на доработку исполнителю, отсутствие претензий со стороны руководства Контрольного управления к содержанию документов;
- систематичность контрольной деятельности, т. е. ее регулярность, методичность, а также планомерность осуществления контрольных мероприятий;
- конструктивность, т. е. наличие в итоговых документах предложений по улучшению положения дел в контролируемой сфере (например, в части совершенствования нормативной базы, организационного обеспечения и создания условий для эффективной деятельности органов власти, учреждений и организаций), а также отражение не только негативных моментов, но и примеров положительного опыта (лучшей практики);
- полноту исполнения объектами проверок планов мероприятий по устранению выявленных в ходе контрольных мероприятий нарушений и недостатков;
- инициирование применения мер принуждения и наказания в отношении руководителей объектов контроля (в случае нарушения ими обязательных требований, а также при недостаточности их усилий, предпринятых для устранения нарушений и недостатков);
- два взаимосвязанных показателя «своевременность исполнения» и «качество исполнения» традиционно являются основополагающими, поскольку они информационно обеспечивают мониторинг исполнительской дисциплины и определяют ритмичность контрольного процесса в целом по всем федеральным округам. По этим показателям Контрольное управление, как правило, оценивает общее состояние контрольной деятельности Представителя Президента РФ в субъектах Федерации и в федеральных округах[1].

Так, показатель «систематичность» характеризует регулярность, методичность, планомерность осуществления контрольных мероприятий. Вместе с тем практика показывает, что наибольший эффект достигается именно при проведении регулярных тематических проверок с единым подходом по единым «вопросникам» в разных субъектах РФ или в разных муниципальных образованиях [2]. Такой подход, учитывающий разный опыт в одной и той же сфере, обеспечивает не только сопоставимость результатов, но и позволяет более обоснованно и конкретно формулировать предложения по результатам проверок.

Показатель «конструктивность», в данном случае, является ключевым, поэтому итоговые справки о результатах всех завершенных контрольных мероприятий всегда содержат обязательный раздел «Выводы и предложения». Наличие конструктивных предложений по улучшению положения дел в контролируемой сфере позволяет нацелить руководителей объектов контроля на системно организованную деятельность по формированию планов мероприятий не только в части устранения выявленных нарушений и недостатков, но и, главное, — в части решения выявленных проблем в системе государственного и муниципального управления. Указанные предложения еще до подписания итоговых справок демократично обсуждаются с представителями проверяемых объектов. В ходе обсуждений внесенные предложения уточняются и дополняются. Согласно рекомендациям Контрольного управления, итоговые справки о результатах проверок должны быть сбалансированными, т. е. в них целесообразно выявлять и отражать не только негативные факты (нарушения, недостатки, недочеты, нарекания и т. п.), но и позитивный опыт деятельности объекта проверки.

[1] Распоряжение Правительства РФ от 18.11.2011 г. № 2074-р (в ред. от 26.12.2014 г.) «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Северо-Западного федерального округа на период до 2020 года [Электронный ресурс]. URL:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_123118/ (дата обращения: 21.07.2019).

Показатель «полнота исполнения» демонстрирует важность последующего контроля полноты исполнения объектами проверок составленных ими планов мероприятий по устранению выявленных в ходе контрольных мероприятий нарушений и недостатков. Если при первичной проверке выявленные нарушения и недостатки только фиксируются (с отражением в итоговой справке), то при последующем контроле контролируется полнота фактического устранения нарушений и недостатков, а также оцениваются усилия исполнителей (гражданских и муниципальных служащих) в указанном направлении. Последующий контроль проводится в плановом порядке по результатам ранее проведенных контрольных мероприятий (как правило, спустя 1 год после окончания первичной проверки).

В сводные планы контрольных мероприятий на очередное полугодие, как правило, включается одно-два мероприятия последующего контроля. Так, если при первичном или последующем контроле усматривается ненадлежащее исполнение служебных обязанностей, неустранение нарушений, их повторение, недостаточность предпринятых исполнителями усилий для устранения нарушений и недостатков, то в отношении соответствующих руководителей органов власти, учреждений и организаций, должностных лиц, гражданских (муниципальных) служащих инициируется применение мер принуждения, проведение служебных проверок с перспективой применения дисциплинарных взысканий.

Рассматривая показатель «инициирование применения мер принуждения и наказания», следует учитывать, что ни Контрольное управление, ни, тем более, контрольный департамент аппарата полномочного представителя Президента РФ не наделены правами по применению мер принуждения или взыскания. Они вправе только вносить предложения, проверять своевременность и качество получаемой информации. Но они не вправе давить на контрольно-надзорные и правоохранительные органы, побуждая или вынуждая последних принять то или иное решение.

Данная инициатива реализуется посредством обращения полномочного представителя или его заместителя к руководителям: объектов контроля; органов прокуратуры, правоохранительных и контрольно-надзорных органов. К тому же наказание — это тот крайний случай, когда обнаруживается нежелание устранять нарушения, исправлять недочеты, демонстрируется бесконтрольность и беспечность. Во многих случаях требуемые меры принимаются и без указанных обращений.

Бесспорно, результативность контрольно-надзорной деятельности резко возрастает в том случае, если сотрудники прокуратуры непосредственно участвуют в совместных выездных проверках. Такой подход позволяет при выявлении нарушений оперативно применять меры прокурорского реагирования, избегая дополнительного изучения и перепроверок направляемых материалов.

На основании рассчитанных оценок по всем критериям и показателям формируется заключение, которое должно включать следующие компоненты:

- аналитический отчет о ходе реализации актов и поручений по оцениваемому государственному органу, в котором приводится оценка по каждому критерию с указанием обоснования оценки, выводов и рекомендаций по данному критерию;
- выводы об уровне организации работы оцениваемого государственного органа по реализации актов и поручений;
- рекомендации государственному органу в зависимости от результатов оценки по дальнейшей реализации актов и поручений, а также по улучшению деятельности государственного органа и другие.

К заключению прилагается информация в разрезе оцениваемых государственных органов об актах и поручениях по их количеству, видам, сферам деятельности госорганов и авторам. Заключение подписывает руководитель соответствующего структурного подразделения администрации Президента и/или руководитель соответствующего структурного подразделения канцелярии премьер-министра.

Таким образом, методика осуществления контрольной деятельности, предложенная Аппаратом полномочного представителя Президента РФ в СЗФО, предусматривает согласование полученных результатов с их оценкой со стороны федеральных органов исполнительной власти. Для разбирательства возражений формируются специальные комиссии, на рассмотрение которых вносятся таблицы разногласий по каждому оцениваемому государственному органу, подавшему возражения. По результатам обсуждения возникающих проблем оценки эффективности профессиональной деятельности государственных и муниципальных служащих РФ принимаются коллегиальные решения. Следовательно, методика оценки эффективности взаимодействия Аппарата полномочного представителя Президента РФ в СЗФО[1] с главами субъектов РФ может быть использована в других федеральных округах Российской Федерации. Вместе с тем должна быть продолжена работа по совершенствованию Закона РФ «Об основах государственного и муниципального контроля (надзора) в РФ».

Литература

1. *Ведяева Е. С.* Государственное и муниципальное управление : учеб. пособие / Е. С. Ведяева, А. А. Гребенникова. Саратов : Вузовское образование, 2019.
2. *Возможности* современного государственного и муниципального управления : коллективная монография / Е. Н. Рудакова, А. А. Сафронова, В. Ю. Дианова [и др.] ; под ред. Е. Н. Рудаковой. М. : Научный консультант, 2018.
3. *Гаджиев А. К.* Аппарат полномочного представителя Президента Российской Федерации в федеральном округе: назначение, структура, полномочия // Российская юстиция. 2014. № 1. С. 59–62.
4. *История* и технология президентского контроля в современной России : электронное практическое пособие / А. А. Травников [и др.] ; под общ. ред. А. А. Травникова. СПб., 2015.
5. *Шпак А. С.* Инновационная стратегия в государственном и муниципальном управлении : учеб. пособие. Саратов : Ай Пи Эр Медиа, 2019.

Об авторе:

Войнаровская Людмила Ивановна, доцент кафедры связей с общественностью и социальных технологий Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат исторических наук; voinalu@mail.ru

References

1. Vedyaeva E. S. State and Municipal Management: Manual / E. S. Vedyaeva, A. A. Grebennikova. Saratov : Tertiary education, 2019. 166 p. (In rus)
2. Possibilities of modern state and municipal management: collective monograph / E. N. Rudakova, A. A. Safronova, V. Yu. Dianova [et al]; Under ed. of E. N. Rudakova. M. : Scientific Consultant, 2018. 294 p. (In rus)
3. Gajiev A. K. Office of the Plenipotentiary Representative of the President of the Russian Federation in the Federal District: Appointment, Structure, Powers // Russian Justice [Rossiiskaya yustitsiya]. 2014. No. 1. P. 59–62. (In rus)
4. History and technology of presidential control in modern Russia: electronic practical manual/ A. A. Travnikov [et al]; Under commonly ed. of A A. T.ravnikov. SPb., 2015. 309 p.
5. Shpak A. S. Innovation Strategy in State and Municipal Management: Tutorial. Saratov: IPR Media, 2019. 192 p. (In rus)

About the author:

Lyudmila I. Voinarovskaya, Associate Professor of the Chair of Public Relations and Social Technologies of North-West Institute of Management, Branch of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in History; voinalu@mail.ru

[1] Официальный сайт полномочного представителя Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе [Электронный ресурс]. URL: http://szfo.gov.ru/

DOI 10.22394/1726-1139-2019-11-16-26

Проблематика конфликта политических партий в условиях конкурентного политического рынка: к вопросу о политическом маркетинге

Клычков А. Е.[1], *Меркулов П. А.*[2, *]

[1]Правительство Орловской области, г. Орел, Российская Федерация
[2]Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Среднерусский институт управления — филиал РАНХиГС), г. Орел, Российская Федерация; *oo@orel.ranepa.ru

РЕФЕРАТ

В данной статье авторы исследуют политические партии в рамках конфликтологической парадигмы, отмечая ее тесную взаимосвязь с парадигмой символического интеракционизма. Для понимания природы конфликта между политическими партиями, взаимодействующими в рамках политического процесса, авторы операционализируют ключевые понятия и категории: конкуренция, рынок и провалы рынка, политический рынок, конкурентный политический процесс, политический процесс, демократический процесс и компоненты политического процесса.

В результате исследования авторы приходят к выводу о том, что конфликт в рамках политической конкуренции партий и их взаимодействия (транзакций) имеет свое измерение полезности. Наличие конфликта во взаимодействии политических партий порождает конкуренцию. При этом конкуренция и наличие конфликтов между политическими партиями представляет собой жестко конкурентный, но во многом демократический процесс.

Ключевые слова: политические партии, конфликт, конкуренция, политический рынок, политический маркетинг, транзакции

Для цитирования: *Клычков А. Е., Меркулов П. А.* Проблематика конфликта политических партий в условиях конкурентного политического рынка: к вопросу о политическом маркетинге // Управленческое консультирование. 2019. № 11. С. 16–26.

Problematic of Political Parties Conflict in the Conditions of Competitive Political Market: To the Question of Political Marketing

Andrey E. Klychkov[a], *Pavel A. Merkulov*[b, *]

[a]The Government of the Orel Region, Orel, Russian Federation
[b]Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Central Russian Institute of Management, branch of RANEPA), Orel, Russian Federation; oo@orel.ranepa.ru

ABSTRACT

In this article, the authorы explores political parties in the framework of the conflictological paradigm. The researcher notes its close relationship with the paradigm of symbolic interactionism. To understand the nature of the conflict between political parties interacting in a political process, the author operationalizes key concepts and categories: competition, market and market failures, political market, competitive political process, political process, democratic process and components of the political process. As a result of the study, the authors comes to the conclusion that the conflict within the framework of political competition of parties and their interaction (transactions) has its own measure of utility. At the same time, competition and the existence of conflicts between political parties is a competitive, but largely democratic process.

Keywords: political parties, conflict, competition, political market, political marketing, transactions

For citing: *Klychkov A. E., Merkulov P. A.* Problematic of Political Parties Conflict in the Conditions of Competitive Political Market: To the Question of Political Marketing // Administrative consulting. 2019. No. 11. P. 16–26.

Политические партии, в том числе функционирующие в рамках политической системы РФ, вынуждены принимать в расчет такие категории, как «рынок», «политический рынок», «конкуренция», «политико-рыночные процессы», «конкуренция» и «взаимодействие», «политический маркетинг», «полезность», «общее (публичное) благо». В данном разрезе авторы полагают, что исследование политических партий логично рассматривать и в рамках конфликтологической парадигмы, поскольку в национальных государствах существует политический рынок, и в рамках символического интеракционизма, поскольку любые парламентские и внепарламентские политические партии вынуждены вступать в процесс акций (действий), транзакций (сделок) и интеракций (взаимодействия).

Вследствие этого авторы считают, что и конфликт в рамках политической конкуренции партий и их взаимодействия (транзакций) имеет свое измерение полезности. Полезность, в свою очередь, в конечном итоге формирует общее (публичное) благо. Стоит отметить, что представленные в данной работе научные категории во многом универсальны, активно используются в политической и экономической науках. К примеру, В. Парето операционализировал дефиницию полезности в своих экономических и политических исследованиях.

Другой исследователь, Дж. Винер, анализируя теорию полезности, считал, что классики (У. С. Джевонс, Л. Вальрас) «заимствовали из повседневного языка слово «полезность» и придали ему специальное значение способности товара удовлетворять желание» [4, с. 78]. В данном случае стоит полагать, что «партийные программы», «доктрины», «избирательные лозунги» и другое также являются «продуктами», которые могут удовлетворять желание. Кроме того, по оценке Дж. Винера, наличие полезности является фактором, предшествующим существованию благосостояния. Таким образом, «благосостояние представляет собой поток полезности, а полезность означает удовлетворение» [4, с. 96]. Данный автор предлагает свою аргументированную позицию на предмет того, что «полезность» и «благосостояние» являются этическими понятиями.

С нашей же стороны добавим, что партии, создавая свои программы в рамках конкурентных избирательных кампаний, предлагают свой конкурентный товар и по итогам этих кампаний часть из них приносит удовлетворение избирателям, которые, в свою очередь, оказывают им свои политические предпочтения. Если же партии участвуют в формировании исполнительной власти с имеющейся программой действий, и реализация этих программ на практике дает развитие страны, то это неизбежно сказывается на росте благосостояния граждан.

Впрочем, такой алгоритм успешности складывается далеко не у всех политических партий, даже ставших парламентскими и участвовавших в формировании исполнительной власти как на общенациональном, так и на субнациональном уровнях. И такая констатация тренда во многом объясняется проблемами «качества» «политического продукта» и «политического товара», которые представлены политическими партиями и движениями на конкурентном политическом рынке. Эта же конкуренция товаров и продуктов на рынке актуализирует политическую конфликтность между партиями.

Понятие «рынок» введено классиками экономической науки, в том числе шотландским ученым А. Смитом. Позже понятие «политический рынок» было интегрировано в политическую науку. Стоит также иметь в виду, что А. Смит разработал и ныне актуальные теорию «рынка» и концепцию «невидимой руки конкуренции»,

при которых механизм рынка способен обеспечить сочетание частных и общественных интересов. Особое значение А. Смит отводил предпринимателю, который «имеет собственный интерес... невидимой рукой направляется к цели... преследуя свои собственные интересы, он часто более действительным образом служит интересам общества, чем тогда, когда сознательно стремится сделать это» [22, с. 443].

Полагаем, что этот образ предпринимателя, созданный А. Смитом, логично соотносить и с институтом политических партий (политический предприниматель), который в агрессивной среде, преследуя свои частные или индивидуально-групповые интересы, может представить на рынке тот продукт (товар), который способен вызвать удовлетворение политических потребителей. И в условиях свободного рынка, как отмечает М. Ротбард в работе «Власть и рынок», акторы «максимизируют ожидаемую (*ex ante*) полезность, и что агрессор получает выигрыш в полезности за счет потери полезности его жертвами» [19, с. 31].

Кроме того, М. Ротбард не только гармонично увязывает функционирование рынка и демократии, но и видит высокую полезность демократических конкурентных выборов (на выборах конкурирующих политических партий), которые решают две принципиальные задачи: «выбрать руководителей или определить направление политики» [19, с. 284]. Еще один автор, Э. Коломбатто, близкий по взглядам к М. Ротбарду, устанавливает логическую взаимосвязь между рынком и моралью (!), результат которой (взаимосвязи) должен повлиять на выработку и реализацию эффективной государственной политики в интересах общественного блага [9].

В рамках операционализации ключевых научных категорий имеет смысл обратиться к дефиниции «конкуренция», которая используется исследователями и в экономической, и в политической науках. М. Портер отмечает, что в современных условиях ни одна отрасль (в том числе отрасль политики — *авт.*), ни одна компания не могут позволить себе игнорировать объективную реальность конкуренции. Следовательно, акторы, в том числе политические, «должны постараться понять и овладеть искусством конкурентной борьбы» [16, с. 15].

М. Портер выделяет пять составляющих в структуре конкуренции: рыночную власть покупателей (в нашем случае — партийные предпочтения избирателей), рыночную власть поставщиков (установки политических партий), угрозу вторжения новых участников (внесистемные движения), опасность появления продуктов или услуг-заменителей (кандидаты-двойники, партии с похожими названиями, к примеру, КПРФ и «Коммунисты России»), усиление конкуренции.

Безусловно, конкуренция партий на рынке представляет собой политический процесс с его основными компонентами (акторы процесса и их взаимодействия, пространственно-временной континуум, среда развертывания конкуренции и др.). В данном разрезе этот партийно-политический процесс стоит определять, прежде всего, как конкурентный. Один из западных исследователей конкурентного процесса, И. Кирцнер, отмечает, что данный процесс всегда имеет место быть, и он продолжается благодаря «вовлеченности участников в бесконечную гонку за опережение или удержание первенства (где, как всегда, «опережение» означает «предложение самой привлекательной возможности другим участникам рынка») [8, с. 20].

Правда, И. Кирцнер подчеркивает одну принципиальную особенность. В идеале есть рынок и конкурентный процесс, что, впрочем, не исключает появление монополии. Основание для ее институционализации — монополистический характер обладания ресурсами и то, что «ресурс находится в собственности монополиста, может иметь для хода производства существенное значение» [8, с. 21]. Таким образом, на партийно-политическом рынке, в особенности в постсоветских и постсоциалистических странах, мы имеем дело с феноменом административного ресурса «партии власти».

Применительно к рынкам, в том числе политическим, исследователи применяют не только термин «конкурентный», но и близкие по значению понятия. К примеру, А. Пшеворский [17, с. 132] (о нем речь пойдет ниже) чаще использует термин «соперничество» (работа «Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке»). Применительно к отраслям (для нас интересна отрасль политики) У. Дж. Баумоль операционализирует словосочетание «состязательные рынки», которые он рассматривает как более широкий идеал, как точку отсчета большей общности. У. Дж. Баумоль аргументирует свою позицию о важности состязательных рынков в жизни общества и государства тем, что «состязательный рынок — это рынок, вход на который абсолютно свободный и выход абсолютно бесплатный» [3, с. 116]. Более того, этот исследователь уверен в ключевом требовании состязательности, которое заключается в том, чтобы «для новичков не было дискриминации по затратам» [Там же]. Тем самым в разрезе партийно-политических рынков, уже по нашему мнению, не должно быть неподъемных затрат для участия внесистемных партий, стремящихся заявиться в избирательные кампании.

Важно подчеркнуть, что вне зависимости от наличия различных вариаций объяснения производных категорий «рынка», имеет смысл рассматривать его более современное состояние в разрезе экономической политологии и экономической социологии. К примеру, Х. Уайт выделяет не только три основных типа рынков (парадоксальный, «скрипящий», переполненный), но и три типа провалов рынка (market failures). Более того, Х. Уайт считает, что «рынки — это самовоспроизводящиеся социальные структуры, объединяющие конкретные клики фирм и других акторов, которые приобретают свои роли, наблюдая за поведением друг друга» [23, с. 98].

Анализируя роль институтов (политических партий) в условиях их конкуренции, мы не можем не обратиться к точке зрения Л. Роббинса и его утверждения о том, что в условиях рынка (политического рынка) преследование собственных интересов теми или иными субъектами, не ограниченное соответствующими институтами, как правило, порождает хаос. В противовес А. Смиту с его «невидимой рукой рынка» Л. Роббинс вводит свое понятие «видимая рука законодателя», которое, по мысли данного автора, старается исключать интерес отдельных субъектов, не согласующихся с «полезностью благ более высокого порядка» [18, с. 359].

Таким образом, если взять за основу точку зрения Л. Роббинса, то можно предположить, что политические партии (общественные движения) реализуют свой интерес на политическом рынке, заботясь, прежде всего, о себе и интересах своих членов. При этом часть таких интересов может далеко не совпадать с интересами большинства населения, проживающего в стране, и противоречить общему (публичному) благу. И в этом случае должна срабатывать «видимая рука законодателя», регулирующая политический процесс.

К примеру, в СССР в 1989–1991 гг. националистические общественно-политические движения в союзных республиках, такие, как «Саюдис» (Литва), «Народный рух Украины», «Народный фронт Эстонии», требовали независимости своих территорий, несмотря на то, что на референдуме 1991 г. большинство населения проголосовали за сохранение Советского Союза. В таких ситуациях законодатель, представленный в парламенте страны народом, может налагать ограничения для ряда партий, исключать партии (движения) из выборного процесса, вводить санкции и штрафы, в том числе в рамках уголовного законодательства.

Рынок, как и политический рынок, также является, по мнению Дж. Ходжсона, институтом, с которым связаны нормы и обычаи. Данный исследователь логично делает вывод о том, что влияние рынка как института на людей проявляется не только в предоставлении информации или простом наложении ограничений, но

и «в придании структуры ходу мыслей вовлеченных агентов и в реальном воздействии на их предпочтения и убеждения» [26, с. 262]. Таким образом, на наш взгляд, действие политико-рыночных обычаев, рутин и правил в какой-то мере «навязывает» избирателю, незаметно для него самого, специфические типы поведения на рынке партий и программ.

Важно также отметить, что в социальных науках стран Запада нет идеализации ни рынка как такового, ни политического рынка с засильем эгоистических политических движений, мало беспокоящихся о коллективном благе. Более того, часть ученых, таких как К. Поланьи, А. Сен, С. Хедлунг, постоянно подчеркивают, что без контролирующих рынки институтов, человечество в целом и население конкретных национальных государств в частности ждут провалы рынка, как это произошло в РФ, когда «фактическим результатом постсоветских реформ стали гипердепрессия, гиперинфляция, массовое обнищание населения и катастрофа в сфере здравоохранения» [25, с. 32].

С одной стороны, пишет К. Поланьи, рынки подчинили себе весь мир, а количество обращающихся на рынке средств выросло до невероятных масштабов, с другой стороны, «система соответствующих мер сложилась в мощные институты, призванные контролировать воздействие рынка» [15, с. 90]. Следовательно, общество, полагает К. Поланьи, обязано защитить себя от опасностей, которыми угрожала ему саморегулирующаяся рыночная система. В этом случае, как мы полагаем, большая часть политических партий в национальном государстве как необходимый институт может выполнять функцию контроля и арбитража и своим участием в политике не допустить провалов рынка.

Отечественные исследователи в русле современной политической науки не только принимают и используют универсальные категории, но и придают им метафоричную описательность при анализе политических процессов и институтов. В частности, Д. В. Нежданов и О. Ф. Русакова разделяют мнение в научном дискурсе об особенностях «политического рынка», отраслевой структуры политического маркетинга с выделением его субдисциплин: избирательный, партийный, государственный, муниципальный, президентский, идеологический, глобальный, политический и т. д. [12, с. 186] Данные исследователи считают также, что для базового характера метафоры «политический рынок» важное эвристическое значение имеют такие производные метафоры, как «партийный дизайн», «политический франчайзинг», «политический маркетинг», «политический капитал», «партийный лизинг» [12, с. 187].

Кстати, в функционировании и конкуренции политических партий на общенациональном и субнациональном уровнях важное значение имеет категория политического маркетинга, хронология появления которой связывает проведение избирательных кампаний с данным типом маркетинга. Ведь как считает отечественный исследователь А. В. Владимирова, для современных избирательных кампаний отличительной особенностью которых является не только сам процесс борьбы за голоса избирателей, но и процесс использования системы «интегрированных маркетинговых коммуникаций, основывающихся на стратегиях позиционирования» [5, с. 93].

Другой исследователь И. Л. Недяк имеет точку зрения на политический маркетинг как на полиаспектный феномен, ведь его рассматривают как философию и культуру поведения в конкурентной среде, как социальный процесс, как профессию, технологию и искусство. Ну а период двухтысячных годов, полагает И. Л. Недяк, «маркетизация политики вышла «маршем победителя» за пределы электорального поля в домен «politics» [11, с. 144]. Более того, в политических практиках лидеров политических партий инструменты коммерческого маркетинга механически и массово подгоняются под решение задач политических акторов, и не только в избирательных кампаниях.

Исследуя особенности политического рынка, на котором конкурируют политические партии, мы выходим на ключевые дефиниции нашего исследования: «политический процесс», «демократический процесс» и «компоненты политического процесса». Если исходить из того, что политический процесс — это смена состояний политической системы и ее подсистем (к примеру, партийной системы) в пространственно-временном континууме, то при прогнозировании того, как будет протекать политический процесс и насколько устойчивым он окажется, важно учитывать также «степень соответствия между культурными ориентациями и институциональными формами» [1, с. 100] (Г. Алмонд, Дж. Пауэлл, К Стром, Р. Далтон).

Конечно, стоит учитывать, что политический процесс в странах Запада с его сложившимися институтами и участнической политической культурой, и политический процесс в постсоветской России с ее несформировавшимися институтами, историческими традициями и культурой, — не один и тот же процесс. Поэтому в свое время исследователь Л. Пай выделил в особый тип процесса незападный политический процесс, для которого характерны «наличие политических клик... отсутствие интеграции его участников, серьезные различия в политических пристрастиях разных поколений» [13, с. 70, 72, 74].

Достаточно интересная точка зрения на политические процессы имеется у Г. А. Алмонда и С. Вербы, которые под ним (процессом) понимают исходящие от общества требования, которые «поступают в политию и конвертируются во властную политику» [2, с. 133]. При этом среди структур, преимущественно включенных в процессы на «входе», эти исследователи выделяют прежде всего политические партии, группы интересов и средства коммуникации. Отдельно Г. А. Алмонд и С. Верба выделяют административный процесс, или процесс на «выходе». Для этих авторов административный процесс — это череда событий и решений, где реализуется и воплощается в жизнь властная политика.

Политические партии как акторы политического процесса (другие компоненты процесса — взаимодействие между ними, институциональная среда, нормы, пространство и время, уровень равновесия) реализуют следующие функции: артикулируют интересы групп и индивидов, обобщают, т. е. агрегируют эти интересы в виде партийных платформ, парламентские партии координируют принятие решений по поводу этих интересов, а затем осуществляют парламентский контроль по данным решениям. Таким образом, по оценке исследователя партиом К. Лоусона, «от партий ожидается, что, формируя тесную связь между гражданами и государством, они закладывают фундамент демократии» [10, с. 32].

При исследовании процесса конкуренции (соперничества) и интеракций (взаимодействия) политических партий особое значение приобретает институциональная среда, в которой развертываются действия различных акторов. В данном случае стоит привести классическое определение В. Парето в отношении условий для данного процесса, которые были актуальны и за сто лет до написания работ итальянского политического мыслителя (первые два десятилетия XX в.), и которые сохраняют свою актуальность и сто лет спустя (два десятилетия XXI в.). О феноменах социально-экономического развития западных обществ В. Парето пишет в работе «Трансформация демократии».

Если мы очистим этот процесс от случайных воздействий, подчеркивает данный исследователь, то сможем отметить следующие характеристики: 1) стремительный рост богатства, накоплений, капитала, вложенного в производство; 2) такой способ распределения, который предполагает сохранение неравенства; 3) «постоянное возрастание значения двух общественных классов, а именно богатых спекулянтов и рабочих, или, если угодно, трудящихся» [14, с. 59]. Согласитесь, что констатация В. Парето институциональной среды Италии начала XX в. соотносится со многими характеристиками экономики и политики постсоветской России периода двухты-

сячных годов, которые учитываются современными политическими партиями РФ в конкуренции и взаимодействии между собой.

Логичным выглядит и утверждение Ф. фон Хайека о том, что рынки (стихийный порядок), конкурируя, могут приводить к благополучию индивидов, обеспечению приращения коллективного (общего) блага. Как отмечает данный исследователь, «сохранение стихийного порядка общества есть главное условие общего благополучия его членов, в чем и состоит значение правил справедливого поведения» [24, с. 173–174]. И далее Ф. фон Хайек представляет гипотезу, которая базируется на том, что «вся история развития ... учреждений есть история непрерывной борьбы за то, чтобы помешать отдельным группам злоупотреблять использованием правительственного аппарата для удовлетворения своих коллективных интересов» [там же, с. 174].

Иными словами, если, к примеру, в авторитарных или поставторитарных государствах при проведении конкурентных избирательных кампаний, в которых участвуют политические партии или их кандидаты, не ограничивать использование доминирующей партией в общенациональной партиоме («партией власти») административного ресурса (по фон Хайеку, возможностей правительственного аппарата), то это негативно повлияет на благополучие части граждан и на приращение коллективного (общего) блага.

Исследуя категории рынка, в том числе и политического, различных интересов конкурентного процесса, в который вступают политические партии, мы неизбежно сталкиваемся и с категорией конфликта. Один из основателей конфликтологической парадигмы Р. Дарендорф полагает, что в основе конфликта социальная база политических разногласий, которая в современном обществе стала такой же неясной, как и партийные структуры, служащие рупором этих разногласий. Исследовав структуру разногласий, Р. Дарендорф дает определение социального конфликта, который, по его мнению, «связан с действием неравенства, ограничивающего полноту гражданского участия людей социальными, экономическими и политическими средствами» [7, с. 55]. Важное значение при этом, по Р. Дарендорфу, отдается правам, которые реализуют положение гражданина как статус.

Итальянский политолог Дж. Сартори исследовал партии с точки зрения теории «среднего уровня» и также в рамках теории конфликта. Данный исследователь отмечал, что политические общества реального мира являются более или менее: «а) обладающими консенсусом или конфликтными; б) интегрированными, сегментированными или дезинтегрированными; в) однородными или разнородными, едва ли удивительно, что теориям консенсуса общества должен быть брошен вызов со стороны конфликтных теорий общества и наоборот» [21, с. 123]. Выигрышный путь теории демократии, по оценке Дж. Сартори, если состояние общества более или менее «согласительно конфликтно», просто представляет собой комплекс стимулирующих или, наоборот, усложняющих условий для функционирования демократии.

Отечественный исследователь М. Н. Руткевич, исследуя социально-экономические и политические противоречия после проведенных институциональных изменений (экономических и политических реформ 1990-х годов) в постсоветской России, также обращает внимание на объективное существование проблематики конфликта. Более того, за конфликтом, полагает он, всегда стоят определенные силы, заинтересованные либо в продолжении дальнейших изменений (реформ), либо в их консервации.

Кстати, работа М. Н. Руткевича «Общество как система» была опубликована в 2001 г. и была неким научным отражением болезненных институциональных изменений, конфликтом между различными политическими силами в России, включая функционировавшие политические партии. М. Н. Руткевич, исследуя сущность кон-

фликта, подчеркнул, что он «возникает вместе с осознанием людьми объективно существующего противоречия в их интересах и превращает их в субъекты социального действия» [20, с. 334]. Таким образом, трансформирующиеся под условия институциональной среды начала двухтысячных годов политические партии РФ, как элементы партийной системы, были одновременно и носителями конфликта, и идеями интеракционизма в достижении поставленных перед собой целей в демократическом и конкурентном процессе в сфере политики.

Польский политолог А. Пшеворский, исследуя конкурентный политический процесс с его конфликтами в странах Восточной Европы и Латинской Америки, видел полезность конкурентных рынков и соотносил это с важным для общества равновесием и с укреплением демократических государств. Пусть и весьма наивно для периода 1990-х годов (работа опубликована после «бархатных революций в ЦВЕ), поскольку А. Пшеворский не имел эмпирической информации о провалах рынка в политической сфере, данный ученый полагал, что рынок и его вариации как соответствующие политические условия, как система институтов (включая политические партии), становятся единственной «игрой» (определение А. Пшеворского), когда никто и не думает о том, чтобы «действовать вне демократических институтов, когда все, чего хотят проигравшие, это попытаться сыграть еще раз в рамках тех же институтов, при которых они только что проиграли» [17, с. 47].

Таким образом, конкуренция и наличие конфликтов между политическими акторами, в нашем случае партиями, представляет собой жестко конкурентный, но во многом демократический процесс. Политолог Р. Даль, исследуя сущность этого демократического процесса, выделил пять его принципиальных критериев: эффективное участие, равное голосование, понимание, базирующееся на информированности, контроль над повесткой дня, участие совершеннолетних [6, с. 208]. При этом, данный исследователь уверен, что ни один институт политической системы не определяет в плане разнообразия политический ландшафт государства в такой степени, как ее избирательная система и ее политические партии.

Развивая тезис Р. Даля о том, что демократия в той или иной форме, вероятно, является единственной легитимной и стабильной формой правления в современном мире, Ф. К. Шмиттер приводит следующий аргумент. Он подчеркивает поразительный факт того, сколь малочисленны современные партии или движения, открыто защищающие недемократический образ правления. Даже, обосновывает свой тезис Ф. К. Шмиттер, «„regimes d'exception“ иногда проводят (мошеннические) выборы, терпят (ограниченную) критику и обычно заявляют, что их (авторитарное) попечительство в конце концов приведет к некоему культурно приемлемому типу „демократии“» [27, с. 28].

При этом, подчеркивает данный исследователь, демократия при всей стабильности не всегда работает хорошо, может также оказать шокирующее воздействие. Внутренние дилеммы в национальных государствах могут затруднять работу законодательной и исполнительной власти, сформированных с участием политических партий, в решении задач социально-экономического развития, в движении государства и его регионов к прогрессу.

И наоборот, в основе возможного регресса и отсталости лежат пять причин: 1) олигархия (партии и организации находятся под олигархическим контролем); 2) самоустранение (у индивидов отсутствуют рациональные стимулы к политическому участию); 3) цикличность в политике (неравномерность распределения издержек и прибылей среди групп индивидов); 4) функциональная автономия (институты должны быть изолированы от разнородного давления, в том числе и от охлократии, что не всегда достижимо); 5) взаимозависимость (современные демократии стран Запада вплетены в сложную сеть взаимозависимости с некоторыми автократиями).

Литература

1. *Алмонд Г.* Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор / Г. Алмонд, Дж. Пауэлл, К. Стром, Р. Далтон / сокр. пер. с англ. А.С. Богдановского, Л.А. Галкиной : под ред. М.В. Ильина, А.Ю. Мельвиля. М. : Аспект Пресс, 2002.
2. *Алмонд Г.А.* Гражданская культура. Подход к изучению политической культуры / Г.А. Алмонд, С. Верба // Полития. 2010. № 2 (57). С. 122–144.
3. *Баумоль У.Дж.* Состязательные рынки: мятеж в теории структуры отрасли // Вехи экономической мысли. Теория отраслевых рынков. Т. 5 / под общ. ред. А.Г. Слуцкого. СПб. : Экономическая школа. 2003. С. 110–141.
4. *Винер Дж.* Концепция полезности в теории ценности и ее критики // Теория потребительского поведения и спроса (Сер. «Вехи экономической мысли». Вып. 1) / под ред. В.М. Гальперина. СПб. : Экономическая школа, 1993. С. 78–117.
5. *Владимирова А.В.* Истоки политического маркетинга // Вестник Московского государственного университета. Сер. 12. Политические науки. 2008. № 5. С. 90–99.
6. *Даль Р.* О демократии / пер. с англ. А.С. Богдановского ; под ред. О.А. Алякринского. М. : Аспект Пресс, 2000.
7. *Дарендорф Р.* Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002.
8. *Кирцнер И.* Конкуренция и предпринимательство / пер. с англ. А.В. Куряева, Д.А. Бабушкина; под ред. А.В. Куряева. Челябинск : Социум, 2010.
9. *Коломбатто Э.* Рынки, мораль и экономическая политика: новый подход к защите экономики свободного рынка / пер. с англ. под науч. ред. Гр. Сапова. М. : Мысль, 2016.
10. *Лоусон К.* Новый подход к сравнительному исследованию политических партий // Политическая наука. 2010. № 4. С. 29–142.
11. *Недяк И.Л.* Политический маркетинг: особенности развития научно-исследовательского направленния // Политические исследования. 2010. № 3. С. 144–155.
12. *Нежданов Д.В., Русакова О.Ф.* Метафора «политический рынок» как дискурсивный компонент и теоретико-методологическая основа современных политических исследований // Полития. 2009. № 4. С. 185–195.
13. *Пай Л.* Незапапдный политический процесс // Политическая наука. 2003. № 2. С. 66–85.
14. *Парето В.* Трансформация демократии / пер. с итал. М.Юсима. М. : Издательский дом «Территория будущего», 2011.
15. *Поланьи К.* Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени / под общ. ред. С.Е. Федорова ; пер. с англ. А.А. Васильева, С.Е. Федорова, А.П. Шурбелева. СПб. : Алетейя, 2014.
16. *Портер М.Э.* Конкуренция. М. : Издательский дом «Вильямс», 2001.
17. *Пшеворский А.* Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке / пер. с англ. / под ред. проф. В.А. Бажанова. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000.
18. *Роббинс Л.* История экономической мысли: лекции в Лондонской школе экономики / пер. с англ. Н.В. Автономовой, под ред. В.С. Автономова. М. : Изд. Института Гайдара, 2017.
19. *Ротбард М.* Власть и рынок: государство и экономика / пер. с англ. Б.С. Пинскера, под ред. Гр. Сапова. Челябинск : Социум, 2016.
20. *Руткевич М.Н.* Общество как система. Социологические очерки. СПб. : Алетейя, 2001.
21. *Сартори Дж.* Управляемая демократия и управляющая демократия // Мир политики: Суждения и оценки западных политологов : сб. статей / сост. Е.А. Киселева. М. : Политологический центр РАУ, 1992. С. 122–127.
22. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов / пер. с англ. П. Клюкина. М. : Эксмо, 2017.
23. *Уайт Х.* Откуда берутся рынки? // Классика новой экономической социологии / сост. В.В. Радаев, Г.Б. Юдин, под науч. ред. В.В. Радаева, Г.Б. Юдина. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014.
24. *Хайек фон Ф.* Право, законодательство и свобода: современное понимание либеральных принципов справедливости и политики / пер. с англ. Б. Пинскера, А. Кустарева, под ред. А. Куряева. М. ; Челябинск : ИРИСЭН, Социум, 2016.
25. *Хедлунд С.* Невидимые руки, опыт России и общественная наука. Способы объяснения системного провала / пер. с англ. Н.В. Автономовой, под науч. ред. В.С. Автономова. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2015.

26. *Ходжсон Дж.* Экономическая теория и институты: Манифест современной институциональной экономической теории. М. : Дело, 2003.
27. *Шмиттер Ф. К.* Угрозы и дилеммы демократии // Пределы власти / науч. ред. С. Кордонский. М. : «Век XX и Мир», 1994. С. 27–48.

Об авторах:
Клычков Андрей Евгеньевич, Губернатор и председатель Правительства Орловской области (Российская Федерация, г. Орел); post@adm.orel.ru
Меркулов Павел Александрович, директор Среднерусского института управления — филиала РАНХиГС (Орел, Российская Федерация), доктор исторических наук, профессор; oo@orel.ranepa.ru

References

1. Almond G. Comparative PoliticsToday: World Review / G. Almond, J. Powell, K. Strom, R. Dalton / Translation from English A. S. Bogdanovsky, L. A. Galkin: under ed. of M. V. Ilyin, A. Yu. Melvill. M. : Aspect Press, 2002. 537 p. (In rus)
2. Almond G. A. Civic Culture. Approach to the Political Culture Study/G. A. Almond, S. Verba // Politiya. 2010. No. 2 (57). P. 122–144. (In rus)
3. Baumol W. J. Contestable Markets: An Uprising in the Theory of Industry Structure / Translation of Demchenko O. V. // Milestones of economic thought. Industry market theory. V. 5. Under ed. of A. G. Slutsky. SPb. : Economic School. 2003. 669 p. P. 110–141. (In rus)
4. Viner J. The Utility Concept in Value Theory and its Critics // The Theory of Consumer Behavior and Demand ("Milestones of Economic Thought" Series. Issue. 1) / under ed. of V. M. Halperin. SPb. : Economic School, 1993. 380 p. P. 78–117. (In rus)
5. Vladimirova A. V. Origins of Political Marketing // Journal of Moscow State University. Series 12. Political sciences [Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 12. Politicheskie nauki]. 2008. No. 5. P. 90–99. (In rus)
6. Dahl R. On Democracy / Translation from English A. S. Bogdanowsky, under the ed. of O. A. Alakrinsky. M. : Aspect Press, 2000. 208 p. (In rus)
7. Darendorf R. Modern social conflict. Freedom Policy Essay / Translation from German. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2002. 288 p. (In rus)
8. Kirzner I. Competition and Entrepreneurship / translation from English A. V. Kuryaeva and D. A. Babushkina; under ed. of A. V. Kuryayeva. Chelyabinsk : Society, 2010. XIV + 272 p. (In rus)
9. Colombatto E. Markets, Morality and Police-Making: A New Defense of Free Market Economics / translation from English under the scientific ed. of Gr. Sapov. M. : Thought, 2016. 500 p. (In rus)
10. Lawson K. A new approach to comparative political party research // Political Science [Politicheskaya nauka]. 2010. No. 4. P. 29–142. (In rus)
11. Nediak I. L. Political Marketing: Peculiarities of Research Direction Development // Political Research [Politicheskie issledovaniya]. 2010. No. 3. P. 144–155. (In rus)
12. Nezhdanov D. V., Rusakova O. F. Metaphor "political market" as a discursive component and theoretical-methodological basis of modern political research // Politiya. 2009. No. 4. P. 185–195. (In rus)
13. Pye L. The non-west Political Process // Political Science [Politicheskaya nauka]. 2003. No. 2. P. 66–85. (In rus)
14. Pareto V. The transformation of Democracy/Translation from Italian M. Yusim. Moscow: Publishing House "Territory of the Future," 2011. 208 p. (In rus)
15. Polanyi K. The Great Transformation: Political and Economic Origins of Our Time/under edition of S. E. Fedorov; translation from English A. A. Vasilyev, S. E. Fedorov, A. P. Shurbelev. SPb. : Alethea, 2014. 312 p. (In rus)
16. Porter M. E. Competition: translation from English M. : Williams Publishing House, 2001. 495 p. (In rus)
17. Pshevorsky A. Democracy and the market. Political and economic reforms in Eastern Europe and Latin America/ translation from English/ under the edition of Bazhanov V. A. M. : Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2000. 320 p. (In rus)
18. Robbins L. History of Economic Thought: Lectures in the London School of Economics / translation from English N. V. Avtonomova. under ed. of V. S. Avtonomov. M. : Publishing house of Gaidar Institute, 2017. 488 p. (In rus)

19. Rothbard M. Power and Market: Government and Economy / translation from English B. S. Pinsker under ed. Gr. Sapova. Chelyabinsk: Society, 2016. XII+ 418 p. (In rus)
20. Rutkevich M. N. Society as a system. Sociological essays. SPb. : Alethea, 2001. 444 p. (In rus)
21. Sartori G. Managed Democracy and Governing Democracy // World of Politics: Judgements and Assessments of Western Political Scientists: A Collection of Articles / translation from English, German,Spanish, Hungarian, Italian / Collection of Kiseleva E. A. M. : Political Science Center of RAU, 1992. P. 122–127. (In rus)
22. Smith A. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations/translation from English P. Klukin. M. : Eksmo, 2017. 1056 p. (In rus)
23. White H. Where do markets come from? // Classic of New Economic Sociology/coll. V. V. Radayev, G. B. Yudin; translation from English and from French.; under the scientific ed. of V. V. Radaev, G. B. Yudin; National Research University "Higher School of Economics." M. : HSE publishing house, 2014. 381 p. (In rus)
24. Hayek F. Law, Legislation and Liberty: A Modern Understanding of the Liberal Principles of Justice and Politics / Translation from English B. Pinsker and A. Kustarev. under ed. of A. Kuryaev. Moscow; Chelyabinsk: IRISEN, Society, 2016. 644 p. (In rus)
25. Hedlund S. Invisible hands, Russian experience, and Social science. Apporoaches to understanding systeming failure / translation from English N. V. Avtonomova; under the scientific ed. of V. S. Avtonomov; National Research University "Higher School of Economics." M. : HSE publishing house, 2015. 424 p. (In rus)
26. Hodgson J. Economic and Institutions: A Manifesto for a Modern Institutional Economics/ translation from English M. : Delo, 2003. 464 p. (In rus)
27. Schmitter F. C. Threats and Dilemma of Democracy // Limits of Power/Scientific ed S. K.ordonsky. M. : "Century XX and the World," 1994. P. 27–48. (In rus)

About the authors:

Andrey E. Klychkov, Governor and Chairman of the Government of the Orel Region (Orel, Russian Federation), post@adm.orel.ru

Pavel A. Merkulov, Director of Central Russian Institute of Management, branch of RANEPA (Orel, Russian Federation), Doctor of Science (History), Professor; oo@orel.ranepa.ru

DOI 10.22394/1726-1139-2019-11-27-38

Стратегические и тактические задачи освоения Арктической зоны Российской Федерации

Кучерявый М. М.[1], *Минин Е. А.*[2]

[1]АО «Корпорация "Московский институт теплотехники"», Москва, Российская Федерация
[2]Санкт-Петербургское региональное отделение Партии «Единая Россия», Санкт-Петербург, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

В статье анализируется геополитическое и военно-стратегическое значение Арктики. Констатируются внешние и внутренние угрозы освоения этого региона. Отмечаются компетенции Санкт-Петербурга по решению стратегических задач управления в ходе социально-экономического развития Арктики. Рассматривается ход работ по обоснованию внешних границ континентального шельфа Российской Федерации в Северном Ледовитом океане. Обосновываются компетенции, которыми располагает Санкт-Петербург в освоении Арктики.

Ключевые слова: Арктика, природно-ресурсный потенциал, Северный морской путь, международное сотрудничество, социально-экономическое развитие, внешние и внутренние угрозы, внешняя граница континентального шельфа в Северном Ледовитом океане, компетенции Санкт-Петербурга

Для цитирования: *Кучерявый М.М., Минин Е.А.* Стратегические и тактические задачи освоения Арктической зоны Российской Федерации // Управленческое консультирование. 2019. № 11. С. 27–38.

Strategic and Tactical Tasks Development of the Arctic Zone of the Russian Federation

Mikhail M. Kucheryavy[a], *Evgeny A. Minin*[b]

[a]JSC "Corporation Moscow Institute of Heat Engineering", Moscow, Russian Federation
[b]St. Petersburg Regional Branch of the United Russia Party, St. Petersburg, Russian Federation

ABSTRACT

The article analyzes the geopolitical and military-strategic importance of the Arctic. External and internal threats to the development of this region are ascertained. The author notes the competencies of St. Petersburg in solving strategic management tasks during the socio-economic development of the Arctic. The course of work on the substantiation of the external borders of the continental shelf of the Russian Federation in the Arctic Ocean is considered. The competencies that St. Petersburg has in developing the Arctic are substantiated.

Keywords: Arctic, natural-resource potential, Northern Sea Route, international cooperation, socio-economic development, external and internal threats, external border of the continental shelf in the Arctic Ocean, St. Petersburg competencies

For citing: Kucheryavy M. M., Minin E. A. Strategic and Tactical Tasks Development of the Arctic Zone of the Russian Federation // Administrative consulting. 2019. No. 11. P. 27–38.

Введение

Социально-экономическое развитие Арктики в настоящее время является одним из наиболее важных направлений государственной политики Российской Федерации. И причины такой постановки вопроса весьма существенные. Во-первых, это значительный природно-ресурсный потенциал Арктики. Здесь находится большая часть извлекаемых запасов углеводородов Российской Федерации. Здесь расположены значительные запасы алмазов и золота, платиноидов, меди и никеля,

редкоземельных металлов [3]. Во-вторых, маршруты Северного морского пути позволяют существенно сократить путь между странами Европы и Азии. Так, расстояние из Мурманска до японского порта Иокогама по маршрутам Северного морского пути составляет 5770 морских миль, а через Суэцкий канал — 12 840. Из Роттердама до Иокогамы по Северному морскому пути — 7350 миль, а традиционным маршрутом через Суэцкий канал — 11 250. Через Панамский канал от Мурманска до канадского Ванкувера 9700 миль, а по Северному морскому пути — 5400. Из Роттердама через Панамский канал в Ванкувер 8920 морских миль, а Северным морским путем — 6980 [9]. Столь существенное сокращение расстояния не может не рассматриваться в перспективе интеграционных процессов Евразии и стран Арктической зоны [7]. В-третьих, задачи, которые требуют решения в Арктике, предполагают консолидированные усилия всех государств, имеющих выход к Северному Ледовитому океану. В Арктике о своих интересах заявляют не только Россия, но и США, Канада, Дания и Норвегия, а также страны, имеющие территории за полярным кругом (Исландия, Финляндия, Швеция), и государства, не являющиеся северными (Великобритания, Италия, Китай, Республика Корея, Сингапур, Япония) [6]. В настоящее время активизировалась научно-исследовательская и практическая деятельность данных государств в области геологоразведки, океанографического, гидрометеорологического, геофизического и климатического изучения природной среды в Арктической зоне.

Весьма показательна в связи с этим политика, которую проводит Китай, не являющийся северным государством, но активно заявляющий о своих интересах в Арктике. Китай начал пробивать себе дорогу в Арктику, объявив в январе 2018 г. о своем стремлении создать «Полярный шелковый путь» (морские торговые пути в Арктическом регионе). Пекин впервые опубликовал «Белую книгу»[1] по политике Китая в Арктике, где основными целями Арктического курса Китая провозглашены участие в управлении Арктикой, содействие устойчивому освоению Арктики, гарантирование соблюдения общих интересов всех стран и международного сообщества в Арктике, а также строительство инфраструктурных объектов и проведение морских исследований со всеми заинтересованными сторонами, особенно с арктическими странами. Формирование партнерских отношений с Россией является важнейшим элементом Китайской арктической стратегии. В то же время отношения Китая с Россией остаются сложными. С февраля 2018 г. вступили в силу законодательные акты России по перевозкам нефтепродуктов и угля Северным морским путем только судами под российским флагом. В китайском же документе подчеркивается, что управление арктическими судоходными путями должно осуществляться на основе Конвенции ООН по морскому праву, гарантироваться свобода навигации всем странам и их право на использование арктических маршрутов.

Отсутствие должного внимания к развитию Арктической зоны в предшествующие десятилетия в России требует принятия мер, которые бы обеспечили опережающее развитие этого региона. Именно в таком ключе ставятся Президентом Российской Федерации вопросы о будущем Арктики[2].

Одним из ключевых вопросов, стоящих на сегодняшний день, является упорядочение правового статуса пространств и их ресурсов в Северном Ледовитом океане, Беринговом и Охотском морях в соответствии с требованиями «Конвенции по морскому праву», принятой в 1982 г. на Конференции ООН[3]. Вопрос повышения

[1] China's Arctic Policy. 26 января 2018 года [Электронный ресурс]. URL: https://eng.yidaiyilu.gov.cn/zchj/qwfb/46076.htm (дата обращения: 01. 11. 2019).

[2] Послание Президента Федеральному Собранию 1 марта 2018 года [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957 (дата обращения: 01. 11. 2019)

[3] Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву (UNCLOS). Заключена в г. Монтего-Бее 10.12.1982 (с изм. от 23.07.1994).

эффективности управления развитием Российской Арктики в последние годы приобрел особую актуальность для национальной безопасности страны. Возросла роль северного макрорегиона как особого объекта государственного управления в рамках механизмов стратегического и пространственного планирования (морского и территориального планирования). Существует необходимость обеспечения единства Арктической зоны при рассмотрении вопросов планирования долгосрочного развития территорий и акваторий.

Материалы и методы

В условиях современного глобального мира система международных отношений постепенно преображается:

- возникают новые центры сил, растет роль новых объединений государств, имеющих экономическое, политическое и военное содержание, например БРИКС, ЕАЭС, ОДКБ, ШОС и др.;
- активно продолжаются мероприятия по развертыванию элементов глобальной американской системы ПРО вблизи границ России;
- страны Запада вводят новые политические, экономические, дипломатические санкции, ограничения коснулись и спортивной жизни;
- нарастают противоречия между государствами по спорным территориям в мировой арктической зоне, что приводит к нарастанию военной активности в Северных широтах со стороны приарктических государств и формированию новых угроз национальной безопасности России.

С точки зрения государственной политики России в Арктике можно назвать следующие внешние и внутренние угрозы национальной безопасности.

Внешние угрозы:

- деятельность иностранных государств в политической, экономической, военной, экологической и других сферах против политики России в Арктической зоне;
- вытеснение российского флота из сферы 3D сейсморазведки, тем самым приобретение США и их союзниками доминирования в Арктике;
- попытки пересмотра границ в Северном Ледовитом океане, усиление международной конкуренции;
- санкционное давление на Россию в экономической, политической и других сферах деятельности;
- разработка за рубежом концепций, обосновывающих подходы и принципы противодействия освоению российского арктического шельфа;
- разведывательная деятельность иностранных государств в сфере достижений России в освоении Арктики.

Внутренние угрозы:

- негативные демографические процессы и отток трудовых ресурсов из Арктической зоны;
- неудовлетворительное состояние объектов социальной инфраструктуры;
- технологическое отставание России в производстве отдельных видов продукции, необходимых для освоения Арктики;
- необходимость координации деятельности отдельных органов власти федерального и регионального уровня при проведении целенаправленной государственной политики в Арктике;
- участие иностранных компаний в работах по разведке и добыче углеводородов, ловле рыбы и морепродуктов в российской Арктике;
- необходимость совершенствования нормативной правовой базы, обеспечивающей реализацию документов стратегического планирования в Российской Арктике.

Результаты

Усиливающаяся международная конкуренция в Арктике наиболее очевидным образом проявляется в рассмотрении внешней границы континентального шельфа Российской Федерации. Разработка проекта началась после принятия Конвенции по морскому праву в 1982 г. На основании директивного письма Министерства геологии СССР в одном из ведущих институтов Санкт-Петербурга — ВНИИОкеангеология были начаты работы [5]. К этой работе были привлечены заинтересованные ведомства, в том числе Управление минеральных ресурсов Мирового океана Министерства геологии СССР, Главное управление навигации и океанографии Министерства обороны, ЦКП ВМФ СССР и др. Постановлением Совета министров СССР от 27 февраля 1986 г. определены задачи работ по комплексному обоснованию внешней границы континентального шельфа.

Разработка проектов потребовала специальной проработки материалов по геологическому строению Северного Ледовитого океана, оценки различных вариантов проектов применительно к положениям Конвенции в соответствии с различными концепциями относительно строения глубоководного Арктического бассейна Северного Ледовитого океана.

Схема тектонического районирования Арктического бассейна и первый проект внешней границы континентального шельфа СССР был разработан в 1986–1989 гг. при участии всех заинтересованных ведомств. В проекте практически отсутствовала геофизическая основа. В связи с этим в 1989–1991 гг. исследования по обоснованию юридического шельфа СССР в Арктическом бассейне были продолжены.

На основе геолого-геофизических данных был подготовлен уточненный проект. В качестве батиметрической основы использована карта GEBCO (1979 г.). В итоге обобщения геофизических материалов была составлена серия новых сводных карт. В это же время были выполнены работы по обобщению гравиметрических материалов и составлены карта аномалий в редукции в свободном воздухе и карта изостатических аномалий, построена карта мощности земной коры. Для района котловины Подводников и западных отрогов поднятия Менделеева составлена карта мощности осадочного чехла и коры по сейсмическим данным. Используя сейсмические материалы, построены карты мощности осадочного чехла позднемелового-палеогенового возраста, неоген-четвертичного возраста, позднеюрского-раннемелового возраста и всего осадочного чехла Северного Ледовитого океана [1; 10].

На основании обобщений положение внешней границы континентального шельфа в Евразийском бассейне было уточнено с учетом сейсмических данных о мощности осадочного чехла в котловинах Нансена и Амундсена. При оценке внешней границы континентального шельфа в Амеразийском бассейне были выделены участки, которые требовали дополнительной геологической аргументации. К этим участкам были отнесены центральные, наиболее глубокие части котловин Подводников, Макарова и поднятие Менделеева. В случае установления внешней границы континентального шельфа площадь увеличивалась ориентировочно на 1,5 млн км^2.

Для получения дополнительной геолого-геофизической информации была разработана программа полевых работ «Трансарктика». Исследования проводила Полярная морская геологоразведочная экспедиция совместно с ВНИИОкеангеология в период с1989 по 2000 г. Научное сопровождение работ осуществляло ВНИИОкеангеология. Следует отметить, что аналогичных работ в Северном Ледовитом океане ранее не проводилось. В середине девяностых годов были выполнены работы по обобщению всей геофизической информации бассейна Северного Ледовитого океана и составлен Атлас геофизических карт масштаба 1 : 6 000 000 в аналоговом и частично цифровом виде [4].

Результаты этих обобщений были доложены на Международной конференции Арктического региона (ICAM-III), которая проходила в CELLE (Германия) 12–16 октября 1998 г. В феврале 1997 г. Федеральным законом № 30-ФЗ Российская Федерация ратифицировала «Конвенцию ООН по морскому праву 1982 г.». В этой связи 16 июня 1997 г. было опубликовано Постановление Правительства Российской Федерации № 717, которое обязало Министерство природных ресурсов и Министерство обороны Российской Федерации провести работы «по подготовке перечней географических координат, определяющих линии внешних границ континентального шельфа Российской Федерации в Северного Ледовитого океана и их обоснование». В соответствии с Постановлением Правительства в августе 1998 г. разработана и утверждена соответствующая Программа исследований.

В этот же период было выполнено обобщение всего уникального батиметрического материала по Северному Ледовитому океану, что позволило составить и издать в 1999 г. карту рельефа дна Северного Ледовитого океана масштаба 1 : 5 000 000. Карта базировалась на уникальных материалах отечественных гидрографических исследований. Анализ карты показал, что единая орографическая система хребтов, поднятий и котловин является естественным продолжением противолежащих континентов в Арктическом бассейне. Этот вывод согласуется с основными чертами рельефа дна океана, которые нашли отражение на морфоструктурной карте Арктического бассейна масштаба 1 : 5 000 000.

Это было подтверждено также результатами районирования потенциальных полей, большой мощностью коры до 30 км и орографическими и морфоструктурными особенностями рельефа дна океана. В этот же период проводились тематические работы по подготовке Представления России в отношении внешней границы континентального шельфа.

В рамках темы проведены обработка и детальный анализ комплексных геолого-геофизических материалов (программа «Трансарктика»), что позволило сделать ряд новых выводов о геологическом строении и эволюции Арктического бассейна. Конечным итогом проведенных тематических исследований в период 1983–2001 гг. стал вывод, что в Северном Ледовитом океане за Россией могут быть закреплены права на дополнительную площадь внешнего континентального шельфа, равную 1,2 млн км^2 с прогнозными запасами углеводородов на уровне 4,9 млрд тонн условного топлива [2].

Граница континентального шельфа России за пределами 200-мильной зоны была проведена с учетом положения ст. 76 п. 4.5.6. В принятой трактовке хребет Ломоносова и поднятие Менделеева рассматривались как естественные компоненты материковой окраины. 18 декабря 2001 г. Генеральному секретарю ООН было направлено Представление (Заявка) по внешней границе континентального шельфа Российской Федерации в Северном Ледовитом океане в соответствии со ст. 76 Конвенции. Российская заявка была принята Секретариатом ООН, признана соответствующей научно-техническим положениям Комиссии ООН по границам континентального шельфа и была опубликована Генеральным секретарем на сайте ООН.

Обсуждение и выводы

Российская Заявка была представлена на десятой сессии Комиссии, которая проходила с 25 марта по 12 апреля 2002 г. Одновременно приступила к работе с Заявкой и с членами делегации Подкомиссия. В состав Подкомиссии входило семь экспертов под председательством Г. Каррера (G. Carrera). Представители российской делегации давали дополнительные разъяснения по множеству вопросов, касающихся Заявки, что в дальнейшем послужило основанием для выработки Рекомендаций Комиссии в отношении Заявки России 2001 г.

По мнению членов Комиссии, в Заявке Российской Федерации не было убедительных доказательств принадлежности к материковой окраине поднятий Менде-

леева и Ломоносова. Комиссия посчитала необходимым представить более убедительные доказательства их континентальной природы и структурной принадлежности поднятий к континентальной окраине северо-восточной Евразии, а также разработать непротиворечивую модель эволюции Арктики, объясняющую геологическую природу указанных поднятий [11].

При отсутствии этих данных, площадь, на которую может претендовать Россия в этом регионе, составит не более 400 тыс. км^2. В то же время, использование второго критерия ограничения юридического шельфа (100 морских миль от изобаты 2500 м), который по Конвенции применяется только к подводным возвышенностям, являющимися естественными компонентами материковой окраины, позволит распространить юрисдикцию РФ вплоть до Северного полюса. В этом случае приращиваемая площадь расширенного континентального шельфа России составит 1,2 млн км^2.

Комиссия отметила отсутствие в Заявке фактических (первичных) сейсмических и батиметрических материалов по профилям, расположенным в крест простирания континентального склона с интервалом между ними не более 60 морских миль и протяженностью до их пересечения с предполагаемой внешней границей шельфа, а представленные компиляционные данные не удовлетворили Комиссию. Для снятия этих замечаний необходимо было получить новые дополнительные геолого-геофизические и батиметрические данные.

Заявка России явилась первой заявкой, которую рассматривала Комиссия по границам континентального шельфа. Представленная Заявка в условиях отсутствия каких-либо прототипов не могла не иметь недостатков, тем более в такой труднодоступной акватории Северного Ледовитого океана, где вся методика получения данных (батиметрических, сейсмических) отличается от стандартной для открытых акваторий.

Начиная с конца 2002 г., ВНИИОкеангеология приступила к новым работам по проблеме внешней границы континентального шельфа в Северном Ледовитом океане. В работах также принимали участие ФГУП «ВСЕГЕИ», ФГУНПП «Севморгео», ОАО «ГНИНГИ», Российская Академия наук.

Так, с 2002 по 2016 гг. был выполнен большой объем полевых и камеральных работ, результаты которых отражены в отчетах, хранящихся в федеральном фонде геологической информации. В 2008 г. выполнены сейсмические наблюдения в зоне сопряжения поднятия Менделеева с шельфом Чукотского моря. Полученные после обработки данных результаты усиливают российскую аргументацию относительно континентальной природы хребта Ломоносова и поднятия Менделеева и их структурной связи с Евразийской материковой окраиной. В 2010–2011 гг. Федеральное агентство по недропользованию (Роснедра) выполнило батиметрическую съемку в Арктическом бассейне с использованием многолучевого эхолота. Работы выполнялись на НЭС «Академик Федоров» при поддержке атомного ледокола «Ямал».

В 2011 г. Роснедра выполнило сейсмическую съемку в российском секторе Арктического бассейна в комплексе с широкоугольными зондированиями. Работы также выполнялись с борта НЭС «Академик Федоров» при поддержке атомного ледокола «Россия».

Высокое качество полученных данных позволяет уверенно выделить поверхность акустического фундамента, определить скоростные параметры осадочной толщи и успешно реализовать критерий мощности осадочного чехла для установления границы расширенного континентального шельфа России.

В 2012 г. выполнен широкий комплекс исследований, включающих сейсмические наблюдения, применение донных четырехкомпонентных станций, а также донное опробование и мелкоглубинное бурение в местах выхода на донную поверхность коренного ложа поднятия Менделеева, а также отбор крупных образцов в основании скальных уступов. Геологическое опробование сопровождалось видеодокументированием, многолучевым эхолотированием и сейсмическими наблюдениями.

В 2005–2014 гг. российские организации осуществили широкий комплекс исследований с целью подготовки частичной пересмотренной Заявки Российской Федерации с учетом рекомендаций Комиссии от 2002 г. Были применены уникальные технологии, адаптированные для сложных ледовых условий. Были специально оборудованы и использованы различные научно-исследовательские суда. Так, было переоборудовано ледокольное научно-исследовательское судно «Академик Федоров» для сейсмических работ во льдах мощностью до трех метров.

На основе полученных материалов были созданы базы данных, которые представлены в частично пересмотренной Заявке Российской Федерации в Северном Ледовитом океане в виде ArcGIS- и GeoCAP-проектов. В этих проектах содержатся все необходимые материалы для обоснования и построения внешней границы континентального шельфа, как первичные, так и интерпретационные. В 2013 г. Управление Навигации и Океанографии Министерства обороны Российской Федерации издало батиметрическую карту «Центральный Арктический бассейн».

Основные результаты многочисленных сейсмических работ доказывают континентальную природу хребта Ломоносова, котловины Подводников, системы поднятий Менделеева-Альфа и Чукотского плато, а также их естественное продолжение от мелководного шельфа Евразии (рис. 1). Об этом свидетельствуют непрерывность осадочного чехла, фундамента, коровых слоев, а также отсутствие трансформного разлома между хребтом Ломоносова и Евразийским шельфом.

Новые разрезы в глубоководной части Северного Ледовитого океана показывают, что внешний шельф Восточно-Сибирского моря, поднятия Менделеева-Альфа, Чукотские котловина и плато — это тоже структуры рифтового растяжения. В пределах поднятия Менделеева на сейсмических данных особенно хорошо проявляется грабеновая структура, связанная с рифтогенными процессами. При этом мощность осадков в этих грабенах достигает 1–2 км. На основе комплексного анализа всех геолого-геофизических данных, можно сделать заключение, что хребет Ломоносова, котловина Подводников, поднятие Менделеева и Чукотское плато имеют общие геологические характеристики и/или континентальное происхождение.

3 августа 2015 г. Россия подала в Комиссию по границам континентального шельфа свое частичное пересмотренное Представление в отношении континентального шельфа Российской Федерации в Северном Ледовитом океане. Эта Заявка в соответствии со ст. 76 является частично пересмотренной и включает в себя часть Северного Ледовитого океана, рассматриваемая площадь близка к площади первой Заявки, поданной в декабре 2001 г.

В рамках 41-й сессии Комиссии по границам континентального шельфа 8–12 августа 2016 г. состоялось рассмотрение частичного пересмотренного Представления Российской Федерации в отношении внешней границы континентального шельфа России в Северном Ледовитом океане на Подкомиссии. В рамках 42-й сессии Комиссии по границам континентального шельфа в период с 28 ноября по 2 декабря было продолжено рассмотрение Заявки России.

В соответствии с протоколом совещания от 22.02.2017 № 01-15/41-пр. делегация Российской Федерации приняла участие в работе Подкомиссии по рассмотрению заявки Российской Федерации на установление внешней границы континентального шельфа в Северном Ледовитом океане в рамках 43-й сессии Комиссии по границам континентального шельфа. В ходе работы Подкомиссии были проведены две встречи с членами Подкомиссии по рассмотрению российской заявки 2 и 3 марта 2017 г.

Российская делегация подготовила и представила две презентации 3 марта 2017 г. В первой презентации «Российский арктический шельф. Геологическая обстановка» был поднят вопрос доступа и возможности ссылаться на презентацию Заявки Дании в Северном Ледовитом океане, так как в заявках России и Дании

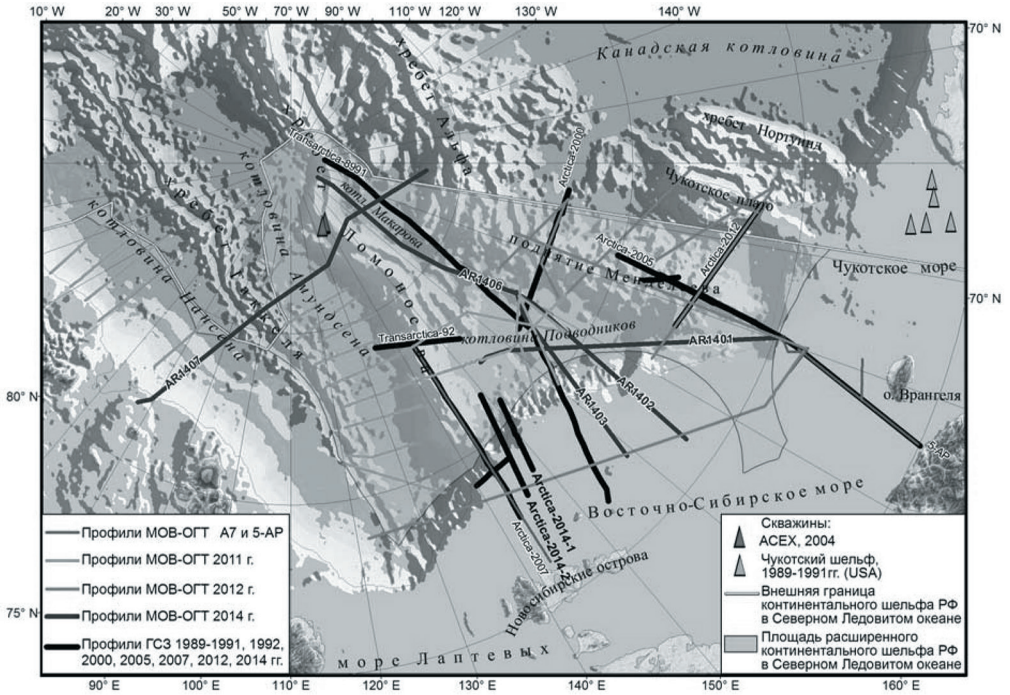


Рис. 1. Российские сейсмические исследования по проблеме внешней границы континентального шельфа в Северном Ледовитом океане [8]
Fig. 1. Russian seismic surveys on the outer limit of the continental shelf in the Arctic Ocean

фигурируют одни и те же морфологические структуры морского дна (хребет Ломоносова и поднятие Менделеева-Альфа). Также был поднят вопрос относительно будущей Заявки Канады, так как в нее, с большой вероятностью, также будут включены эти же структуры. Во второй презентации «Проблема, связанная с рекомендациями Комиссии по границам континентального шельфа в отношении материалов, представленных в Заявке» было подробно освещено геологическое строение континентального шельфа России с целью показать корреляцию отражающих горизонтов по сейсмическим профилям на площади российской Заявки.

Делегация Российской Федерации приняла участие в работе Подкомиссии по рассмотрению Заявки Российской Федерации в рамках 44-й сессии Комиссии по границам континентального шельфа. В ходе работы по рассмотрению российской Заявки Подкомиссия провела три встречи с членами российской делегации (5, 6 и 7 сентября 2017 г.).

5 сентября была представлена история рассмотрения Представления Российской Федерации в Подкомиссии в период 40–43-й сессий Комиссии и информации о подготовленных ответах на вопросы Подкомиссии. В презентации по теме «Пересмотренная общая точка (2С1 Rev.) сектора II внешней границы континентального шельфа Российской Федерации в Северном Ледовитом океане» были представлены координаты пересмотренной общей точки между рекомендованной Комиссией линией внешней границы континентального шельфа Королевства Норвегия и заявленной линией внешней границы континентального шельфа России.

6 сентября делегация Российской Федерации представила свое видение по вопросу: «Сектор VII ВГКШ Российской Федерации в Северном Ледовитом океане».

Были приведены новые расчеты формульных и ограничительных линий в Канадской котловине на основе батиметрической базы данных NOAA с целью доказательства того, что сектор VII линии внешней границы континентального шельфа, заявленной в российской Заявке, полностью лежит внутри ограничительных линий, построенных по конвенционным критериям. Для использования базы данных NOAA Российская Федерация получила от NOAA соответствующее разрешение.

В докладе по теме «Последние опубликованные геологические данные» представлен опубликованный в 2017 г. геологический разрез, построенный на основе компилятивного сейсмического профиля, «CALE Transect», который проходит от скважин на хребте Ломоносова, через скважины на Чукотско-Аляскинском шельфе до Алеутской впадины. Данные, приведенные в «CALE Transect», в основном подтверждают континентальную природу «Комплекса Центрально-Арктических поднятий», представленного в российской Заявке.

В рамках 45-й сессии Подкомиссия работала с Заявкой Российской Федерации в течение трех недель с 30 октября по 17 ноября 2017 г. В ходе работы Подкомиссия провела три встречи с членами российской делегации 13, 14 и 15 ноября 2017 г. На первой встрече Председатель Подкомиссии Мадон представил презентацию о результатах рассмотрения Подкомиссией Заявки во время работы 45-й сессии. Подкомиссия продолжила:

а) изучение новых данных и информации по основанию и подошве континентального склона в Канадской котловине;

б) обсуждение тектонической модели, предложенной в частичной пересмотренной Заявке.

Были назначены предварительные даты работы с частичным пересмотренным Представлением Российской Федерации. Подкомиссия продолжила работу 46-й сессии в течение двух недель в конце февраля — начале марта 2018 г.

В 2019 г. продолжались работы по объекту: «Доработка в соответствии с замечаниями и предложениями Комиссии по границам континентального шельфа и сопровождение в 2018–2020 годах частичного пересмотренного Представления Российской Федерации на установление внешней границы континентального шельфа в Северном Ледовитом океане».

Целевым назначением работ является доработка в соответствии с вопросами и рекомендациями Комиссии по границам континентального шельфа и сопровождение в 2018–2020 гг. частичного пересмотренного Представления Российской Федерации на установление внешней границы континентального шельфа в Северном Ледовитом океане. Проводятся следующие работы.

- Подготовка обосновывающих материалов по Заявке России в Комиссии по границам континентального шельфа на 49, 50-й и 51-й сессиях Комиссии, в том числе переобработка сейсмических данных с целью обоснования структурных связей континентального шельфа и глубоководной части Северного Ледовитого океана в зоне сочленения структур комплекса Центрально-Арктических поднятий. Доработка разделов Заявки России в Северном Ледовитом океане в соответствии с вопросами и рекомендациями Подкомиссии Комиссии по границам континентального шельфа в отношении структурных связей континентального шельфа и котловины Подводников по геофизическим признакам [12]. Результаты доработки представляются в Подкомиссию в виде докладов-презентаций с ответами на вопросы. Кроме этого, продолжается актуализация и пополнение ГИС-проекта и проекта Geocap.
- Сопровождение и презентация материалов Заявки России в процессе ее рассмотрения в Комиссии по границам континентального шельфа на 49, 50 и 51-й сессиях, предоставление дополнительных запрашиваемых материалов, в том числе по полевым и камеральным работам (российским и зарубежным), внесение необходимых правок и дополнений.

- Участие в работе Комиссии по границам континентального шельфа при рассмотрении Заявки Российской Федерации по внешней границе континентального шельфа в Северном Ледовитом океане на 49, 50 и 51-й сессиях.
- Консультации и согласование позиций с геологическими службами приарктических государств (Королевство Норвегия, Королевство Дания, Канада, США и др.) по вопросам геологического строения, тектонической структуры Циркумполярной Арктики, в том числе в рамках XI научного семинара по вопросам континентального шельфа в Северном Ледовитом океане.

Таким образом, Санкт-Петербург является одним из ключевых центров компетенций в рассмотрении узловых вопросов развития Арктики. Это обстоятельство следует учитывать при принятии решения размещения органов управления процессами социально-экономического развития этого стратегически важного региона Российской Федерации.

Литература

1. 60 лет в Арктике, Антарктике и Мировом океане : сборник научных трудов / М-во природных ресурсов и экологии РФ, Федеральное агентство по недропользованию, Российская акад. наук, Всероссийский науч.-исслед. ин-т геологии и минеральных ресурсов Мирового океана ; под ред. В.Л. Иванова, В.Д. Каминского. Санкт-Петербург : ВНИИОкеангеология, 2008. 646, [4] с.
2. *Арктические* шельфы и Северный Ледовитый океан : сборник научных статей / Всероссийский научно-исследовательский геологический институт им. А.П. Карпинского (ВСЕГЕИ). Санкт-Петербург : Изд-во ВСЕГЕИ, 2018. 336 с.
3. *Бортников Н.С.* Арктические ресурсы цветных и благородных металлов в глобальной перспективе / Н.С. Бортников, К.В. Лобанов, А.В. Волков, А.Л. Галямов, К.Ю. Мурашов // Арктика: экология и экономика. 2015. № 1 (17). С. 38–46.
4. *Буценко В.В., Поселов В.А.* Региональные особенности сейсмической конфигурации осадочного чехла глубоководного Арктического бассейна и возможности их палеотектонической интерпретации // Геолого-геофизические характеристики литосферы Арктического региона. 2004. Вып. 5. С. 141–159.
5. *Егиазаров Б.Х., Айнемер А.И., Иванова А.М.* Геошельфы — окраинно-материковые георазделы // Структура и история развития Северного Ледовитого океана. Л., 1986. С. 7–21.
6. *Елсуков М.Ю., Исаев А.П., Лебедев В.В., Яновский В.В.* Государственная политика социально-экономического развития Арктической зоны Российской Федерации: механизмы реализации. Депонированная рукопись. № 1/9 01.05.2019.
7. *Зворыкина Ю.В., Кофнер Ю.Ю., Пакулов С.И.* Северный морской путь как стратегическая инициатива ЕАЭС // Российский внешнеэкономический вестник. 2017. № 9. С. 94–104.
8. *Иванов В.Л.* Предпосылки нефтегазоносности «расширенного» юридического шельфа Российской Федерации в Северном Ледовитом океане / В.Л. Иванов, В.Д. Каминский, В.А. Поселов, О.И. Супруненко, О.Е. Смирнов // Арктика: экология и экономика. 2016. № 2 (22). С. 14–23.
9. *Истомин А.В., Леус С.М.* Северный морской путь: организационно-экономические проблемы возрождения и развития // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2009. № 2 (23). С. 27–32.
10. *Погребицкий Ю.Е.* Основные черты геологического развития геодинамической системы Северного Ледовитого океана // Геолого-геофизические характеристики литосферы Арктического региона. 1998. Вып. 2. С. 9–11.
11. *Поселов В.А.* Обоснование юридического шельфа Российской Федерации в Северном Ледовитом океане / В.А. Поселов, В.Д. Каминский, С.М. Жолондз, В.В. Буценко, О.Е. Смирнов, Ю.Г. Фирсов, А.Г. Зинченко // Минеральные ресурсы России. Экономика и управление. 2019. № 3 (166). С. 48–54.
12. *Результаты* комплексных геофизических исследований по обоснованию юридического шельфа Российской Федерации в Северном Ледовитом океане / В.А. Поселов, В.Д. Каминский, С.М. Жолондз, В.В. Буценко, Ю.Г. Фирсов, А.Г. Зинченко, О.И. Супруненко, М.В. Иванов // 70 лет в Арктике, Антарктике и Мировом океане : сборник научных трудов / под ред. В.Д. Каминского, Г.П. Аветисова, В.Л. Иванова. СПб. : ВНИИОкеангеология, 2018. 554 с. С. 153–170.

Об авторах:

Кучерявый Михаил Михайлович, советник генерального директора АО «Корпорация "Московский институт теплотехники"» (Москва, Российская Федерация), доктор политических наук, профессор

Минин Евгений Алексеевич, главный специалист отдела Санкт-Петербургского регионального отделения Партии «Единая Россия» (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

References

1. 60 years in the Arctic, Antarctica and the World Ocean : collection of scientific works / Ministry of natural resources and ecology of the Russian Federation, Federal Agency for Subsoil Use, Russian Academy of Sciences, All-Russia Scientific Research Institute for Geology and Mineral Resources of the Ocean; Under ed. V. L. Ivanov, V. D. Kaminsky. St. Petersburg : VNII Oceangeology, 2008. 646, [4] p. (In rus)
2. Arctic Shelves and Arctic Ocean: collection of scientific articles / A. P. Karpinsky Russian Geological Research Institute (VSEGEI). St. Petersburg : VSEGEI University, 2018. 336 p. (In rus)
3. Bortnikov N. S. Arctic resources of non-ferrous and noble metals in the global perspective / N. S. Bortnikov, K. V. Lobanov, A. V. Volkov, A. L. Galyamov, K. Yu Murashov // Arctic: ecology and economy [Arktika: ekologiya i ekonomika]. 2015. No. 1 (17). P. 38–46. (In rus)
4. Butsenko V. V., Poselov V. A. Regional features of seismic configuration of the sedimentary case of the deep-sea Arctic basin and possibilities of their paleotectonic interpretation // Geological-geophysical characteristics of the lithosphere of the Arctic region [Geologo-geofizicheskie kharakteristiki litosfery Arkticheskogo regiona]. 2004. Issue 5. P. 141–159. (In rus)
5. Yegiazarov B. X., Ainemer A. I., Ivanova A. M. Geoshelf — edge-mainland geo-separations // Structure and history of development of the Arctic Ocean. L., 1986. P. 7–21. (In rus)
6. Elsukov M. Yu., Isaev A. P., Lebedev V. V., Yanovsky V. V. State Policy of Social and Economic Development of the Arctic Zone of the Russian Federation: Implementation Mechanisms. Deposited manuscript. № 1/9 01.05.2019. (In rus)
7. Zvorykina Yu. V., Kofner Yu. Yu., Pakulov S. I. Northern Sea Route as strategic initiative of EAEU // Russian external economic messenger [Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik]. 2017. No. 9. P. 94–104. (In rus)
8. Ivanov V. L. Prerequisites for oil and gas bearing of the "extended" legal shelf of the Russian Federation in the Arctic Ocean / V. L. Ivanov, V. D. Kaminsky, V. A. Poselov, O. I. Suprunenko, O. E. Smyrnov // Arctic: ecology and economics [Arktika: ekologiya i ekonomika]. 2016. No. 2 (22). P. 14–23. (In rus)
9. Istomin A. V., Leus S. M. North Sea Route: Organizational and Economic Problems of Revival and Development // North and Market: Formation of Economic Order [Sever i rynok: formirovanie ekonomicheskogo poryadka]. 2009. No. 2 (23). P. 27–32. (In rus)
10. Pogrebnitskiy Yu. E. The main features of geological development of the geodynamic system of the Arctic Ocean // Geological-geophysical characteristics of the lithosphere of the Arctic region [Geologo-geofizicheskie kharakteristiki litosfery Arkticheskogo regiona]. 1998. Issue 2. P. 9–11. (In rus)
11. Poselov V. A. Justification of the legal shelf of the Russian Federation in the Arctic Ocean / V. A. Poselov, V. D. Kaminsky, S. M. Zholondz, V. V. Butsenko, O. E. Smirnov, Yu. G. Firtsov, A. G. Zinchenko // Mineral resources of Russia. Economics and management [Mineral'nye resursy Rossii. Ekonomika i upravlenie]. 2019. No. 3 (166). P. 48–54. (In rus)
12. Results of complex geophysical studies on the justification of the legal shelf of the Russian Federation in the Arctic Ocean / V. A. Poselov, V. D. Kaminsky, S. M. Zholondz, V. V. Butsenko, Yu. G. Firtsov, A. G. Zinchenko, O. I. Suprunenko, M. V. Ivanov/70 in the Arctic, Antarctica and the World Ocean Collection of scientific works/edited by V. D. Kaminsky, G. P. Avetisov, V. L. Ivanov. SPb. : VNII Oceangeology, 2018. 554 p. P. 153–170. (In rus)

About the authors:

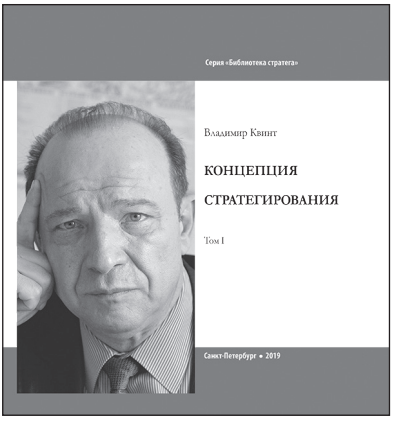
Mikhail M. Kucheryavy, Advisor to the General Director of JSC "Corporation Moscow Institute of Heat Engineering" (Moscow, Russian Federation), Doctor of Science (Political Sciences), Professor

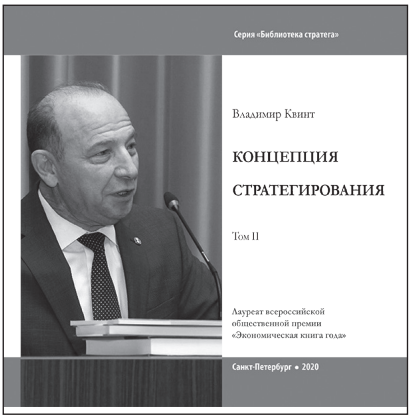
Evgeny A. Minin, Chief Specialist of the St. Petersburg Regional Branch of the United Russia Party (St. Petersburg, Russian Federation)

Издание Северо-Западного института управления РАНХиГС стало лауреатом Всероссийской общественной премии «Экономическая книга года – 2019»

Всероссийская общественная премия «Экономическая книга года» учреждена Вольным экономическим обществом России и Международным Союзом экономистов с целью поиска лучших изданий по экономике и поощрения их авторов и продолжает традиции Императорского Вольного экономического общества.

В 2019 г. на соискание общественной премии «Экономическая книга года» были представлены 83 издания. Решением жюри лауреатом премии стала книга академика, иностранного члена РАН, почетного доктора СЗИУ В. Л. Квинта «Концепция стратегирования», подготовленная и изданная в двух томах нашим институтом.





Данная книга отражает усилия, результаты исследований и 45-летний опыт автора по изучению и дальнейшей разработке теории и методологии стратегии и процессов стратегирования.

Награждение лауреатов премии состоялось на Всероссийском экономическом собрании 11 ноября 2019 г., посвященном профессиональному празднику «День экономиста».

Подробнее см.: сайт Вольного экономического общества России: http://www.veorus.ru/всероссийские-проекты/economic-book/

DOI 10.22394/1726-1139-2019-11-39-46

От электронного голосования к протестной мобилизации: как интернет трансформирует политическое участие

Малькевич А. А.

Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация; alexander.malkevich@gmail.com

РЕФЕРАТ

Данная статья посвящена исследованию особенностей влияния интернет-технологий и социальных сетей на формы политического участия современных граждан. Автор отмечает, что интернет способствует больше политизации граждан, предоставляя им новые возможности для коммуникации, получения и производства политической информации и совершения коллективных действий. Автор полагает, под влиянием интернета политическое участие трансформируется по двум направлениям: происходит технологическая модернизация инструментальных и процедурных форм участия, а также появляются новые формы политического участия.

Ключевые слова: политическое участие, интернет, социальные сети, интернет-голосование, протест

Для цитирования: *Малькевич А. А.* От электронного голосования к протестной мобилизации: как интернет трансформирует политическое участие // Управленческое консультирование. 2019. № 11. С. 39–46.

From Online Voting to Protest Mobilization: How the Internet is Transforming Political Participation

Alexander A. Malkevich

Saint-Petersburg State University of Economics, Saint-Petersburg, Russian Federation; alexander.malkevich@gmail.com

ABSTRACT

This article is devoted to the study of the influence of Internet technologies and social media on the forms of political participation of modern citizens. The author notes that the Internet contributes more to the politicization of citizens, providing them with new opportunities for communication, obtaining and producing political information and committing collective actions. The author believes that under the influence of the Internet, political participation is transformed in two directions: 1. there is a technological modernization of instrumental and procedural forms of participation; 2. new forms of political participation are emerging.

Keywords: political participation, Internet, social media, Internet voting, protest

For citing: Malkevich A. A. From Online Voting to Protest Mobilization: How the Internet is Transforming Political Participation // Administrative consulting. 2019. No. 11. P. 39–46.

Введение

Социальные сети и интернет-технологии стали неотъемлемой частью жизни большинства россиян. Если в 2001 г. доля интернет-пользователей составляла всего 2–3% российских граждан, то в 2019 г. она составляет уже 72%. Согласно данным Левада-Центр, социальными сетями на сегодняшний день регулярно пользуются порядка 56% россиян [7]. Наиболее активными среди них являются молодые граж-

дане в возрасте до 25 лет: их доля среди пользователей социальных сетей составляет 85%.

Очевидно, что такое положение дел не может не иметь социальных и политических эффектов. Информационные технологии и сетевые формы коммуникации формируют принципиально новые модели политического взаимодействия и, как следствие, расширяют диапазон возможных форм политического участия.

К вопросу о политическом участии

До 1950-х годов политическое участие рассматривалось в социологической науке в узком ключе — как участие граждан в избирательном процессе и государственном управлении. В более широком смысле термин стал использоваться благодаря работам Г. Алмонда и С. Вербы, которые предложили понимать под политическим участием любые действия членов общества в рамках существующих политических отношений и структурах власти [2; 10].

Со временем концепция политического участия перестала относиться исключительно к участию в выборах и была распространена на нетрадиционные политические акты (например, протесты). Мы полагаем, что в современное понимание политического участия необходимо включить широкое разнообразие различных форм гражданских действий, которые могут и не быть направлены на распределение ресурса политической власти в обществе (например, социальное волонтерство или политический акционизм) [24].

Тем не менее, уровень политического участия граждан отражает зрелость демократических институтов в том или ином обществе, состояние гражданского общества и специфику отношений между гражданами и государством. Прения по вопросам нормативного измерения участия граждан в политической жизни предлагают контекст для осознания их поведенческих ролей, что считается важным для возможности урегулирования проблемы обеспечения общественных действий. Политическое участие и гражданское включение в основном изучаются с помощью континуума [25]. В самом узком понимании предназначение гражданина в демократическом государстве содержится в добровольном праве на участие в голосовании, что в будущем может перейти в пожертвования, присоединение к какой-либо политической партии, непосредственную связь с политическими представителями и участие в официальных мероприятиях. Полагаясь на свою раннюю трактовку, Ч. Патти и его коллеги заявляют, что хороший гражданин — это «тот, кто осознает свои права, но также и обязательства по отношению к другим людям и более широкому обществу» [20]. В дополнение к этому «хорошие граждане участвуют в добровольной деятельности разнообразного характера, а также в политике в более широком плане» [Там же].

Исследователи политического участия обращают особое внимание на проблему трансформации политических практик граждан в контексте развития средств массовой коммуникации. Ряд ученых напрямую связывают данный процесс с ростом политического абсентеизма и появлением феномена «безразличного гражданина» — особенно среди молодого поколения. Так, к примеру, Р. Патнэм, пытаясь объяснить все увеличивающуюся пассивность в отношении гражданского содействия в американском обществе, которое прежде отличалось высоким уровнем социальной поддержки, благотворительностью и соседской взаимовыручкой, считает виноватыми, в первую очередь, СМИ [22]. По его мнению, они содействовали тому, что американцы вместо непосредственного участия в политической жизни государства предпочитают оставаться зрителями, наблюдающими за происходящим посредством телевидения.

Похожие точки зрения высказывали и такие исследователи, как Н. Постман и Ю. Хабермас, по мнению которых именно телевидение во второй половине XX столетия отрицательно воздействует на демократию, выдвигая на первый план визуальную

форму, а не содержательный текст. Н. Постман полагает, что коммуникация посредством культуры печати «обычно была более связной, серьезной и рациональной», в отличие от телевидения, где «она превратилась в ссохшуюся и абсурдную» [21, p. 16]. В то время как предыдущие поколения в основном были уже грамотными, могли концентрироваться на чем-либо в течение долгого времени и могли принимать участие в сложных политических спорах, телевидение «требует минимальных способностей для понимания его и по большей части нацелено на эмоциональную реакцию удовлетворенности» [Ibid., p. 88–97]. Ю. Хабермас в одной из своих ранних работ излагает похожие соображения, подчеркивая, что на «замену читающей публике, которая ведет критические дискуссии по поводу культуры» в определенный момент пришла «массовая публика потребителей культуры» [17, p. 168]. Как видно, теоретики исходят из того, что технология печатных СМИ и устойчивого включения в процесс чтения позволяла «общественности» критиковать власть и держать ее представителей под контролем, соответственно, благодаря обсуждению и коммуникации, могут развиваться гражданская активность и осуществляться демократическая политика.

На наш взгляд, приведенные выше рассуждения справедливы в отношении современного телевидения как СМИ с отсутствием «обратной связи» и контролируемой информационной повесткой. Однако в последние десятилетия средства массовой коммуникации развивались посредством интернета и цифровых технологий по направлению к сетевой и горизонтальной структуре взаимодействия участников. Социальные медиа, мессенджеры, блог-платформы предполагают совершенно иную, нежели печатные СМИ и телевидение, формы потребления и производства информации, и, как следствие, оказывают иное воздействие на политическое участие граждан.

Социальные сети и политическое участие

Согласно ряду современных исследований, использование интернета и социальных сетей не только не способствует увеличению уровня политического абсентеизма, но, напротив, положительно коррелирует как с ростом политического участия (особенно в период избирательных кампаний), так и с проявлением гражданской активности, напрямую не связанной с воздействием на политический процесс (например, участие в общественных слушаниях или выдвижение гражданских инициатив) [13; 15]. В качестве основного аргумента в защиту тезиса о взаимосвязи между использованием интернета и ростом политического участия обычно предлагается утверждение о том, что интернет способствует более доступному политическому взаимодействию между гражданами-пользователями, предлагая им новые возможности для получения политической информации и более удобные формы гражданского участия (например, онлайн-петиции или интернет-голосование) [12]. В свою очередь, актуальной проблемой для исследователей по-прежнему остается вопрос о том, способствует ли интернет политической мобилизации ранее неактивных граждан, или же его ресурсы используются, главным образом, теми, кого можно обозначить как «уже вовлеченных» в политику граждан [11].

По мнению профессора Бременского университета Й. Теочариса, анализ современных форм политического участия должен учитывать те возможности, которые сегодня предоставляют различные цифровые платформы, в частности, социальные сети и блог-платформы [23]. Ключевая особенность таких площадок — это наличие «пользовательского контента» (User Generated Content, UGC), который представляет собой разнообразные формы медиаконтента, доступного публично и созданного конечными пользователями социальных сетей [18, p. 61]. Пожалуй, самым простым примером такого рода контента может являться пост с текстовой записью на странице пользователя социальной сети. К. А. Неверов

выделяет следующие отличительные черты пользовательского контента социальных сетей [9]:

1) публичность пользовательского контента: записи размещены в открытом для всех или заранее ограниченной группы пользователей доступе;
2) пользовательский контент в определенной степени является результатом творческих усилий пользователя, независимо от его содержания и качества;
3) пользовательский контент — это не результат профессиональной деятельности пользователя или коллектива пользователей.

Очевидно, что использование пользовательского контента существенно меняет традиционные формы массовых коммуникаций. В таких условиях любой пользователь потенциально становится источником формирования информационных поводов, а его персональная страница в социальных сетях может иметь число подписчиков, превышающее аудиторию некоторых традиционных СМИ. Принимая во внимание возможности социальных сетей, исследователи предлагают определять онлайн-участие как «создание и распространение в интернете контента, адресованного определенной аудитории и имеющего социальную цель» [19]. В случае с политическим онлайн-участием указанная цель будет тем или иным способом оказывать влияние на политическую информированность, политические взаимодействия или политические решения других участников коммуникации — пользователей социальных сетей [14].

Р. Гибсон и М. Кантийох предлагают выделять девять форм политического участия современных граждан в онлайн- и офлайн-среде [16]:

- голосование — электоральное участие (voting);
- партийные и предвыборные мероприятия (party / campaign activities);
- протестная активность (protest activities);
- взаимодействие (contacting);
- коллективные действия (communal actions);
- потребительство (consumerism);
- внимание к новостной повестке (news attention);
- дискуссии (discussion);
- выражение своей позиции (expressive mode). В данном случае наиболее характерной формой участия является политическое самовыражение пользователей, которое они реализуют на различных цифровых платформах, включая социальные сети.

На наш взгляд, данная классификация охватывает практически все возможные формы конвенционального политического участия граждан, а также протестную деятельность. К конвенциональным формам политического участия обычно относят проявления активности граждан, которые происходят в рамках действующего законодательства, не нарушают его нормы, права и свободы других граждан [1].

В этой связи необходимо дополнить классификацию категорий политического участия неконвенциональными формами, к которым стоит отнести кибертерроризм, хакерские атаки, производство так называемых «фейковых новостей», провокационные PR-кампании, основанные на дезинформации и так далее. Указанные виды политического онлайн-участия в наши дни получают широкое распространение в контексте «гибридных» и информационных войн, поэтому, на наш взгляд, должны приниматься исследователями в расчет.

Как интернет трансформирует политическое участие

Мы полагаем, что трансформация практик политического участия под влиянием интернет-технологий и социальных сетей идет по двум направлениям.

1. Происходит трансформация существующих инструментальных практик политического участия, связанная с цифровизацией и дигитализацией демократических

процедур (например, электоральное голосование), системы администрирования и взаимодействия между гражданами и государством.

2. Происходит трансформация практик политического участия, которое находится вне инструментальных действий. Под таким участием, к примеру, Д. Гончаров предлагает понимать «активное поведение, часто требующее от индивидов больших усилий, даже жертв и связанное со стремлением повлиять на ход политической жизни в данном обществе» [7, с. 12–13]. Именно второй процесс, на наш взгляд, связан с появлением новых форм гражданского активизма и политического участия. Примером могут служить коллективные протестные действия, организованные и координируемые посредством социальных сетей, политический онлайн-акции и флэшмобы и т. д.

Инструментальные практики политического участия обретают под влиянием интернета новые формы, появляются новые каналы коммуникации, однако, по своей сути такие практики остаются неизменными. Яркий пример — это интернет-голосование, которое, как и обычное голосование, призвано зафиксировать политическую волю избирателей, используя при этом цифровые коммуникации. Данная практика получает все большее распространение в политическом процессе зарубежных государств. При этом исследователи отмечают, что интерес к интернет-голосованию в большей степени проявляется в странах с низкой явкой на избирательные участки (например, Великобритания), тогда как в странах, где избиратели дисциплинированно голосуют по традиционной системе (особенно в Норвегии, Швеции и других странах Северной Европы) электронное голосование не столь популярно [3].

Российский политолог И. А. Бронников выделяет следующие виды интернет-ресурсов, способствующих увеличению форм гражданского и политического участия [5; 6]: сервисы «жалоб»; многочисленные сервисы онлайн-петиций; краудфандинговые платформы; сервисы для координации гражданской деятельности; площадки для сбора мнений по тем или иным вопросам; краудсорсинговые платформы; платформы научных коммуникаций; площадки электронных референдумов.

Существенное влияние интернет-технологии оказали и на трансформацию протестной активности граждан. Сегодня социальные сети рассматриваются как один из ключевых каналов протестной мобилизации населения за счет оперативности и доступности политической информации, а также возможностью обмениваться сообщениями в онлайн-режиме. В свою очередь, социологи отмечают, что современная протестная активность граждан в отличие от других видов политического участия самостоятельно воспроизводит политическую повестку, формируя как новый язык коммуникации, так и альтернативные каналы взаимодействия [4].

Начиная с Арабской весны интернет-ресурсы и социальные сети стали ключевым фактором протестной мобилизации. Так, к примеру, события в Гонконге летом 2019 г. продемонстрировали новые возможности использования информационных технологий для организации и проведения массовых протестных мероприятий. Участники демонстраций использовали принципы геймификации для координации своих действий, взаимодействуя посредством «аполитичных» веб-приложений (например, Tinder, Pokemon Go и т. д.) и закрытых чатов в мессенджере Telegram.

Заключение

Интернет-технологии оказывают существенное влияние на вовлечение граждан в политическую жизнь. В отличие от телевидения, социальные сети и блог-платформы в определенной степени способствуют большей политизации граждан. Во многом это связано с технологическим совершенствованием процедур инструментального участия: уже сегодня можно выразить свою политическую волю, не выходя из дома, создать и распространить онлайн-петиции, стать инициатором политического события.

Тем не менее, мы полагаем, что еще рано делать выводы о том, что интернет способствует увеличению демократического участия и усилению демократии как таковой. На данный момент цифровые платформы, призванные аккумулировать практики гражданской активности (к примеру, сайты электронных референдумов), не являются формальным элементом политических институтов. Зачастую результаты подобных голосований носят рекомендательно-консультативный характер и интерпретируются лицами, принимающими решения, в зависимости от политического режима, сформированного в государстве. Подобные процедуры не лишены недостатков, главный из которых — невозможность обеспечить полную прозрачность процесса волеизъявления граждан.

В свою очередь, интернет-технологии открывают широкие возможности для политической коммуникации, получения политической информации и организации коллективных действий. Протестная активность 2010-х годов как в России, так и в зарубежных странах тесно связана с использованием социальных сетей и мессенджеров, и стоит прогнозировать сохранение этой тенденции.

Литература

1. *Авзалова Э.И.* Интернет-участие как новая форма политического участия граждан // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. Т. 157. № 1. С. 187–193.
2. *Алмонд Г.А.* Гражданская культура и стабильность демократии // Полис. 1992. № 4. С. 122–134.
3. *Антонов Я.В.* Международный опыт электронного голосования // Сборник конкурсных работ в области избирательного права и избирательного процесса, повышения правовой и политической культуры избирателей (участников референдума), организаторов выборов, участников избирательных кампаний, выполненных студентами и аспирантами высших учебных заведений (юридических вузов и факультетов, правовых кафедр) Российской Федерации в 2010/2011 учебном году. М. : РЦОИТ, 2011. С. 43–60.
4. *Бараш Р.Э., Петухов В.В., Петухов Р.В.* Информационно-коммуникационные факторы формирования новых практик гражданского активизма // Социологическая наука и социологическая практика. 2015. № 4 (12). С. 99–125.
5. *Бронников И.А.* Гражданский интернет-активизм: тенденции и перспективы // Вестник Поволжского института управления. 2017. Т. 17. № 4. С. 94–102.
6. *Бронников И.А.* Кризис представительной демократии и новые практики гражданского активизма // PolitBook. 2018. № 1. С. 64–78.
7. *Волков Д., Гончаров С.* Российский медиа-ландшафт 2019: телевидение, пресса, интернет и социальные сети [Электронный ресурс] // Левада-Центр (Аналитический центр Юрия Левады): вебсайт. URL: https://www.levada.ru/cp/wp-content/uploads/2019/08/LevadaMedia2019-1.pdf (дата обращения: 10.10.2019).
8. *Гончаров Д.В.* Теория политического участия. М. : Юрист, 1997.
9. *Неверов К.А.* Социальные сети как форма участия в публичной политике // Политическое пространство и социальное время. 1917–2017: смыслы и ценности прошедшего столетия. Сборник научных трудов XXXII Харакского форума / под ред. Т.А. Сенюшкиной, А.В. Баранова. 2017. С. 159–163.
10. *Almond G., Verba S.* The Civic culture. Political attitudes and democracy in five nations. Princeton. N.Y., 1963.
11. *Bimber B.* The Internet and Citizen Communication With Government: Does the Medium Matter? // Political Communication. 1999. N 16 (4). P. 409–428.
12. *Boulianne S.* Does Internet Use Affect Engagement? A Meta-Analysis of Research // Political Communication. 2009. N 26 (2). P. 193–211.
13. *Boulianne S.* Twenty Years of Digital Media Effects on Civic and Political Participation // Communication Research. 2018. N 1. P. 1–20.
14. *Calenda D., Meijer A.* Young People, the Internet, and Political Participation // Information, Communication & Society. 2009. N 12 (6). P. 879–898.
15. *De Vreese C.H.* Digital Renaissance: Young Consumer and Citizen? // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2007. N 611 (1). P. 207–216.

16. *Gibson R., Cantijoch M.* Conceptualizing and Measuring Participation in the Age of the Internet: Is Online Political Engagement Really Different to Offline? // The Journal of Politics. 2013. N 75 (3). P. 701–716.
17. *Habermas J.* The Structural Transformation of the Public Sphere. Cambridge, MA: MIT Press; Cambridge : Polity Press, 1989.
18. *Kaplan A. M., Haenlein M.* Users of the world, unite! The challenges and opportunities of Social Media // Business Horizons. 2010. Vol. 53.
19. *Lutz C., Hoffmann C. P., Meckel M.* Beyond Just Politics: A Systematic Literature Review of Online Participation // First Monday. 2014. N 19 (7).
20. *Pattie C. J., Seyd P., Whiteley P.* Citizenship in Britain: Values, Participation and Democracy. Cambridge : Cambridge University Press, 2004.
21. *Postman N.* Amusing Ourselves to Death. London : Methuen, 1987.
22. *Putnam R.* Bowling Alone. The Collapse and Revival of American Community. New York : Simon and Schuster, 2000.
23. *Theocharis Y.* The Conceptualization of Digitally Networked Participation // Social Media+Society. 2015. N 1.
24. *Theocharis Y., van Deth J.* Political Participation in a Changing World: Conceptual and Empirical Challenges in the Study of Citizen Engagement. NY : Routledge, 2018.
25. *Vromen A., Gelber K.* Power-scape: Contemporary Australian Political Practice. Sydney : Alien & Unwin, 2005.

Об авторе:

Малькевич Александр Александрович, доцент кафедры коммуникационных технологий и связей с общественностью Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат политических наук, доцент; alexander.malkevich@gmail.com

References

1. Avzalova E. I. Internet participation as a new form of political participation of citizens // Scientists notes of Kazan University. Series: Humanities [Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki]. 2015. V. 157. No. 1. P. 187–193. (In rus)
2. Almond G. A. Civic Culture and Stability of Democracy // Polis. 1992. No. 4. P. 122–134. (In rus)
3. Antonov Ya. V. International experience of electronic vote // Collection of competitive works in the field of an electoral law and electoral process, increase legal and political culture of voters (participants of a referendum), organizers of elections, participants of an election campaign, executed by students and graduate students of higher educational an institutions (legal higher education institutions and faculties, legal departments) of Russian Federation in 2010/2011 academic year. M. : RCOIT, 2011. P. 43–60. (In rus)
4. Barash R. E., Petukhov V. V., Petukhov R. V. Information and communication factors of formation of new practices of civil activism // Sociological science and sociological practice [Sotsiologicheskaya nauka i sotsiologicheskaya praktika]. 2015. No. 4 (12). P. 99–125. (In rus)
5. Bronnikov I. A. Civic Internet Activism: Trends and Prospects // Journal of the Volga Institute of Management [Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya]. 2017. V. 17. No. 4. P. 94–102.
6. Bronnikov I. A. Crisis of representative democracy and new practices of civic activism // PolitBook. 2018. No. 1. P. 64–78. (In rus)
7. Volkov D., Goncharov S. Russian Media Landscape 2019: Television, Press, Internet and Social Networks [Electronic Resource] // Levada-Center (Analytical Center Yuri Levada): website. URL: https: // www.levada.ru/cp/wp-content/uploads/2019/08/LevadaMedia2019-1.pdf (date of the address: 10.10.2019). (In rus)
8. Goncharov D. V. Theory of political participation. M. : Lawyer, 1997. (In rus)
9. Neverov K. A. Social Media as a Form of Participation in Public Politics // Political Space and Social Time. 1917–2017: meanings and values of the last century. Collection of scientific works of the XXXII Charax Forum/ed. T. A. Senyushkina, A. V. Baranov. 2017. P. 159–163. (In rus)
10. Almond G.,Verba S. The Civic culture. Political attitudes and democracy in five nations. Princeton. N.Y., 1963.
11. Bimber B. The Internet and Citizen Communication With Government: Does the Medium Matter? // Political Communication. 1999. No. 16 (4). P. 409–428.

12. Boulianne S. Does Internet Use Affect Engagement? A Meta-Analysis of Research // Political Communication. 2009. No. 26 (2). P. 193–211.
13. Boulianne S. Twenty Years of Digital Media Effects on Civic and Political Participation // Communication Research. 2018. No. 1. P. 1–20.
14. Calenda D., Meijer A. Young People, the Internet, and Political Participation // Information, Communication & Society. 2009. No. 12 (6). P. 879–898.
15. De Vreese C. H. Digital Renaissance: Young Consumer and Citizen? // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2007. No. 611 (1). P. 207–216.
16. Gibson R., Cantijoch M. Conceptualizing and Measuring Participation in the Age of the Internet: Is Online Political Engagement Really Different to Offline? // The Journal of Politics. 2013. No. 75 (3). P. 701–716.
17. Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere. Cambridge, MA: MIT Press; Cambridge: Polity Press, 1989.
18. Kaplan A. M., Haenlein M. Users of the world, unite! The challenges and opportunities of Social Media // Business Horizons. 2010. Vol. 53.
19. Lutz C., Hoffmann C. P., Meckel M. Beyond Just Politics: A Systematic Literature Review of Online Participation // First Monday. 2014. No. 19 (7).
20. Pattie C. J., Seyd P., Whiteley P. Citizenship in Britain: Values, Participation and Democracy. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
21. Postman N. Amusing Ourselves to Death. London : Methuen, 1987.
22. Putnam R. Bowling Alone. The Collapse and Revival of American Community. New York: Simon and Schuster, 2000.
23. Theocharis Y. The Conceptualization of Digitally Networked Participation // Social Media+Society. 2015. No. 1.
24. Theocharis Y., van Deth J. Political Participation in a Changing World: Conceptual and Empirical Challenges in the Study of Citizen Engagement. NY : Routledge, 2018.
25. Vromen A., Gelber K. Power-scape: Contemporary Australian Political Practice. Sydney: Alien & Unwin, 2005.

About the author:

Alexander A. Malkevich, Associate Professor of the Department of Communication Technologies and Public Relations of Saint-Petersburg State University of Economics (Saint-Petersburg, Russian Federation), PhD in Political Science, Associate Professor; alexander.malkevich@gmail.com

DOI 10.22394/1726-1139-2019-11-47-56

Политика государств постсоветской Центральной Азии в отношении Договора о запрещении ядерного оружия*

Муратшина К. Г.

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Российская Федерация; ksenia.muratshina@urfu.ru

РЕФЕРАТ

Договор о запрещении ядерного оружия (ДЗЯО), появившийся в повестке дня ООН в 2017 г., продолжает оставаться камнем преткновения в дискуссиях о будущем режима нераспространения оружия массового уничтожения. Документ уже внес противоречия в ряды неядерных государств и стимулировал подъем антиядерного активизма по всему миру. В данной статье анализируется, какую позицию в отношении ДЗЯО заняли государства постсоветской Центральной Азии — Казахстан, Таджикистан, Узбекистан, Киргизия и Туркменистан. Наибольшее внимание уделяется политике Казахстана, поскольку он открыто поддержал ДЗЯО, и его политика являет собой пример наиболее последовательного антиядерного курса. Изучение реакции бывших советских республик на появление ДЗЯО актуально в силу того, что эти государства являются ближайшими партнерами России, хотя и отнюдь не всегда занимают схожие с ней позиции по международным вопросам.

Ключевые слова: Центральная Азия, Договор о запрещении ядерного оружия, ядерное нераспространение, Казахстан, Таджикистан, Узбекистан, Киргизия, Туркменистан

Для цитирования: *Муратшина К. Г.* Политика государств постсоветской Центральной Азии в отношении Договора о запрещении ядерного оружия // Управленческое консультирование. 2019. № 11. С. 47–56.

Post-Soviet Central Asian States' Policies towards the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons

Ksenia G. Muratshina

Ural Federal University named after the first President of Russia B N.Y.eltsin, Yekaterinburg, Russian Federation; ksenia.muratshina@urfu.ru

ABSTRACT

The Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons (TPNW) was introduced in the United Nations' agenda in 2017. Since then, it remains a corner stone in the discussions on the perspectives of the non-proliferation of weapons of mass destruction. The Treaty has already divided the community of non-nuclear states and stipulated the rise of anti-nuclear activism around the world. This paper is aimed at the analysis of the position of post-Soviet Central Asian states towards TPNW. The author consequently analyses the reaction of the governments of Kazakhstan, Tajikistan, Uzbekistan, Kyrgyzstan and Turkmenistan, with the special focus on Kazakhstan's policy, as this country supports TPNW and demonstrates an example of the most consistent anti-nuclear policy course. The review of the Central Asian states' positions towards TPNW is worth studying in particular due to their partnership with Russia, and the specific feature of combining the partnership and sometimes different views on the international issues.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-014-00033 «Многостороннее взаимодействие в рамках режима ядерного нераспространения и национальные интересы России в контексте инициативы по запрещению ядерного оружия».

Keywords: Central Asia, Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons, nuclear non-proliferation, Kazakhstan, Tajikistan, Uzbekistan, Kyrgyzstan, Turkmenistan

For citing: Muratshina K. G. Post-Soviet Central Asian states' policies towards the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons // Administrative consulting. 2019. No. 11. P. 47–56.

Договор о запрещении ядерного оружия (ДЗЯО), открытый для подписания на 72-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 20 сентября 2017 г.[1], — это многосторонняя инициатива неядерных государств и международных антиядерных неправительственных организаций (НПО) по изменению действующего режима нераспространения ядерного оружия в сторону полного запрета таких вооружений. По состоянию на 1 сентября 2019 г. ДЗЯО подписали 70 стран мира, из них ратифицировали — 26[2]. Согласно содержащимся в Договоре положениям, государства, подписавшие его, обязуются не иметь ядерных вооружений, не использовать их, не производить, не приобретать, не размещать где-либо, а все имеющиеся запасы ликвидировать и провести «необратимую конверсию»[3].

С момента появления в повестке дня ООН, ДЗЯО активно обсуждается в академических кругах и политических институтах мирового режима ядерного нераспространения. Против него выступили постоянные члены Совета Безопасности ООН — признанные державы мирового «ядерного клуба» (Россия, США, Великобритания, Франция и Китай), а также другие страны, обладающие ядерным оружием (Индия, Пакистан, Израиль и Северная Корея), неядерные страны НАТО (вследствие обязательств перед «ядерными» союзниками) и Япония (по этой же причине, как союзник США). Дискуссии относительно ДЗЯО касаются его юридической природы, противоречий с Договором о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), перспектив подписания его ядерными и неядерными странами и соотношения интересов в рамках кампании в его поддержку [См., напр.: 18; 19; 21; 25; 26; 27; 2; 5; 6][4]. Точка зрения России и других ЯОГ очевидна и логична: запрет на ядерное оружие и его ликвидация могут в корне изменить статус-кво в мире и уничтожить действующий баланс сил и систему стратегического сдерживания, более полувека позволявшую не допускать крупномасштабных мировых войн. Неядерные же страны и выступающие в поддержку ДЗЯО активисты НПО чаще всего апеллируют к морали, разрушительным последствиям применения ядерного оружия, рискам детонации имеющихся боеприпасов и другим угрозам. Кроме того, проблематика ядерного нераспространения и разоружения становится все более актуальной в связи с опасностью нового витка гонки вооружений в космосе [17].

Изучение позиции, которую заняли в отношении нового договора различные страны и группы стран, представляет значительный интерес, и не только потому, что в связи с его появлением создается риск переформатирования, в перспективе,

[1] Sign the nuclear ban treaty // ICAN official website [Электронный ресурс]. URL: http://www.icanw.org/campaign-news/sign-the-nuclear-ban-treaty/ (дата обращения: 15.03.2018).

[2] Signature / ratification status of the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons // ICAN official website [Электронный ресурс]. URL: http://www.icanw.org/status-of-the-treaty-on-the-prohibition-of-nuclear-weapons/?fbclid=IwAR3u2fYLXkBhU8gW56XrfMZS7NX7QRyjM42rVBrL68Z4UCbjwZ5tgutnnPY (дата обращения: 01.09.2019).

[3] Договор о запрещении ядерного оружия. Полный текст на русском языке // ICAN official website [Электронный ресурс]. URL: http://www.icanw.org/wp-content/uploads/2017/07/TPNW-Russian1.pdf (дата обращения: 15.03.2018).

[4] См. также, напр.: МИД: Москва не станет подписывать Договор о запрещении ядерного оружия // Военное обозрение. 05.10.2017 [Электронный ресурс]. URL: https://topwar.ru/126562-mid-moskva-ne-stanet-podpisyvat-dogovor-o-zapreschenii-yadernogo-oruzhiya.html (дата обращения: 15.03.2018).

всего режима ядерного нераспространения и нынешней системы международной безопасности, но и для понимания современных реалий режима нераспространения. Уже сейчас, например, появляются новые коалиции государств, формирующиеся в зависимости от отношения к запрету ядерного оружия, возникают разногласия среди неядерных стран и между ядерными и неядерными союзниками (например, общество и часть политиков в Нидерландах — стране НАТО — в противовес официальному курсу страны поддерживают ДЗЯО, то же самое происходит в Японии). В целом в режиме ядерного нераспространения создан прецедент совершенно новой нормы, аналогичной запретам на химическое и биологическое оружие.

В данной статье будет рассмотрено, какую позицию в отношении ДЗЯО заняли соседи и ближайшие партнеры России — страны Центральной Азии, а именно пять постсоветских государств: Республика Казахстан, Республика Таджикистан, Республика Узбекистан, Кыргызская Республика и Туркменистан. Исследование основывается на использовании следующих типов источников: официальные документы (прежде всего, заявления государств), актуальные сообщения СМИ, материалы НПО, а также личные наблюдения и интервью, полученные автором в ходе второй сессии Подготовительного комитета (Препкома, от анг. Prepcom) Конференции по рассмотрению действия ДНЯО 24 апреля — 4 мая 2018 г. в штаб-квартире ООН в Женеве.

Для начала стоит отметить, что все пять рассматриваемых государств, в том числе Казахстан со времен его отказа от остававшейся на его территории части советского ядерного арсенала, являются безъядерными. В 1993 г. президентом Узбекистана И. Каримовым была выдвинута инициатива создания в Центральной Азии зоны, свободной от ядерного оружия (ЗСЯО) [8, с. 160]. По итогам серии переговоров в 2006 г. пятью государствами был подписан бессрочный Семипалатинский договор о создании в Центральной Азии ЗСЯО, который в течение трех лет был ратифицирован и в 2009 г. вступил в силу [3, с. 142–144]. Также всеми пятью странами ЦА подписаны Договор о нераспространении ядерного оружия[1] и Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний[2]. В 2014 г. официально признанные ДНЯО ядерные державы мира подписали протокол о негативных гарантиях к Семипалатинскому договору, т. е. обязались не применять ядерного оружия против членов центрально-азиатской ЗСЯО [14, p. 32].

Рассмотрение официальной реакции государств ЦА на появление ДЗЯО целесообразно начать с Республики Казахстан (РК). Именно это государство первым и пока что единственным среди них подписало и ратифицировало ДЗЯО. Это было сделано, соответственно, 2 марта 2018 г. и 29 августа 2019 г.[3] В заявлении казахстанской делегации на Препкоме-2018 говорится: «В течение последних десятилетий страны-члены ООН не могли достичь согласия по вопросу создания многостороннего документа по ядерному разоружению. В этом контексте принятие ДЗЯО демонстрирует повышение ответственности и приверженности своим обязательствам со стороны неядерных государств. Мы считаем этот Договор ясным и недвусмысленным сигналом всем странам, обладающим ядерным оружием». Далее заявление содержит еще ряд утверждений о важности не только ядерного нераспространения, но и ядер-

[1] Status of the Treaty // United Nations Office for Disarmament Affairs [Электронный ресурс]. URL: http://disarmament.un.org/treaties/t/npt (дата обращения: 08.09.2019).

[2] CTBTO World Map // CTBTO Preparatory Commission [Электронный ресурс]. URL: https://www.ctbto.org/map/status (дата обращения: 08.09.2019).

[3] Signature / ratification status of the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons // ICAN official website [Электронный ресурс]. URL: http://www.icanw.org/status-of-the-treaty-on-the-prohibition-of-nuclear-weapons/?fbclid=IwAR3u2fYLXkBhU8gW56XrfMZS7NX7QRyjM42rVBrL68Z4UCbjwZ5tgutnnPY (дата обращения: 01.09.2019).

ного разоружения[1]. В еще одном официальном выступлении в ходе женевского форума делегацией РК отмечено, что «Казахстан остается привержен ядерному разоружению и продолжает неустанно прилагать усилия в направлении движения к безъядерному миру... Нечестный и затянувшийся дисбаланс [в результате невыполнения ядерными государствами обязательств по постепенному разоружению в соответствии со ст. 6 ДНЯО] стал причиной многосторонних переговоров, завершившихся принятием ДЗЯО. Этот Договор — важный сигнал того, что большинство стран-членов ООН готовы предпринять конкретные действия для того, чтобы бороться с ядерными угрозами»[2].

В выступлении представителей делегации РК на другом крупнейшем международном форуме по проблемам в том числе ядерного нераспространения и разоружения, Конференции ООН по разоружению 2019 г., ДЗЯО назван «реалией, которую невозможно игнорировать» на пути к «достижению к 2045 г. мира, свободного от ядерного оружия» (цель, поставленная первым Президентом РК Н. А. Назарбаевым)[3]. Новые призывы к ядерному разоружению и всеобщему подписанию ДЗЯО прозвучали в официальном заявлении РК на Препкоме 2019 г. в Нью-Йорке[4].

Остальные четыре государства ЦА на Препкоме-2018 не выступали вообще (если кыргызстанские дипломаты еще были в списке участников, то делегатов Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана там не значилось), не отметились выступлениями они и на заседаниях Конференции ООН по разоружению[5]. На Препкоме-2019 выступлений делегаций Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана вновь представлено не было. В речи представителя Киргизии ДЗЯО не упоминался, а основной акцент был сделан на сохраняющейся главенствующей роли ДНЯО и опыте создания ЗСЯО в Центрально-Азиатском регионе[6]. Довольно показательным является и полное отсутствие упоминаний о ДЗЯО и режиме запрещения ядерного оружия в озвученном там же, на нью-йоркском Препкоме, совместном пятистороннем заявлении центрально-азиатских государств по случаю десятилетия

---

[1] Statement by the delegation of the Republic of Kazakhstan at the General debate of the Second session of the Preparatory Committee for the 2020 Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons // Statements. UN Meetings. 24.04.2018 [Электронный ресурс]. URL: http://statements.unmeetings.org/media2/18559284/kazakhstan-kaz-delegation_npt-prepcom-gendebate-speech.pdf (дата обращения: 01.09.2019).

[2] Statement by the delegation of the Republic of Kazakhstan at the Second session of the Preparatory Committee for the 2020 Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. Cluster 1 Specific issues — Nuclear Disarmament // Statements. UN Meetings. 26.04.2018 [Электронный ресурс]. URL: http://statements.unmeetings.org/media2/18559577/kazakhstan-new-new-printer_20180426_120009.pdf (дата обращения: 01.09.2019).

[3] Statement by the Deputy Minister of Foreign Affairs of the Republic of Kazakhstan H. E. Mr. Yerzhan Ashikbayev at the Plenary session of the Conference on Disarmament // The United Nations Office in Geneva. 25.02.2019 [Электронный ресурс]. URL: https://www.unog.ch/80256EDD006B8954/(httpAssets)/93A09F6EDE4FE0BFC12583C20052FE2C/$file/Kazakhstan+Statement+HLS2019.pdf (дата обращения: 01.09.2019).

[4] Statement by the delegation of the Republic of Kazakhstan at the General debate of the Third session of the 2019 Preparatory Committee for the 2020 Nuclear Non-Proliferation Treaty Review Conference // Statements. UN Meetings. 29.04.2019 [Электронный ресурс]. URL: http://statements.unmeetings.org/media2/21491682/kazakhstan.pdf (дата обращения: 08.09.2019).

[5] Statements in Plenary 2019 and prior years // The United Nations Office in Geneva. URL: https://www.unog.ch/__80256ee600585943.nsf/(httpPages)/ (дата обращения: 08.09.2019).

[6] Statement of H. E. Ms. Mirgul Moldoisaeva, Permanent Representative of the Kyrgyz Republic to the United Nations at the third session of the Preparatory Committee for the 2020 Review of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons // Statements. UN Meetings. 01.05.2019 [Электронный ресурс]. URL: http://statements.unmeetings.org/media2/21491885/kyrgyz-republic.pdf (дата обращения: 08.09.2019).

вступления в силу Семипалатинского договора, даже несмотря на то, что от имени пятерки выступал такой ярый сторонник ДЗЯО, как Казахстан[1].

Получается весьма интересная картина. Одна из стран ЦА полностью приняла ДЗЯО и пропагандирует его на международной арене. В то же время другие очевидным образом воздерживаются от него, хотя ранее выступали единым целым в процессе создания безъядерной зоны в своем регионе. С другой стороны, повышенная антиядерная активность и безусловное принятие и поддержка ДЗЯО со стороны Казахстана тоже могут показаться неожиданными для российского наблюдателя, ведь эта страна считается одним из ближайших союзников России. А Россия, как уже упоминалось ранее, выступила против ДЗЯО. Как и большая часть остальных бывших советских республик, Казахстан связан с Россией в том числе формальным союзом — членством в Договоре о коллективной безопасности и соответствующей ему организации — ОДКБ. Попробуем найти объяснение позициям центрально-азиатских стран.

Казахстан позиционирует себя в качестве лидера Центральной Азии еще с 1990-х годов [см., например, 20]. Сейчас эта тенденция усиливается, особенно если учесть общую активизацию казахстанской внешней политики: на многовекторной основе строятся отношения с самыми разными глобальными игроками — Россией, США, Китаем, Евросоюзом, Индией и другими державами; все более заметна роль РК в решении региональных проблем (например, сирийского кризиса)[2], международных экономических объединениях[3] и, что важно в контексте данной статьи, активное участие в мировом антиядерном движении.

Политологами отмечается, что страна в настоящее время активно занимается развитием элементов своего «национального бренда» с целью создания позитивного имиджа на мировой арене. Отказ от советского ядерного арсенала стал одним из инструментов этого процесса [22], хотя вряд ли на тот момент это могло быть основной мотивацией. Широкую известность получила статистика проблем со здоровьем казахстанского населения, сформировавшихся в результате накопленного радиоактивного загрязнения территории от испытаний ядерного оружия в советский период [см., напр.: 11, с. 131; 1, с. 112; 10, с. 31–32]; кроме того, весь остальной мир выступал категорически против наличия ядерного арсенала у бывших советских республик и за передачу его России; казахстанские исследователи, например, приводят сведения, что только благодаря этому шагу РК удалось получить кредиты от международных финансовых институтов [12].

В настоящее время Казахстан является участником целого ряда международных инициатив в режиме нераспространения ядерного оружия. Он входит в Комитет Цангера (созданную группой стран организацию по «идентификации исходного ядерного материала и материалов и оборудования, специально разработанных или подготовленных для переработки, использования или производства специального расщепляющегося материала, а также разработки процедур, регулирующих экспорт

---

[1] Joint Statement of Central Asian States on the occasion of the 10th Anniversary of entry into force of the Treaty on a Nuclear-Weapon-Free Zone in Central Asia // Statements. UN Meetings. 29.04.2019 [Электронный ресурс]. URL: http://statements.unmeetings.org/media2/21491885/kyrgyz-republic.pdf (дата обращения: 08.09.2019).

[2] См., напр.: Представителей стран-гарантов Астанинского процесса пригласят в Женеву на встречу по Сирии до конца октября // Zonakz.net. 18.10.2018 [Электронный ресурс]. URL: https://zonakz.net/2018/10/18/predstavitelej-stran-garantov-astaninskogo-processa-priglasyat-v-zhenevu-na-vstrechu-po-sirii-do-konca-oktyabrya/ (дата обращения: 05.11.2018).

[3] См., напр.: Казахстан избран вице-президентом межправительственной рабочей группы по ISAR // Zonakz.net. 26.10.2018 [Электронный ресурс]. URL: https://zonakz.net/2018/10/26/kazaxstan-izbran-vice-prezidentom-mezhpravitelstvennoj-rabochej-gruppy-po-isar/ (дата обращения: 05.11.2018).

ядерных материалов и технологий в соответствии с требованиями статьи III.2 ДНЯО»)[1]; в 2013 г. организовал два раунда шестисторонних переговоров по ядерной программе Ирана [13]; в 2009 г. — предложил свою территорию для размещения Банка ядерного топлива под эгидой МАГАТЭ [15]. Банк был открыт в 2017 г. Ураном из него могут воспользоваться государства — члены МАГАТЭ в случае срыва поставок топлива для их атомных станций[2]. Еще один пример крупного международного мероприятия по антиядерной проблематике, организованного РК, — международная молодежная конференция «Помня о прошлом и смотря в будущее», проведенная в 2018 г. совместно с Организацией Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний[3]. В будущем Казахстан хотел бы провести саммит «лидеров всех существующих безъядерных зон и Монголии, а также видных активистов в этой сфере, чтобы предметно обсудить совместные шаги по усилению взаимодействия между зонами»[4].

Подписав ДЗЯО, Казахстан выступил пионером от своего региона в новом для мирового режима нераспространения документе и в движении за полный запрет ядерного оружия. Его заявления о колоссальном потенциальном вреде этого вида вооружений для человека и природы основаны на реальном опыте. Хотя бы поэтому никакие политические или экономические обязательства перед Россией, или каким бы то ни было еще партнером, не способны заставить это молодое независимое государство отказаться от своего антиядерного курса. Кстати, в современной казахстанской международной аналитике встречаются весьма критичные взгляды в отношении РФ и ее внешней политики [см., например, 4; 12]. Да и официально провозглашенная политика многовекторности [7] не предполагает следования во всем за каким-либо одним партнером.

Наконец, по сравнению с другими государствами ЦА, Казахстан характеризуется политологами, как страна «мягкого авторитаризма», в политической элите которой есть пространство для «дебатов» [23, p. 9]. Возможно, в том числе поэтому очень активна в настоящее время в казахстанской политике молодежь, общественные организации, группы по интересам [24]. Для них такая позиция, какую Казахстан занял в отношении ДЗЯО, может выглядеть прогрессивной и соответствующей времени.

На Препкоме-2018 автору данной статьи удалось взять интервью у известного казахстанского антиядерного активиста А. Ахметова. Бывший дипломат, в настоящее время он всю свою деятельность посвятил научной и политической работе по продвижению идей ядерного нераспространения и разоружения. В Казахстане им создан и функционирует Центр международной безопасности и политики — неправительственная организация, занимающаяся продвижением антиядерных идей и сотрудничающая с международными НПО по запрещению ядерного оружия. По мнению А. Ахметова, ДЗЯО необходимо дорабатывать, он еще

[1] Вопросы Комитета Цангера // Министерство иностранных дел РФ. 25.01.2019 [Электронный ресурс]. URL: http://www.mid.ru/eksportnyj-kontrol/-/asset_publisher/UhKoSvqyDFGv/content/id/1137563 (дата обращения: 08.09.2019).

[2] МАГАТЭ открывает в Усть-Каменогорске урановый банк // Радио Азаттык. 11.07.2017 [Электронный ресурс]. URL: https://rus.azattyq.org/a/kazakhstan-umz-uranovy-bank/28610615.html (дата обращения: 11.07.2017).

[3] Note Verbale dated 10 September 2018 from the Permanent Missions of the Republic of Kazakhstan addressed to the Secretariat of the Conference on Disarmament // Conference on Disarmament. 13.09.2018 [Электронный ресурс]. URL: https://undocs.org/cd/2142 (дата обращения: 01.04.2019).

[4] Казахстан выразил готовность провести первую встречу лидеров всех безъядерных зон // Zonakz.net. 19.10.2018 [Электронный ресурс]. URL: https://zonakz.net/2018/10/19/kazaxstan-vyrazil-gotovnost-provesti-pervuyu-vstrechu-liderov-vsex-bezyadernyx-zon/ (дата обращения: 05.11.2018).

«слабый», необходимо проработать механизмы верификации и устранить все «лазейки» для ядерных государств по срокам уничтожения арсеналов. Но появление документа, налагающего запрет на ядерное оружие, он считает уже чрезвычайно важным, поскольку постоянная угроза ядерного конфликта или риск попадания ядерного оружия в руки террористов — более чем опасная перспектива для человечества. Даже несмотря на невысокие темпы подписания и ратификации ДЗЯО, активист прогнозирует возможность его вступления в силу (по условиям Договора, юридически это произойдет после 50 ратификаций). По его мнению, давление на ядерную «пятерку» будет только возрастать, ДЗЯО являет собой закономерное развитие ДНЯО и не противоречит ему, а неядерные государства «устали ждать» решительных действий. Стратегическое сдерживание для них «не интересно». Ядерные страны должны «решить все свои проблемы между собой» и приступить к реальному разоружению[1]. Кстати, схожие идеи высказываются активистом и в казахстанской периодической печати [16].

Как видим, не только правительство РК транслирует свою позицию через официальные источники, но и гражданское общество этой страны тоже в определенной степени готово продвигать ДЗЯО. Однако остальные государства ЦА не спешат поддерживать инициативу Казахстана. Пожалуй, самое простое объяснение можно привести в случае с Туркменистаном: как известно, эта страна еще с 1990-х гг. придерживается доктрины нейтралитета [9]. Что же касается остальных, то их нежелание войти в ряды сторонников ДЗЯО может быть продиктовано разными причинами. Возможно — чтобы не признавать однозначным лидерство Казахстана в регионе. Возможно — чтобы выдержать паузу и тщательно взвесить все за и против. Наконец, возможно, и Киргизия, и Таджикистан, и Узбекистан, в силу далеко не самой простой экономической ситуации, финансовой зависимости и заинтересованности в сотрудничестве, вынуждены постоянно оглядываться на мнение своих «ядерных» партнеров — России, США, Китая, Индии, поскольку зависят от них больше, чем Казахстан, который может, теоретически, сам на какого угодно внешнеполитического оппонента легко повлиять или даже оказать давление, как минимум — посредством регулирования поставок ключевых энергоресурсов — нефти, газа и урана. Особый случай представляет традиционно нейтральный Туркменистан, который вообще избегает участия в каких-либо блоках.

В любом случае, таким образом, можно констатировать, что, несмотря на общее принятие странами ЦА идей безъядерного мира и нераспространения ядерного оружия, отнюдь не все из них готовы поддержать такую неоднозначную международную инициативу, как ДЗЯО. Это трудно назвать расколом, скорее, это нормальный плюрализм мнений в рамках одного региона. Да, Казахстан, скорее всего, будет и далее пропагандировать свою позицию и, возможно, даже найдет поддержку в научном сообществе или общественных организациях стран-соседей, но пока они не готовы одномоментно принять одну точку зрения. И это тоже по-своему многовекторность, которая была и остается основным принципом их внешней политики.

Литература

1. *Абен Д.* Физическая ядерная безопасность в Центральной Азии: специфика и возможности сотрудничества // Индекс безопасности. 2014. Т. 20. № 1 (108). С. 109–122.
2. *Вербицкая Т. В.* Будет ли запрещение ядерного оружия точкой бифуркации для международного режима нераспространения ядерного оружия? // Военное право. 2018. № 1 (47). С. 309–315.
3. *Камынин В. Д., Лазарева Е. В., Лапенко М. В., Лямзин А. В.* Центральная Азия на рубеже XX–XXI веков: политика, экономика, безопасность. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017.

[1] Интервью А. Ахметова автору. Женева, 26.04.2018.

4. *Малеев С.* Векторы современной казахской политики // APN.kz. 13.04.2013 [Электронный ресурс]. URL: http://www.apn.kz/publications/article7912.htm (дата обращения: 20.06.2018).
5. *Михайленко Е. Б., Михайленко В. И.* Подрывает ли Договор о запрещении ядерного оружия режим нераспространения? // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3: Общественные науки. 2017. Т. 12. № 4 (170). С. 100–111.
6. *Стефанович Д.* Договор о запрещении ядерного оружия может расшатать ситуацию в Евразии // Евразия-Эксперт. 22.09.2017 [Электронный ресурс]. URL: http://eurasia.expert/dogovor-o-zapreshchenii-yadernogo-oruzhiya-evrazii/ (дата обращения: 15.03.2018).
7. *Султанов Б. К.* Многовекторная внешняя политика Казахстана: опыт и перспективы // Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте РК. 10.04.2007 [Электронный ресурс]. URL: http://kisi.kz/ru/categories/geopolitika-i-mezhdunarodnye-otnosheniya/posts/mnogovektornaya-vneshnyaya-politika-kazahstana-opyt-i-p (дата обращения: 11.06.2017).
8. *Третьякова Н. А.* Проблема ратификации Семипалатинского договора в контексте евроазиатской архитектуры безопасности // Вестник КемГУ. 2013. № 2 (54). Т. 3. С. 159–162.
9. *Троицкий Е. Ф.* Внешняя политика Туркменистана в 1992–2006 гг.: от нейтралитета к самоизоляции // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 4 (30). С. 67–70.
10. *Фаизова Р. С.* Инициативы Казахстана по созданию безъядерной зоны в Центральной Азии // Вестник РУДН. Серия «Международные отношения». 2011. № 3. С. 31–36.
11. *Ханна П.* Второй мир. М. : Европа, 2010.
12. *Шибутов М.* Казахстан: искусство быть нормальной страной // APN.kz. 08.12.2006 [Электронный ресурс]. URL: http://www.apn.kz/publications/article7449.htm (дата обращения: 20.06.2018).
13. *Aben D.* Kazakhstan's Potential as an International Conflict Mediator // Eurasian Research Institute. 11.04.2017. 2 p. [Электронный ресурс]. URL: https://www.academia.edu/39236089/Kazakhstans_Potential_as_an_International_Conflict_Mediator (дата обращения: 26.08.2019).
14. *Aben D.* Prospects of Cooperation in the Framework of the Central Asian Nuclear-Weapon-Free Zone // Asya Avrupa. 2016. P. 23–37.
15. *Aben D.* The IAEA Low Enriched Uranium Bank to Open in Kazakhstan by September 2017 // Asya Avrupa. 2017. P. 36–44.
16. *Akhmetov A., Zhantikin T.* Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons — for and against // Central Asia's Affairs. 2018. N 1. P. 29–39.
17. *Arbatov A.* Arms control in outer space: The Russian angle, and a possible way forward // Bulletin of the Atomic Scientists. 2019. Vol. 75. Is. 4. P. 151–161. DOI: 10.1080/00963402.2019.1628475.
18. *Borrie J., Spies M., Wan W.* Obstacles to understanding the emergence and significance of the treaty on the prohibition of nuclear weapons // Global Change, Peace & Security. 2018. P. 1–25. DOI: 10.1080/14781158.2018.1467394.
19. *Egeland K., Hugo T. G., Løvold M., Nystuen G.* The nuclear weapons ban treaty and the non-proliferation regime // Medicine, Conflict and Survival. 2018. Vol. 34 (2). P. 74–94. DOI: 10.1080/13623699.2018.1483878.
20. *Hanks R.* 'Multi-vector politics' and Kazakhstan's emerging role as a geo-strategic player in Central Asia // Journal of Balkan and Near Eastern Studies. 2009. Vol. 11. Is. 3. P. 257–267. DOI: 10.1080/19448950903152110.
21. *Hanson M.* Normalizing zero nuclear weapons: The humanitarian road to the Prohibition Treaty // Contemporary Security Policy. 2018. Vol. 39 (3). P. 464–486. DOI: 10.1080/13523260.2017.1421344.
22. *Insebayeva S.* Imagining the Nation: Identity, Nation Building and Foreign Policy in Kazakhstan // Central Asia Program. 2016. CAP Paper 175. P. 1–12.
23. *Kazakhstan* in the Making. Legitimacy, Symbols, and Social Changes / Ed. by Marlene Laruelle. Lanham : Lexington Books, 2016.
24. *Kosnazarov D.* Hashtag Activism: Youth, Social Media and Politics in Kazakhstan // Central Asia Program. 2019. CAP Paper 217. P. 1–13.
25. *Onderco M.* Why nuclear weapon ban treaty is unlikely to fulfil its promise // Global Affairs. 2017. Vol. 3 (4). P. 391–404.
26. *Potter W. S.* Disarmament Diplomacy and the Nuclear Ban Treaty // Survival. 2017. Vol. 59 (4). P. 75–108. DOI: 10.1080/00396338.2017.1349786.
27. *Tannenwald N.* The Vanishing Nuclear Taboo? How Disarmament Fell Apart // Foreign Affairs. November / December 2018. P. 16–24.

Об авторе:

Муратшина Ксения Геннадьевна, доцент кафедры теории и истории международных отношений Уральского федерального университета (Екатеринбург, Российская Федерация), кандидат исторических наук, доцент; ksenia.muratshina@urfu.ru

References

1. Aben D. Physical Nuclear Safety in Central Asia: Specifics and Possibilities of Cooperation // Security Index [Indeks bezopasnosti]. 2014. T. 20. No. 1 (108). P. 109–122. (In rus)
2. Verbitskaya T.V. Will the prohibition of nuclear weapons be a bifurcation point for the international nuclear non-proliferation regime? // Military law [Voennoe pravo]. 2018. No. 1 (47). P. 309–315. (In rus)
3. Kamynin V.D., Lazareva E.V., Lapenko M.V., Lyamzin A.V. Central Asia at the turn of the XX–XXI centuries: politics, economy, security. Yekaterinburg : Publishing house of Ural University, 2017. 175 p. (In rus)
4. Maleev S. Vectors of modern Kazakh politics // APN.kz. 13.04.2013. URL: http: // www.apn.kz/publications/article7912.htm (date of the address: 20.06.2018) (In rus)
5. Mikhailenko E.B., Mikhailenko V.I. Does the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons undermine the non-proliferation regime? // News of the Ural Federal University. Series 3: Social Sciences [Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 3: Obshchestvennye nauki]. 2017. V. 12. No. 4 (170). P. 100–111. (In rus)
6. Stefanovich D. The contract on prohibition of nuclear weapon can loosen a situation in Eurasia // Eurasia Expert. 22.09.2017. URL: http: // eurasia.exe pert/dogovor-o-zapreschenii-yadernogo-oruzhiya-evrazii/ (date of the address: 15.03.2018). (In rus)
7. Sultanov B.K. Multi-vector foreign policy of Kazakhstan: experience and prospects // Kazakhstan Institute of Strategic Studies under the President of Kazakhstan. 10.04.2007. URL: http: // kisi.kz/ru/categories/geopolitika-i-mezhdunarodnye-otnosheniya/posts/mnogovektornaya-vneshnya-ya-politika-kazahstana-opyt-i-p (date of the address: 11.06.2017). (In rus)
8. Tretiakova N.A. The problem of ratification of the Semipalatinsk Treaty in the context of the Euro-Asian security architecture // News of KemSU [Vestnik KemGU]. 2013. No. 2 (54). V. 3. P. 159–162. (In rus)
9. Troitsky E.F. Foreign Policy of Turkmenistan in 1992–2006: from neutrality to self-isolation // Journal of the Tomsk State University. History [Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya]. 2014. No. 4 (30). P. 67–70. (In rus)
10. Faizova R.S. Initiatives of Kazakhstan to establish a nuclear-free zone in Central Asia // Journal of RUDN. International Relations series [Vestnik RUDN. Seriya «Mezhdunarodnye otnosheniya»]. 2011. No. 3. P. 31–36. (In rus)
11. Khanna P. The Second World: Empires and Influence in the New Global Order. Moscow : Europe, 2010. 616 p. (In rus)
12. Shibutov M. Kazakhstan: being a normal country // APN.kz. 08.12.2006. URL: http: // www.apn.kz/publications/article7449.htm (date of the address: 20.06.2018). (In rus)
13. Aben D. Kazakhstan's Potential as an International Conflict Mediator // Eurasian Research Institute. 11.04.2017. 2 p. [Electronic resource]. URL: https://www.academia.edu/39236089/Kazakhstans_Potential_as_an_International_Conflict_Mediator (date of appeal: 26.08.2019).
14. Aben D. Prospects of Cooperation in the Framework of the Central Asian Nuclear-Weapon-Free Zone // Asya Avrupa. 2016. P. 23–37.
15. Aben D. The IAEA Low Enriched Uranium Bank to Open in Kazakhstan by September 2017 // Asya Avrupa. 2017. P. 36–44.
16. Akhmetov A., Zhantikin T. Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons — for and against // Central Asia's Affairs. 2018. N 1. P. 29–39.
17. Arbatov A. Arms control in outer space: The Russian angle, and a possible way forward // Bulletin of the Atomic Scientists. 2019. Vol. 75. Is. 4. P. 151–161. DOI: 10.1080/00963402.2019.1628475.
18. Borrie J., Spies M., Wan W. Obstacles to understanding the emergence and significance of the treaty on the prohibition of nuclear weapons // Global Change, Peace & Security. 2018. P. 1–25. DOI: 10.1080/14781158.2018.1467394.
19. Egeland K., Hugo T.G., Løvold M., Nystuen G. The nuclear weapons ban treaty and the non-proliferation regime // Medicine, Conflict and Survival. 2018. Vol. 34 (2). P. 74–94. DOI: 10.1080/13623699.2018.1483878.

20. Hanks R. 'Multi-vector politics' and Kazakhstan's emerging role as a geo-strategic player in Central Asia // Journal of Balkan and Near Eastern Studies. 2009. Vol. 11. Is. 3. P. 257–267. DOI: 10.1080/19448950903152110.
21. Hanson M. Normalizing zero nuclear weapons: The humanitarian road to the Prohibition Treaty // Contemporary Security Policy. 2018. Vol. 39 (3). P. 464–486. DOI: 10.1080/13523260.2017.1421344.
22. Insebayeva S. Imagining the Nation: Identity, Nation Building and Foreign Policy in Kazakhstan // Central Asia Program. 2016. CAP Paper 175. P. 1–12.
23. Kazakhstan in the Making. Legitimacy, Symbols, and Social Changes / Ed. by Marlene Laruelle. Lanham : Lexington Books, 2016.
24. Kosnazarov D. Hashtag Activism: Youth, Social Media and Politics in Kazakhstan // Central Asia Program. 2019. CAP Paper 217. P. 1–13.
25. Onderco M. Why nuclear weapon ban treaty is unlikely to fulfil its promise // Global Affairs. 2017. Vol. 3 (4). P. 391–404.
26. Potter W. S. Disarmament Diplomacy and the Nuclear Ban Treaty // Survival. 2017. Vol. 59 (4). P. 75–108. DOI: 10.1080/00396338.2017.1349786.
27. Tannenwald N. The Vanishing Nuclear Taboo? How Disarmament Fell Apart // Foreign Affairs. November / December 2018. P. 16–24.

About the author:

Ksenia G. Muratshina, Associate Professor of the Chair of the Theory and History of International Relations of the Ural Federal University named after the first President of Russia B N.Y.eltsin (Yekaterinburg, Russian Federation), PhD in History, Associate Professor; ksenia.muratshina@urfu.ru

DOI 10.22394/1726-1139-2019-11-57-68

Управленческое проектирование коммуникационной политики органов государственной власти субъектов Российской Федерации в условиях утверждения информационного общества

Штриков С. А.

АО «Синергия Групп», Москва, Российская Федерация; shtrikov_sa@cnrg-group.com

РЕФЕРАТ

Цель статьи — формирование теоретической модели коммуникационной политики органов государственной власти субъектов Российской Федерации в условиях утверждения информационного общества и обоснование критических условий ее реализации. *Методологической основой* работы является проблемный анализ существующих коммуникационных практик органов государственной власти для определения основных интегративных проблем, препятствующих достижению цели эффективной коммуникационной политики в целях развития информационного общества. К таковым относятся: рассмотрение технологического фактора как ключевого элемента и условия формирования информационного общества; существенный акцент на национальной безопасности, понимаемой в ограничительном, изоляционистском смысле; построение государственной коммуникационной политики исходя из схемы унифицированного, однонаправленного процесса коммуникации; коммуникативный отрыв от других стейкхолдеров информационного общества; отождествление коммуникации с информированием. В процессе исследования была выполнена декомпозиция этих проблем и произведена их трансформация в управленческие задачи, а также реализовано проектирование коммуникационного процесса органов государственной власти в России с учетом целей развития информационного общества и выделенных управленческих задач. *Результаты анализа* позволяют обосновать необходимость смещения акцента формирования и развития коммуникационной политики с технологического на социальный, а именно на формирование стейкхолдеров информационного общества, к которым относятся в том числе государственные служащие. Непрерывное обучение для развития релевантных знаний и навыков становится неотъемлемым элементом коммуникационной политики. Также в результате исследования сделан вывод о необходимости заменить ограничительную, изоляционистскую коннотацию государственной безопасности на более широкую и вместе с тем гибкую трактовку безопасности как устойчивого развития. Используя устойчивое развитие как метафору взаимодействия между стейкхолдерами, необходимо сформировать и апробировать четкую модель коммуникационной политики, которая будет учитывать принципы, следующие из теории информационного общества и коммуникационной теории власти.

Ключевые слова: информационное общество, государственная коммуникационная политика, устойчивое развитие, модель коммуникации

Для цитирования: *Штриков С. А.* Управленческое проектирование коммуникационной политики органов государственной власти субъектов Российской Федерации в условиях утверждения информационного общества // Управленческое консультирование. 2019. № 11. С. 57–68.

State Communication Policy Design under the Conditions of the Information Society Development in the Russian Federation

Sergei A. Shtrikov

Synergy Group JSC, Moscow, Russian Federation; shtrikov_sa@cnrg-group.com

ABSTRACT

The purpose of this article is to develop a theoretical model of the communication policy of public authorities of the Russian Federation under the conditions of the information society development and justification of the critical conditions of its implementation. The *methodological background* of the study is a problem analysis of existing communication practices of public authorities to identify the key integrative problems that hinder the achievement of the goal of effective communication policy for the development of the information society. These include: consideration of the technological factor as a key element and the conditions for the formation of the information society; a significant emphasis on national security, understood in a restrictive, isolationist sense; the construction of state communication policy on the basis of a unified, unidirectional communication process; the communication gap from other stakeholders of the information society; identification of communication with information. These problems were decomposed and transformed into governance challenges, and the communication process of public authorities in Russia was designed taking into account the goals of the information society development and selected governance challenges. *The results of the analysis* justify the need to shift the emphasis of the formation and development of communication policy from the technological to the social one, namely, the formation of stakeholders of the information society, which includes public servants. Continuous training for the development of relevant knowledge and skills becomes an integral element of communication policy. The study also concluded that it is necessary to replace the restrictive, isolationist connotation of state security with a broader and more flexible interpretation of security as sustainable development. Using sustainable development as a metaphor (message) for stakeholder engagement, a clear communication policy model should be developed that takes into account the principles that follow from the theory of the information society and the communication theory of power.

Keywords: information society, state communication policy; sustainable development, communication model

For citing: Shtrikov S. A. State Communication Policy Design under the Conditions of the Information Society Development in the Russian Federation // Administrative consulting. 2019. No. 11. P. 57–68.

Введение

Информационное общество в современном мире является не только социально-экономической реальностью, но и неотъемлемым критерием стратегического развития как страны в целом, так и ее отдельных регионов. Сегодня информация и знания становятся важным производственным ресурсом и движущей силой социально-экономического, технологического и культурного развития, в котором в качестве основной ценности выдвигает совокупность знаний и информации. Средства массовой информации выступают в качестве необходимого компонента жизни каждого человека, а медиатекст, определяющий специфику контента СМИ, уже давно стал популярнейшей формой коммуникации. Система массовой коммуникации отражает современное общество и в то же время оказывает серьезное воздействие на общество, его состояние и развитие. В современных медиатекстах происходит реконструкция картины мира и определение приоритетов, что наделяет их ролью эффективных проводников социально-культурных ценностей [6]. Своевременная, объективная и достоверная информация имеет огромное значение в процессе принятия решения на индивидуальном и организационном уровне, а также на уровне государственного и муниципального управления. В то же время полученная информация может быть использована не только в прогрессивных целях, но и для достижения политического, экономического, духовного, военного и иного превосходства. Все вышеперечисленные условности должна отражать государственная коммуникационная политика, значимость которой критически возрастает в условиях информационного общества [7].

В России основным стратегическим документом, определяющим приоритеты и формирующим смысл государственной коммуникационной политики, является Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг., принятая указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203[1]. Ее особенностью, обусловленной спецификой ее создания в сложный «санкционный» период, является то, что она не ставит цели достижения конкретных количественных показателей, а задает общий вектор развития информационного общества в Российской Федерации. Это означает, что имплементация данной стратегии при формировании коммуникационной политики предполагает, прежде всего, ее операционализацию, постоянное соотнесение с ключевыми тенденциями локального, национального и глобального развития — и на этой основе акционистскую корректировку органами государственной власти.

Цель данной статьи — управленческое проектирование коммуникационной политики органов государственной власти субъектов Российской Федерации в условиях утверждения информационного общества. Эффективный переход к информационному обществу требует выделения значительных финансовых ресурсов для финансирования все более сложных информационных технологий и экспертных знаний, необходимых для их реализации. Однако отсутствие финансовых ресурсов — это не главное препятствие для органов государственной власти, желающих развивать коммуникационную политику в целях прогресса информационного общества и экономики знаний. Основная проблема носит более серьезный характер и состоит в диалектическом противоречии технологического и социального развития [8].

Другими словами, технологическая сторона развития информационного общества начинает приобретать смысл исключительно в комбинации с развитием ее социальной стороны. Безусловно, активное внедрение широкополосных цифровых коммуникационных сетей или закупка оборудования для развития виртуального образования являются одним из ключевых факторов, обусловливающих работу экономических агентов (бизнеса, университетов, органов государственной власти) над преобразованием их деятельности в современном обществе. Однако само по себе внедрение технологий не обеспечивает продуктивности, инноваций или более высокого уровня человеческого развития. Информационно-коммуникационные технологии не являются «волшебной таблеткой», способной развить информационное общество и экономику знаний. Это всего лишь инструмент, который необходимо использовать по определенным правилам. Эти правила и формулирует коммуникационная политика органов государственной власти.

Теоретические основы

Коммуникационная политика органов государственной власти формируется не в вакууме, а в реальных условиях становления и развития информационного общества. Именно поэтому для понимания оснований управленческого проектирования коммуникационной политики необходимо проанализировать две теории, которые наиболее успешно объясняют взаимосвязь и взаимозависимость информационного общества и политической коммуникации [18; 20; 21] — а именно теории информационного общества и коммуникативной теории власти.

Информационное общество и общество знаний, пожалуй, являются самыми распространенными парадигмами социальных изменений в современном мире. Огромный объяснительный потенциал этих концепций объясняется их центральной ори-

[1] О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: Указ Президента РФ от 09.05.2017 г. № 203 [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216363 (дата обращения: 21.06.2019).

ентацией на реально происходящие сегодня процессы технологических трансформаций. Во всех развитых странах использование информационно-коммуникационных технологий получает все большее распространение как на национальном, так и на региональном и местном уровнях. Их развитие стимулируется, как правило, идеей развития электронного правительства, электронной демократии, информационной открытости и доступности знаний. Теоретические рамки осмысления информационного общества менялись на протяжении нескольких десятилетий, рефлексивно суммируя ключевые параметры сложившегося на сегодняшний день экономического, технологического и социального уклада.

Д. Белл среди главных требований информационного общества выделял доступ к информации, умение с ней работать, а также защиту информации и информационную безопасность. Профессионализм работников, с точки зрения Белла, является основанием их статусного развития. На этой основе Белл предсказывал рост спроса на квалифицированные кадры с высшим образованием. Важным атрибутом информационного общества Белл называл экспертный совет, в компетенции которого входили задание направления развития той или иной организации и разработка рекомендаций на базе авторитетных знаний [13]. М. Порат (Porat) среди атрибутов информационного общества выделял информационный капитал, к которому относил в основном материальную атрибутику (компьютеры, калькуляторы, терминалы, копиры), и информационных работников — исследователей, инженеров, проектировщиков, менеджеров, юристов — т. е. всех тех, кому платят за создание знаний, разработку идей и обработку информации [23]. Многие отечественные исследователи информационного общества выделяют вовлеченность людей в процессы управления, их нематериальную заинтересованность, а также потенцию к риску [2; 3; 7].

В контексте данных условий вопрос об эффективности распространения информации и знания имеет важнейшее значение для государственного управления, поскольку одна из основных задач, которые преследует современное государство в условиях информационного общества или стремления к нему, заключается в построении систем коммуникации, обеспечивающих диалог властных структур и общества с целью придания легитимности власти и стабильности общественного развития [26]. Согласно ряду важнейших международных конвенций, положенных в основу стратегического развития многих стран (США, Франции, Финляндии, Японии и др.), повсеместная цифровизация интеграции может и должна развиваться только в условиях грамотной и продуманной коммуникационной политики органов государственной власти [16; 24]. Признание формирования общества знаний и информационной экономики как общественного интереса, т. е. интереса, разделяемого различными социальными группами, предполагает наличие определенных характеристик коммуникационной системы, а именно, что регулятивное вмешательство государства, надзор за коммуникацией и ее целенаправленное формирование в той или иной форме возможны и желательны [24, p. 198]. Общественный интерес, как правило, понимается как главный ориентир для принятия решений политиками, а также как главный критерий, по которому оценивается политика. Поэтому коммуникационная политика и ее формирование в обществе знаний представляет собой стратегический выбор государства в ответ на нестабильность международной среды, вызовы исторического развития и возможные технологические, экологические и социальные угрозы.

Центральной особенностью современного информационного общества является трансформация сферы коммуникаций, представляющей собой публичное пространство когнитивного характера, т. е. пространство, в котором сознание людей получает информацию и формирует свои взгляды путем обработки сигналов от общества в целом [15, p. 7]. Трансформация — основной постулат коммуникационной теории

власти, которая, в отличие от других теорий политической и социальной коммуникации, исходит из принятия информационного общества не как цели, а как данности — т. е. объективной реальности, в которой мы живем уже сегодня. Сквозь призму коммуникационного воздействия, современное общество представляет собой социальную структуру, основанную на сетях, управляемых информационно-коммуникационными технологиями, основанных на микроэлектронике и цифровых компьютерных сетях, которые генерируют, обрабатывают и распространяют информацию на основе знаний, накопленных различными индивидами и социальными группами. Другими словами, в то время как межличностное общение — это личные отношения, формируемые субъектами взаимодействия, системы медиакоммуникаций задают отношения между институтами и организациями общества и индивидами как коллективным получателем информации, даже если в конечном итоге информация обрабатывается каждым человеком в соответствии с его личными характеристиками. Поэтому структура и динамика такой коммуникации важны для формирования сознания и мнения как источника принятия политических решений.

Несмотря на то, что электронное правительство имеет уже довольно долгую и успешную историю развития, его стандартные технологии (сайты органов власти, электронные приемные) не обладают достаточной мобильностью и респонсивностью. Поэтому распространение так называемой самонаправленной массовой коммуникации [15, p. 13]: социальных сетей, блогов, влогов (видеоблогов), микроблогов, потоковой передачи данных и других интерактивных форм компьютерной связи — получает столь активное распространение в том числе и в работе органов государственного управления. Благодаря своим техническим особенностям социальные сети и блоги становятся удобными коммуникативными инструментами, в которых может участвовать множество коммуникационных агентов одновременно. Использование этих новых инструментов коммуникационной политики позволяет осуществить коммуникации в реальном времени без существенных затрат на отправку, доставку и получение сообщения [5].

Самонаправленная массовая коммуникация является массовой коммуникацией, потому что она распространяется через интернет и потенциально может достигать всей планеты. В то же время она является самонаправленной, поскольку зачастую инициируется отдельными лицами или группами лиц самостоятельно, в обход конгломератов медийного бизнеса и менее крупных агентов медийной системы. Самонаправленная массовая коммуникация создает новую систему глобальных, горизонтальных сетей связи, которая впервые в истории позволяет людям интенсивно и массово общаться друг с другом так, что их сообщения не проходят по каналам, созданным институтами государства и общества для социализированной и регулируемой коммуникации.

Как указывает Кастельс, доминирование медиапространства над сознанием людей осуществляется через фундаментальный механизм: наличие/отсутствие месседжа (message) в медиапространстве. Все или все, что отсутствует в этом пространстве, не может попасть в общественное сознание, поэтому оно становится единым целым. Этот «двоичный» (либо да, либо нет) характер современной массовой коммуникации имеет критическое значение для развития коммуникативной политики государства. Кроме того, социальные сети, в отличие от текущего, все еще во многом доминирующего, но обреченного на смену основного инструмента массовой коммуникации — телевидения, — продуцируют метафоры, а не образы [15, p. 16].

Методология

Методологической основой данной работы является проблемный анализ. Основываясь на проведенном теоретическом анализе, мы предполагаем, что разработка государственной коммуникационной политики должна основываться на наиболее

актуальных тенденциях развития информационного общества и четких методологических рамках, позволяющих исключить существующие в России системные несоответствия этим тенденциям. Этапы исследования включают:

1) анализ существующих коммуникационных практик органов государственной власти с целью определения основных интегративных проблем, препятствующих достижению цели эффективной коммуникационной политики в целях развития информационного общества;
2) декомпозицию этих проблем и трансформацию их в управленческие задачи;
3) проектирование коммуникационного процесса органов государственной власти в России с учетом целей развития информационного общества и выделенных управленческих задач.

Результаты

Проведенный анализ позволил выявить следующие интегративные проблемы, препятствующие достижению цели эффективной коммуникационной политики в целях развития информационного общества в России.

Во-первых, технологический фактор рассматривается как ключевой элемент и условие формирования информационного общества. Данное утверждение является тупиковым с точки зрения коммуникационной теории власти. Как утверждает М. Кастельс, технология в современном обществе является не просто движущей силой или основным элементом его развития — она и есть само общество [15, p. 3], поскольку именно информационные технологии сегодня находятся в непосредственном взаимодействии с потребностями, ценностями и интересами людей. Технология является необходимым условием появления новой формы социальной организации — организации сетевого типа. Данная форма социальной организации основана на распространении сетей во всех сферах деятельности индивидов и социальных групп. Цифровые сетевые технологии позволяют развиться социальным сетям, которые существовали и в предыдущие исторические периоды, однако в очень ограниченном масштабе. Они могут быть гибкими и адаптивными благодаря своей способности децентрализовать работу в рамках сети автономных компонентов, сохраняя при этом способность координировать всю эту децентрализованную деятельность с общей целью принятия решений. Цифровые коммуникационные сети являются такой же инфраструктурной основой современного сетевого общества, какой выступали электрические и энергетические сети для общества индустриального.

Во-вторых, существенный акцент на национальной безопасности, понимаемой в ограничительном, изоляционистском смысле, является преградой развития информационного общества. Теоретики коммуникационной теории власти предостерегают от непрофессиональных футурологических заблуждений о том, что информацию можно ограничивать, что ее излишнее увлечение виртуальной реальностью может привести к социальной изоляции, замена бумажных книг электронными приведет к безграмотности, что Большой Брат следит за всем и каждым, или что постоянно ускоряющийся благодаря информационным волнам темп нашей жизни приведет к серьезным катастрофам различного характера [15; 10].

В-третьих, государственная коммуникационная политика строится исходя из схемы унифицированного, однонаправленного процесса коммуникации, основным каналом трансляции в котором выступает телевидение. Современные же коммуникации преимущественно развиваются в интерактивной гипертекстовой цифровой среде [11; 12]. Это означает, прежде всего, развитие многонаправленного характера коммуникации. Унифицированный, однонаправленный процесс коммуникации постепенно отмирает. Технологическая гибкость новых медиа «позволяет намного

лучше интегрировать все источники коммуникации в один и тот же гипертекст. Таким образом, цифровая коммуникация становится менее ценностно-ориентированной, но впитывает в свою логику все большую долю социальной коммуникации» [15, p. 12–13]. По мере того как вертикальные коммуникации все активнее заменяются сетевыми, происходит развитие самонаправленной массовой коммуникации, которая имеет очень слабый регулятивный потенциал.

В-четвертых, коммуникативные практики региональных органов власти в России в основном развиваются в отрыве от других стейкхолдеров информационного общества. В то же время, согласно современным тенденциям, эффективная массовая коммуникация в основном организована вокруг конгломератов медийного бизнеса, крупных промышленных предприятий, негосударственных организаций. Невозможно не учитывать интересы этих конгломератов при формировании и реализации государственной коммуникационной политики. Они могут выступать в роли экспертов и основных реципиентов государственных задач по формированию коммуникационной среды [1].

В-пятых, российская коммуникационная политика основывается на не слишком удачной метафоре, предложенной в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг.[1] Таковой является «приоритет традиционных российских духовно-нравственных ценностей и соблюдение основанных на этих ценностях норм поведения при использовании информационных и коммуникационных технологий», поскольку «российское общество заинтересовано в получении информации, соответствующей высокому интеллектуальному и культурному уровню развития граждан России»[2]. Выбор этой метафоры приводит к постоянно актуализируемому дуализму преемственного и инновационного развития (несмотря на то, что информационные и коммуникационные технологии должны активно развиваться, параллельно декларируется важность сохранения «традиционных и привычных для граждан (отличных от цифровых) форм получения товаров и услуг»[3]). Эта метафора транслируется и в ходе текущих коммуникационных кампаний органов государственной власти.

Все эти проблемы приводят к тому, что для российской коммуникационной политики характерно отождествление информационной и коммуникационной политики. Распространенная практика министерств и ведомств — формирование информационно-коммуникационных стратегий, связанных с коррекцией поведения населения, причем коррекцией через информирование. В качестве примера можно привести информационно-коммуникационные стратегии по формированию здорового образа жизни, борьбе с потреблением алкоголя и табака, предупреждению и борьбе с немедицинским потреблением наркотических средств и психотропных веществ, которые появились во многих регионах Российской Федерации после выхода соответствующего приказа Минздрава России от 30.09.2013 № 677.

Другим примером отождествления информационной и коммуникационной политики является формулировка задач коммуникационной политики государственными организациями и ведомствами. Несмотря на то, что таковые можно обнаружить на сайтах органов государственной власти достаточно редко, те из них, что все же опубликованы, прямым образом отождествляют коммуникацию и информирование. Ярким примером здесь является концепция коммуникаци-

[1] О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: Указ Президента РФ от 09.05.2017 г. № 203 [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216363 (дата обращения: 21.06.2019).

[2] Там же.

[3] Там же.

онной политики Росстата, цель которой — «информирование целевых аудиторий о направлениях деятельности Росстата, в том числе подготовке, организации, проведении и подведении итогов федеральных статистических обследований и наблюдений»[1].

Не менее важным и ярким примером является непосредственное региональное «тиражирование» самой Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг. Региональные тексты, в свою очередь, распространяются ниже и копируются на муниципальном уровне. В итоге в России массовое распространение Стратегии превращается в формально-техническую процедуру, предполагающую замену географических наименований при неизменном содержимом. Как результат, мы имеем сотни калькированных документов, примером которых является постановление «О Стратегии развития информационного общества в муниципальном образовании „Дуровский сельсовет“ Рыльского района Курской области на 2017–2030 годы» (принято Администрацией Дуровского сельсовета Рыльского района Курской области 19 сентября 2017 г. № 64)[2].

Обсуждение и выводы

Очень важным постулатом коммуникационной теории власти является то, что информационное общество не является нашей целью. Это не будущее, которого мы должны достичь в качестве некоторого этапа человеческого прогресса, сознательно внедряя новую технологическую парадигму. Это наше настоящее, в разной степени проникающее в разные сферы человеческой жизни, экономики, государства и культуры. Если мы принимаем данный постулат, то ключевой вопрос коммуникационной политики заключается в том, чтобы найти способы и инструменты максимизации шансов на реализацию государственных проектов, выражающих социальные потребности, интересы и ценности общества и государства в новых структурных условиях.

Значение коммуникационной политики органов государственной власти в условиях информационного общества сложно переоценить. Ее развитие сегодня становится все более значимой и все более трудной благодаря особенностям современного общества. В основе процесса современных социальных изменений лежит формирование нового поколения стейкхолдеров информационного общества — т. е. людей, с одной стороны, заинтересованных в его развитии, а с другой стороны, умеющих развиваться самостоятельно, адаптироваться к меняющимся культурным моделям на протяжении жизненного цикла, развиваясь вместе с окружающим обществом. Данное утверждение обоснует решающую роль трансформации системы образования для развития информационного общества. Также оно объясняет, почему государственный сектор в настоящее время является решающим действующим лицом для развития и формирования сетевого информационного общества. Социальные трансформации требуют от государственных гражданских служащих формирования новых навыков и компетенций, готовности использовать новые технологии в своей работе на постоянной и непрерывной основе, а также готовности учиться и приобретать все новые знания и навыки, чаще всего в режиме постоянного, а не скачкообразного, профессионального роста.

Трансформация коммуникационной политики органов государственной власти представляет собой организационно-политический процесс, продиктованный из-

[1] Коммуникационная политика в Росстате [Электронный ресурс]. URL: www.gks.ru (дата обращения: 17.07.2019).

[2] Сайт Дуровского сельсовета [Электронный ресурс]. http://durovo46.ru (дата обращения: 17.07.2019).

менениями характера массовых коммуникаций в информационном обществе. Выделенные проблемы позволяют сформулировать следующие задачи такой трансформации.

Во-первых, необходимо сместить акцент формирования и развития коммуникационной политики с технологического на социальный. Это означает прежде всего формирование стейкхолдеров информационного общества [9; 18; 24], которые заинтересованы в его развитии и готовы получать новые знания и навыки, для этого необходимые. К таким стейкхолдерам относятся в том числе государственные служащие, призванные сыграть ведущую роль в коммуникационно-политическом развитии общества знаний. Непрерывное обучение в этом случае становится важным сопровождающим процессом государственного и муниципального управления. К числу актуальных навыков государственных служащих уже сегодня относятся владение компьютерными технологиями, умение выступать публично и писать тексты для широкой публики, владение иностранными языками, умение взаимодействовать со средствами массовой информации (media relations) [20].

Во-вторых, необходимо заменить ограничительную, изоляционистскую коннотацию государственной безопасности на более широкую и вместе с тем гибкую трактовку безопасности как устойчивого развития. Понятие «устойчивое развитие» и «безопасное развитие» не являются антагонистами. Напротив, устойчивое развитие имеет коннотацию безопасного развития, однако измеряет эту безопасность не закрытыми, а открытыми категориями. Современные исследования подчеркивают, что идея реализовать обеспечение безопасности через развитие является наиболее эффективным модусом решения проблемы безопасности в информационном обществе. В этом случае раздвоение деятельности исчезает, основная созидательная деятельность и обеспечение безопасности совпадают, поскольку модель устойчивого развития оказывается одновременно и моделью безопасного развития [4; 14; 27]. Подчеркнем, что именно в такой коннотации понятие «безопасность» рассматривается в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683). В этом отношении метафора устойчивого развития является более удачной, нежели текущая метафора приоритета традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Устойчивое развитие является объединяющим месседжем в любом медиапространстве, поскольку затрагивает интересы многих поколений и различных социальных групп [10; 19].

В-третьих, необходимо сформировать четкую модель коммуникационной политики, которая будет учитывать принципы, следующие из теории информационного общества и коммуникационной теории власти (рис.).

Основными требованиями к практической реализации данной модели являются следующие:

- она должна подчеркивать отличия коммуникации от информирования;
- иметь потенциал региональной трансформации в связи с теми или иными социально-экономическими или культурно-политическими особенностями региона;
- предполагать тесное сотрудничество со средствами массовой информации, с агентами самонаправленной массовой коммуникации (блоги и др.), с крупными промышленными предприятиями и бизнес-ассоциациями, с организациями гражданского общества;
- исходить из метафоры устойчивого развития;
- предполагать мультиформатные коммуникации, в том числе активно развиваться в социальных сетях, и иметь потенциал гибкости в плане выбора формата сообщения в зависимости от аудитории-получателя.

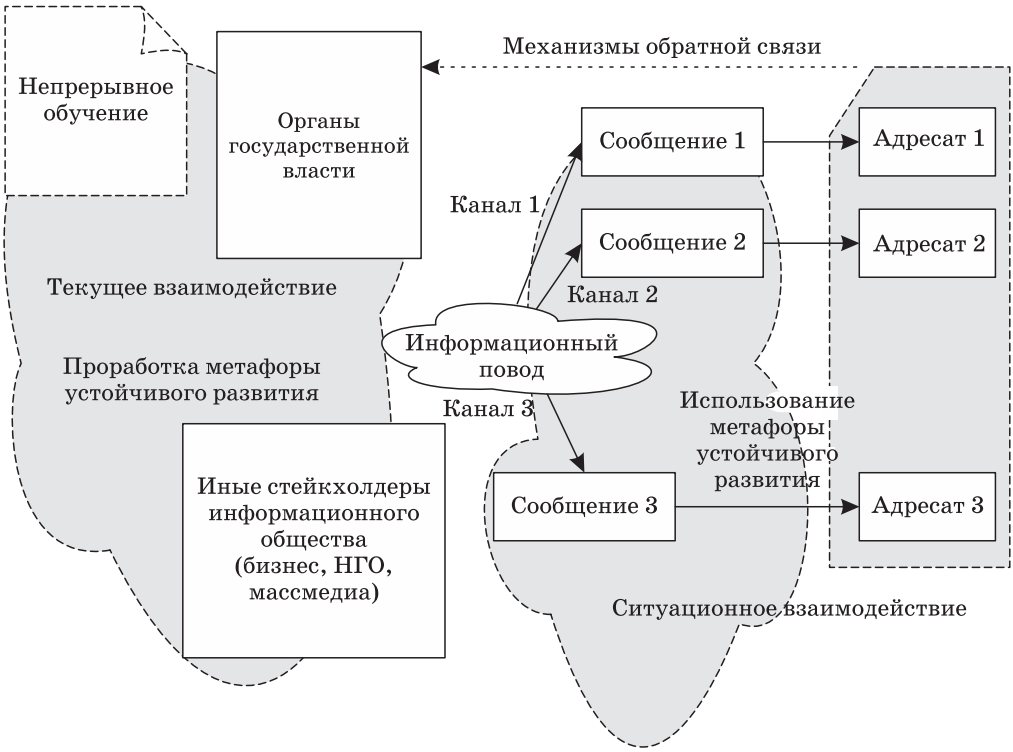


Рис. Модель коммуникационной политики органов государственной власти в информационном обществе
Fig. Communication policy model of public authorities in the information society

Литература

1. *Балашов А. И., Рогова Е. М., Рудская И. А.* Формирование региональной инновационной системы в Санкт-Петербурге // Экономическое возрождение России. 2015. № 1. С. 96–114.
2. *Ершова Г. Г.* Антропосистема: коммуникативные модели и регулируемая интеграция // Исторический журнал: науч. исслед. 2012. № 4. С. 11–25.
3. *Матвеев А. С.* Коммуникационная природа социального управления // Философия и культура. 2013. № 5. С. 643–649.
4. *Урсул А. Д.* Проблемы безопасности и устойчивого развития: эволюционный подход и междисциплинарные перспективы // Вопросы безопасности. 2014. № 5. С. 1–62.
5. *Филатова О. Г., Шабанова Е. С.* Публичные коммуникации органов государственной власти РФ в пространстве Веб 2.0: анализ блогов и социальных сетей // Интернет и современное общество. 2011. С. 220–224.
6. *Харьковская Е. В., Бикбаев А. И.* Популяризация спорта посредством технологий массовых коммуникаций // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2017. Т. 2. № 3. С. 41–44.
7. *Чернышев А. И.* Необходимость применения современных электронных коммуникаций органами государственной власти в России // Социодинамика. 2014. № 8. С. 132–138.
8. *Шамахов В. А., Балашов А. И.* Новая общественно-политическая нормальность и уроки модернизации постсоветской системы государственного управления // Управленческое консультирование. 2016. № 12. С. 6–15.
9. *Arras S., Braun C.* Stakeholders wanted! Why and how European Union agencies involve non-state stakeholders. Journal of European Public Policy. 2018. 25 (9). P. 1257–1275.

10. *Azmat F.* Sustainable Development in Developing Countries: The Role of Social Entrepreneurs. International Journal of Public Administration. 2013. 36:5. P. 293–304.
11. *Barbero M.J.* Digital Convergence in Cultural Communication. Popular Communication. 2009. 7 (3). 147–157.
12. *Barns S., Cosgrave E., Acuto M., Mcneill D.* Digital Infrastructures and Urban Governance. Urban Policy and Research. 2017. 35 (1). P. 20–31.
13. *Bell D.* The Coming of the Post-Industrial Society. The Educational Forum. 1976. 40 (4). P. 574–579.
14. *Brady G.L., Geets P.C. F.* Sustainable development: the challenge of implementation. International Journal of Sustainable Development & World Ecology. 1994. 1 (3). P. 189–197.
15. *Castells M., Cardoso G.* The Network Society: From Knowledge to Policy. Washington DC : Center for Transatlantic Relations, 2006.
16. *Crozier M.* Recursive Governance: Contemporary Political Communication and Public Policy, Political Communication. 2007. 24 (1). P. 1–18.
17. *Dick A.L.* Who needs the information society? New circuits of power and resistance. Communicatio. 2000. 26 (1). P. 3–14.
18. *Dolničar V., Prevodnik K., Vehovar V.* Measuring the Dynamics of Information Societies: Empowering Stakeholders Amid the Digital Divide. The Information Society. 2014. 30 (3). P. 212–228.
19. *Filho W.L., Tripathi S.K., Guerra A., Giné-Garriga R. at all.* Using the sustainable development goals towards a better understanding of sustainability challenges. International Journal of Sustainable Development & World Ecology. 2019. 26 (2). P. 179–190.
20. *Kruyen P.M., Van Genugten M.* Opening up the black box of civil servants' competencies. Public Management Review. 2019.
21. *Menou M.M., Taylor R.D.* A "Grand Challenge": Measuring Information Societies. The Information Society. 2006. 22 (5). P. 261–267.
22. *Napoli P.M.* Foundations of Communications Policy: Principles and Process in the Regulation of Elec-tronic Media. 2001.Cresskill, NJ : Hampton Press Inc.
23. *Porat M.U.* Global Implications of An Information Society. Journal of Communication. 1978. 28 (1). P. 70–80.
24. *Raboy M., Landry N., Shtern J.* Digital Solidarities, Communication Policy and Multi-Stakeholder Global Governance. 2010. New York : Peter Lang.
25. *Servaes J. Communication* policies, good governance and development journalism. Communicatio. 2009. 35 (1). P. 50–80.
26. *Sivarajah U., Weerakkody V., Waller P. at all.* The role of e-participation and open data in evidence-based policy decision making in local government. Journal of Organizational Computing and Electronic Commerce. 2016. 26 (1–2). P. 64–79.
27. *Throsby D.* Culturally sustainable development: theoretical concept or practical policy instrument? International Journal of Cultural Policy. 2017. 23 (2). P. 133–147.

Об авторе:
Штриков Сергей Анатольевич, Генеральный директор АО «Синергия Групп» (Москва, Российская Федерация); shtrikov_sa@cnrg-group.com

References

1. Balashov A.I., Rogova E.M., Rudskaya I.A. Formation of regional innovation system in St. Petersburg // Economic revival of Russia. 2015. No. 1. P. 96–114. (In rus)
2. Ershov G.G. Anthroposystem: communicative models and adjustable integration // Historical Journal: scientific research. 2012. No. 4. P. 11–25. (In rus)
3. Matveev A.S. Communication Nature of Social Governance // Philosophy and Culture. 2013. No. 5. P. 643–649. (In rus)
4. Ursul A.D. Security and Sustainable Development Challenges Evolutionary Approach and Interdisciplinary Perspectives // Security Issues. 2014. No. 5. P. 1–62. (In rus)
5. Filatova O.G., Shabanova E.S. Public communications of state authorities of the Russian Federation in the space Web 2.0: analysis of blogs and social networks // Internet and modern society. 2011. P. 220–224. (In rus)

6. Kharkovskaya E. V., Bikbaev A. I. Popularization of sports through technologies of mass communications // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2017. V. 2. No. 3. P. 41–44. (In rus)
7. Chernyshev A. I. Need of application modern electronic communications by bodies of state authorities in Russia // the Sociodynamics. 2014. No. 8. P. 132–138. (In rus)
8. Shamakhov V. A., Balashov A. I. New social and political normality and lessons of modernization of the post-Soviet system of public administration // Administrative consulting. 2016. No. 12. P. 6–15. (In rus)
9. *Arras S., Braun C.* Stakeholders wanted! Why and how European Union agencies involve non-state stakeholders. Journal of European Public Policy. 2018. 25 (9). P. 1257–1275.
10. *Azmat F*. Sustainable Development in Developing Countries: The Role of Social Entrepreneurs. International Journal of Public Administration. 2013. 36:5. P. 293–304.
11. *Barbero M. J.* Digital Convergence in Cultural Communication. Popular Communication. 2009. 7 (3). 147–157.
12. *Barns S., Cosgrave E., Acuto M., Mcneill D*. Digital Infrastructures and Urban Governance. Urban Policy and Research. 2017. 35 (1). P. 20–31.
13. *Bell D*. The Coming of the Post-Industrial Society. The Educational Forum. 1976. 40 (4). P. 574–579.
14. *Brady G. L., Geets P. C. F.* Sustainable development: the challenge of implementation. International Journal of Sustainable Development & World Ecology. 1994. 1 (3). P. 189–197.
15. *Castells M., Cardoso G*. The Network Society: From Knowledge to Policy. Washington DC : Center for Transatlantic Relations, 2006.
16. *Crozier M.* Recursive Governance: Contemporary Political Communication and Public Policy, Political Communication. 2007. 24 (1). P. 1–18.
17. *Dick A. L.* Who needs the information society? New circuits of power and resistance. Communicatio. 2000. 26 (1). P. 3–14.
18. *Dolničar V., Prevodnik K., Vehovar V.* Measuring the Dynamics of Information Societies: Empowering Stakeholders Amid the Digital Divide. The Information Society. 2014. 30 (3). P. 212–228.
19. *Filho W. L., Tripathi S. K., Guerra A., Giné-Garriga R. at all.* Using the sustainable development goals towards a better understanding of sustainability challenges. International Journal of Sustainable Development & World Ecology. 2019. 26 (2). P. 179–190.
20. *Kruyen P. M., Van Genugten M.* Opening up the black box of civil servants' competencies. Public Management Review. 2019.
21. *Menou M. M., Taylor R. D.* A "Grand Challenge": Measuring Information Societies. The Information Society. 2006. 22 (5). P. 261–267.
22. *Napoli P. M.* Foundations of Communications Policy: Principles and Process in the Regulation of Elec-tronic Media. 2001.Cresskill, NJ : Hampton Press Inc.
23. *Porat M. U.* Global Implications of An Information Society. Journal of Communication. 1978. 28 (1). P. 70–80.
24. *Raboy M., Landry N., Shtern J*. Digital Solidarities, Communication Policy and Multi-Stakeholder Global Governance. 2010. New York : Peter Lang.
25. *Servaes J.* Communication policies, good governance and development journalism. Communicatio. 2009. 35 (1). P. 50–80.
26. *Sivarajah U., Weerakkody V., Waller P. at all.* The role of e-participation and open data in evidence-based policy decision making in local government. Journal of Organizational Computing and Electronic Commerce. 2016. 26 (1–2). P. 64–79.
27. *Throsby D*. Culturally sustainable development: theoretical concept or practical policy instrument? International Journal of Cultural Policy. 2017. 23 (2). P. 133–147.

About the author:

Sergei A. Shtrikov, General Director of Synergy Group JSC (Moscow, Russian Federation); shtrikov_sa@cnrg-group.com

DOI 10.22394/1726-1139-2019-11-69-75

Practical Experience of Managing the Distributed E-Learning System «SPIDER» in the Preparation of Students of the Faculty of Economics and Finance at the North-West Institute of Management, Branch of RANEPA

Alexey P. Isaev, Tatyana V. Vasilyeva*

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation; *isaev-ap@ranepa.ru

ABSTRACT

We consider examines the place and role of E-learning in the Internet economy, the nature and features of the distributed system of E-learning, the practical experience of the managing of distributed E-learning system on the example of DELS "SPIDER". This system is used in the preparation of students of the faculty of Economics and Finance at the North-West Institute of Management, branch of RANEPA. In the article the analysis of the impact of the Internet on learning, history of development of E-learning, the most important elements of the conceptual apparatus of E-learning, the essence of distributed E-learning system "SPIDER". We identify a number of constraining factors for its implementation in the educational process. We identify a number of constraining factors for implementation in the educational process The method of teaching students with the use of modern Internet technologies based on DELS "SPIDER" :The authors formulated four principles of E-Learning: personal approach, calm study temp, favorable psychological climate, modern material and technical base in the institute and relax room for the teachers.

Keywords: electronic learning, E-learning, Internet economy, IT technologies. Internet business, information technology. internet technology, LMS, MOOC, DELS "SPIDER"

For citing: Isaev A. P., Vasilyeva T. V. Practical Experience of Managing the Distributed E-Learning System «Spider» in the Preparation of Students of the Faculty of Economics and Finance at the North-West Institute of Management, Branch of RANEPA // Administrative consulting. 2019. No. 11. P. 69–75.

Практический опыт управления распределенной системой электронного обучения «SPIDER» при подготовке студентов факультета экономики и финансов Северо-Западного института управления РАНХиГС

Исаев А. П., Васильева Т. В.*

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация, *isaev-ap@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассматривается роль электронного обучения в интернет-экономике, сущность и особенности распределенной системы электронного обучения, практический опыт управления распределенной системой электронного обучения на примере DELS "SPIDER". Данная система используется при подготовке студентов факультета экономики и финансов Северо-Западного института управления-филиала РАНХиГС. В статье проведен анализ влияния интернета на обучение, история развития электронного обучения, выделены наиболее важные элементы понятийного аппарата электронного обучения, сущность распределенной системы электронного обучения "SPIDER". Выявлен ряд сдерживающих факторов для его реализации в образовательном процессе. Выявлен ряд сдерживающих факторов для реализации в учебном процессе методики обучения студентов с исполь-

зованием современных интернет-технологий на базе DELS “SPIDER”. Авторы сформулировали четыре принципа электронного обучения: персональный подход, спокойный темп обучения, благоприятный психологический климат, современная материально-техническая база в институте и комната отдыха для преподавателей.

Ключевые слова: электронное обучение, интернет-экономика, интернет-бизнес, информационные технологии, интернет-технологии, LMS, MOOC, DELS “SPIDER”

Для цитирования: *Isaev A. P., Vasilyeva T. V.* Practical Experience of Managing the Distributed E-Learning System Spider in the Preparation of Students of the Faculty of Economics and Finance at the North-West Institute of Management, Branch of RANEPA // Управленческое консультирование. 2019. № 11. С. 69–75.

1. Historical aspects of E-learning

The system of higher education in Russia was finally formed by the beginning of the twentieth century. This system was represented by three main types of educational institutions, in the formation and development of each of which European pedagogical ideas were directly or indirectly reflected. Institutions of higher education in Russia had many of their national features, due, firstly, to the specifics of European ideas in Russian pedagogical thought and, secondly, to the socio-economic and national-cultural characteristics of the development of Russia.

The whole history of the existence and development of human society is inextricably linked with the creation, transfer, processing and storage of information [6, p. 51]. There is several information revolutions associated with significant transformations of social relations due to fundamental changes in the field of information processing [7, p. 80].

The development of information technology began with the advent of writing, and then printing. New technologies created new forms of employment:

- in the XII–XIX centuries — the publication of books, magazines and newspapers;
- in the late XIX — early XX century — telegraph and telephone;
- in the middle of the XX century — a television.

The emergence of electronic computers based on information technology has radically changed the structure of the economy. The emergence of electronic computers has turned intelligent technology into the most important tool for system analysis, the basis for making management decisions [8, p. 46].

The main stages of the world information revolution are: the Neolithic revolution, iron revolution, the emergence of writing, the invention of printing; the appearance of the telegraph, telephone, radio and television; the emergence of electronic computers, the creation of the Internet [4, p. 41].

2. The impact of the Internet on learning

The Internet allows you to get the maximum effect from the learning process, by increasing the freedom in choosing the time for studying e-learning courses, choosing the time for studying depending on the student’s desire [10, p. 52]. The Internet allows you to make the teaching process in higher education more student-oriented [3, p. 84]. This trend implies a greater consideration of the individual characteristics of each student who has the opportunity to express all ideas and questions during the lecture in the virtual classroom, and each student question can be saved for further consideration and in-depth study.

Students of the course receive an opportunity to independently choose the pace of the course. Moreover, a student can take a certain level or stage of the course for as long as he needs to master it.

The advantages provided by the Internet in organizing the collaboration of the teacher (tutor) and the student allow the simultaneous (joint) use and editing of not only text

materials, but also graphics, audio and video. Joint activities allow not only to be included in a single learning process, but creates opportunities for interaction not only with the student (community), but also with the teacher in real time through the virtual classroom and other elements provided by the selected e-learning system.

When implementing educational programs or their parts using exclusively e-learning an educational organization independently and (or) using the resources of other organizations:

- creates conditions for the functioning of the electronic information and educational environment, which ensures that students master the educational programs or their parts in full, regardless of the location of the students;
- provides identification of the student's personality, the choice of the method of which is carried out by the organization independently;
- provides the monitoring of compliance with the conditions of the events in which the training results are assessed.

The implementation of the educational process in accordance with the established procedure involves not only the organization's online resources, but also the local regulatory base governing their involvement in the educational process [5, p. 60].

3. The place of E-Learning in the Internet economy

With the advent of the Internet from the electronic economy there is an *Internet economy,* which is a systemically organized, multi–level structure built on the basis of the relationship between economic agents on the Internet. The beginning of the development of the Internet economy can be attributed to 1983, when the process of integration of individual local networks and established a single unified data network "Internet", the name for which was the name of the data Protocol (Internet Protocol) [2, p. 100].

In addition to the development of such areas as Internet commerce, Internet banking, Internet consulting, Internet insurance and a number of others within the Internet economy, the sphere of E-learning is developing rapidly, which is directly related to the spread of the Internet in the world and in Russia in particular.

E-learning is a form of learning, a purposeful, system-organized process of interaction between participants in the educational process, built on the use of Internet technologies [11, p. 18].

Internet technologies, being a consequence of the development of information technologies, cover all elements of the Internet economy system [8, p. 338].

Internet business is one of the forms of evolutionary development of E-business, which, in turn, is a subsystem of E-economy based on information technology [4, p. 53].

Thus, *E-learning (electronic learning, online learning)* is one of the areas of Internet business, which is a structural element of the Internet economy based on Internet technologies [11, p. 74].

4. The most important elements of the conceptual apparatus of E-learning

The most important elements that significantly influence the integration of online courses in the educational process are the following:

- the formation of a single conceptual apparatus;
- creation of a single information field in the educational organization itself;
- the formation of a local regulatory base;
- motivation of authors of learning courses to update the content of their course and to support it.

The introduction of online courses in the educational process, affects not only the changing role of the teacher, new requirements are imposed on the student.

The effectiveness of online courses in the educational process depends not only on the correct setting of e-learning goals, but also on the possibility of achieving these

goals with the help of specific tools. Typically, this tool is an e-learning system (LMS, E-Learning Management System).

Educational platform is online service that allows different participants to place educational materials, build personalized learning paths, store information about the results of the development of disciplines.

The most famous educational platforms are Universarium, Coursera, the Russian national platform "Open Education", Netology.

Massive open online courses (MOOC) are hosted on a variety of educational platforms. The main requirements for such platforms can be formulated as:

1) the availability of the platform;
2) platform performance;
3) platform support for a minimum set of software interface functions;
4) support for account-based pass-through authentication;
5) availability of published minimum technical requirements and requirements for the versions of the user's software supported by the platform.

The Russian portal "Open education" is a modern educational platform offering online courses in the basic disciplines of bachelor's and master's degrees studied in Russian universities.

All courses placed on the platform are developed in accordance with the requirements of Federal state educational standards and meet the requirements for the results of educational programs implemented in universities. Upon completion of training, the student can receive a certificate. In order to be able to final testing is necessary to fulfill the requirements of the course evaluation system and make payment.

5. Experience of E-learning system management at the Faculty of Economics and Finance at the North-West Institute of Management in St. Petersburg

Virtually every institution of higher education applies some form of distance learning, by outsourcing or independently developing the necessary software for this. In the process of informatization of education, there is a massive connection of educational institutions to the Internet, educational portals and network libraries are being developed, therefore one of the most promising forms of distance learning is E-Learning, based on the Internet, one of the global computer networks connecting entire continents [9, p. 36].

Distributed E-learning system "SPIDER" (DELS "SPIDER") is a multifunctional modular complex with integrated interactive elements of distance learning, subordinated to a single control center and allows you to organize the educational process with the use of modern Internet technologies [4, p. 46].

The main purpose of the DELS "SPIDER" is an information association through the Internet of students-economists and teachers of the Department of Economics and Finance of the North-West Institute of management [1, p. 16].

The method of teaching students with the use of modern Internet technologies based on DELS "SPIDER" takes into account such important factors as the curiosity of students and the desire for novelty, offering a dynamic structure of the lesson, combining both classical teaching methods and innovative ones.

However, despite all the advantages of such a methodology of training, it is possible to identify a number of constraining factors for its implementation in the educational process [4, p. 76].

1. The absence of officially established standards for accounting for work of this type when calculating the academic load of a teacher of a higher educational institution.
2. The need to modernize the classrooms and the organization of additional computer classes.

3. The low level of computer literacy among a large group of students of humanitarian and socio-economic specialties.
4. The need for additional costs for the continuous modernization and maintenance of the "SPIDER" in connection with the rapid development of Internet technologies.
5. The organization of a dynamic update of information on the site, coming from teachers.
6. The need for special training of teachers to transition to this system of learning. A serious problem of the organization of Internet-based education is some misunderstanding by teachers of the prospects for introducing Internet technologies into the educational process. It is precisely with this that the difficulties of recruiting network teachers are connected.
7. In some cases, there is the problem of student interaction with the teacher in remote mode. Practical experience has shown that students have difficulties in the style of addressing the network teacher: they cannot clearly formulate their question while communicating in the forum, in the chat, in the Dialog system as part of the training course. Despite the fact that the modern generation devotes a lot of time to virtual communication with each other, the skill of individual business communication with an adult person, with the teacher, is very poorly developed among them.

Despite a number of the aforementioned constraints on the implementation of this training system, at present it is actively used at the Faculty of Economics and Finance at the North-West Institute of Management in St. Petersburg.

Four principles of E-Learning in the DELS "SPIDER" are presented on Fig 1.

This DELS "SPIDER" is actively used in the preparation of students of the faculty of Economics and Finance at the North-West Institute of Management, branch of RANEPA, at the present time.

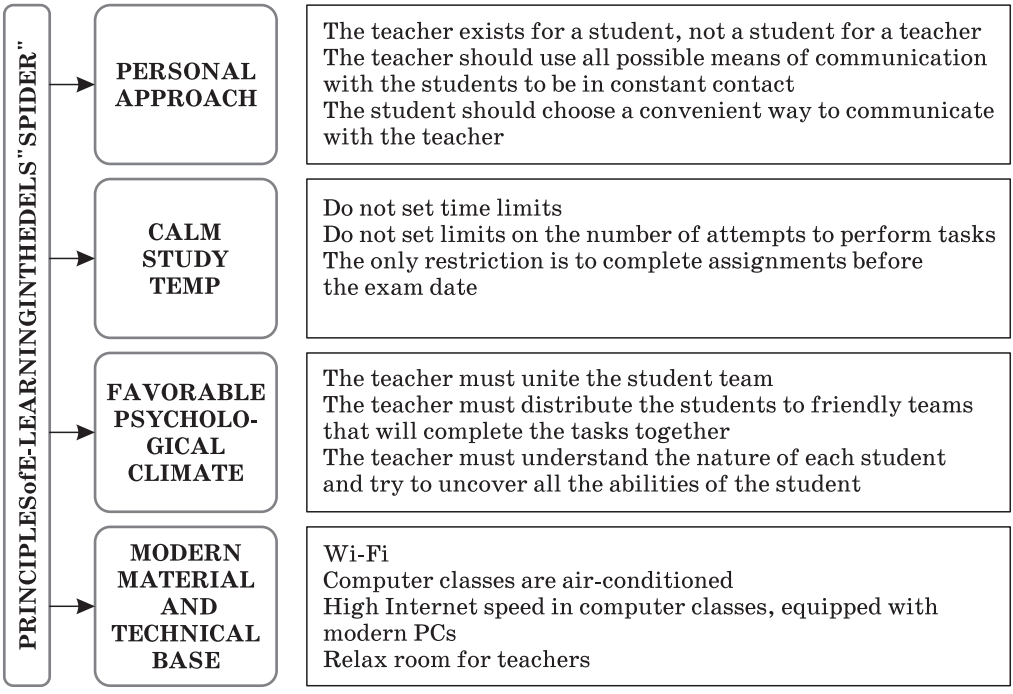


Fig. 1. Principles of E-Learning in the DELS "SPIDER" [4, p. 77]

***

All in all, the article above presents the practical experience of managing the distributed E-learning system «Spider» at the Faculty of Economics and Finance at the North-West Institute of Management in St. Petersburg.

The first projects of electronic (online) learning in the world under the term "E-learning" appeared as early as the 1990s, however, they really became a mass phenomenon only in the mid-2000s. Today, the volume of the global E-learning market is estimated at $ 90 billion, its growth rate exceeds 25% per year. Over the past 10 years, E-learning, distance learning technologies have become an integral part of a number of national educational systems. This trend is relevant for Russia.

The Federal Law No. 273-FZ "On Education in the Russian Federation", which entered into force in 2012, regulatory introduced the concepts of E-learning and distance learning technologies into the main educational process.

The Internet for the modern generation is a "natural habitat", an integral part of their life. The current generation of the information economy is learning more through visual images than previous generations, since the real world is rich in visual stimuli [2, p. 78].

References

1. Vasilieva T. V., 2008. Information and educational network «SPIDER». Monograph. St. Petersburg. IMC "NVSh — SPb". 112 p.
2. Vasilieva T. V., 2018. Internet Economy in Russia. Monograph. St. Petersburg. IMC "NVSh — SPb". 159 p.
3. Vasilieva T. V., 2009. Information and communication technologies in the system of higher education. Monograph. St. Petersburg. IMC "NVSh — SPb". 160 p.
4. Vasilieva T. V., 2018. E-Learning in Russia. St. Petersburg. IMC "NVSh — SPb". 162 p.
5. Karlovskaya E. A., Maskiyanova T. V., 2011. Russia in the 21st Century: Model of Sustainable Development. Monograph. Book 4. Novosibirsk : CIB-PRINT. P. 49–120.
6. Konovalova T. A., 2012. The methodology of a comprehensive assessment of the effectiveness of a mono-industrial city (on the example of Sosnovy Bor, Leningrad Region) // Discussion [Diskussiya]. No. 10. P. 51–58.P. 51–58.
7. Konovalova T. A., 2012. Features of the economic development of single-industry towns of strategic importance // Kazan Science [Kazanskaya nauka]. No. 7. P. 80–83.
8. Kuganov V. G., Kozlova V. M. 2019. Prospects for the Mobile Commerce Market in the Digital Economy // Economic Vector [Ekonomicheskii vektor]. No. 1 (16). P. 45–48.
9. Kudryashov V. S., 2017. The implementation of cluster policy for the economic development of Russian regions // Economy and management: problems, solutions [Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya]. No. 1. P. 33–38.
10. Kuritsky A. B., 2002. Government regulation of the Internet economy: theory issues, world experience and prospects for its use in Russia. SPb. : SPb. University. 109 p.
11. Maksiyanova T. V., 2010. Innovation Technologies in Modern Economics. St. Petersburg. IMC "NVSh — SPb". 316 p.
12. Molokanov S. I., 2010. The use of electronic educational tools for teaching university students (for example, teaching students of the biological faculty) // Proceedings of young scientists of Altai State University [Trudy molodykh uchenykh Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta]. No. 7. P. 338–340.

About the authors:

Alexey P. Isaev, Dean of Faculty of Economy and Finance of North-West institute of management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (History), Professor; isaev-ap@ranepa.ru

Tatyana V. Vasilyeva, Associate Professor of the Chair of Economics of the North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Economics, Associate Professor; 15351538@mail.ru

Литература

1. *Васильева Т. В.* Информационно-образовательная сеть «SPIDER» : монография. СПб. : ИМЦ «НВШ — СПб», 2008. 112. с. (In rus)
2. *Васильева Т.В.* Интернет-экономика в России: монография. СПб. : ИМЦ «НВШ — СПб», 2018. (In rus)
3. *Васильева Т. В.* Информационно-коммуникационные технологии в системе высшего образования : монография. СПб. : ИМЦ «НВШ — СПб», 2009. (In rus)
4. *Васильева Т. В.* Электронное обучение в России. СПб. : ИМЦ «НВШ — СПб», 2018. (In rus)
5. *Карловская Е. А., Максиянова Т. В.* [и др.]. Россия в XXI веке: модель устойчивого развития : монография. Кн. 4. Новосибирск : Сибпринт, 2011. (In rus)
6. *Коновалова Т. А.* Методика комплексной оценки эффективности монопромышленного города (на примере г. Сосновый Бор Ленинградской области) // Дискуссия. 2012. № 10. С. 51–58. (In rus)
7. *Коновалова Т. А.* Особенности экономического развития моногородов стратегического значения // Казанская наука. 2012. №. 7. С. 80–83. (In rus)
8. *Куганов В. Г., Козлова В. М.* Перспективы рынка мобильной торговли в цифровой экономике // Экономический вектор. 2019. № 1 (16). С. 45–48. (In rus)
9. *Кудряшов В. С.* Реализация кластерной политики в целях экономического развития регионов России // Экономика и управление: проблемы, решения. 2017. № 1. С. 33–38. (In rus)
10. *Курицкий А. Б.* Государственное регулирование интернет-экономики: вопросы теории, мировой опыт и перспективы его использования в России. СПб. : СПб. университет, 2002. (In rus)
11. *Максиянова Т. В.* Инновационные технологии в современной экономике. СПб. : ИМЦ «НВШ — СПб», 2010. 316 с. (In rus)
12. *Молоканов С. И.* Применение электронных средств учебного назначения для обучения студентов вуза (на примере обучения студентов биологического факультета) // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета. 2010. №. 7. С. 338–340. (In rus)

Об авторах:

Исаев Алексей Петрович, декан факультета экономики и финансов Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор исторических наук, профессор; isaev-ap@ranepa.ru

Васильева Татьяна Владимировна, доцент кафедры экономики Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат экономических наук, доцент; 15351538@mail.ru

DOI 10.22394/1726-1139-2019-11-76-91

Возможности региона в укреплении экономической безопасности в сфере обеспечения населения продовольствием

*Градусова В. Н., Липатова Л. Н.**

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *ln.lipatova@yandex.ru

РЕФЕРАТ

Цель: выявление и анализ угроз экономической безопасности в продовольственной сфере Республики Мордовия и их источников.

Методы: системного подхода, экономическо-статистического анализа, сравнительного анализа, обобщения и интерпретации полученных результатов.

Результаты: на материалах Республики Мордовия проведен анализ развития сельскохозяйственного производства за последние десять лет, выявлены основные угрозы экономической безопасности в сфере обеспечения продовольствием и их источники, сформулированы предложения по предупреждению и нейтрализации угроз.

Выводы: сделаны выводы о наличии факторов, угрожающих устойчивому развитию сельского хозяйства Республики Мордовия, что требует принятия безотлагательных мер по предотвращению и нейтрализации выявленных угроз.

Ключевые слова: экономическая безопасность, устойчивое развитие, продовольственная безопасность, риски, угрозы, противорисковые меры

Для цитирования: *Градусова В. Н., Липатова Л. Н.* Возможности региона в укреплении экономической безопасности в сфере обеспечения населения продовольствием // Управленческое консультирование. 2019. № 11. С. 76–91.

Capacity of the Region in Enhance Economic Security in the Provision of Food

*Valentina N. Gradusova, Lyudmila N. Lipatova**

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation; *ln.lipatova@yandex.ru

ABSTRACT

Goal: to identify and analyze threats to economic security in the food sector of the Republic of Mordovia and their sources.

Methods: a systematic approach, economic and statistical analysis, comparative analysis, generalization and interpretation of the results.

Results and discussion: the materials of the Republic of Mordovia analyzed the development of agricultural production over the past ten years, identified the main threats to economic security in the field of food supply and their sources, formulated proposals for the prevention and neutralization of threats

Conclusions. Conclusions are made about the existence of factors threatening the sustainable development of agriculture of the Republic of Mordovia, which requires the adoption of urgent measures to prevent and neutralize the identified threats.

Keywords: economic security, sustainable development, food security, risks, threats, anti-risk measures.

For citing: Gradusova V. N., Lipatova L. N. Capacity of the Region in Enhance Economic Security in the Provision of Food // Administrative consulting. 2019. No. 11. P. 76–91.

Введение

Проблемы экономической безопасности в отраслевой проекции являются предметом пристального изучения многих исследователей. Так, Д. К. Нанто, выявляя угрозы экономической безопасности со стороны финансовой системы, предлагает способы их предотвращения и купирования [29]. В. Ван, исследовав устойчивость нефтяной промышленности Китая, на основе метода факторного анализа построил Систему индикаторов раннего предупреждения угроз [21]. Особое место среди таких исследований занимают работы, связанные с обеспечением продовольствием населения разных стран.

Об опасном для мировой экономики сокращении занятых в сельском хозяйстве людей и домохозяйств вследствие механизации и урбанизации в своих работах писали Дж. Э. Энсор, П. Веннстрем, А. Бхаттерай, С. Эриксен и Дж. Силлманн [22]. Ученые из Китая У. Лин и Т. Чен, разрабатывающие теоретические основы развития экологически чистого сельскохозяйственного производства, разработали модель перевода сельского хозяйства страны на экологически безопасные технологии [27]. Проблемы сельского хозяйства во Вьетнаме раскрывают в своих трудах Т. Н. Линь, Х. Т. Лонг, Л. В. Чи, Л. Т. Там и П. Лебайли [20].

М. Иоаннис, М. Джордж и М. Сократ, учитывая основные принципы социальной ответственности, смоделировали агропродовольственный центр, основанный на системе устойчивого управления цепями поставок [25]. Г. Л. Николэй, исследуя проблемы продовольственной безопасности с позиции безопасности сельскохозяйственного производства, предлагает ввести сертификацию органических продуктов питания на предмет их соответствия агроэкологическим требованиям [30]. О путях укрепления экономической безопасности аграрного сектора экономики Украины говорится в научной статье Л. Николенко, Е. Юраковского, Н. Иванюты, О. Андроника и С. Шарковской, в которой авторы разработали математическую модель оценки и прогнозирования ситуации в сельском хозяйстве Винницкой области [31].

В последние годы вопросы обеспечения экономической безопасности в различных сферах деятельности привлекают все большее внимание и российских ученых. С. А. Разгонов исследует вопросы экономической безопасности автомобилестроения [15], Н. В. Шубина — угрозы устойчивому развитию отечественной деревообрабатывающей промышленности [19], Г. В. Маханько — проблемы экономической безопасности агропромышленного сектора [11], Л. А. Борзых — социальной сферы [6]. Вопросам экономической безопасности регионов Уральского федерального округа посвящена работа В. В. Акбердиной, А. В. Гребенкина и О. П. Смирновой [2].

Региональные особенности систем обеспечения экономической безопасности раскрываются в работах Е. А. Третьяковой (социальная сфера Пермского края) [17], Е. Караниной, О. Рязановой и Н. Грицюк (анализируются угрозы экономической безопасности для транспортных предприятий Кировской области) [26]. О. В. Гафарова и Д. В. Лапшов в своей статье выявляют основные факторы рисков для экономической системы Ростовской области [7].

Различные проблемы развития АПК России исследуют Г. Мукашева, К. Жакишева, А. Ерназарова, Д. Жуманова и Г. Курманова [23], конкурентоспособность этой отрасли оценивает О. Н. Транченко [16], возможности инновационного преобразования отечественного сельского хозяйства раскрывают в своей статье Е. Н. Халтурина, И. М. Нурмухаметов, А. А. Смирнов, С. Г. Кренева и И. С. Винокуров [28]. А. С. Афанасьева предложила направления реализации политики в сфере развития АПК на основе форсайт-технологий [5].

Экономическая безопасность Республики Мордовия — небольшого приволжского региона — остается пока малоизученной сферой. Особенности экономического развития Республики Мордовия и вопросы обеспечения экономической безопасности

региона анализируют С.Н. Митяков, Е.С. Митяков, Н.А. Романова [12], Л.Н. Липатова, В.Н. Градусова, Ю.Н. Пахомов [1; 3; 4; 10; 13], Л.Н. Чайникова, В.Н. Чайников [18]. Проблемы развития регионального сельского хозяйства раскрывают в своих трудах С.П. Бурланков, Л.И. Зинина, Т.П. Королева, Н.С. Крутов [8], Е.В. Кшнякина [9] и др.

Сельское хозяйство — ключевая составляющая экономики Республики Мордовия. На его долю приходится: в структуре валового регионального продукта — более 14% (2016 г.), в структуре занятости — более 20% (2017 г.). В последние годы сельское хозяйство в регионе устойчиво развивается — в 2013–2017 гг. объем произведенной продукции возрос в 1,5 раза[1]. Но, несмотря на положительную динамику развития сельскохозяйственного производства в регионе, в условиях геополитической нестабильности, неустойчивости развития мировой экономики, обострения конкуренции на внутреннем и внешнем рынках существенно актуализируется проблема обоснования управленческих решений по его развитию с учетом возможных угроз.

Цель данного исследования — выявить основные угрозы экономической безопасности сельскохозяйственного производства Республики Мордовия и разработать комплекс мер, направленных на их предупреждение и нейтрализацию.

Материалы и методы

В качестве объекта исследования выбрано сельское хозяйство Республики Мордовия. Источниками информации послужили данные Федеральной службы государственной статистики, ее территориального органа, а также информация профильного министерства. Исследование проводилось с использованием системного подхода, методов сравнительного и экономико-статистического анализа, обобщения и интерпретации полученных результатов.

Результаты

Сельское хозяйство Республики Мордовия (РМ) по многим параметрам динамично развивается. Сравнительный анализ показывает, что этот регион, занимающий 0,2% территории страны, добился значительных успехов в производстве основных видов продукции сельского хозяйства: по валовому сбору сахарной свеклы РМ в 2017 г. занимала 14-е место в стране, картофеля — 25-е, зерна — 29-е, семян подсолнечника — 36-е, овощей — 39-е место в РФ. Однако по урожайности сахарной свеклы, подсолнечника и овощей регион значительно отстает от средних показателей в стране, поэтому и рентабельность растениеводства ниже (табл. 1).

Как показал анализ, угрозами устойчивому развитию этой ключевой для Мордовии отрасли являются следующие обстоятельства.

1. *Ограниченность ресурсов для развития аграрного производства*.

По данным Н.И. Прока и К.П. Мартынова, Республика Мордовия имеет минимальные запасы ресурсов для функционирования и обеспечения экономической безопасности и развития сельского хозяйства [14]. На начало 2018 г. общая земельная площадь региона составляла 2612,8 тыс. га. Земли сельскохозяйственного назначения составляют 63,4% всех земель республики. Еще 27,8% всей территории республики занимают леса[2]. Отмечаемые ресурсные ограничения уже привели к снижению доли валовой добавленной стоимости отрасли в структуре валового регионального продукта. Данные официальной статистики свидетельствуют, что рассматриваемый показатель в 2005–2016 гг. уменьшился с 20,2% до 14,4%[3].

[1] Мордовия : Стат. ежегодник / Мордовиястат. Саранск, 2018. С. 23, 30–31, 99–100.

[2] Мордовия : Стат. ежегодник / Мордовиястат. Саранск, 2018. С. 21.

[3] Мордовия : Стат. ежегодник / Мордовиястат. Саранск, 2018. С. 31; Мордовия : Стат. ежегодник / Мордовиястат. Саранск, 2009. С. 32.

Таблица 1

Отдельные показатели развития сельского хозяйства Российской Федерации, Приволжского федерального округа, Республики Мордовия в 2017 г.

Table 1. Separate indicators of agricultural development of the Russian Federation, Volga Federal District, Republic of Mordovia in 2017

Показатель	Российская Федерация	Приволжский федеральный округ	Республика Мордовия
Урожайность зерновых и зернобобовых культур (в весе после доработки), в хозяйствах всех категорий; центнеров с одного га убранной площади	29,2	24,0	31,5
Урожайность сахарной свеклы (в хозяйствах всех категорий; центнеров с одного га убранной площади)	442	370	352
Урожайность подсолнечника (в хозяйствах всех категорий; центнеров с одного га убранной площади)	14,5	10,8	11,6
Урожайность картофеля (в хозяйствах всех категорий; центнеров с одного га убранной площади)	163	158	176
Урожайность овощей (в хозяйствах всех категорий; центнеров с одного га убранной площади)	241	253	159
Сальдированный финансовый результат (прибыль минус убыток) организаций, млн руб.			
растениеводство	68 532	6131	464
животноводство	102 224	8883	3003
Рентабельность проданных товаров, продукции (работ, услуг) организаций, %			
растениеводство	17,2	13,8	15,3
животноводство	12,0	10,7	14,1

Источник: Мордовия : Стат. ежегодник / Мордовиястат. Саранск, 2018. С. 638–642.

2. *Слабое развитие малого бизнеса в сельском хозяйстве.*

Как свидетельствуют данные табл. 2, малый бизнес в сельском хозяйстве Мордовии представлен крайне слабо. Это касается производства всех без исключения видов сельскохозяйственной продукции. Сельскохозяйственное производство (за исключением картофеля и овощей) сосредоточено в крупных организациях (см. табл. 2). А именно малый бизнес обеспечивает экономической системе необходимую гибкость. Малые предприятия быстрее реагируют на предпочтения потребителей, способны оперативно перестроиться под запросы рынка.

Картофель и овощи в основном выращиваются в хозяйствах населения, что не гарантирует стабильности объемов их производства. Во-первых, по той причине, что сельское население региона стремительно стареет. Если в 1990 г. средний

Таблица 2

Структура производства основных видов сельскохозяйственной продукции по категориям хозяйств (в процентах от общего объема производства в хозяйствах всех категорий) в Российской Федерации, Приволжском федеральном округе, Республике Мордовия в 2017 г.

Table 2. Structure of production of main agricultural products by husbandry category (as a percentage of total production in husbandry of all categories) in the Russian Federation, Volga Federal District, Republic of Mordovia in 2017

Показатель	Российская Федерация	Приволжский федеральный округ	Республика Мордовия
Зерно (в весе после доработки)			
сельскохозяйственные организации	70,1	68,8	88,1
хозяйства населения	0,8	0,4	0,5
крестьянские (фермерские) хозяйства	29,1	30,8	11,4
Семена подсолнечника			
сельскохозяйственные организации	68,1	66,2	99,9
хозяйства населения	0,4	0,4	0,0
крестьянские (фермерские) хозяйства	31,5	33,4	-
Картофель			
сельскохозяйственные организации	19,5	15,3	2,0
хозяйства населения	68,9	77,1	90,6
крестьянские (фермерские) хозяйства	11,6	8,5	3,7
Овощи			
сельскохозяйственные организации	25,6	21,8	32,6
хозяйства населения	55,4	61,9	67,4
крестьянские (фермерские) хозяйства	19,0	16,1	0,1
Скот и птица на убой (в убойном весе)			
сельскохозяйственные организации	77,9	72,5	94,7
хозяйства населения	19,1	24,6	4,4
крестьянские (фермерские) хозяйства	3,0	2,9	0,9
Молоко			
сельскохозяйственные организации	51,9	53,3	77,5
хозяйства населения	40,2	38,8	15,4
крестьянские (фермерские) хозяйства	7,9	7,9	7,0

Источник: Мордовия : Стат. ежегодник / Мордовиястат. Саранск, 2018. С. 638–642.

возраст сельчан составлял 39,67 года, то в 2018 г. — 44,68 года[1]. Во-вторых, многие сельские жители, вырастив хороший урожай, но не найдя ему сбыта, теряют желание продолжать производство. Было время, когда большая часть молока производилась хозяйствами населения. Теперь, как видно из табл. 2, это далеко не так. Потребительская кооперация, занимавшаяся раньше заготовительной деятельностью, практически перестала существовать. Сами сельские жители не в силах

[1] Мордовия : Стат. ежегодник. / Мордовиястат. Саранск, 2018. С. 57.

организовать сбыт. В торговых сетях овощи и фрукты индивидуальных местных производителей, как правило, не представлены.

3. *Высокая степень зависимости региональной агропродовольственной системы от погодных и климатических условий.*

Как отмечается Н. И. Проком и К. П. Мартыновым [14], эта специфика условий ведения сельского хозяйства в республике в первую очередь сказывается на результатах растениеводства. Ослабленная кормовая база, в свою очередь, влияет на условия развития животноводства. Как свидетельствуют данные табл. 3, динамика показателя урожайности практически всех сельскохозяйственных культур характеризуется резкими перепадами значений.

4. *Слабое материально-техническое обеспечение отрасли.*

Таблица 3

Урожайность сельскохозяйственных культур в Республике Мордовия (в хозяйствах всех категорий; центнеров с одного гектара посевной площади)

Table 3. Crop yield in the Republic of Mordovia (in husbandry of all categories; Centners per hectare of sown area)

Вид сельскохозяйственной культуры	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Зерно (в весе после доработки)	18,7	19,0	21,9	23,2	27,0	29,8
в том числе:						
пшеница озимая	12,9	20,0	25,2	21,8	29,9	34,5
пшеница яровая	20,9	18,7	22,2	24,9	20,8	31,8
рожь озимая	12,3	16,9	15,2	15,8	18,6	20,4
ячмень	21,8	17,3	21,2	21,9	22,9	28,2
овес	14,0	12,7	15,2	17,7	15,9	22,5
просо	10,3	4,0	12,7	13,7	14,4	12,0
гречиха	4,4	3,3	6,3	5,4	6,3	7,3
зернобобовые	15,2	9,6	18,7	22,9	23,4	23,7
Сахарная свекла (фабричная)	453,4	408,8	367,3	366,2	434,8	304,7
Семена масличных культур	10,1	8,8	11,1	9,8	9,6	8,8
Картофель	135,4	125,1	149,3	162,6	165,4	174,9
в том числе в сельскохозяйственных организациях	183,5	98,7	153,3	204,3	180,4	177,0
Овощи открытого грунта	127,8	115,5	122,7	131,8	136,0	141,7
в том числе в сельскохозяйственных организациях	72,7	41,4	57,3	56,6	67,6	56,4
Кукуруза на силос, зеленый корм и сенаж	221,2	214,1	167,4	272,9	241,5	199,3
Кормовые корнеплоды (включая сахарную свеклу на корм скоту)	255,2	256,5	274,7	269,4	277,1	272,2
Сено однолетних трав	21,4	21,0	17,5	19,2	17,8	19,6
Сено многолетних трав	21,2	22,2	20,3	20,3	21,9	21,4
Сено естественных сенокосов (включая улучшенные)	16,1	23,9	21,2	19,7	22,6	18,0

Источник: Мордовия : Стат. ежегодник / Мордовиястат. Саранск, 2018. С. 269.

По состоянию на начало 2018 г. степень износа основных фондов сельского хозяйства Мордовии составляла 44,7%[1]. Ситуация довольно быстро ухудшается — еще в 2009 г. этот показатель был равен 24,5%[2].

5. *Низкая инвестиционная привлекательность сельскохозяйственного производства.*

По данным статистики, хотя в абсолютных значениях вложения в основной капитал сельскохозяйственных предприятий в 2005–2016 гг. увеличились в 1,7 раза, удельный вес этого вида деятельности в структуре инвестиций уменьшился с 22,2% в 2005 г.[3] до 11,2% в 2016 г.[4].

6. *Устойчивое снижение поголовья крупного рогатого скота.*

В 2005–2017 гг. поголовье КРС сократилось в 1,5 раза, коров стало меньше в 1,7 раза (табл. 4).

Это создает угрозу для стабильного развития перерабатывающих предприятий агропромышленного комплекса региона, поскольку объем производства говядины и телятины в 2005–2017 гг. сократился в 2,2 раза (табл. 5).

7. *Уменьшение удельного веса и быстрое старение сельского населения.*

Таблица 4

Поголовье крупного рогатого скота в хозяйствах всех категорий Республики Мордовия (на 1 января; тысяч голов)

Table 4. Cattle stock in farms of all categories of the Republic of Mordovia (as of January 1; Thousands of heads)

Годы	Крупный рогатый скот	В том числе коровы	Годы	Крупный рогатый скот	В том числе коровы
1990	669,6	223,4	2013	286,0	102,9
1995	500,3	223,2	2014	273,6	95,8
2000	367,0	170,3	2015	241,3	86,3
2005	316,6	127,7	2016	231,7	82,2
2010	295,4	102,0	2017	217,5	77,5
2011	298,8	103,6	2018	215,2	76,0
2012	299,0	106,0			

Источник: Мордовия : Стат. ежегодник / Мордовиястат. Саранск, 2018. С. 279.

Таблица 5

Производство говядины и телятины в хозяйствах всех категорий Республики Мордовия (в убойном весе, тыс. т)

Table 5. Production of beef and veal in husbandry of all categories of the Republic of Mordovia (in slaughter weight, thousand tons)

Показатель	2005	2006	2007	2008	2013	2014	2015	2016	2017
Говядина и телятина	25,4	24,6	23,7	24,1	18,6	16,2	13,4	13,1	11,8

Источник: Мордовия : Стат. ежегодник / Мордовиястат. Саранск, 2018. С. 281; Мордовия : Стат. ежегодник / Мордовиястат. Саранск, 2009. С. 274.

[1] Мордовия : Стат. ежегодник. / Мордовиястат. Саранск, 2018. С. 29.
[2] Мордовия : Стат. ежегодник / Мордовиястат. Саранск, 2009. С. 30.
[3] Мордовия : Стат. ежегодник / Мордовиястат. Саранск, 2009. С. 399.
[4] Мордовия : Стат. ежегодник / Мордовиястат. Саранск, 2018. С. 408.

Доля сельских жителей Мордовии быстро сокращается, что для данного региона очень важно. В 2018 г. в селах проживало 37% населения региона, а еще в 1990 г. этот показатель был равен 43%. (В 1970 г. 64% населения республики — сельские жители.)[1]. Главный фактор такой демографической динамики — естественная убыль населения, которая опустошает деревни и села Мордовии. Еще в 2009 г. в регионе было 1256 сельских населенных пункта и 14 поселков городского типа. В 2018 г. их число уменьшилось до 1240 и 13 единиц соответственно[2]. В 9 из 22 районов по этой причине численность населения сокращается более чем на 1% за год. А в двух сельских районах республики потери населения вследствие его естественного движения в 2017 г. превысили 1,5% (табл. 6).

Таблица 6

Отдельные демографические показатели Республики Мордовия по муниципальным образованиям в 2017 г.

Table 6. Selected demographic indicators of the Republic of Mordovia for municipal entities in 2017

Район	на 1000 человек населения			Удельный вес населения старше трудоспособного возраста,%
	число родившихся	число умерших	естественный прирост, убыль (–)	
Республика Мордовия	8,5	13,5	–5,0	27,7
городской округ Саранск	9,9	10,4	–0,5	24,8
Ардатовский район	5,6	18,1	–12,5	33,4
Атюрьевский район	8,7	17,5	–8,8	29,8
Атяшевский район	8,5	18,0	–9,5	33,0
Большеберезниковский район	7,0	23,8	–16,8	36,4
Большеигнатовский район	6,7	15,6	–8,9	34,2
Дубенский район	8,8	20,2	–11,4	37,4
Ельниковский район	6,1	17,3	–11,2	32,8
Зубово-Полянский район	5,5	12,2	–6,7	21,9
Инсарский район	7,7	18,1	–10,4	31,9
Ичалковский район	8,5	16,8	–8,3	31,5
Кадошкинский район	9,2	18,2	–9,0	30,9
Ковылкинский район	6,8	15,6	–8,8	30,4
Кочкуровский район	7,7	19,1	–11,4	32,6
Краснослободский район	6,5	15,7	–9,2	33,0
Лямбирский район	7,8	12,3	–4,5	30,6
Ромодановский район	9,5	15,7	–6,2	26,8
Рузаевский район	9,2	14,7	–5,5	27,9
Старошайговский район	6,1	16,5	–10,4	30,0
Темниковский район	5,9	21,0	–15,1	37,6

[1] Мордовия : Стат. ежегодник / Мордовиястат. Саранск, 2018. С. 52.

[2] Мордовия : Стат. ежегодник / Мордовиястат. Саранск, 2018. С. 37; Мордовия : Стат. ежегодник / Мордовиястат. Саранск, 2009. С. 37.

Окончание табл. 6

Район	на 1000 человек населения			Удельный вес населения старше трудоспособного возраста,%
	число родившихся	число умерших	естественный прирост, убыль (–)	
Теньгушевский район	6,3	18,3	–12,0	29,7
Торбеевский район	6,8	13,3	–6,5	25,7
Чамзинский район	8,9	14,0	–5,1	29,6

Источник: Мордовия : Стат. ежегодник / Мордовиястат. Саранск, 2018. С. 64, 78.

Усугубляет ситуацию миграционный отток сельского населения, продолжающийся многие годы. Особенно настораживает усилившаяся активность в 2010-е годы, когда ежегодные потери сельского населения вследствие миграции составляли около 1% (табл. 7).

Таблица 7

Коэффициенты миграционного прироста (миграционный прирост за год на 10 000 человек населения)

Table 7. Migration growth rates (annual migration growth per 10,000 population)

Годы	Все население	Городское население	Сельское население
1990	–34,42	12,22	–96,28
1991	–24,57	13,33	–75,72
1992	16,50	4,06	33,46
1993	15,76	5,56	29,71
1994	20,20	29,70	7,13
1995	–4,37	12,17	–27,39
1996	–7,09	–1,65	–14,75
1997	–16,43	–10,51	–24,85
1998	–20,71	–6,78	–40,72
1999	–19,37	–7,91	–36,02
2000	–28,48	–22,43	–37,36
2001	–42,82	–39,74	–47,36
2002	–35,71	–38,86	–31,03
2003	–1,46	–16,70	21,01
2004	7,18	–26,63	55,74
2005	3,28	–20,01	36,33
2006	–2,17	–9,00	7,58
2007	–7,64	15,14	–40,48
2008	–20,56	16,52	–74,88
2009	–10,14	20,81	–56,29
2010	–9,44	43,80	–90,33

Окончание табл. 7

Годы	Все население	Городское население	Сельское население
2011	–41,28	–8,55	–91,96
2012	–38,24	–3,28	–93,23
2013	–31,53	16,71	–106,99
2014	2,71	64,10	–93,06
2015	25,90	94,33	–83,57
2016	56,25	126,16	–58,67
2017	6,48	52,16	–70,42

Источник: Мордовия : Стат. ежегодник / Мордовиястат. Саранск, 2018. С. 56.

С такой демографической динамикой связана и проблема, способная значительно повлиять на условия развития сельскохозяйственного производства в регионе — быстрое старение сельского населения. В 2017 г. в 18 из 22 сельских районов республики удельный вес населения старше трудоспособного возраста составляет 30% и более (см. табл. 6). Уже сейчас для обеспечения рабочей силой крупных агропромышленных предприятий, расположенных в сельской местности, организована доставка на работу жителей городов и других населенных пунктов.

8. *Низкий уровень оплаты труда и сокращение численности занятых в сельском хозяйстве.*

Долгие годы заработная плата сельских тружеников была одной из самых низких в регионе, была на 1/4 ниже среднего показателя в экономике Мордовии (табл. 8). Заметно отстает она и сейчас: 23 078 руб. против 24 327 руб. (2017 г.)[1].

Это делает сельский труд непривлекательным для молодежи, что ослабляет кадровый потенциал отрасли и создает угрозу ее устойчивому развитию. Возможно, низкая заработная плата стала одной из причин того, что численность занятых в сельском хозяйстве республики ежегодно сокращается [31, с. 98]. Другой фактор, негативно сказывающийся на кадровом обеспечении сельскохозяйственного производства, — неблагоприятные условия труда. По последним данным официальной статистики, в 2017 г. 38% от общей численности занятых в сельском хозяйстве Мордовии трудились во вредных и опасных условиях труда[2].

Комплекс мероприятий по предупреждению и нейтрализации угроз экономической безопасности сельскохозяйственного производства в Республике Мордовия, по нашему мнению, должен включать:

- совершенствование механизмов поддержки аграрного производства, взаимодействия сельхозпроизводителей и их союзов с представителями территориальных органов власти;
- ускоренное обновление материально-технической базы сельскохозяйственных предприятий, широкое внедрение современных аграрных технологий;
- содействие привлечению инвестиций в сельское хозяйство путем установления налоговых льгот;
- расширение практики страхования имущества и результатов деятельности сельскохозяйственных производителей;
- развитие интеграционных и кооперационных процессов в агропромышленном комплексе;

[1] Мордовия : Стат. ежегодник / Мордовиястат. Саранск, 2018. С. 142.
[2] Мордовия : Стат. ежегодник / Мордовиястат. Саранск, 2018. С. 134.

Таблица 8

Соотношение среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников организаций по видам экономической деятельности со средним уровнем в экономике Республики Мордовия, %

Table 8. Ratio of average monthly nominal accrued wages of employees of organizations by type of economic activity with average level in the economy of the Republic of Mordovia, %

Вид экономической деятельности	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Всего в экономике	100	100	100	100	100	100	100
сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	73,8	77,3	77,9	75,2	77,7	82,7	89,4
рыболовство, рыбоводство	68,5	60,7	46,3	36,9	34,8	70,9	65,1
добыча полезных ископаемых	104,8	111,9	118,3	101,6	79,6	51,3	64,7
обрабатывающие производства	94,4	94,9	88,8	93,5	96,9	99,9	100,2
производство и распределение электроэнергии, газа и воды	134,3	135,8	133,1	124,0	118,1	119,8	118,8
строительство	103,6	107,6	102,2	89,8	95,4	94,1	95,0
оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	79,7	77,1	74,2	72,0	72,2	76,2	83,0
гостиницы и рестораны	74,6	64,7	65,7	56,4	60,4	62,4	59,1
транспорт и связь	129,2	125,9	117,5	115,1	108,8	107,0	108,4
финансовая деятельность	195,8	189,8	168,7	154,4	154,2	156,4	159,8
операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	106,1	102,0	96,2	92,3	92,5	92,1	88,4
государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование	158,6	152,0	171,9	172,3	163,0	146,9	146,4
образование	68,7	71,4	76,8	83,4	84,6	83,4	81,0
здравоохранение и предоставление социальных услуг	73,1	75,1	81,5	84,3	82,4	82,5	85,4
предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	74,0	75,8	70,0	68,7	70,6	75,1	76,0

Источник: Мордовия : Стат. ежегодник / Мордовиястат. Саранск, 2017. С. 137; Мордовия : Стат. ежегодник / Мордовиястат. Саранск, 2015. С. 137.

- обеспечение глубокой переработки продукции сельскохозяйственного производства;
- стимулирование процессов возрождения товарного сельскохозяйственного производства в личных подсобных хозяйствах;
- инициирование создания сети закупочных организаций, стимулирование их де-

ятельности путем введения льготных условий кредитования и налогообложения;
- внедрение современных технологий переработки отходов животноводства в безопасные удобрения.

Результаты и обсуждение

В статье на основе анализа данных официальной статистики выявлены основные угрозы экономической безопасности в аграрном секторе Республики Мордовия. Предложен комплекс мер по предотвращению и нейтрализации угроз экономической безопасности в сельскохозяйственной сфере. Методический подход, а также материалы проведенного исследования могут быть применены при проведении дальнейших научных исследований по проблемам экономической безопасности, рассматриваемым в региональном контексте.

Заключение

Среди угроз устойчивому развитию сельского хозяйства в Республике Мордовия выявлены: наличие жестких ресурсных ограничений; высокая зависимость от природно-климатических условий; слабое материально-техническое обеспечение отрасли; низкая инвестиционная привлекательность сельскохозяйственного производства; сокращение поголовья крупного рогатого скота; уменьшение удельного веса и быстрое старение сельского населения; низкий уровень оплаты и сокращение численности занятых в сельском хозяйстве. Данные факторы не являются непреодолимыми и требуют адекватного решения в рамках государственной региональной политики, основанной на программно-целевом управлении.

Практическая значимость полученных результатов заключается в возможности их применения при разработке и реализации региональных программ развития сельского хозяйства.

Литература

1. *Агафонова В. В., Липатова Л. Н.* Укрепление человеческого потенциала российских регионов как основа их устойчивого развития // Россия: Тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 14 / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В. И. Герасимов. М., 2019. Ч. 2. С. 781–786.
2. *Акбердина В. В., Гребенкин А. В., Смирнова О. П.* Комплексный инструментарий оценки экономической безопасности отраслей экономики: региональный аспект // Экономика региона. 2017. Т. 13, вып. 4. С. 1264–1279.
3. *Алиева Э. Н., Липатова Л. Н.* Развитие малого бизнеса как условие социально-экономической стабильности // Россия: Тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 14 / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В. И. Герасимов. М., 2019. Ч. 2. С. 240–243.
4. *Асефи Т. А., Липатова Л. Н.* Особенности регионального развития в условиях экономических ограничений // Россия: Тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 14 / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В. И. Герасимов. М., 2019. Ч. 2. С. 786–791.
5. *Афанасьева А. С.* Концепция модернизации сельского хозяйства Республики Мордовия [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 6. URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=7476 (дата обращения: 16.05.2019).
6. *Борзых Л. А.* Методика оценки индикаторов экономической безопасности субъектов Российской Федерации в социальной сфере // Социально-экономические явления и процессы. 2015. Т. 10, № 9. С. 18–24.
7. *Гафарова О. В., Лапшов Д. В.* Экономическая безопасность региона на примере Ростовской области // Инновационные технологии в машиностроении, образовании и экономике. 2018. Т. 20, № 4–2. С. 21–23.
8. *Крутов Н. С.* Развитие АПК в Республике Мордовия // Регионология. 2003. № 3. С. 191–199.

9. *Кшнякина Е. В.* К вопросу о реализации стратегии научно-технологического инновационного прорыва в сельхозпроизводстве // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве РМ. 2010. № 4. С. 7–15.
10. *Липатова Л. Н., Градусова В. Н.* Ресурсы и ограничения инновационного развития Республики Мордовия // Россия: Тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 14 / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В. И. Герасимов. М., 2019. Ч. 2. С. 438–443.
11. *Маханько Г. В.* Повышение конкурентоспособности аграрной сферы экономики Краснодарского края как фактор его экономической и продовольственной безопасности в условиях экономических санкций // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2016. № 117. С. 736–755.
12. *Митяков С. Н., Митяков Е. С., Романова Н. А.* Экономическая безопасность регионов Приволжского федерального округа // Экономика региона. 2013. № 3. С. 81–91.
13. *Пахомов Ю. Н., Липатова Л. Н.* Развитие малого бизнеса как ключевой фактор экономической безопасности: статистическая оценка // Статистика в условиях формирования цифровой экономики : материалы Международной научно-практической конференции / Мордовиястат ; Белстат ; ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарева». Саранск, 2019. С. 114–122.
14. *Прока Н. И., Мартынов К. П.* Проблемы развития сельского хозяйства Республики Мордовия [Электронный ресурс] // Системное управление. Электронное периодическое научное издание. 2012. № 4. URL: http://sisupr.mrsu.ru/category/issues/2012/vypusk-4-17 (дата обращения: 15.05.2019).
15. *Разгонов С. А.* Основные особенности системы экономической безопасности отрасли автомобилестроения в современных условиях // Транспортное дело России. 2010. № 8. С. 87–90.
16. *Транченко А. М.* Оцінка галузевої конкурентоспроможності (на прикладі агропромислового комплексу) // Економічний часопис-XXI. 2013. № 9–10. С. 7–10.
17. *Третьякова Е. А.* Оценка экономической безопасности Пермского края в социальной сфере // Вестник Прикамского социального института. 2017. № 2 (77). С. 89–95.
18. *Чайникова Л. Н., Чайников В. Н.* Оценка и анализ конкурентоспособности регионов (на примере Приволжского федерального округа) // Экономический анализ: теория и практика. 2013. № 17. С. 15–23.
19. *Шубина Н. В.* Угрозы экономической безопасности деревообрабатывающей отрасли РФ // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2017. Т. 13. Вып. 9. С. 1692–1711.
20. *Access* to Rural Credit Markets in Developing Countries, the Case of Vietnam: A Literature Review / T. N. Linh [et al.] // Sustainability. 2019. V. 11. Is. 5. P. 1468.
21. *An* early Warning System for Oil Security in China / Q. Wang [et al.] // Sustainability. 2018. V. 10. Is. 1. P. 283.
22. *Asking* the Right Questions in Adaptation Research and Practice: Seeing Beyond Climate Impacts in Rural Nepal / J. E. Ensor [et al.] // Environmental Science and Policy. 2019. V. 94. P. 227–236.
23. *Economic* Problems of the Development of Agro-Industrial Complex: Mechanism of Solution / G. Mukasheva [et al.] // Journal of Applied Economic Sciences. 2018. V. 13. Is. 7. P. 2017–2030 [Электронный ресурс]. URL: http://www.researchgate.net/publication/331497086_Economic_problems_of_the_development_of_agro-industrial_complex_Mechanism_of_solution (дата обращения: 16.05.2019).
24. *Investment* Policy of Governance of Economic Security of Agrarian Sector of Ukraine on the Basis of Theory of Fuzzy Logics / L. Nikolenko [et al.] // Montenegrin Journal of Economics. 2018. V. 14. No. 4. P. 125–140.
25. *Ioannis M., George M., Socrates M.* A Community-Based Agro-Food Hub Model for Sustainable Farming // Sustainability. 2019. V. 11. Is. 4. P. 1017.
26. *Karanina E., Ryazanova O., Gritsuk N.* Conceptual Approach to the Assessment of Economic Security of Economik Entities on the Example of Transport Enterprises // Science for Construction Industry — ESCI 2018. 2018. V. 193.
27. *Lin W., Chen T.* Transition of Agricultural Systems to Ecologicalizaton and New Vision of Modern Eco-Agriculture Development in China // Chinese Journal of Eco-Agriculture. 2019. V. 27. Is. 2. P. 169–176.
28. *Methods* of Applying Innovative Development Processes in Agriculture / E. N. Khalturina [et al.] // Proceedings of the 32nd International Business Information Management Association Conference, IBIMA 2018 — Vision 2020: Sustainable Economic Development and Application of Innovation Management from Regional expansion to Global Growth. 2019. P. 7848–7854 [Электронный ресурс]. URL: http://clck.ru/FsdX (дата обращения: 16.06.2019).

29. *Nanto D. K.* Economics and National Security: Issues and Implications for U. S. Policy in Industry and Trade. CRS Report for Congress [Электронный ресурс]. 2011. URL: https://fas.org/sgp/crs/natsec/R41589.pdf (дата обращения: 19.05.2019).
30. *Nicolay G. L.* Understanding and Changing Farming, Food and Fiber Systems. The Organic Cotton Case in Mali and West Africa // Open Agriculture. 2019. V. 4. Is. 1. P. 86–97.
31. *Nikolenko L., Jurakovskiy E., Ivanyuta N., Andronik O., Sharkovska S.* Investment Policy of Governance of Economic Security of Agrarian Sector of Ukraine on the Basis of Theory of Fuzzy Logics. Montenegrin Journal of Economics. 2018; 14 (4): 125–140.

Об авторах:

Градусова Валентина Николаевна, доцент кафедры менеджмента Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат экономических наук, доцент; vgradusova@gmail.com

Липатова Людмила Николаевна, профессор кафедры экономики Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор социологических наук, кандидат экономических наук, доцент; ln.lipatova@yandex.ru

References

1. Agafonova V. V., Lipatova L. N. Strengthening the human potential of Russian regions as the basis of their sustainable development // Russia: Trends and prospects of development. Yearbook. Issue. 14 / RAS. INION. Department of scientific cooperation; Ex. ed. V. I. Gerasimov. M, 2019. Part 2. P. 781–786. (In rus)
2. Akberdina V. V., Grebenkin A. V., Smirnova O. P. Comprehensive Tools for Assessing Economic Security of Economic Sectors: Regional Aspect // Economy of the Region [Ekonomika regiona]. 2017. V. 13, Rev. 4. P. 1264–1279. (In rus)
3. Alieva E. N., Lipatova L. N. Small business development as a condition of social and economic stability // Russia: Trends and prospects of development. Year-book. Issue. 14 / RAS. INION. Department of scientific cooperation; Ex. ed. V. I. Gerasimov. M., 2019. Part 2. P. 240–243. (In rus)
4. Asefi T. A., Lipatova L. N. Peculiarities of regional development in conditions of economic restrictions // Russia: Trends and prospects of development. Year-book. Issue. 14 / RAS. INION. Department of scientific cooperation; Ex. ed. V. I. Gerasimov. M., 2019. Part 2. P. 786–791. (In rus)
5. Afanasieva A. S. Concept of Modernization of Agriculture of the Republic of Mordovia [Electronic Resource] // Modern Problems of Science and Education [Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya]. 2012. No. 6. URL: https: // science-education.ru/ru/article/view? id=7476 (date of the address: 16.05.2019). (In rus)
6. Borzykh L. A. Method of assessment of indicators of economic security of subjects of the Russian Federation in the social sphere // Socio-economic phenomena and processes [Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy]. 2015. V. 10, No. 9. P. 18–24. (In rus)
7. Gafarova O. V., Lapshov D. V. Economic security of the region on the example of Rostov region // Innovative technologies in mechanical engineering, education and economy [Innovatsionnye tekhnologii v mashinostroenii, obrazovanii i ekonomike]. 2018. V. 20, No. 4-2. P. 21–23. (In rus)
8. Krutov N. S. Development of agro-industrial complex in the Republic of Mordovia // Regionology [Regionologiya]. 2003. No. 3. P. 191–199. (In rus)
9. Kshnyakina E. V. On the Implementation of the Strategy of Scientific and Technological Innovation Breakthrough in Agricultural Production // Journal of Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Moldova [Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve RM]. 2010. No. 4. P. 7–15. (In rus)
10. Lipatova L. N., Gradusova V. N. Resources and Limitations of Innovative Development of the Republic of Mordovia // Russia: Development Trends and Prospects. Year-book. Issue. 14 / RAS. INION. Department of scientific cooperation; Ex. ed. V. I. Gerasimov. M., 2019. Part 2. P. 438–443. (In rus)
11. Makhanko G. V. Increasing the competitiveness of the agricultural sphere of the economy of Krasnodar Region as a factor of its economic and food security under the conditions of economic sanctions // Political network electronic scientific journal of the Cuban State Agrarian

University [Politematicheskii setevoi elektronnyi nauchnyi zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta]. 2016. No. 117. P. 736–755. (In rus)
12. Mityakov S. N., Mityakov E. S., Romanova N. A. Economic security of the regions of the Volga Federal District // Economics of the region [Ekonomika regiona]. 2013. No. 3. P. 81–91. (In rus)
13. Pakhomov Yu. N., Lipatova L. N. Small Business Development as a Key Factor of Economic Security: Statistical Assessment // Statistics in the Conditions of Digital Economy Formation: Materials of the International Scientific and Practical Conference / Mordoviastat; Belstat; Mordovia State University named after N. P. Ogarev, Saransk, 2019. P. 114–122. (In rus)
14. Proka N. I., Martynov K. P. Problems of agricultural development of the Republic of Mordovia [Electronic resource] // System management. Electronic periodical scientific publication [Sistemnoe upravlenie. Elektronnoe periodicheskoe nauchnoe izdanie]. 2012. No. 4. URL: http: // sisupr.mrsu.ru/category/issues/2012/vypusk-4-17/ (date of the address: 15.05.2019). (In rus)
15. Razgonov S. A. Main features of the system of economic security of the automotive industry in modern conditions // Transport business of Russia [Transportnoe delo Rossii]. 2010. No. 8. P. 87–90. (In rus)
16. Tranchenko A. M. Assessment of industry competitiveness (on the example of agro-industrial complex) // Economic Journal-XXI [Ekonomichnii chasopis-XXI]. 2013. No. 9–10. P. 7–10. (In ukraine)
17. Tretyakov E. A. Assessment of Economic Security of Perm Region in the Social Sphere // Journal of Prikam Social Institute [Vestnik Prikamskogo sotsial'nogo instituta]. 2017. No. 2 (77). P. 89–95. (In rus)
18. Chainikova L. N., Chainikov V. N. Evaluation and Analysis of Regional Competitiveness (on the example of Volga Federal District) // Economic Analysis: Theory and Practice [Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika]. 2013. No. 17. P. 15–23. (In rus)
19. Shubina N. V. Threats to the economic security of the woodworking industry of the Russian Federation // National interests: priorities and security [Natsional'nye interesy: prioritety i bezopasnost']. 2017. V. 13, Rev. 9. P. 1692–1711. (In rus)
20. Access to Rural Credit Markets in Developing Countries, the Case of Vietnam: A Literature Review / T. N. Linh [et al.] // Sustainability. 2019. V. 11. Is. 5. P. 1468.
21. An early Warning System for Oil Security in China / Q. Wang [et al.] // Sustainability. 2018. V. 10. Is. 1. P. 283.
22. Asking the Right Questions in Adaptation Research and Practice: Seeing Beyond Climate Impacts in Rural Nepal / J. E. Ensor [et al.] // Environmental Science and Policy. 2019. V. 94. P. 227–236.
23. Economic Problems of the Development of Agro-Industrial Complex: Mechanism of Solution / G. Mukasheva [et al.] // Journal of Applied Economic Sciences. 2018. V. 13. Is. 7. P. 2017–2030 [Electronic Resource]. URL: http://www.researchgate.net/publication/331497086_Economic_problems_of_the_development_of_agro-industrial_complex_Mechanism_of_solution (date of the address: 16.05.2019).
24. Investment Policy of Governance of Economic Security of Agrarian Sector of Ukraine on the Basis of Theory of Fuzzy Logics / L. Nikolenko [et al.] // Montenegrin Journal of Economics. 2018. V. 14. No. 4. P. 125–140.
25. Ioannis M., George M., Socrates M. A Community-Based Agro-Food Hub Model for Sustainable Farming // Sustainability. 2019. V. 11. Is. 4. P. 1017.
26. Karanina E., Ryazanova O., Gritsuk N. Conceptual Approach to the Assessment of Economic Security of Economik Entities on the Example of Transport Enterprises // Science for Construction Industry — ESCI 2018. 2018. V. 193.
27. Lin W., Chen T. Transition of Agricultural Systems to Ecologicalizaton and New Vision of Modern Eco-Agriculture Development in China // Chinese Journal of Eco-Agriculture. 2019. V. 27. Is. 2. P. 169–176.
28. Methods of Applying Innovative Development Processes in Agriculture / E. N. Khalturina [et al.] // Proceedings of the 32nd International Business Information Management Association Conference, IBIMA 2018 — Vision 2020: Sustainable Economic Development and Application of Innovation Management from Regional expansion to Global Growth. 2019. P. 7848–7854 [Электронный ресурс]. URL: http://clck.ru/FsdX (date of the address: 16.06.2019).
29. Nanto D. K. Economics and National Security: Issues and Implications for U. S. Policy in Industry and Trade. CRS Report for Congress [Electronic Resource]. 2011. URL: https://fas.org/sgp/crs/natsec/R41589.pdf (date of the address: 19.05.2019).
30. Nicolay G. L. Understanding and Changing Farming, Food and Fiber Systems. The Organic Cotton Case in Mali and West Africa // Open Agriculture. 2019. V. 4. Is. 1. P. 86–97.

31. *Nikolenko L., Jurakovskiy E., Ivanyuta N., Andronik O., Sharkovska S.* Investment Policy of Governance of Economic Security of Agrarian Sector of Ukraine on the Basis of Theory of Fuzzy Logics. Montenegrin Journal of Economics. 2018; 14 (4): 125–140.

About the authors:

Valentina N. Gradusova, Associate Professor of Chair of Management of North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in economics, Associate Professor; vgradusova@gmail.com

Lyudmila N. Lipatova, Professor of the Chair of Economics of North-West institute of management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Sociology), PhD in economics, Associate Professor; ln.lipatova@yandex.ru

DOI 10.22394/1726-1139-2019-11-92-100

Применение проектного подхода в рамках системы стратегического планирования регионального развития

Мирошников С. Н.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация; miroshnikov-sn@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

Целью статьи является рассмотрение вопросов использования проектного подхода в стратегическом управлении развитием российских регионов. Решена задача выявления особенностей использования проектного управления в деятельности органов государственной власти. Ключевой мыслью исследования стала необходимость повышения компетенций государственных управленцев для обеспечения устойчивого и сбалансированного социально-экономического развития территорий.

Ключевые слова: государственное управление, проектное управление, стратегические цели, социально-экономическое развитие, повышение компетенций

Для цитирования: *Мирошников С. Н.* Применение проектного подхода в рамках системы стратегического планирования регионального развития // Управленческое консультирование. 2019. № 11. С. 92–100.

Application of Project Approach within the Framework of Strategic Planning of Regional Development

Sergey N. Miroshnikov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation; miroshnikov-sn@ranepa.ru

ABSTRACT

The purpose of the article is to consider the use of the project approach in the strategic management of the development of Russian regions. The problem of identification of features of use of project management in activity of public authorities is solved. The key idea of the study was the need to improve the competencies of state managers to ensure sustainable and balanced socio-economic development of territories.

Keywords: Public administration, project management, strategic goals, socio-economic development, competence development

For citing: Miroshnikov S. N. Application of Project Approach within the Framework of Strategic Planning of Regional Development // Administrative consulting. 2019. No. 11. P. 92–100.

Социально-экономическое развитие субъектов Российской Федерации основывается в последнее время на пересмотре стратегий развития и определении новых приоритетных целей, изменении подходов и требований к государственному управлению, качественному повышению его эффективности, достижения конкурентоспособного уровня в целях улучшения инвестиционного климата региона.

Смена моделей деятельности, отказ от управления процессами, переход от процессно-ориентированной системы управления, при которой цели достигаются в рамках текущей деятельности, к проектно-ориентированной системе позволяют увеличить результативность деятельности органов власти и удовлетворенность населения за счет успешной реализации проектов развития, повысить эффективность использования имеющихся бюджетных средств [5].

Проектное управление, ориентированное, в первую очередь, на достижение конкретного результата, в конкретные сроки, с конкретным качеством и использованием конкретных ресурсов в виде людей, времени и финансов, представляет собой перспективное, необходимое и востребованное изменение в государственном управлении.

Управление проектами с 1980-х широко распространилось по всему миру как современный, почти не имеющий недостатков способ организации работы бизнес-организаций — в первую очередь, а также и государственных учреждений — независимо от сферы деятельности, функций и уровней управления. При этом практически все наиболее значимые достижения человечества (восстановление стран Европы и мира после Второй мировой войны или Американская космическая программа) рассматривались как «проекты».

При этом следует отметить, что ключевые подходы к проектному управлению были разработаны еще в 20–30 гг. XX в. российскими практиками и учеными в рамках реализации крупнейших проектов первых пятилеток. Штабная (командная) работа, сетевые и временные графики, управление по результатам и экономия ресурсов — все эти элементы проектного управления появились именно в это время.

Управление проектом состоит из знаний, навыков, методов, методов и инструментов, используемых для планирования и управления проектной работой. Он создает прочную основу для эффективного планирования, составления графиков, предоставления ресурсов, принятия решений, управления и пересмотра планов. Навыки управления проектами помогают выполнять проекты в установленные сроки, в рамках бюджета и в полном соответствии со спецификациями проекта. В то же время они помогают достичь других целей организации, таких как производительность, качество и экономическая эффективность. Целью управления проектами является обеспечение соответствия проектов согласованным целям времени, затрат и масштабов.

Что важно, по крайней мере, с точки зрения государственного управления, так это то, что проектный подход не привязан жестко к определенной парадигме государственного управления. Данный способ организации государственной деятельности довольно легко ассоциируется с различными моделями управления. Однако гибкость, делегирование задач и коллективные командные действия, управление временем и ресурсами проектов очень хорошо соответствуют ценностям новых моделей, появившихся в последние десятилетия, — нового государственного управления (NPM) и «государства развития» [6]. Привлечение всех заинтересованных действующих лиц, открытость процессов управления, а также стремление координировать и реализовывать комплексные, межотраслевые решения и создавать обучающую, взаимную и совместную общественную среду придает первостепенное значение управлению проектом как инструменту NPM и «государства развития».

Следовательно, идея управления проектами на государственной службе не может быть привязана к определенным способам управления, поскольку она хорошо согласуется с большинством поствеберовских идей о том, как эффективно организовать государственный сектор, однако раскрывается наиболее полно в условиях деятельности, ориентированной на результат с привлечением широкого круга исполнителей к совместной работе.

Управление проектами, по крайней мере, потенциально, способно изменить разделение труда, роль и личность отдельного государственного служащего, и, таким образом, структуру власти внутри организации как таковую. Одним из первых императивных аспектов управления проектами является элемент организации решения и реализации задач государственного сектора в форме проектов.

Постепенное изменение роли государственного служащего по отношению к более активному и ответственному управленцу существенно влияет на организационные рамки государственного управления. Классическая бюрократия с функционально разделенными единицами, хотя и не полностью вытесняется, но, по крайней мере, дополняется новыми формами деятельности, в которых государственные служащие работают в сменяющихся командах и/или в существующих подразделениях, но с новым функционалом.

При этом следует отметить, что проектная деятельность на первых этапах модернизации государственного управления не отделяется от процессной деятельности данного органа в текущем режиме. Это приводит к возрастанию нагрузки на рядовых исполнителей, двойному подчинению и удвоению отчетности, что снижает эффективность применения проектного управления.

Основная масса современной литературы по проектному управлению представляет собой сборники рецептов по управлению, менеджменту, рекомендующих, как управлять, реализовывать и контролировать проекты. Значительная часть из них основана на так называемых «кейсах» — отдельных тематических примерах (т. е. истории успеха или неуспеха), полученных в особых условиях, упуская важнейший этап проектирования из своего рассмотрения. Главное внимание в исследованиях по управлению проектами уделялось его практическому использованию в частных компаниях, в промышленных секторах, таких как строительство, машиностроение и информационные технологии.

Хотя концепция «проектного управления» охватывает множество различных организационных форм, можно, по крайней мере, определить некоторые базовые особенности того, что составляет управление проектами.

В практической деятельности и простейших курсах обучения наиболее активно используемого Руководства PMBOK[1], разработчиком которого является Институт управления проектами (PMI) — США. Данное руководство хорошо известно, как современное изложение теории и методологии управления проектами во всем мире и широко используется участниками проектной деятельности при определении места, роли, методов и средств по управлению проектами. Проект при этом определяется как уникальная совокупность действий, элементов, процессов, реализуемых в течение ограниченного, заранее определенного промежутка времени в целях достижения установленных целей и результатов в данной конкретной ситуации при наличии ограниченных управленческих, кадровых, финансовых и материальных ресурсов.

Автор считает необходимым подчеркнуть, что проектная деятельность, проектный подход включает в себя два различных, но органично связанных направления: первое — определение и выбор целей, задач и востребованных результатов, включая определение необходимых ресурсов и инициацию проектов (проектирование), и второе — непосредственная работа по управлению проектами, их разработка, создание органов управления проектами, определение и выбор инструментов реализации, а также завершения проектов.

Использовать проектный подход в управлении необходимо в тех случаях, когда для достижения стратегических целей, наиболее значимых для решения задач социально-экономического развития, имеются минимальные сроки и/или ресурсы [2].

Внедрение проектного управления в государственное управление социально-экономическим развитием субъектов федерации и, прежде всего, в инвестиционной сфере, должно основываться на заинтересованности всех участников в достижении

[1] A Guide to the Project Management Body of Knowledge. 5-th Edition // PMI, Newton Square, Pennsylvania USA, 2013.

конкретного результата, в завершении реализации конкретного инвестиционного проекта. Это должны быть не только сотрудники всех региональных органов власти, отвечающие за развитие территории и благоприятный инвестиционный климат, но и представители бизнеса и населения.

Применение проектной схемы регионального управления позволяет сократить сроки реализации инвестиционных проектов за счет повышения эффективности межведомственного взаимодействия, дает гарантию четкого понимания поставленных задач проектными командами, в результате чего будут получены именно те результаты, которые требовались.

Проектный подход к управлению в региональных органах власти способствует унификации реализации проектов в различных сферах экономики, применению единых принципов их подготовки и планирования, оценки сроков, необходимых ресурсов рисков.

Следует подчеркнуть, что применение проектного управления свидетельствует о целенаправленной организации работы, характеризуемой следующими особенностями:

- структура, занимающаяся реализацией проекта, ликвидируется после того, как задача решена (хотя может существовать более стабильная коллективная организация, обеспечивающая преемственность и стабильность) и, таким образом, представляет собой более рациональный подход к организации труда;
- управление проектами должно быть не только воспринято как отдельный организационный режим, но и должно рассматриваться в свете организации коллективных действий (будь то государственные или частные организации);
- реализация проектов также должна восприниматься как бюджетная стратегия, направленная на организацию деятельности в условиях ограниченности и экономии ресурсов, на возможное использование как собственных, так и внешних источников.

Во времена финансовых сокращений и ограниченных бюджетов именно проекты являются стратегией реализации новой экономической политики и обеспечения финансирования. Эти проекты могут первоначально быть экспериментальными и небольшими, но могут развиться после ранней фазы и, в конечном итоге, стать весьма масштабными.

В национальных органах государственной власти управление проектами является новым способом организации работы в различных министерствах или их подразделениях с общей целью улучшения формирования политики, реализации и контроля ее осуществления. При этом можно отметить, что применение проектного управления осуществляется в двух разных контекстах:

- во-первых, управление проектами в качестве организационного принципа используется в органах власти, которые отвечают за разработку политики и коммуникативные функции, принимающих решения, с помощью анализа и/или формирования общественного мнения.

  Органы власти и государственные организации с чисто регулирующими и контролирующими функциями, с меньшей активностью используют управление проектами в качестве главного руководящего принципа;
- во-вторых, управление проектами как необходимый подход применяется в тех случаях, когда необходимо внедрить определенные новые системы (обычно информационные) или новый управленческий или бизнес-процесс.

Управление проектами, таким образом, не ограничивается определенной задачей, которая в конечном итоге придет к завершению.

Можно сделать из этого следующие выводы.

1. Управление проектами не используется последовательным и однозначным образом в практической деятельности органов государственного управления.

2. Хотя управление проектами, по-видимому, не является в настоящее время преобладающей организационной моделью для органов государственного управления, но воспринимается как необходимый элемент в организации их деятельности.
3. Проектный подход пока не является способом организации межотраслевой деятельности, организации тесного и постоянного взаимодействия различных министерств — федеральных или региональных.

Применение в сфере государственного управления проектного подхода требует значительных изменений, фактически перестройки всей системы, перехода от процессной деятельности подхода к ориентации на достижение конкретных целей и результатов с учетом ограниченности имеющихся финансовых, материальных, временных и управленческих ресурсов.

Неэффективность деятельности региональных органов государственной власти и управления, особенно субъектов федерации, по применению методов стратегического планирования во многом связана с сохранением на региональном уровне устаревших моделей деятельности, основанных на административно-иерархическом подходе к планированию и управлению социально-экономическим развитием, подготовке документов стратегического планирования.

Поэтому внедрение системы стратегического планирования является необходимым условием повышения эффективности деятельности органов государственного управления [1; 3].

При разработке Стратегий социально-экономического развития субъектов федерации следует избавиться от широко распространенной практики заказа подготовки данного стратегического документа сторонним экспертам. Необходимо использовать методы проектной деятельности, создать широкую проектную команду, объединяющую государственных управленцев, представителей бизнеса, малого и среднего предпринимательства, общественных организаций, ученых и в совместной деятельности определить стратегические цели, выбрать инструменты и подходы к управлению развитием территории.

Применение данного системного подхода означает принятие новой модели функционирования системы государственного управления, внедрение которой потребует преодоления инерции мышления, изменения функционала органов государственной власти и их соподчиненности, в том числе — в обеспечении устойчивого и сбалансированного управления социально-экономическим развитием субъектов федерации.

Существующая в настоящее время в Российской Федерации функциональная структура государственного управления, распределенная по отдельным отраслям, направлена, в основном, на процессную деятельность, исполнение заданных функций, без заинтересованности в достижении результатов и, следовательно, крайне слабо ориентированная на проектную деятельность.

Попытки прямо возложить на существующие органы власти ответственность за реализацию проектов сталкиваются с объективными проблемами сочетания процессного и проектного управления, возрастания нагрузки на исполнителей, вызывающего конфликт интересов и подчиненности, противоречия с существующей системой финансирования реализуемых программ и проектов, отсутствия системы мотивации и вознаграждения.

В целях решения проблем внедрения проектного подхода в государственное управление было принято «Положение об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации» (далее — Положение), утвержденное постановлением Правительства Российской Федерации от 15 октября 2016 г. № 1050. Это позволило определить основные термины и понятия, порядок организации проектной деятельности в государственном управлении, дать импульс к пониманию не только необходимости, но и обязательности внедрения изменений в деятельность всех федеральных и региональных органов исполнительной власти.

В соответствии с общими принципами проектного подхода первая часть Положения направлена на регламентацию проектирования — выбора стратегических направлений деятельности, определения приоритетных проектов, порядка их инициации, разработки и утверждения, установления сроков и ресурсов реализации проектов и программ.

Вторая, более объемная часть «Положения» определяет порядок управления проектами, создания необходимых организационных структур, их деятельности, взаимодействия и отчетности.

Большое значение в определении порядка проектной деятельности уделено открытости и транспарентности, тесному сотрудничеству государственных органов с бизнес-сообществом и представителями общественности. Особенно важно это на этапе проектирования при определении основных целей и задач и выработке требований к результатам. Для этого Положением предусматривается создание общественно-деловых советов, участвующих во всех стадиях реализации проектов, включая их мониторинг и оценку результатов.

Существенно важным для определения стратегических перспектив и направлений развития страны и ее регионов являются майский 2018 г. Указ Президента Российской Федерации[1] и принятые в соответствии с ним «Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года»[2], обозначившие приоритетные цели страны и национальные проекты как инструмент их практической реализации.

Следует подчеркнуть, что в настоящее время в соответствии с Федеральным законом «О стратегическом планировании в Российской Федерации»[3], основным инструментом достижения целей и задач долгосрочного социально-экономического развития всей страны и субъектов федерации, основанного на системе стратегического планирования, являются государственные программы. Одновременно, в соответствии с «Бюджетным кодексом Российской Федерации», государственные программы являются основой для формирования и исполнения бюджетов всех уровней.

Таким образом, автор отмечает правовую неопределенность статуса национальных проектов и сложность их реализации для органов государственной власти, и управления, в особенности субъектов федерации. Нельзя предположить, что введение национальных проектов, предусматривающих особый порядок бюджетного финансирования достижения национальных целей социально-экономического развития, приведет к полному переводу бюджетного процесса на проектную основу.

В Федеральном законе о трехлетнем бюджете[4] сохранены государственные программы, касающиеся важнейших вопросов социально-экономического развития, в которых органы государственной власти субъектов федерации являются соисполнителями, участниками данных программ, равно ответственными за достижение намеченных показателей на своей территории.

---

[1] Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 (ред. от 19.07.2018) «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71837200/ (дата обращения: 12.07.2019).

[2] «Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года» (утв. Правительством РФ 29.09.2018) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_307872 (дата обращения: 12.07.2019).

[3] Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ (ред. от 31.12.2017) «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841 (дата обращения: 12.07.2019).

[4] Федеральный закон от 29.11.2018 № 459-ФЗ «О федеральном бюджете на 2019 год и на плановый период 2020 и 2021 годов» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_312362 (дата обращения: 12.07.2019).

Автор считает, что для эффективного участия в реализации национальных проектов субъектами федерации регионам необходимо не только скорректировать свои стратегии и большинство региональных государственных программ, но и обеспечить повышение эффективности деятельности всех структур управления социально-экономическими процессами в регионе, что требует использования проектного подхода.

Для этого органам государственной власти и управления недостаточно обеспечить формирование специализированного агентства или иного «проектного» офиса, бюро, группы. Необходимо создание команды, отдельной рабочей группы для каждого направления, каждого национального проекта, каждой национальной цели, всех стратегических задач, выбранных в рамках системы стратегического планирования.

В рамках каждой проектной команды или проектного офиса должны быть сформированы вертикально организованные группы сотрудников, принимающих или готовящих принципиально важные для реализации проектов решения. Данные работники должны быть замотивированы и морально, и материально на результат — решение конкретного вопроса, необходимого для запуска и реализации проекта.

Построение модели эффективной работы в данном направлении должно быть основано на принципах меж- и мультидисциплинарности, а также взаимосвязи и взаимозависимости технологий управления в государственных и негосударственных структурах.

По мнению автора настоящего исследования, эффективная региональная команда — главный инструмент устойчивого социально-экономического развития субъекта федерации, успешного применения проектного подхода, секрет благоприятного инвестиционного климата.

Применение проектного подхода, увеличение числа различных проектов требуют повышения эффективности государственного контроля за их реализацией, в особенности в части контроля расходования средств и оценки эффективности.

Представляется, что в целях достижения цели концентрации ресурсов на стратегических направлениях развития значительное внимание следует уделить созданию и использованию адекватных методов и инструментов государственного финансового контроля, которые позволят рассмотреть степень достижения запланированных социально-экономических целей и, тем самым, объективно оценить эффективность соответствующих бюджетных расходов. Кроме того, органы государственного контроля могут проанализировать достоверность исходной информации, на основании которой органы исполнительной власти принимают те или иные управленческие решения.

Кардинальные социальные преобразования, развитие субъектов федерации должны осуществляться государственными служащими и профессиональными управленцами, которые обладают высокими компетенциями, способны адекватно реагировать на новые вызовы, ориентироваться в меняющихся обстоятельствах, творчески решать актуальные задачи социально-экономического развития. Их управленческая деятельность в современных условиях должна характеризоваться системными подходами, постоянным и тесным взаимодействием с частным бизнесом, общественными и некоммерческими организациями в целях обеспечения устойчивого и сбалансированного социально-экономического развития региона [4].

Поэтому особое значение приобретает вопрос подготовки квалифицированного персонала, способного эффективно справляться со сложными задачами, развития компетенций участников управленческой и проектной деятельности.

Проведение структурных реформ и радикальный пересмотр стратегий развития требуют от руководителей высшего и среднего уровня наличия новых управленческих компетенций и профессиональных навыков, прежде всего умения осуществлять

долгосрочное стратегическое планирование, работать в команде и руководить ею, применять проектный подход, находить баланс преимуществ и недостатков при принятии решений, использовать современные управленческие технологии.

Следует подчеркнуть, что для участия в реализации национальных и приоритетных проектов и, тем более, руководства ими в качестве старших должностных лиц, руководителей, администраторов проектов и программ и руководителей их рабочих органов, должны пройти соответствующее обучение и подтвердить соответствие требованиям к уровню квалификации в сфере проектного управления, утвержденным на заседании президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам 22 марта 2017 г.

Необходимы специалисты по эффективному управлению проектами в сфере социально-экономического развития территорий, для подготовки которых нужны новые подходы к самому процессу обучения. При этом они не должны быть узкими специалистами в определенной ограниченной сфере деятельности, поскольку такая специализация закрывает, а иногда и исключает, возможность понимания происходящих в смежных областях процессов, поиска альтернативных решений, основанных на согласовании интересов, договоренностях различных социальных сил.

При этом невозможно рассчитывать на привлечение специалистов высокой квалификации извне, причем не столько из-за их недостаточности, хотя и это имеет место, сколько потому, что создавать и реализовывать стратегии социально-экономического развития могут и должны только специалисты, хорошо знакомые с особенностями территорий, их сильными и слабыми сторонами, с представителями местного бизнес-сообщества и общественными структурами.

Литература

1. *Гагарина Г. Ю., Мирошников С. Н.* Некоторые вопросы управления социально-экономическим развитием субъектов Российской Федерации на основе системы стратегического планирования // Управленческое консультирование. 2018. № 12. С. 70–90.
2. *Калинин А. М.* Вопросы и перспективы развития проектного управления в российских органах власти // Вопросы государственного и муниципального управления. 2017. № 2. С 151–164.
3. *Мирошников С. Н.* Проблемы и направления стратегического планирования в региональном развитии // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2019. № 4. С. 61–77.
4. *Мирошников С. Н.* Деятельность высших должностных лиц субъектов Российской Федерации в системе стратегического планирования // Федерализм. 2019. № 2. С. 20–36.
5. *Орлов А. В., Лукьянова М. Н., Абрамов Р. А. [и др.].* К новой системе государственного управления (СГУ): цели, стратегии, проекты, kpi, гибкость, риски. М., 2017.
6. *Фукуяма Ф.* Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке. М. : АСТ, 2006.

Об авторе:

Мирошников Сергей Николаевич, заместитель директора экспертно-аналитического Центра региональных исследований Института «Высшая школа государственного управления» Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва, Российская Федерация), кандидат физико-математических наук, доцент; miroshnikov-sn@ranepa.ru

References

1. Gagarina G.Y., Miroshnikov S. N. Some issues of management of social and economic development of the subjects of the Russian Federation based on the system of strategic planning // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2018. No. 12. P. 70–90. (In rus)

2. Kalinin A. M. Issues and Prospects of Development of Project Management in Russian Authorities // Issues of State and Municipal Management [Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya]. 2017. No. 2. P. 151–164. (In rus)
3. Miroshnikov S. N. Problems and directions of strategic planning in regional development // STAGE: economic theory, analysis, practice [ETAP: ekonomicheskaya teoriya, analiz, praktika]. 2019. No. 4. P. 61–77. (In rus)
4. Miroshnikov S. N. Activities of senior officials of the constituent entities of the Russian Federation in the system of strategic planning // Federalism [Federalizm]. 2019. No. 2. P. 20–36. (In rus)
5. Orlov A. V., Lukyanova M. N., Abramov R. A. [et al]. To the new system of public administration: goals, strategies, projects, kpi, flexibility, risks. M., 2017. 316 p. (In rus)
6. Fukuyama F. State-Building: Governance and World Order in the 21st century. M. : AST, 2006. 244 p. (In rus)

About the author:

Sergey N. Miroshnikov, Deputy Director of the Expert-Analytical Center for Regional Studies of Institute of Public Administration and Civil Service of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russian Federation), PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; miroshnikov-sn@ranepa.ru

DOI 10.22394/1726-1139-2019-11-101-112

Импортозамещение в России: исторический опыт и текущие перспективы

Наружный В. Е.[1, *], *Титов В. А.*[2], *Оболенская Ю. А.*[3]

[1]Министерство обороны Российской Федерации, 249 представительство, Санкт-Петербург, Российская Федерация; *4771spb@mail.ru
[2]Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Российская Федерация
[3]Военная академия материально-технического обеспечения имени генерала армии А. В. Хрулева (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

РЕФЕРАТ

В статье дан краткий обзор истории импортозамещения в России. Описаны причины стратегического провала советской индустриализации. Представлены результаты сравнительного анализа двух импортозамещающих рывков в постсоветской России. Дан обзор вариантов использования иностранных ресурсов в интересах отечественного оборонно-промышленного комплекса (ОПК). Сформулированы рекомендации по реализации импортозамещения в ОПК России.

Ключевые слова: импортозамещение, индустриализация, оборонно-промышленный комплекс

Для цитирования: *Наружный В. Е., Титов В. А., Оболенская Ю. А.* Импортозамещение в России: исторический опыт и текущие перспективы // Управленческое консультирование. 2019. № 11. С. 101–112.

Import Substitution in Russia: Historical Experience and Current Prospects

Vyacheslav E. Naruzhnyy[a, *], *Victor A. Titov*[b], *Yuliya A. Obolenskaya*[c]

[a]Ministry of Defense of the Russian Federation, 249th Military Representation; *4771spb@mail.ru
[b]Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint-Petersburg, Russian Federation
[c]Military Academy of Logistics named after Army General A. V. Khrulev, Saint-Petersburg, Russian Federation

ABSTRACT

The article provides a brief overview of the history of import substitution in Russia. The reasons for the strategic failure of Soviet industrialization are described. The results of comparative analysis of two import-substituting leaps in post-Soviet Russia are presented. An overview of options for the use of foreign resources for the benefit of the domestic military-industrial complex (MIC) is given. Recommendations on the implementation of import substitution in the Russian MIC are formulated.

Keywords: import substitution, industrialization, defense-industrial complex

For citing: Naruzhnyy V. E., Titov V. A., Obolenskaya Yu. A. Import Substitution in Russia: Historical Experience and Current Prospects // Administrative consulting. 2019. No. 11. P. 101–112.

Введение

Импортозамещение в нашей стране имеет достаточно давнюю и сложную историю. Задача построить в России (СССР) самостоятельную высокоразвитую промышленность (или ее отдельные отрасли) ставилась неоднократно и нередко достаточно успешно решалась, однако в конечном счете эти успехи носили кратковременный характер и по ряду объективных причин не создавали основы для построения эф-

фективной национальной экономики. Сегодня, когда эта задача поставлена в очередной раз [12], необходимо критически рассмотреть имеющийся в России исторический опыт организации импортозамещения, выявить причины его провала в долгосрочной перспективе и установить, сложились ли сейчас условия для устранения этих причин.

Кроме того, поскольку сегодня вряд ли возможно и целесообразно строить автаркическую экономику [5] (история показывает, что замкнутые национальные хозяйства отличаются крайне низким уровнем эффективности — наиболее свежим примером служит Албания), необходимо определить, какие именно стратегии импортозамещения и какие варианты привлечения иностранных ресурсов Россия может использовать. При этом сразу уточним, что мы будем рассматривать импортозамещение и индустриализацию (реиндустриализацию) как содержательно близкие стратегии [17]. Импортозамещение опирается на организацию национальных промышленных производств, и по этой причине импортозамещение всегда опирается на индустриализацию, а индустриализация ведет к импортозамещению.

Исторический опыт импортозамещения в СССР и России

Наиболее наглядным примером импортозамещения в истории нашей страны является сталинская индустриализация 1930-х годов, когда в СССР была практически с нуля выстроена передовая по меркам тех времен промышленность и создана необходимая ресурсная база для ее эффективного функционирования. Кроме того, была сформирована система научно-исследовательской и опытно-конструкторской поддержки промышленности, благодаря чему советская экономика смогла за счет собственных сил регулярно осуществлять техническое перевооружение промышленности. Это позволило избавиться от внешних поставок промышленной продукции и оборудования.

При этом, несмотря на несомненные успехи сталинской индустриализации в краткосрочной перспективе (за счет созданной промышленной базы СССР смог выиграть Великую Отечественную войну), присущие командной плановой экономике недостатки не смогли создать условия для дальнейшего развития промышленности:

- гарантии занятости для всего трудоспособного населения ориентировали народное хозяйство на трудоемкий, а не капиталоемкий путь развития, что препятствовало развитию трудосберегающих, автоматизированных технологий. Даже когда соответствующее оборудование приобреталось за рубежом, оно нередко не устанавливалось и попросту ржавело под открытым небом [2];
- отсутствие моделей разработки и внедрения инноваций, нежелание директорского корпуса рисковать выполнением плана и недостаточно четкое понимание высшим руководством страны направлений развития мировой экономики привели к тому, что СССР пропустил компьютерную революцию и не смог перейти к новому технологическому укладу. Вероятно, именно это отсутствие ориентации на инновационное развитие привело к консервации СССР в предыдущем технологическом укладе (и обусловило его дальнейшее поражение как в экономическом соревновании двух систем, так и в холодной войне).

По мнению авторов, глобальной проблемой импортозамещения и индустриализации в СССР было отсутствие механизма инновационного развития. Из-за этого тактический успех сталинской индустриализации не трансформировался в стратегический эффект. Мало было выстроить современную промышленность — нужно было создать механизм ее прогресса с учетом изменения технологического уклада. К сожалению, советская плановая экономика такого механизма предложить не смогла. Очевидно, что успех реализуемой в настоящее время стратегии импортозамещения будет зависеть от способности создать такой механизм. В противном случае, даже если произойдет реиндустриализация национальной экономики, эво-

люционного развития промышленности не будет, и в результате технологическое отставание снова появится и будет нарастать, и через несколько десятков лет возникнет потребность в очередной индустриализации.

Как следствие, отставание СССР от ведущих стран мира по уровню технологического развития, производительности труда и эффективности экономики, сократившееся в 1930-х годах, после Второй мировой войны стало нарастать. В конечном счете СССР фактически отказался от выстраивания собственной компьютерной отрасли и занялся копированием моделей фирмы IBM (отечественные аналоги получили название ЕС) по технологии обратного проектирования (т. е. не приобретались лицензии на выпуск этой техники, а производилось ее копирование). В ситуации противостояния двух систем отсутствие собственной (независимой от иностранных компетенций) электронной и компьютерной промышленности и копирование уже известных иностранных образцов нельзя рассматривать иначе, как одобренное высшим руководством СССР программирование технологической отсталости национальной экономики.

Не стоит забывать и о том, что после 1945 г. по отношению к СССР и его союзникам стала применяться доктрина контролируемого технологического отставания, за соблюдением которой строго следил КОКОМ [10]. Это фактически наложило эмбарго на высокотехнологический экспорт из западных государств в страны социалистического лагеря и исключило СССР и социалистическую систему в целом из технологического прогресса, происходившего в развитых странах. Все нарушения эмбарго жестко пресекались [там же]. Это накладывало дополнительные ограничения на методику обратного проектирования, применявшегося в СССР: даже основу для такого копирования (например, компьютер) легально купить было нельзя, ее приходилось ввозить в СССР обходными путями.

Наконец, значительные ресурсы отвлекались на участие в навязанной Западом СССР гонке вооружений. Фактически это участие представляло собой дополнительный удар по советской экономике, что, разумеется, препятствовало ее эффективному функционированию. В результате в СССР не сложились целые современные отрасли промышленности, а те, которые существовали, стали резко отставать от Запада по эффективности и по техническим характеристикам выпускаемой продукции. В частности, неразвитость компьютерных технологий и устарелость парка оборудования привели к тому, что точность станков стала намного ниже, чем у западных аналогов, что не позволяло даже копировать западную технику (производившуюся на оборудовании другого класса точности). Таким образом, к началу правления М. С. Горбачева (1985 г.) СССР пришел с отсталой промышленностью, не соответствующей современным требованиям ни по техническим характеристикам, ни по модели организации производства. В силу ряда причин вместо программы новой реиндустриализации СССР на новой технологической базе высшим руководством страны было принято решение о постепенном сворачивании советского проекта и мировой социалистической системы хозяйства.

После 1991 г. Россия была включена в мировую экономическую систему, причем это произошло в отрыве как от прежних партнеров по Совету экономической взаимопомощи (которые стали интегрироваться в мировую экономику после череды «бархатных революций» 1989 г.), так и, что имело гораздо большее значение для нашей страны, от бывших советских республик. Это означает, что была развалена не только система кооперационных связей в пределах стран народной демократии, но и экономическая система бывшего СССР. Советские республики достаточно быстро переориентировались на новых партнеров из капиталистических стран, вследствие чего российская экономика осталась без значительного числа элементов прежних советских производственных цепочек. И даже в тех случаях, когда эти производственные цепочки сохранялись, они становились межгосударственными,

что создавало для бывших советских республик возможность навязывать свои условия России и создавать угрозу для национальной безопасности нашей страны.

Свою роль сыграл и переход России от плановой экономики к рыночной, выявивший неконкурентоспособность ряда отечественных промышленных производств (эта неконкурентоспособность была известна и ранее, до краха СССР, однако наличие мировой социалистической системы и командный характер советской экономики создавали условия для устойчивого функционирования этих предприятий), что быстро привело к их закрытию или перепрофилированию. Потеряв собственные производства, утратив значительную часть национальной экономики и лишившись системы кооперационных связей, Россия стала рынком сбыта для иностранной продукции и поставщиком природных ресурсов для зарубежных стран (причем для производства этих ресурсов массово использовались иностранные технологии [6]). Фактически это окончательно перечеркнуло результаты сталинской индустриализации.

Отметим, что отказ от поддержки российских промышленных производств в условиях переходного периода от плановой экономики к рыночной был частью целенаправленной политики команды реформаторов, стоявшей на радикальных рыночных позициях. Западные специалисты указывают, что произошедшая в первое постсоветское десятилетие деиндустриализация России, несмотря на низкую эффективность национальных производств, была пагубным решением, поскольку в конечном счете она резко снизила эффективность российской экономики [13].

Эти факторы в сочетании со слабостью российского государства в 1990-е годы не позволяли создать условия для развития отечественных производств. Однако после кризиса 1998 г. произошло стихийное импортозамещение — его проведение не планировалось экономическим руководством государства. Резко выросший курс доллара США сделал недоступными для населения товары иностранного производства, что создало условия для частичного восстановления российской промышленности. Продуманные меры, предпринятые правительством Е. М. Примакова после кризиса, позволили в полной мере реализовать потенциал девальвации.

Интересен тот факт, что в России уже были две попытки проведения программ импортозамещения электронной компонентной базы (ЭКБ). В конце девяностых годов XX в. Жорес Алферов пытался организовать постройку завода по производству микропроцессоров в Шувалово под Санкт-Петербургом. Для этой программы нашлись даже инвесторы, однако государственные гарантии на инвестиции так и не были даны. В то время считалось, что для развития страны очень важен вывоз капитала, его свободное движение по трансграничным пространствам. Следствием этого стало то, что наша страна особых инвестиций так и не привлекла, зато стала донором глобального финансового рынка.

Вторая попытка возродить отрасль связана с принятием ФЦП «Развитие электронной компонентной базы и радиоэлектроники на 2008–2015 годы». В части производства ЭКБ ее выполнение позволило добиться оживления производства. В то же время отмечалось, что сокращение отставания от мировых центров, составлявшее в 2005 г. 18–20 лет, происходит недопустимо медленно. Кроме того, объем средств федерального бюджета, выделяемых на капитальные вложения по большому количеству объектов, на которых запланирована реконструкция и техническое перевооружение, не позволяет заменить морально устаревшее оборудование с высокой степенью износа на современное.

Импортозамещение в современных условиях: проблемы и пути решения

Хотя импортозамещение 1998 г. было успешным, следует понимать, что оно не было результатом продуманной экономической политики и произошло стихийно. Народное хозяйство России лишь воспользовалось открывшимися благоприятными возможностями. Мероприятия правительства Е. М. Примакова усилили потенциал

этих возможностей, но не создавали их. И хотя девальвация 2014 г. позволяет проводить определенные аналогии с 1998 г., сейчас как экономические условия, так и требования к программе импортозамещения носят принципиально разный характер (табл. 1). Фактически единственным сходством между этими ситуациями является факт девальвации и падения нефтяных доходов. Эти различия делают невозможным использование того инструментария, который показал свою эффективность в 1998 г.

Вероятно, последние два фактора в табл. 1 являются самыми важными — если в 1998 г. большой объем резервных мощностей позволил быстро восстановить производство, а начало восстановительного роста создало устойчивый спрос на российскую

Таблица 1

Сравнительный анализ ситуаций импортозамещения в 1998 г. и 2014 г.
Table 1. Comparative analysis of import substitution situations in 1998 and 2014

Анализируемые параметры	Импортозамещение 1998 г.	Импортозамещение 2014 г.
Внешние условия	Девальвация, падение нефтяных доходов, дефолт по государственным обязательствам	Девальвация, падение нефтяных доходов, санкционное противостояние
Сущность импортозамещения	Стихийное (реакция экономики на удорожание импортной продукции)	Целевое. До 2014 г. производители потребительских товаров сделали заметные инвестиции в наращивание их выпуска. Девальвация улучшила их окупаемость. Для поддержки отечественного производителя в 2014 г. были введены продовольственные санкции. С 2011 г. государство проводит политику стимулирования импортозамещения в промышленности (ОПК, станкостроение)
Начало импортозамещения	Девальвация 1998 г.	Задолго до девальвации 2014 г. (ориентировочно — 2011 г.)
Охват импортозамещения	Преимущественно потребительские товары	Потребительские и промышленные товары
Характер импортозамещения	Рыночный	Рыночный с сильной государственной поддержкой — в сегменте продовольственных товаров. Государственный вплоть до мобилизационного — в промышленность
Ресурсная обеспеченность государства	Низкая (дефолт)	Высокая (большой объем резервов)
Состояние производительных сил в экономике	Большой объем свободных производственных мощностей, средняя степень износа	Практическое отсутствие резервных мощностей в промышленности и/или диспропорции в их распределении, высокая степень износа
Состояние экономики	Быстрый восстановительный рост	Затянувшаяся стагнация

Составлено: Наружным В. Е.

продукцию, то после 2014 г. свободные производственные мощности отсутствуют, а стагнация и снижение покупательной способности населения способствуют закрытию производств даже в сегменте потребительских товаров (например, в птицеводстве) после 2016 г. В освободившихся от иностранной конкуренции отраслях потребительских товаров необходимые производственные мощности приходится создавать заново. В промышленности же сейчас ситуация противоречивая — даже когда свободные мощности есть (как это происходит в производстве подшипников), отсутствие заказов ведет к недозагрузке оборудования и к низкой доходности. Фактически это означает, что в текущей экономической ситуации основным мотором импортозамещения является не рынок, а госзаказ (включая государственный оборонный заказ — ГОЗ).

Произошедшая девальвация не запустила в 2014 г. процесс импортозамещения, она лишь улучшила перспективы окупаемости инвестиций в проекты импортозамещения, начатые задолго до нее. В табл. 1 указывается, что реализуемая после 2014 г. стратегия носит целевой характер, но на самом деле ситуация более сложна. Подготовка к импортозамещению началась задолго до 2014 г. В частности, еще в 2011 г. было принято постановление правительства, в соответствии с которым было запрещено использовать в оборонно-промышленном комплексе (ОПК) импортные станки при наличии отечественных аналогов [15]. Аналогично благодаря росту экономики и потребительского спроса отечественные производители активно инвестировали в наращивание производственных мощностей.

Однако при этом предполагалось, что импортозамещение будет преимущественно опираться на рыночные факторы. При этом, насколько можно судить, высшее руководство страны не планировало проведения импортозамещения в условиях политической и экономической изоляции страны, в том числе и от государств, которые традиционно входили в орбиту влияния России и были тесно интегрированы с ней в производственные цепочки. Примером здесь является Украина (влияние прекращения военного сотрудничества с Украиной на Россию показано в табл. 2).

До принятия руководством Украины решения о сворачивании российско-украинского военно-промышленного сотрудничества в кооперации между российским и украинским ОПК было задействовано порядка 1130 предприятий, поставлявших друг другу около 8000 наименований продукции [3, с. 58]. Помимо собственно поставок вооружения и комплектующих к нему, сотрудничество с ОПК Украины было важно для нашей страны по причине того, что оно охватывало не только производственную, но и сервисную составляющую (организация космических запусков, продление сроков службы межконтинентальных баллистических ракет — что в совокупности ставило в зависимость от сотрудничества с Украиной большую часть российской ядерной триады [11]).

Кроме того, в России осуществлялось производство авиатехники по украинской лицензии. Сертификация самолетов Ан-70, Ан-124 и Ан-148 также производилось украинской стороной. Разрыв всех этих экономических связей после 2014 г. обусловил резкий рост роли государства в процессе импортозамещения, а в отдельных направлениях фактически придал ему мобилизационный характер. Таким образом, хотя политика импортозамещения стала реализовываться в России до 2014 г. (ее запуск можно ориентировочно отнести к 2011 г.), ее характер в 2014 г. трансформировался.

Как показал проведенный анализ, к основным проблемам проведения политики импортозамещения отечественного оборонно-промышленного комплекса можно отнести:

- отсутствие у предприятий ОПК четкой, экономически обоснованной стратегии развития;
- низкое качество продукции, производимой в рамках ГОЗ и отправляемой на экспорт;

Таблица 2

Сотрудничество между ОПК России и Украины до 2014 г.
Table 2. Cooperation between the Russian Federation and Ukraine until 2014

Отрасль	Предприятия Украины	Продукция
Ракетостроение	«Южмаш»	Запасные части для межконтинентальных баллистических ракет Р-36М2 («Воевода»); ракеты-носители «Днепр» и «Зенит»
	«Хартрон», «Арсенал»	Системы наведения и управления ракет УР-100Н «Рокот» и РТ-2ПМ «Тополь»
Двигателестроение	«Мотор Сич», МКБ «Прогресс»	Двигатели для самолетов Бе-200, Як-130, Ан-124; двигатели для крылатых ракет Х-55 (Х-55СМ); двигатели авиационных тактических ракет Х-59М, Х-35; двигатели корабельных ракет 3М10, 3М24; двигатели ТВЗ-117 и ВК-2500 для вертолетов Ми-26, Ка-31, Ка-32, Ка-52, Ми-8, Ми-24, Ми-28Н, Ми-35
	Харьковский машиностроительный завод «ФЭД»	Привод-генераторы для двигателей Ил-76
	«Зоря-Машпроект»	Редукторы и газотурбинные установки для надводных кораблей проектов 22350, 11356Р/М
Авиастроение	«КБ Антонов»	Самолеты Ан-70, Ан-148, Ан-124; комплектующие к авиационной технике; гидравлические системы и тормозные парашюты для истребителей Су-27, Су-30, Су-35; комплектующие для истребителя-бомбардировщика Су-34
Приборостроение	«Фотоприбор», «Арсенал», «Лорта»	Системы наведения для танков, самолетов и зенитных ракетных комплексов; элементы противотанковых комплексов «Хризантема»; аппаратура управления вертолетов Ми-24

Источник: [3].

- моральное и физическое старение производственного оборудования (при этом выпуск отечественных станков сейчас носит единичный характер, а российские потребители предпочитают покупать оборудование у иностранных поставщиков, поскольку отечественная техника в ряде случаев не соответствует требованиям заказчика) [9];
- недостаточное количество квалифицированных кадровых ресурсов;
- кризисное положение дел в сфере военных НИОКР.

Прежде чем приступить к модернизации основных фондов ОПК, необходимо провести инвентаризацию научно-технических заделов (выпускать продукцию военного назначения 5-го поколения на оборудовании, предназначенном для производства техники 2–3-го поколения невозможно в принципе). Несмотря на проведение политики импортозамещения, зависимость от иностранных ресурсов (комплектующих, элементной базы, промышленного оборудования и т. д.) в нашей

стране продолжает сохраняться. В этих условиях можно рассматривать три варианта привлечения этих ресурсов (табл. 3).

Таблица 3 показывает, что возможные стратегии являются не взаимоисключающими, а взаимодополняющими, они должны использоваться в комплексе. Соотношение стратегий в этом комплексе будет различным — если на первых этапах доминировать будет импортосохранение, на втором месте будет стоять импортосмещение, а собственно импортозамещение будет играть подчиненную роль, то через определенное время пропорции поменяются: импортосохранение будет полностью вытеснено из набора стратегий. Самая главная проблема в этой ситуации — управленческая: в случае официального разрешения импортосохранения или импортосмещения управленцы будут, для минимизации своих рисков, стремиться как можно дольше придерживаться этого инструментария и отказываться от импортозамещения. По этой причине необходимо обеспечить административную и экономическую поддержку переходу к импортозамещению.

Многие заводы в Китае заняты производством аналогов продукции ведущих мировых брендов (как военной, так и общеотраслевого применения). На примере беспилотных летательных аппаратов (БЛА) можно сделать однозначный вывод, что любая крупная программа БЛА США рано или поздно копируется КНР. В настоящее время компания «Чэнду» разрабатывает новый малозаметный сверхзвуковой БЛА с сочлененным крылом и хвостовым отсеком, который называется DarkSword. Он напоминает американский Avenger. Китайская промышленность на своих производственных мощностях может воссоздавать аналоги по большей части любой продукции, при этом, в кратчайшие сроки. Рассматривая программу импортозамещения в краткосрочной перспективе, большим толчком ее развития было бы размещение частичного воспроизводства ЭКБ в Китае.

Привлечение к российскому импортозамещению КНР несет в себе ряд положительных моментов, а именно:

1) создав аналоги всей зарубежной номенклатуры продукции, используемой в российской военной технике, Китай будет поставлять ее нам дешевле (что абсо-

Таблица 3

Сравнительный анализ возможных стратегий использования иностранных ресурсов в отечественном ОПК

Table 3. Comparative analysis of possible strategies for the use of foreign resources in domestic MIC

Стратегия	Импортозамещение	Импортосмещение	Импортосохранение
Сущность	Полный отказ от приобретения соответствующего продукта за рубежом и организация его производства в России	Переключение на альтернативных иностранных поставщиков продуктов-аналогов из дружественных государств	Продолжение закупок продукта у традиционных поставщиков (в условиях санкционных ограничений — обходными путями)
Направления применения	Стратегическое направление промышленной политики	Временное (среднесрочное) решение до организации полного импортозамещения; использование в ситуации неэффективности собственных производств	Временное (краткосрочное) решение до переключения на альтернативных поставщиков

Составлено авторами по материалам [1; 4; 16] и на основе собственных разработок.

лютно не отразится на качестве) и позволит инвестировать в модернизацию отечественного производства;

2) у российской науки появится возможность параллельной разработки новых образцов военной техники, по своим характеристикам не уступающих ведущим мировым образцам, а впоследствии освоении производства на собственных мощностях;
3) уровень технологического отставания сократится до 1–2 лет, что, в общем, позволит в дальнейшем и в кратчайшие сроки освоить экспортное производство.

Конечно, такая политика (по сути дела, представляющая собой переориентацию закупок комплектующих со стран НАТО на Китай) сделает отечественное производство зависимым от поставок комплектующих и материалов из Китая, однако зависимость будет носить временный характер. При этом позволит в краткосрочной перспективе совершить значительный прорыв в развитии отечественного ОПК, обеспечить запас ЭКБ на весь жизненный цикл военной техники и ориентировать на экспорт собственную промышленность при затратах несопоставимо меньших, чем при финансировании научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, направленных на технологическую двадцатилетнюю гонку.

Тем не менее, не следует переоценивать потенциал сотрудничества КНР и Российской Федерации. Китай в настоящее время ведет затяжную торговую войну с США и желает минимизировать для себя риски потери гигантского американского рынка. При этом основные претензии США к Китаю лежат, в том числе, в плоскости недобросовестного использования американской интеллектуальной собственности. Создание копий ЭКБ в интересах российских военных производств сделает позицию КНР на переговорах с США еще более уязвимой и, вне всякого сомнения, вызовет точечные санкции против китайских компаний, которые организуют такие производства.

Рисковать отношениями с США ради возможной выгоды от продаж продукции в России (причем сравнительно небольшой выгоды — с учетом масштабов китайской экономики и размеров потенциальных российских заказов) Китаю смысла не имеет. Решиться на такой шаг он сможет, только приняв политическое решение (в том числе, возможно, для оказания давления на США в ходе переговоров), и немедленно откажется от него, если США этого настойчиво потребуют (пока и китайское руководство, и китайские компании предпочитают идти на поводу у США — это подтверждается примером фирмы ZTE, которая согласилась заплатить миллиардный штраф для сохранения возможности закупать комплектующие в США, а также тем фактом, что китайские банки соблюдают санкции США в отношении российских компаний едва ли не более строго, чем американские и европейские банки).

Возможным решением этой проблемы мог бы стать «обмен компетенциями». Несмотря на то, что китайский ОПК сделал значительный рывок вперед, у китайских предприятий и научно-исследовательских организаций отсутствуют значимые компетенции, которые вынуждают КНР вместо самостоятельной разработки инновационных видов вооружений копировать удачные решения других стран. В свою очередь, в России соответствующие компетенции зачастую представлены (во многом благодаря сохранению разработок советского периода), однако существуют значительные проблемы, связанные с переводом проектов на стадию создания промышленных образцов и тем более запуска в серийное производство. Это связано с отсутствием ЭКБ, собственных станков требуемого класса точности и т. д.

При этом Китай является крупным покупателем российских вооружений, сопровождающий заключение сделок требованиями локализации производства, передачи технологических компетенций и т. д. Как нам представляется, в практике военно-технического сотрудничества с Китаем нашей стране следует перейти к использованию

офсетных сделок, при которых продажа Китаю вооружения будет сопровождаться со стороны России передачей необходимой интеллектуальной собственности, тогда как Китай мог бы в качестве оплаты за проданную ему продукцию предоставить России необходимое оборудование требуемого класса точности и оказать содействие в развитии соответствующих производств в нашей стране.

Заключение

Политика импортозамещения в России реализовывалась неоднократно, но она не привела к долгосрочным прорывам в экономическом развитии. Это было связано с тем, что она осуществлялась либо стихийно, либо без ориентации на дальнейшее развитие экономики, когда самоцелью становилась индустриализация сама по себе. Современная государственная политика импортозамещения направлена на освоение полного цикла производства военной продукции на производственных мощностях, расположенных на территории России, однако это может занять длительный срок [8]. Успех текущей стратегии импортозамещения будет зависеть от того, удастся ли создать механизм инновационного развития промышленности. Этому, в частности, может способствовать выстраивание сетевых связей между промышленными предприятиями [14].

Проводимая в настоящее время политика импортозамещения осуществляется в принципиально иных условиях и носит иной характер, чем планировалось. Ее приходится реализовывать в ситуации изоляции от мировой экономики, разрыва военного сотрудничества с Украиной, отсутствия доступа к финансовым и технологическим ресурсам. Как следствие, проводить ее нужно в более сжатые сроки, в более неблагоприятных условиях и со значительно большим объемом государственной поддержки. В отдельных направлениях импортозамещение приобрело мобилизационный характер.

В ситуации сохранения зависимости от поставок иностранных ресурсов необходимо комбинировать стратегии импортозамещения, импортосмещения и импортосохранения. Это позволит выполнить срочные элементы ГОЗ, сэкономить ресурсы на организации собственных производств и выиграть время. При этом структура комбинации этих стратегий будет разная в различные периоды времени. Для сокращения срока технологического наращивания производства, на период восстановления и модернизации производства использовать продукцию, изготавливаемую странами, находящимися в тесном сотрудничестве с Российской Федерацией.

Допустимо, по мнению авторов, стимулировать локализацию выпуска продукции в нашей стране иностранными предприятиями (поскольку локализация является одним из инструментов импортозамещения [7]), однако с обязательным включением в состав акционеров российских компаний или физических лиц, а также с гарантией передачи российской стороне ключевых компетенций. Россия сама активно использует эту модель в рамках военно-технического сотрудничества с другими государствами (например, обязуясь локализовать производство военной техники в стране-покупателе силами национальных компаний), и нет никаких причин для того, чтобы не требовать аналогичного поведения от иностранных контрагентов по отношению к нашей стране.

Литература

1. *Аброськин П. Н.* Импортозамещение: трансформация мышления и стратегии // Практические механизмы освобождения России от внешней экономической зависимости. М. : Наука и политика, 2015. С. 75–84.
2. *Бокарев Ю. П.* СССР и становление постиндустриального общества на Западе, 1970–1980-е годы. М. : Наука, 2007.

3. *Бревнов В. Г.* Последствия международных кризисов и зарубежных санкций для производства инновационной продукции на предприятиях российского оборонно-промышленного комплекса // Символ науки. 2016. № 5–1. С. 56–59.
4. *Вертакова Ю. В., Плотников В. А.* Импортозамещение: теоретические основы и перспективы реализации в России // Экономика и управление. 2014. № 11. С. 38–47.
5. *Ильюхов А. А.* Вынужденная автаркия: исторический опыт // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 1. С. 26–31.
6. *Котляров И. Д.* Аутсорсинговая модель организации российской нефтегазовой отрасли: проблемы и пути решения // Вопросы экономики. 2015. № 9. С. 45–64.
7. *Котляров И. Д.* Локализация производства как инструмент импортозамещения // ЭКО. 2016. № 8. С. 128–140.
8. *Курбанов А. Х., Наружный В. Е., Плотников В. А.* Банковское сопровождение государственного оборонного заказа: специфика и особенности реализации // Управленческое консультирование. 2015. № 10. С. 101–109.
9. *Курбанов А. Х., Наружный В. Е., Плотников В. А.* Методика военно-экономического обоснования обеспечения технологической независимости российского ОПК // Наука Красноярья. 2019. Т. 8. № 1. С. 57–75.
10. *Левин М. И., Шевелева И. В.* Воспоминание о будущем: трансфер технологий и опыт холодной войны // Финансы и бизнес. 2017. № 2. С. 54–65.
11. *Мальгин В. А.* Украинская оборонка в условиях экономических санкций интересна России в первую очередь // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 1. С. 61–66.
12. *Мантуров Д. В., Никитин Г. С., Осьмаков В. С.* Планирование импортозамещения в российской промышленности: практика российского государственного управления // Вопросы экономики. 2016. № 9. С. 40–49.
13. *Райнерт Э. С.* Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. М. : Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2011.
14. *Стариков С. В.* Потенциал применения многоуровневого сетевого партнерства в промышленности как инструмента развития импортозамещающих производств // Управленческое консультирование. 2017. № 8. С. 169–175.
15. *Ульянов Н.* Взять свое // Эксперт. 2018. № 6. С. 26–31.
16. *Цухло С. В.* «Импортосохранение» вместо импортозамещения // Экономическое развитие России. 2015. Т. 22. № 12. С. 53–56.
17. *Эпштейн Д. Б.* О переходе экономики России к новой индустриализации и импортозамещению // Экономическое возрождение России. 2015. № 4. С. 60–68.

Об авторах:

Наружный Вячеслав Евгеньевич, начальник отдела 249 представительства Министерства обороны Российской Федерации (Санкт-Петербург, Российская Федерация); 4771spb@mail.ru

Титов Виктор Анатольевич, начальник кафедры экономической безопасности и управления социально-экономическими процессами Санкт-Петербургского университета МВД России (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; tvakfhd@mail.ru

Оболенская Юлия Андреевна, начальник продовольственной службы Военной академии материально-технического обеспечения имени генерала армии А. В. Хрулева (Санкт-Петербург, Российская Федерация); obolenskaya_30.07@mail.ru

References

1. Abroskin P. N. Import Substitution: Transformation of Thinking and Strategy // Practical Mechanisms for Freeing Russia from External Economic Dependence. M. : Science and Politics, 2015. P. 75–84. (In rus)
2. Bokarev Yu. P. USSR and formation of post-industrial society in the West, 1970–1980 “s. M. : Science, 2007. 381 p. (In rus)
3. Brevnov V. G. Consequences of international crises and foreign sanctions on the production of innovative products at enterprises of the Russian military-industrial complex // Symbol of science [Simvol nauki]. 2016. No. 5-1. P. 56–59. (In rus)

4. Vertakova Yu. V., Plotnikov V. A. Import Substitution: Theoretical Foundations and Prospects of Implementation in Russia // Economics and Management [Ekonomika i upravlenie]. 2014. No. 11. P. 38–47. (In rus)
5. Ilyukhov A. A. Forced autarchy: historical experience // Current problems of economy and law [Aktual'nye problemy ekonomiki i prava]. 2015. No. 1. P. 26–31. (In rus)
6. Kotlyarov I. D. Outsourcing Model of Organization of the Russian Oil and Gas Industry: Problems and Ways to Solve // Economic Issues [Voprosy ekonomiki]. 2015. No. 9. P. 45–64. (In rus)
7. Kotlyarov I. D. Localization of production as an instrument of import substitution // ECO [EKO]. 2016. No. 8. P. 128–140. (In rus)
8. Kurbanov A. H., Naruzhniy V. E., Plotnikov V. A. Bank support of the state defense order: specifics and peculiarities of implementation // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2015. No. 10. P. 101–109. (In rus)
9. Kurbanov A. H., Naruzhniy V. E., Plotnikov V. A. Methodology of military-economic justification for ensuring technological independence of the Russian MIC // Science of Krasnoyarsk [Nauka Krasnoyar'ya]. 2019. V. 8. No. 1. P. 57–75. (In rus)
10. Levin M. I., Sheveleva I. V. Memory of the Future: Technology Transfer and Cold War Experience // Finance and Business [Finansy i biznes]. 2017. No. 2. P. 54–65. (In rus)
11. Malgin V. A. Ukrainian defense in conditions of economic sanctions is interesting to Russia first of all // Topical problems of economy and law [Aktual'nye problemy ekonomiki i prava]. 2015. No. 1. P. 61–66. (In rus)
12. Manturov D. V., Nikitin G. S., Osmakov V. S. Import Substitution Planning in Russian Industry: Practice of Russian State Administration // Economic Issues [Voprosy ekonomiki]. 2016. No. 9. P. 40–49. (In rus)
13. Reinert E. S. How rich countries became rich, and why poor countries remain poor. M. : HSE Publishing House, 2011. 384 p. (In rus)
14. Starikov S. V. Potential of application of multilevel network partnership in industry as a tool of import substitution production development // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2017. No. 8. P. 169–175. (In rus)
15. Ulyanov N. Take your // Expert [Ekspert]. 2018. No. 6. P. 26–31. (In rus)
16. Tsukhlo S. V. "Import Storage" instead of import substitution // Economic development of Russia [Ekonomicheskoe razvitie Rossii]. 2015. V. 22. No. 12. P. 53–56. (In rus)
17. Epstein D. B. On Transition of Russian Economy to New Industrialization and Import Substitution // Economic Revival of Russia [Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii]. 2015. No. 4. P. 60–68. (In rus)

About the authors:

Vyacheslav E. Naruzhniy, Head of Department of 249th Military Representation of the Ministry of Defense of the Russian Federation (Saint-Petersburg, Russian Federation); 4771spb@mail.ru

Victor A. Titov, Head of the Department of Economic Security and Management of Socio-Economic Processes of Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Saint-Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economy), Professor; of Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Saint-Petersburg, Russian Federation), tvakfhd@mail.ru

Yuliya A. Obolenskaya, Chief of Food Service of Military Academy of Logistics named after Army General A. V. Khrulev (Saint-Petersburg, Russian Federation); obolenskaya_30.07@mail.ru

DOI 10.22394/1726-1139-2019-11-113-119

Трансформация мировой системы экономических отношений под влиянием глобальных интересов США: риски для России

Рукинов М. В.

Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина (Санкт-Петербург, Российская Федерация); a97440533@protonmail.com

РЕФЕРАТ

В статье выполнен анализ трансформации мировой системы экономических отношений с точки зрения обеспечения экономической безопасности России. Показано, что в основе этой трансформации лежит борьба за экономическое, технологическое и политическое лидерство США в условиях формирования предпосылок к его утрате. Выявлены основные факторы, влияющие на происходящие трансформации, и оценен их вклад в обеспечение глобальной и национальной (для России) безопасности, прежде всего — экономической.

Ключевые слова: санкции, мировая система экономических отношений, глобальное лидерство, экономическая безопасность

Для цитирования: *Рукинов М. В.* Трансформация мировой системы экономических отношений под влиянием глобальных интересов США: риски для России // Управленческое консультирование. 2019. № 11. С. 113–119.

Transforming the World System of Economic Relations under the Influence of U. S. Global Interests: Risks for Russia

Maksim V. Rukinov

Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russian Federation; a97440533@protonmail.com

ABSTRACT

The article analyses the transformation of the world system of economic relations from the point of view of ensuring the economic security of Russia. It is shown that at the heart of this transformation is the struggle for economic, technological, and political leadership of the United States in the context of the formation of preconditions for its loss. The main factors influencing the ongoing transformations have been identified and their contribution to ensuring global and national (for Russia) security, first of all — economic.

Keywords: sanctions, world system of economic relations, global leadership, economic security

For citing: Rukinov M. V. Transforming the World System of Economic Relations under the Influence of U. S. Global Interests: Risks for Russia // Administrative consulting. 2019. No. 11. P. 113–119.

Система мировых экономических и политических отношений в настоящее время претерпевает глубокие изменения. Внутренней причиной происходящих трансформаций, по мнению автора, является резко обострившаяся борьба за политическое и экономическое лидерство, что внешне воплощается в торговых войнах, ужесточившейся конкуренции за рынки, санкционном давлении, «прокси-войнах» на периферии ведущих мировых государств и т. д. Эти изменения имеют важные по-

следствия для экономической безопасности нашей страны [14; 15], однако, пока систематизированного описания для них предложено не было.

В российской научной и аналитической литературе по очевидным причинам основной акцент делается не на трансформации мировой системы экономических и политических отношений в целом, а только на тех аспектах этой трансформации, которые непосредственно затрагивают Россию. Однако отсутствие комплексного анализа происходящих глобальных изменений не позволяет выстроить комплексную картину угроз для нашей страны, что, в свою очередь, препятствует разработке комплексной стратегии противодействия им и адаптации к новым факторам международного окружения.

В предлагаемой статье мы изложим наше видение сущности этих изменений на глобальном уровне и возможных мер, которые следует принять нашей стране, чтобы минимизировать негативные последствия происходящей трансформации для экономической безопасности Российской Федерации.

Итак, после распада мировой социалистической системы в 1989–1991 гг. и исчезновения политического и экономического лидера этой системы — СССР — единственной сверхдержавой в мире стали США. Позиционируя себя в качестве «лидера свободного мира» в течение холодной войны, после ее окончания США стали лидером всего мира. Их статус сверхдержавы основывался на следующем:

- неоспоримом политическом лидерстве (крупнейшие вооруженные силы, мощный ядерный арсенал, система возглавляемых США военных союзов, в первую очередь — НАТО);
- обладании крупнейшей экономикой мира;
- технологическом лидерстве;
- статусе доллара США как международной валюты, что предоставляет США уникальную возможность получения внешнего финансирования.

Важно подчеркнуть, что факторы лидерства США и само это лидерство представляют собой взаимосвязанную и взаимоподдерживающуюся систему. Факторы лидерства дают США возможность быть лидером, но, будучи лидером (и получая связанную с этим ренту), США могут укреплять факторы своего лидерства.

Отметим, что, противостоя советскому блоку в холодной войне [12], США ревностно оберегали свое лидерство в капиталистическом мире, жестко пресекая попытки других государств перехватить его. В частности, в 1985 г. на основе так называемого «Соглашения Plaza» был остановлен экономический рост Японии — страны, которая, по прогнозам 1980-х гг., должна была постепенно стать ведущей экономикой мира. Япония была фактически принуждена к заключению этого соглашения, которое стало причиной длительной стагнации японской экономики. Эта политика продолжилась и после распада СССР — по оценкам отдельных специалистов, агрессия НАТО в Югославии в 1999 г. в качестве одной из целей имела подрыв евро как потенциального конкурента доллара США.

Эпоха после 1991 г. рассматривается не только как период безоговорочного доминирования США, но и как эра глобализации — выстраивания единой мировой экономики со сложной системой кооперации и разделения труда [3; 8; 9; 10]. Признаками глобальной экономики стали деиндустриализация традиционных ведущих экономических центров мира (США и Европы), перенос промышленных производств в Азию (в первую очередь — в Китай, который смог благодаря этому пережить мощный экономический рывок) и сосредоточение США и Европы на производстве товаров, услуг и технологий с высокой добавленной стоимостью.

Однако после кризиса 2008 г. стали проявляться противоречия мировой глобальной экономической модели, а рост экономического и политического потенциала отдельных государств в сочетании с развитием новых технологий (открывающих

дорогу новому технологическому укладу [1; 7; 13]) стал размывать статус США как единственного лидера. Поскольку же, как было сказано выше, лидерство США и факторы этого лидерства тесно связаны друг с другом, угрозы глобальному лидерству США воспринимаются руководством этой страны как угрозы благополучию и процветанию Америки и поэтому должны устраняться любой ценой (именно на этом акцентируется основное внимание в политическом курсе, избранном текущей администрацией США под руководством Д. Трампа).

Итак, противодействие указанным угрозам является основной причиной текущего обострения мировой экономической и политической ситуации. Перечислим основные угрозы лидерству США.

Растущая экономическая и технологическая мощь Китая

Китай по размеру своей экономики стремительно настигает США (в номинальном выражении; по паритету покупательной способности ВВП Китая уже несколько лет назад превысил ВВП США) и при этом сумел добиться значимых прорывов в технологическом развитии (прежде всего, в области искусственного интеллекта). КНР открыто декларирует желание стать глобальным технологическим лидером в условиях цифровой экономики. Для противодействия этому США открыто используют инструментарий экономического принуждения.

Следует отметить, что, несмотря на быстрое развитие Китая, он по-прежнему зависит от поставок высокотехнологичной продукции из США (хотя эта зависимость постепенно ослабляется, в том числе и за счет достаточно небрежного отношения Китая к вопросам правового режима оборота интеллектуальной собственности, что позволяет ему быстро копировать и осваивать передовые зарубежные наработки). Вторым «слабым местом» Китая, по нашему мнению, является сильная зависимость от экспорта (во многом для обеспечения которого реализуется проект «Один пояс, один путь», призванный обеспечить Китай собственной зоной экономического влияния и гарантировать пути поставок продукции и ресурсов).

Именно по этим «слабым местам» и наносят удар США, блокируя поставки высокотехнологичной продукции (например, санкции, введенные против компании ZTE), препятствуя сбыту китайских высокотехнологичных товаров за рубежом (что в целом подрывает эффективность инновационных китайских компаний; примером может быть запрет на использование оборудования Huawei в США, поддержанный рядом их геополитических союзников) и вводя заградительные пошлины на импорт китайской продукции в США.

Цель США заключается в недопущении поражения в технологической гонке с Китаем, усложнении деятельности китайских высокотехнологичных компаний и предоставлении конкурентных преимуществ для национальных высокотехнологичных фирм. Помимо этого, США хотят сократить дефицит своего торгового баланса и создать стимулы для экономического роста. В результате, Китай в настоящее время оказался перед выбором — либо принять требования США и добровольно ограничить свое экономическое и технологическое развитие (США настаивают на сокращении государственной поддержки китайской экономики, ужесточении контроля над соблюдением прав иностранных владельцев интеллектуальной собственности, ревальвации юаня и т. д.), либо отказаться от этих требований и находиться под действием инструментов торговой войны, начатой США.

С точки зрения интересов России, давление США на Китай может стать причиной замедления роста китайской экономики и, как следствие, снижения спроса на те ресурсы, которые Россия поставляет в КНР (прежде всего, на углеводороды). Это приведет как к сокращению физических поставок ресурсов, так и к снижению цен на них, что неблагоприятно отзовется на состоянии российского бюджета и замедлит экономический рост нашей страны (и так крайне слабый и неуверенный).

Разумеется, США (особенно если принять во внимание их военно-политических союзников) с военной точки зрения на сегодняшний день сильнее России. Однако уровень военной мощи России вырос до того размера, при котором она может создавать угрозу для США и причинить, даже в случае своего военного поражения, такой ущерб США и их союзникам, который поставит под сомнение саму возможность их дальнейшего существования.

При этом слабым местом России, унаследованным от СССР, является диспропорция между военной мощью и экономическим потенциалом. Российская экономика сравнительно невелика по размерам. Поддержание текущего уровня военного паритета требует больших затрат, особенно высоких в условиях стагнации, и потенциальное участие в «гонке вооружений» ляжет тяжелым бременем на государственный бюджет (основным источником пополнения которого являются нефтегазовые доходы).

Кроме того, Россия отстает от передовых стран с точки зрения уровня технологического развития, что вынуждает ее приобретать инновационную продукцию за рубежом (в том числе и для нужд ОПК) — эта проблема тоже имеет давнюю историю (она также существовала еще во времена СССР). США противодействуют этой угрозе путем ограничения поставок высокотехнологичной продукции, нагнетания военных угроз (в частности, выходом из договора РСМД, что вынуждает Россию применять ответные меры и ведет к увеличению ее военных расходов и еще большему давлению на отечественную экономику) и блокирования российского экспорта вооружений и углеводородов [2; 4; 5; 6].

Рост военных угроз выражается не только в нагнетании агрессивной риторики и принуждении к гонке вооружений, но и в проведении военных операций, затрагивающих интересы России, на ее периферии. Примерами могут быть поддержка США террористических и повстанческих организаций в Сирии, ведущих борьбу против законного президента этой страны Б. Асада, предоставление вооружения и военной техники киевскому режиму, которые используются для карательных операций в регионах, за которые Россия приняла на себя гуманитарную ответственность (народные республики Донбасса) и т. д.

Особо следует указать на американское содействие в восстановлении украинского военного флота после его фактической ликвидации в 2014 г., а также помощь в пополнении Морской охраны Государственной пограничной службы Украины (МО ГПСУ); украинские военно-морские силы и МО ГПСУ ведут активную провокационную деятельность против России в Черном и Азовском морях (атаки на российские нефтяные платформы, попытка прорыва через Керченский пролив в ноябре 2018 г., задержание российских рыболовных судов и т. д.).

Отметим, что США не считают Россию (в отличие от Китая) значимым экономическим соперником, в связи с чем, по нашему мнению, введенные санкции направлены не на слом российской экономики как таковой, а на лишение России необходимых ресурсов для поддержания военной мощи. Напротив, меры против Китая предназначены именно для противодействия росту экономического [11] и технологического потенциала КНР (несмотря на возросшую военную мощь Пекина и на его политическую экспансию в Юго-Восточной Азии, США видят в Китае, прежде всего, глобального экономического противника).

При этом отметим, что, хотя у России и Китая существует конфликт интересов с США, это не делает наши страны автоматически естественными союзниками. Китай ориентирован на сохранение своего экономического потенциала и достижение технологического лидерства, и не желает военно-политического противостояния с США, и поэтому, судя по наблюдаемым признакам, не будет оказывать России явную политическую поддержку.

Более того, вероятно, что Китай скорее даже будет использовать нашу страну в своих долгосрочных целях. Прежде всего Россия удобна для отвлечения внимания США от Китая, и, кроме того, с учетом частичной изоляции России вследствие введенного против нее санкционного режима, Китай может заместить выпавших традиционных российских партнеров на выгодных для себя условиях (благодаря отсутствию конкуренции).

Возникновение региональных лидеров, претендующих на ведение самостоятельной (не согласованной с США) политики

Наиболее яркими примерами здесь могут быть Венесуэла, Турция и Иран. Интересно отметить, что, хотя Турция является членом НАТО, США в последние годы придерживаются в отношении этой страны исключительно агрессивной риторики и вводят против нее ограничительные меры (в том числе активно обсуждается перспектива исключения Турции из производственной цепочки по выпуску нового истребителя F-35).

Что касается Ирана, то против него задействован весь потенциал экономического подавления (запрет на экспорт углеводородов, запрет на ведение торговых операций, запрет на проведение платежей и т. д.). Жесткие меры давления используются в отношении и Венесуэлы (запрет на оплату поставок углеводородов из Венесуэлы в пользу подконтрольных текущему венесуэльскому правительству экспортеров — отметим при этом, что сами поставки разрешены), однако ситуация в этой стране, на наш взгляд, усугубляется некомпетентностью правящего режима, допустившего, даже в условиях санкций, обвальное падение экономики.

Меры экономического подавления против этих государств с точки зрения экономической безопасности России носят двоякий характер. С одной стороны, заинтересованность этих стран в обеспечении самостоятельной экономической и политической стратегии естественным образом вынуждает их к балансированию между альтернативными центрами силы, т. е. благоприятствует наращиванию их сотрудничества с Россией. В частности, Россия может обеспечить сбыт в эти государства продукции своего оборонно-промышленного комплекса, получить доход от управления природными ресурсами этих стран (включая их сбыт на мировых рынках — к посредничеству России в этой области может прибегнуть Венесуэла), получить выгодные контракты на развитие и обновление инфраструктуры этих стран и т. д.

Теоретически это позволило бы России обеспечить внешний рынок для сбыта своей продукции и для закупки необходимых ресурсов, т. е. сформировать собственную зону экономического влияния. Это значительно бы упростило проведение политики импортозамещения и позволило бы повысить эффективность российской экономики, а также частично сгладить негативный эффект санкций против России. С другой стороны, неустойчивость политического положения в этих странах (находящихся вод давлением США), а также нехватка финансовых ресурсов (по той же причине) делает эти государства недостаточно выгодными и высокорискованными партнерами.

Сбыт дорогостоящей российской продукции на этих рынках будет осуществляться скорее всего в кредит (что в условиях финансовых санкций против России и крайне неустойчивого экономического роста в нашей стране становится сложной операцией), а долгосрочные контракты гарантируются лишь личной заинтересованностью правящих режимов. В случае их свержения контракты будут расторгнуты на невыгодных условиях и переданы альтернативным поставщикам.

Это подтверждается ситуацией в Иране. В период действия предыдущих санкций против Ирана именно Россия была одним из немногих торговых партнеров этой страны и оказывала ей умеренную политическую поддержку. После заключения иранской ядерной сделки санкции с Ирана были сняты, и иранская экономика открылась для международных контрактов и инвестиций. С учетом предыдущего опыта взаимодействия с Ираном российские предприятия могли бы рассчитывать на

определенные преференции, однако этого не произошло. Все значимые контракты (например, на поставку локомотивов) были отданы поставщикам из других государств.

Таким образом, хотя потенциал сотрудничества России с этими странами существует, он невысок и его использование связано со значительными рисками (однако использовать его все равно необходимо). Завершая наш анализ, подчеркнем, что в настоящее время нет государств, которые бы одновременно угрожали экономическому и военно-политическому глобальному лидерству США (в среднесрочной перспективе такая угроза может возникнуть со стороны Китая, который, однако, не заинтересован в нагнетании напряженности). Кроме того, среди стран, против которых США применяют меры экономического давления, нет единства относительно противодействия этому давлению.

Сегодня мы наблюдаем серьезную трансформацию всей мировой системы экономических отношений, движущей силой чего являются глобальные интересы США, их борьба за лидерство. Эти изменения несут риски и угрозы для национальной экономической безопасности России и должны быть нивелированы соответствующими мерами экономической политики, разработка которых может стать предметом самостоятельного исследования.

Литература

1. *Бабурина О. Н., Гуриева Л. К.* Научно-технологический императив конкурентоспособности России в условиях концептуализации четвертой промышленной революции (Industrie 4.0) // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2019. Т. 15. № 3. С. 396–416.
2. *Вертакова Ю. В., Положенцева Ю. С., Клевцова М. Г.* Санкции в условиях глобализации и их влияние на экономическое развитие России // Экономика и управление. 2015. № 10. С. 24–32.
3. *Дементьев В. Е., Новикова Е. С., Устюжанина Е. В.* Место России в глобальных цепочках создания стоимости // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2016. № 1. С. 17–30.
4. *Ерасова Е. А., Плотников В. А.* Перспективы развития оборонно-промышленного комплекса России в условиях экономических санкций // Экономика и управление. 2015. № 3. С. 22–28.
5. *Загашвили В. С.* Западные санкции и российская экономика // Мировая экономика и международные отношения. 2015. Т. 59. № 11. С. 67–77.
6. *Клинова М. В., Сидорова Е. А.* Экономические санкции и их влияние на хозяйственные связи России с Европейским Союзом // Вопросы экономики. 2014. № 12. С. 67–79.
7. *Клочков В. В.* Влияние технологий «цифровой экономики» на индустриальный сектор // Друкеровский вестник. 2018. № 2. С. 59–67.
8. *Кондратьев В. Б.* Глобальные цепочки стоимости в отраслях экономики: общее и особенное // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 1. С. 49–58.
9. *Котляров И. Д.* Формы аутсорсинга в современной международной торговле // Мировая экономика и международные отношения. 2011. № 6. С. 65–72.
10. *Кошовец О. Б., Ганичев Н. А.* Глобальная цифровая трансформация и ее цели: декларация, реальность и новый механизм роста // Экономическая наука современной России. 2018. № 4. С. 126–143.
11. *Курбанов А. Х., Плотников В. А.* Экономический потенциал страны как экономическая категория // Экономическое возрождение России. 2016. № 3. С. 45–56.
12. *Левин М. И., Шевелева И. В.* Воспоминание о будущем: трансфер технологий и опыт холодной войны // Финансы и бизнес. 2017. № 2. С. 54–65.
13. *Плотников В. А.* Цифровизация производства: теоретическая сущность и перспективы развития в российской экономике // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2018. № 4. С. 16–24.
14. *Сенчагов В. К., Побываев С. А., Соловьев А. И.* Оценка влияния глобальных рисков как инструмент формирования экономической стратегии России: индикативный подход // Экономические стратегии. 2016. Т. 18. № 8. С. 24–31.
15. *Харламова А. А.* Возникновение новых угроз экономической безопасности России // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2017. № 1. С. 36–39.

Об авторе:
Рукинов Максим Владимирович, докторант Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат экономических наук; a97440533@protonmail.com

References

1. Baburina O. N., Gurieva L. K. Scientific and technological imperative of competitiveness of Russia in the context of conceptualization of the fourth industrial revolution (Industrie 4.0) // National interests: priorities and security [Natsional'nye interesy: prioritety i bezopasnost']. 2019. V. 15. No. 3. P. 396–416. (In rus)
2. Vertakova Yu. V., Polozhentseva Yu. S., Klevtsova M. G. Sanctions in the context of globalization and their impact on the economic development of Russia // Economics and management [Ekonomika i upravlenie]. 2015. No. 10. P. 24–32. (In rus)
3. Dementyev V. E., Novikova E. S., Ustyuzhanina E. V. Place of Russia in global value chains // National interests: priorities and security [Natsional'nye interesy: prioritety i bezopasnost']. 2016. No. 1. P. 17–30. (In rus)
4. Erasova E. A., Plotnikov V. A. Prospects of development of Russian military-industrial complex under conditions of economic sanctions // Economics and management [Ekonomika i upravlenie]. 2015. No. 3. P. 22–28. (In rus)
5. Zagashvili V. S. Western Sanctions and Russian Economy // World Economy and International Relations [Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya]. 2015. V. 59. No. 11. P. 67–77. (In rus)
6. Klinova M. V., Sidorova E. A. Economic sanctions and their impact on Russia 's economic ties with the European Union // Economic issues [Voprosy ekonomiki]. 2014. No. 12. P. 67–79. (In rus)
7. Klochkov V. V. Influence of "digital economy" technologies on the industrial sector // Druker Journal [Drukerovskii vestnik]. 2018. No. 2. P. 59–67. (In rus)
8. Kondratiev V. B. Global value chains in economic sectors: general and special // World economy and International Relations [Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya]. 2019. V. 63. No. 1. P. 49–58. (In rus)
9. Kotlyarov I. D. Forms of Outsourcing in Modern International Trade // World Economy and International Relations [Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya]. 2011. No. 6. P. 65–72. (In rus)
10. Koshovets O. B., Ganichev N. A. Global digital transformation and its goals: declaration, reality and a new growth mechanism // Economic science of modern Russia [Ekonomicheskaya nauka sovremennoi Rossii]. 2018. No. 4. P. 126–143. (In rus)
11. Kurbanov A. H., Plotnikov V. A. Economic potential of the country as an economic category // Economic revival of Russia [Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii]. 2016. No. 3. P. 45–56. (In rus)
12. Levin M. I., Sheveleva I. V. Recollection of the Future: Technology Transfer and Cold War Experience // Finance and Business [Finansy i biznes]. 2017. No. 2. P. 54–65. (In rus)
13. Plotnikov V. A. Digitalization of production: theoretical essence and prospects of development in the Russian economy // News of St. Petersburg State University of Economics [Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta]. 2018. No. 4. P. 16–24. (In rus)
14. Senchagov V. K., Pobyvaev S. A., Solovyev A. I. Assessment of the Impact of Global Risks as a Tool for Forming Russia 's Economic Strategy: Indicative Approach // Economic Strategies [Ekonomicheskie strategii]. 2016. V. 18. No. 8. P. 24–31. (In rus)
15. Harlamova A. A. Emergence of new threats to economic security of Russia // Theory and practice of service: economy, social sphere, technologies [Teoriya i praktika servisa: ekonomika, sotsial'naya sfera, tekhnologii]. 2017. No. 1. P. 36–39. (In rus)

About the author:
Maksim V. Rukinov, Doctoral candidate of the Pushkin Leningrad State University (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Economics; a97440533@protonmail.com

DOI 10.22394/1726-1139-2019-11-120-128

Методика оценки ожидаемой стоимости проектирования технических и технологических инноваций

Сауренко Т. Н.[1], *Анисимов Е. Г.*[1], *Родионова Е. С.*[2, *]

[1]Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
[2]Санкт-Петербургский им. В. Б. Бобкова филиал Российской таможенной академии, Санкт-Петербург, Российская Федерация; *wart1983@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье предложена методика оценки ожидаемой стоимости технических и технологических инноваций. Оценка осуществляется на этапе, предшествующем проектированию инноваций (этапе инициации проекта). Она опирается на метод аналогий и реализуется на основе принципа «так было — так будет». При этом имеющиеся аналоги обеспечивают объективную информацию о том «как было». Пролонгация этих данных в будущее для оценки стоимости проектирования опирается на вероятностную интерпретацию имеющейся неопределенности. Снятие неопределенности осуществляется использованием принципа максимума энтропии. Это обеспечивает наиболее полный учет имеющейся объективной информации и минимизирует домыслы при оценке стоимости проектирования инновационных объектов. В целом предложенная в статье методика позволяет в типовой для этапа инициации проекта информационной ситуации получать объективные оценки ожидаемой стоимости проектирования технических и технологических инноваций.

Ключевые слова: технические и технологические инновации, проектирование, оценка стоимости, методика

Для цитирования: *Сауренко Т. Н., Анисимов Е. Г., Родионова Е. С.* Методика оценки ожидаемой стоимости проектирования технических и технологических инноваций // Управленческое консультирование. 2019. № 11. С. 120–128.

Methodology for Estimating the Expected Cost of Engineering and Technology Innovation

Tatyana N. Saurenko[a], *Evgeny G. Anisimov*[a], *Evgenia S. Rodionova*[b, *]

[a]Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russian Federation
[b]Saint-Petersburg named by V. B. Bobkov branch of the Russian Customs Academy, Saint-Petersburg, Russian Federation; *wart1983@mail.ru

ABSTRACT

The article proposes a methodology for estimating the expected cost of technical and technological innovations. The evaluation is performed in the pre-design phase of the innovation (project initiation phase). It relies on the method of analogy and is implemented based on the principle of "so was - so will be." At the same time, the available analogues provide objective information about "how it was." Extending this data into the future to estimate the cost of design relies on probabilistic interpretation of the available uncertainty. Uncertainty removal is accomplished using the principle of maximum entropy. This ensures the most complete consideration of the available objective information and minimizes speculation in assessing the cost of designing innovative objects. In general, the methodology proposed in the article allows obtaining objective estimates of the expected cost of designing technical and technological innovations in the standard information situation for the initiation stage of the project.

Keywords: technical and technological innovations, design, valuation, methodology

For citing: Saurenko T. N., Anisimov E. G., Rodionova E. S. Methodology for Estimating the Expected Cost of Engineering and Technology Innovation // Administrative consulting. 2019. No. 11. P. 120–128.

Введение

Социально-экономическое развитие Российской Федерации предполагает переход от экспортно-сырьевого к инновационному пути развития экономики государства. Основным источником роста экономики должен стать научно-технический прогресс. Его реализация связана с существенным расширением деятельности в сфере проектирования технических и технологических инноваций [4; 6; 9; 12; 15–17; 20–22; 24; 25]. Такая деятельность связана со значительными затратами финансовых ресурсов. Это в условиях их ограниченности обусловливает целесообразность оценки ожидаемой стоимости инноваций еще на этапе их инициации. Такая оценка может осуществляться различными методами [1; 5; 8; 10; 14; 19; 23]. Выбор метода оценки определяется складывающейся информационной ситуацией. Цель настоящей статьи состоит в построении метода оценки ожидаемой стоимости технических и технологических инноваций на этапе инициации при наличии соответствующих аналогов.

Описание модели

В указанной ситуации каждая инновация представляет собой очередной этап эволюции имеющихся аналогов, и задача оценки стоимости ее проектирования может быть сформулирована следующим образом.

Известно, что:

а) для инновационного объекта P_1 имеется ряд предшествующих ему аналогов P_j ($j = 2, 3, ..., J$), причем большие идентификаторы j соответствуют более ранним аналогам;

б) стоимости проектирования аналогов в сопоставимых ценах равны C_j ($j = 2, 3, ..., J$);

в) как инновационный объект, так и его аналоги, характеризуются совокупностью базовых показателей, представленных соответствующими векторами:

$$X_j = \{x_{j1}, x_{j2}, \ldots, x_{jI}\}, \quad j = 1, 2, \ldots, J, \tag{1}$$

где $x_i > 0$, $j = 1, 2, ..., J$, $i = 1, 2, ..., I$,

i ($i = 1, 2, ..., I$) — идентификатор базового показателя;

г) инновационный объект является лучшим по всем базовым показателям.

Требуется при указанных данных оценить ожидаемую стоимость C_1 проектирования инновационного объекта P_1.

В интересах ее оценки векторы (1) удобно рассматривать как строки матрицы

$$X = ||x_{ji}||, \; j = 1, 2, ..., J, \; i = 1, 2, ..., I. \tag{2}$$

Вследствие неоднородности базовых показателей объектов целесообразно осуществить нормирование матрицы (2). Для его осуществления введем условный объект, обладающий наибольшими значениями базовых показателей объектов P_j ($j = 1, 2, ..., J$), т. е.

$$x^*_{ji} \max_j x_{ji}, \; j = 1, 2, ..., J, \; i = 1, 2, ..., I. \tag{3}$$

Тогда каждый объект относительно условного, может быть охарактеризован величинами [2]

$$S_{ji} = \frac{x_{ji}}{x^*_{ji}}, \; j = 1, 2, ..., J, \; i = 1, 2, ..., I. \tag{4}$$

Введем параметры d_{ji}, $j = 1, 2, ..., J$, $i = 1, 2, ..., I$, такие, что

$$d_{ji}\begin{cases}1, \text{ если увеличение } S_{ji} \text{ ведет к повышению предпочтительности объекта,}\\ 0 \text{ — в противном случае.}\end{cases}$$

Тогда каждый объект может быть охарактеризован величинами

$$y_{ji},\ j = 1, 2, ..., J,\ i = 1, 2, ..., I,$$

где

$$y_{ji} = \begin{cases}S_{ji} \text{ при } d_{ji} = 1,\\ 1 - S_{ji} \text{ при } d_{ji} = 0\end{cases} \tag{5}$$

и матрица (2) представляется эквивалентной ей нормированной матрицей

$$Y = \|y_{ji}\|\ j = 1, 2, ..., J,\ i = 1, 2, ..., I. \tag{6}$$

Особенность матрицы (6) состоит в том, что:

а) ее элементы являются безразмерными и удовлетворяют условию

$$0 \le y_{ji} \le 1,\ j = 1, 2, ..., J,\ i = 1, 2, ..., I; \tag{7}$$

б) улучшение базовых показателей P_j-го ($j = 1, 2, ..., J$) объекта эквивалентно увеличению элементов j-й строки матрицы (6);

в) каждая j-я строка $Y_j = \|y_{ji}\|$, $i = 1, 2, ..., I$ матрицы (6) является доминирующей по отношению к последующим строкам этой матрицы, т. е.

$$y_{ji} \ge y_{ki},\ i = 1, 2, ..., I,\ k = j + 1, j + 2, ..., J. \tag{8}$$

С учетом рассмотренных предположений в качестве оценки ожидаемой стоимости инновационного проекта на этапе его инициации может быть принята величина

$$C_1 = H_1 C_2, \tag{9}$$

где

$$H_1 = \sum_{i=1}^{I} \frac{y_{1i}}{y_{2i}} \alpha_i\ ; \tag{10}$$

$$\sum_{i=1}^{I} \alpha_i = 1\ ; \tag{11}$$

где α_i — весовой коэффициент i-го $i = 1, 2, ..., I$ показателя в стоимости инновационного проекта.

Применение соотношений (9), (10) для оценки на этапе инициации ожидаемой стоимости технических и технологических инноваций предполагает знание величин α_i ($i = 1, 2, ..., n$). Вместе с тем их точные значения, как правило, неизвестны. Это обусловливает задачу определения α_i ($i = 1, 2, ..., n$).

Опыт управления инновационными проектами свидетельствует, что на этапе инициации у лица, принимающего решения, как правило, нет четкого представления о влиянии базовых показателей на ожидаемую стоимость проекта. Его стоимость оценивается в условиях существенной неопределенности [3; 11; 13; 18]. При веро-

ятностной интерпретации этой неопределенности для определения весовых коэффициентов α_i ($i = 1, 2, ..., I$) может быть применен принцип максимума энтропии [29]. Целесообразность его применения обусловлена тем, что на этапе инициации проекта имеющаяся информация не позволяет:

1) определить точные значения весовых коэффициентов α_i ($i = 1, 2, ..., I$) базовых показателей в стоимости инновационного проекта;
2) точно определить закон распределения вероятностей значений указанных весовых коэффициентов.

Поэтому из всех возможных вариантов закона распределения вероятностей значений коэффициентов важности необходимо выбрать наиболее устойчивый. Таким вариантом является закон распределения, характеризующийся максимальным значением измеряемой энтропией неопределенности, остававшейся после использования всей объективной информации, доступной лицу, принимающему решение. Указанный вид закона распределения вероятностей основывается на минимуме домыслов. Следовательно, он является наиболее объективным в соответствующей информационной ситуации [7; 26; 30].

Если техническому или технологическому инновационному проекту предшествует только один аналог, то имеющаяся у лица, принимающего решение, объективная информация не позволяет выделить наиболее значимые с позиций стоимости проектирования базовые параметры и, исходя из принципа максимума энтропии, весовые коэффициенты α_i ($i = 1, 2, ..., I$) принимаются равными

$$\alpha_i = \frac{1}{I}, \; i = 1, 2, ..., I. \tag{12}$$

Если же техническому или технологическому инновационному проекту предшествует несколько аналогов, то имеющаяся объективная информация позволяет ранжировать базовые показатели по степени влияния на стоимость проектирования. Процедура ранжирования состоит в следующем.

1) Определяются величины:

$$h_i = \frac{1}{J-1}\sum_{j=2}^{J}\frac{y_{ji}}{y_{j+1i}}, \quad i = 1, 2, \ldots, I; \tag{13}$$

$$C = \frac{1}{J-1}\sum_{j=2}^{J} C_j. \tag{14}$$

2) Определяются условные стоимости проектирования аналогов при условии, что стоимость определяется i-м ($i = 1, 2, ..., I$) базовым показателем:

$$C_{ji} = h_i C_j + 1, \; j = 2, 3, ..., J - 1, \; i = 1, 2, ..., I. \tag{15}$$

3) Определяются отклонения действительных значений стоимости проектирования аналогов от условных:

$$\Delta C_{ji} = |C_j - C_{ji}|, \; j = 2, 3, ..., J - 1, \; i = 1, 2, ..., I. \tag{16}$$

4) Определяются средние для каждого из базовых показателей отклонения действительных значений стоимости проектирования аналогов от условных:

$$\Delta C_i = \frac{1}{J-1}\sum_{j=2}^{J}\Delta C_{ji}\ ,\ i = 1,\ 2,\ \ldots,\ I. \qquad (17)$$

5) Из этих отклонений формируется ряд

$$R^0 = \left\{\Delta C_{i_1}, \Delta C_{i_2}, \ldots, \Delta C_{i_I}\right\}, \qquad (18)$$

для которого

$$\Delta C_{i_k} \le \Delta C_{i_{k+1}},\ k = 1,\ 2,\ \ldots,\ I, \qquad (19)$$

где $i_1 \ne i_2 \ne {}_{\ldots} \ne i_I$ — порядковые номера базовых показателей (компонент вектора (1)), которым соответствуют элементы ряда (18).

6) Ряду (18) ставится в соответствие ряд весовых коэффициентов α_i ($i = 1,\ 2,\ \ldots,\ I$) базовых показателей:

$$R^1 = \left\{\alpha_{i_1},\ \alpha_{i_2},\ \ldots,\ \alpha_{i_I}\right\}. \qquad (20)$$

Из соотношения (19) следует, что для ряда (20) имеет место соотношение

$$\alpha_{i_k} \ge \alpha_{i_{k+1}},\quad k = 1, 2, \ldots, I. \qquad (21)$$

Его справедливость следует из естественного предположения о том, что большее влияние на стоимость проектирования инновационного технического или технологического объекта оказывает базовый показатель, для которого отклонение условной стоимости от действительной меньшее. Следовательно, ряду (20) соответствует вариационный ряд

$$\alpha_{i_1} \ge \alpha_{i_2} \ge \ldots \ge \alpha_{i_I} \qquad (22)$$

весовых коэффициентов α_i ($i = 1,\ 2,\ \ldots,\ I$) базовых показателей, в котором величины коэффициентов убывают по мере увеличения их порядковых номеров $k = 1,\ 2,\ \ldots,\ I$. Тем самым ряд (20) ранжирует базовые показатели по степени их влияния на стоимость проектирования, а имеющаяся для определения коэффициентов α_i ($i = 1,\ 2,\ \ldots,\ I$) объективная информация исчерпывается соотношениями (11) и (22). В ряде случаев может оказаться, что для элементов ряда (18) имеет место более жесткое условие

$$\Delta C_{i_k} < \Delta C_{i_{k+1}},\quad k = 1, 2, \ldots, I\ . \qquad (23)$$

Тогда и для элементов ряда (20) условие (21) принимает вид

$$\alpha_{i_k} > \alpha_{i_{k+1}},\quad k = 1, 2, \ldots, I\ , \qquad (24)$$

а вариационный ряд (22) преобразуется в ряд

$$\alpha_{i_1} > \alpha_{i_2} > \ldots > \alpha_{i_I}\ . \qquad (25)$$

Таким образом, при наличии двух и более аналогов задача определения численных значений коэффициентов α_i ($i = 1,\ 2,\ \ldots,\ I$) заключается в установлении метода преобразования предпочтений, заданных в виде сформированных отношений

порядка (22) и (25), в соответствующие точечные оценки. Удобным методом такого преобразования в интересах задачи определения весовых коэффициентов α_i ($i = 1, 2, \ldots, I$) является использование моделей, предложенных Фишберном для априорного получения не противоречащих некоторой системе линейных ограничений точечных оценок вероятностей событий [27; 28].

При установлении для коэффициентов α_i ($i = 1, 2, \ldots, I$) простого линейного отношения порядка (22) их численные значения рассчитываются по формуле

$$\alpha_{i_k} = \frac{2(I-k+1)}{I(I+1)}, \quad k = 1, 2, \ldots, I. \tag{26}$$

При установлении для коэффициентов α_i ($i = 1, 2, \ldots, I$) строгого линейного отношения порядка (25) их численные значения рассчитываются по формуле

$$\alpha_{i_k} = \frac{I-k+2}{I2^k}, \quad k = 1, 2, \ldots, I. \tag{27}$$

Заключение

Представленные соотношения (1)–(27) составляют методику оценки ожидаемой стоимости проектирования технических и технологических инноваций. Она может быть использована в системах поддержки принятия решений по управлению инновационной деятельностью предприятий и отраслей экономики. Реализованный в методике подход хорошо согласуется с принятой системой экспертизы планов их инновационного развития. Положенный в основу определения влияния на ожидаемую стоимость проектирования базовых показателей инновационных объектов принцип максимума энтропии обеспечивает объективность результатам оценки в условиях неопределенности, присущей стадии планирования инновационных процессов.

Литература

1. *Анисимов В. Г., Анисимов Е. Г., Босов Д. Б.* Сетевые модели и методы ресурсно-временной оптимизации в управлении инновационными проектами. М., 2006.
2. *Анисимов В. Г., Анисимов Е. Г., Анцигин А. В. и др.* Методы и модели оптимизации в управлении развитием сложных технических систем. СПб., 2004.
3. *Анисимов В. Г., Анисимов Е. Г., Арсланов Р. Ф. и др.* Экономический и таможенный риск-менеджмент. М. : Государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Российская таможенная академия». 2015.
4. *Анисимов В. Г., Анисимов Е. Г., Блау С. Л. и др.* Управление инновациями. М. : Российская таможенная академия. 2017.
5. *Анисимов В. Г., Анисимов Е. Г., Босов Д. Б.* Математические модели и методы управления инновационными проектами. М. : Министерство образования и наука РФ, Институт современной экономики, 2009.
6. *Анисимов В. Г., Анисимов Е. Г., Гапов М. Р. и др.* Стратегическое управление инновационной деятельностью: анализ, планирование, моделирование, принятие решений, организация, оценка. СПб., 2017.
7. *Анисимов В. Г., Анисимов Е. Г., Коханова Н. М. и др.* Выбор структуры производственных функций на основе синтеза безальтернативных статистических гипотез // Вестник Российской таможенной академии. 2008. № 4. С. 74–79.
8. *Анисимов В. Г., Анисимов Е. Г., Новиков В. Е. и др.* Моделирование оптимизационных задач поддержки принятия решений в инновационном менеджменте // Вестник Российской таможенной академии. 2016. № 1. С. 90–98.
9. *Анисимов В. Г., Анисимов Е. Г., Петров В. С. и др.* Теоретические основы управления инновациями. СПб., 2016.

10. *Анисимов В. Г., Анисимов Е. Г., Родионова Е. С. и др.* Математические методы и модели в экономическом и таможенном риск-менеджменте: монография. СПб., 2016.
11. *Анисимов В. Г., Анисимов Е. Г., Сауренко Т. Н.* Модель для формирования оптимальных адаптивных решений при планировании инвестиционных процессов // Экономика и предпринимательство. 2013. № 10. С. 640–642.
12. *Анисимов В. Г., Анисимов Е. Г., Черныш А. Я.* Эффективность инвестиций. Методологические и методические основы. М. : Военная Ордена Ленина, Краснознаменная, Ордена Суворова Академия Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации.2006.
13. *Анисимов Е. Г., Анисимов В. Г., Блау С. Л. и др.* Модель поддержки принятия решений при формировании инновационной стратегии предприятия // Экономика сельского хозяйства России. 2016. № 3. С. 53–59.
14. *Анисимов Е. Г., Сауренко Т. Н.* Интегральный показатель экономической эффективности инвестиционных проектов // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2012. № 5. С. 9–12.
15. *Анисифоров А. Б., Ильин И. В., Силкина Г. Ю. и др.* Инновационное развитие промышленного кластера. СПб. : Издательство Политехнического университета, 2012.
16. *Вайнтрауб А. И., Кузьмин В. Н.* Отечественные средства запуска космических аппаратов: создание, развитие, перспективы // Клио. 2008. № 1. С. 83–87.
17. *Дрещинский В. А., Кузьмин В. Н., Скоробогатов О. П.* Инновационное развитие космических систем и комплексов социально-экономического, коммерческого и двойного назначения для их использования в интересах обороны страны // Инновации. 2006. № 11. С. 36–40.
18. *Ильин И. В., Анисимов В. Г., Анисимов Е. Г. и др.* Математические методы и инструментальные средства оценивания эффективности инвестиций в инновационные проекты. СПб., 2018.
19. *Ильин И. В., Суомалайнен Ю. С.* Опционально-нечеткая модель поддержки принятия управленческих решений для оценки внедрения инвестиционных проектов // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. 2011. № 6. С. 153–155.
20. *Курбанов А. Х., Мамаев Е. В., Серба В. Я.* Военно-экономический анализ экономического потенциала региона в интересах материального обеспечения военных потребителей. СПб., 2017.
21. *Серба В. Я.* Обеспечение безопасности в экономическом пространстве системы материального обеспечения // Региональные аспекты управления, экономики и права Северо-Западного федерального округа России : Межвузовский сб. науч. трудов. СПб., 2014. С. 96–101.
22. *Серба В. Я., Крутик А. Б., Ильина Л. В.* Планирование модернизации и реструктуризации процессов обслуживания. СПб., 2012.
23. *Тебекин А. В., Сауренко Т. Н., Анисимов В. Г. и др.* Способ формирования комплексных показателей качества инновационных проектов и программ // Журнал исследований по управлению. 2018. Т. 4. № 11. С. 30–38.
24. *Экономическая* политика в системе национальной безопасности Российской Федерации / В. Г. Анисимов, Е. Г. Анисимов, Т. Н. Сауренко, С. В. Чварков // Вестник академии военных наук. 2017. № 1. С. 137–144.
25. *Юрьев В. Н., Ильин И. В., Левина А. И.* Модели и методы системы управления инновационно-промышленным кластером // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. 2012. № 4 (151). С. 198–206.
26. *Anisimov V. G., Anisimov E. G., Saurenko T. N., Sonkin M. A.* The model and the planning method of volume and variety assessment of innovative products in an industrial enterprise // Journal of Physics: Conference Series. 2017. Т. 803. N 1. С. 012006.
27. *Fishburn P. C.* Decision and value theory. Wiley, New York, 1964.
28. *Fishburn P. C.* Nonlinear Preference and Utility Theory. Baltimore, Md. : Johns Hopkins University Press, 1988/
29. *Jaynes E. T.* The minimum entropy production principle // Ann. Rev. Phys. Chem. 1980. Vol. 31. P. 579–601.
30. *Saurenko T., Anisimov E., Anisimov V., Levina A.* Comparing investment projects of innovative developing strategies of municipalities, based on a set of indicators // MATEC Web of Conferences Сер. “International Science Conference SPbWOSCE-2017 “Business Technologies for Sustainable Urban Development”” 2018. P. 01038.

Об авторах:

Сауренко Татьяна Николаевна, заведующий кафедрой таможенного дела Российского университета дружбы народов (Москва, Российская Федерация), доктор экономических наук; Tanya@saurenko.ru

Анисимов Евгений Георгиевич, профессор кафедры таможенного дела Российского университета дружбы народов (Москва, Российская Федерация), доктор технических наук, доктор военных наук, профессор; an-33@rambler.ru

Родионова Евгения Сергеевна, доцент кафедры международных экономических отношений экономического факультета Санкт-Петербургского им. В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат экономических наук; wart1983@mail.ru

References

1. Anishimov V. G., Anishimov E. G., Bosov D. B. Network models and methods of resource-time optimization in the management of innovative projects. Moscow, 2006. 117 p. (In rus)
2. Anisimov V. G., Anisimov E. G., Antsigin A. V. [et al]. Methods and models of optimization in managing the development of complex technical systems. St. Petersburg, 2004. 279 p. (In rus)
3. Anishimov V. G., Anishimov E. G., Arslanov R. F. [et al]. Economic and Customs Risk Management. Moscow : State Educational Institution of Higher Education “Russian Customs Academy.” 2015. 180 p. (In rus)
4. Anishimov V. G., Anishimov E. G., Blau S. L. [et al]. Innovation Management. Moscow : Russian Customs Academy. 2017. 452 p. (In rus)
5. Anishimov V. G., Anishimov E. G., Bosov D. B. Mathematical models and methods of managing innovative projects. Moscow: Institute of Modern Economics, 2009. 188 p. (In rus)
6. Anishimov V. G., Anishimov E. G., Gapov M. R. [et al]. Strategic innovation management: analysis, planning, modelling, decision-making, organization, evaluation. St. Petersburg, 2017. 312 p. (In rus)
7. Anishimov V. G., Anishimov E. G., Kohanova N. M. [et al]. Selection of the structure of production functions based on synthesis of non-alternative statistical hypotheses // Journal of the Russian Customs Academy [Vestnik Rossiiskoi tamozhennoi akademii]. 2008. No. 4. P. 74–79. (In rus)
8. Anishimov V. G., Anishimov E. G., Novikov V. E. [et al]. Modeling of optimization tasks of decision support in innovation management // Journal of the Russian Customs Academy [Vestnik Rossiiskoi tamozhennoi akademii]. 2016. No. 1. P. 90–98. (In rus)
9. Anishimov V. G., Anishimov E. G., Petrov V. S. [et al]. Theoretical foundations of innovation management. St. Petersburg, 2016. 472 p. (In rus)
10. Anishimov V. G., Anishimov E. G., Rodionova E. S. [et al]. Mathematical methods and models in economic and customs risk management: monograph. St. Petersburg, 2016. 236 p. (In rus)
11. Anishimov V. G., Anishimov E. G., Saurenko T. N. Model for formation of optimal adaptive solutions in planning of investment processes // Economics and entrepreneurship [Ekonomika i predprinimatel’stvo]. 2013. No. 10. P. 640–642. (In rus)
12. Anishimov V. G., Anishimov E. G., Chernish A. J. Efficiency of investments. Methodological and methodological framework. Moscow: Military Academy of General Staff of Armed Forces of Russian Federation.2006. 123 p. (In rus)
13. Anishimov E. G., Anishimov V. G., Blau S. L. [et al]. Model of support of decision-making in formation of innovative strategy of the enterprise // Economics of agriculture of Russia [Ekonomika sel’skogo khozyaistva Rossii]. 2016. No. 3. P. 53–59. (In rus)
14. Anishimov E. G., Saurenko T. N. Integral Indicator of Economic Efficiency of Investment Projects // Journal of Saratov State Socio-Economic University [Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial’no-ekonomicheskogo universiteta]. 2012. No. 5. P. 9–12. (In rus)
15. Anisiforov A. B., Ilin I. V., Silkina G. Yu. [et al]. Innovative development of the industrial cluster. St. Petersburg : Polytechnic University Publishing House, 2012. 334 p. (In rus)
16. Weintraub A. I., Kuzmin V. N. Domestic means of launching spacecraft: creation, development, prospects // Clio [Klio]. 2008. No. 1. P. 83–87. (In rus)
17. Dreshchinsky V. A., Kuzmin V. N., Skorobogatov O. P. Innovative development of space systems and complexes of socio-economic, commercial and dual-use for their use in the interests of the defense of the country // Innovations [Innovatsii]. 2006. No. 11. P. 36–40. (In rus)
18. Ilin I. V., Anishimov V. G., Anishimov E. G. [et al]. Mathematical methods and tools for evaluating

the effectiveness of investments in innovative projects. St. Petersburg, 2018. 289 p. (In rus)
19. Ilin I. V., Suomalainen Yu. S. Optional-fuzzy model of support for management decision-making to evaluate the implementation of investment projects // Scientific and technical journal of St. Petersburg State Polytechnic University. Economic sciences [Nauchno-tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Ekonomicheskie nauki]. 2011. No. 6. P. 153–155. (In rus)
20. Kurbanov A. H., Mamaev E. V., Serba V.Ya. Military-economic analysis of the economic potential of the region in the interests of material support of military consumers. St. Petersburg, 2017. (In rus)
21. Serba V. Ya. Ensuring Security in the Economic Space of the Material Support System // Regional Aspects of the Management, Economy and Law of the North-West Federal District of Russia : The Inter-University Collection of Scientific Works. St. Petersburg, 2014. P. 96–101. (In rus)
22. Serba V.Ya., Krutik A. B., Ilina L. V. Planning of modernization and restructuring of service processes. St. Petersburg, 2012. (In rus)
23. Tebekin A. V., Saurenko T. N., Anishimov V. G. [et al]. Method of forming integrated indicators of quality of innovative projects and programs // Journal of management research [Zhurnal issledovanii po upravleniyu]. 2018. V. 4. No. 11. P. 30–38. (In rus)
24. Economic Policy in the National Security System of the Russian Federation / V. G. Anishimov, E. G. Anishimov, T. N. Sauenko, S. V. Chvarkov // Journal of the Academy of Military Sciences [Vestnik akademii voennykh nauk]. 2017. No. 1. P. 137–144. (In rus)
25. Yuryev V. N., Ilin I. V., Levina A. I. Models and Methods of the Innovation and Industrial Cluster Management System // Scientific and Technical Journal of St. Petersburg State Polytechnic University. Economic sciences [Nauchno-tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Ekonomicheskie nauki]. 2012. No. 4 (151). P. 198–206. (In rus)
26. Anisimov V. G., Anisimov E. G., Saurenko T. N., Sonkin M. A. The model and the planning method of volume and variety assessment of innovative products in an industrial enterprise // Journal of Physics: Conference Series. 2017. T. 803. N 1. C. 012006.
27. Fishburn P. C. Decision and value theory. Wiley, New York, 1964.
28. Fishburn P. C. Nonlinear Preference and Utility Theory. Baltimore, Md. : Johns Hopkins University Press, 1988/
29. Jaynes E. T. The minimum entropy production principle // Ann. Rev. Phys. Chem. 1980. Vol. 31. P. 579–601.
30. Saurenko T., Anisimov E., Anisimov V., Levina A. Comparing investment projects of innovative developing strategies of municipalities, based on a set of indicators // MATEC Web of Conferences Cep. “International Science Conference SPbWOSCE-2017 “Business Technologies for Sustainable Urban Development”” 2018. P. 01038.

About the authors:

Tatyana N. Saurenko, Head of the Chair of Customs Affairs of Peoples’ Friendship University of Russia (Moscow, Russian Federation), Doctor of Science (Economics); Tanya@saurenko.ru

Evgeny G. Anisimov, Professor of the Chair of Customs Affairs of Peoples’ Friendship University of Russia (Moscow, Russian Federation), Doctor of Science (Engineering, Military Sciences), Professor; an-33@rambler.ru

Evgenia S. Rodionova, Associate Professor of the Chair of International Economic Relations of Saint-Petersburg named by V. B. Bobkov branch of the Russian Customs Academy (Saint-Petersburg, Russian Federation), PhD in Economics; wart1983@mail.ru

DOI 10.22394/1726-1139-2019-11-129-134

Воздействие научно-технических факторов на развитие инновационных процессов малого бизнеса в системе крупного производства

Версоцкий Р. Р., Куприн А. А.*

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *amg-890@yandex.com

РЕФЕРАТ

В статье рассматриваются вопросы разработки системы государственной поддержки инновационного предпринимательства, в частности — механизм воздействия научно-технических факторов на развитие инновационных процессов на предприятиях малого бизнеса. Рассмотрена роль малых предприятий в системе крупного высокотехнологичного производства, описаны методы устойчивого экономического роста и стимулирования перехода отечественной экономики с сырьевого пути развития на инновационный.

Ключевые слова: малый бизнес в системе крупного производства; регулирование малого предпринимательства; инновационное малое предпринимательство; государственная поддержка предпринимательства, взаимодействие малого и крупного бизнеса

Для цитирования: *Версоцкий Р. Р., Куприн А. А.* Воздействие научно-технических факторов на развитие инновационных процессов малого бизнеса в системе крупного производства // Управленческое консультирование. 2019. № 11. С. 129–134.

Development and Impact of Scientific and Technical Factors on the Development of Innovative Processes of Small Business in the System of Large Production

Roman R. Versockiy, Andrey A. Kuprin*

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation; *amg-890@yandex.com

ABSTRACT

The article deals with the development of the system of state support of innovative entrepreneurship. The mechanism of influence of scientific and technical factors on the development of innovative processes in small businesses. The role of small enterprises in the system of large high-tech production. Methods of sustainable economic growth and further accelerated transition of the domestic economy from the raw material path to innovation that is undoubtedly a benchmark of economic development of Russia.

Keywords: small business in the system of large production; regulation of small business; innovative small business; state support of entrepreneurship, interaction of small and large business.

For citing: Versockiy R. R., Kuprin A. A. Development and Impact of Scientific and Technical Factors on the Development of Innovative Processes of Small Business in the System of Large Production // Administrative consulting. 2019. No. 11. P. 129–134.

На сегодняшний день для России важнейшим ориентиром макроэкономической политики должен стать стабильный и устойчивый экономический рост с постепенным переходом к инновационному пути развития от существующей в настоящем «сырьевой экономики». Однако сегодня непроизводственный сектор российской экономики представляется наиболее привлекательным, по сравнению с производственным, а процессы создания инноваций протекают чрезвычайно низкими тем-

пами. Поэтому существенного роста уровня экономического развития и расширения малого инновационного бизнеса ожидать не приходится [1]. Отражением этой ситуации может служить достаточно малая доля российских предприятий в общем объеме мирового экспорта высокотехнологичной и инновационной продукции. Исследования этого аспекта достаточно наглядно иллюстрируют наличие прямой зависимости между темпами технологического прогресса и уровнем экономического благосостояния.

Изначально технологии, инициировавшие внедрение изменений в инновационной сфере, финансировались за счет государственных субсидий, в виде выдаваемых грантов. Разработка новшеств происходила на базе научных лабораторий и опытно-конструкторских подразделений внутри организаций крупного серийного производства. Мелкие компании, в свою очередь, имели высокую склонность к распознанию коммерческого потенциала научных разработок, с основной целью внедрить и реализовать данный подход в рамках своей основной деятельности. В дальнейшем потребовалась реорганизация системы государственной поддержки, направленной на регулирование деятельности малых предприятий с высоким уровнем инновационной активности.

Выделим четыре причины, из-за которых предприятия малого бизнеса более инновационны, а следовательно, более эффективны по сравнению с крупными компаниями [10].

1. Практически полная ликвидация бюрократических барьеров на малом предприятии.
2. Создание и поддержание динамичной системы финансовой мотивации сотрудников, основывающейся на отложенных покупках опционов по акциям ведущей организации.
3. Последовательная агрегация существующих и привлечение потенциальных клиентов за счет использования возможностей в развивающихся и потенциально-перспективных отраслях производства.
4. Возможность выбора более рискованных проектов, основываясь на принципах риск-менеджмента и сценарного анализа, с целью изменения соотношения «риск-прибыль» в принимаемых управленческих решениях, направленных на увеличение доходности по результатам основной деятельности.

Темпы развития малого инновационного бизнеса в Российской Федерации на данный момент являются относительно низкими, что обусловлено неизменностью секторальной структуры, вызванной стагнацией в поддержке государством развития инновационного предпринимательства. Несмотря на низкие темпы развития малого инновационного бизнеса, отмечается и ряд позитивных тенденций, среди которых высокий уровень концентрации исследований на малых инновационных предприятиях, наращивание темпов противодействия малого бизнеса крупным предприятиям, снижение уровня дифференциации регионов по инновационному развитию. В связи с этим субъекты хозяйственной деятельности в инновационной экономике, которыми являются крупные и малые предприятия, должны стремиться к эффективным формам взаимодействия, направленным на сбалансированное взаимовыгодное развитие.

Так, например, эффективной формой сотрудничества можно назвать разработку инновационного продукта небольшой компанией, входящей в структуру головной, более технологически устойчивой и развитой организации, для последовательного обеспечения крупномасштабного и прибыльного процесса выхода на рынок и реализации конечного продукта. Реализация технологии массового производства, успешно внедренной на предприятиях малого инновационного типа, будет с высокой степенью вероятности настолько же эффективна по результатам интеграции в крупный технологический комплекс. Данный пример наглядно иллюстрирует принцип

взаимодополняемости крупных и малых организаций в структуре инновационного экономического развития.

В странах с рыночной экономикой системы высокотехнологичного производства, которые имеют возможность диверсифицироваться, являются наиболее стабильными с точки зрения производительности [7]. Отсутствие исключительно однородной продукции позволяет гибко и чрезвычайно адаптивно реагировать на любые изменения спроса в рыночных условиях. Например, такие производственные системы имеют IBM, General Electric, Siemens, Bosh, Intel, Boeing и др., при этом они сотрудничают с большим количеством малых предприятий в основном инновационного характера, которые являются полноправными структурными подразделениями и партнерами этих ведущих мировых компаний.

Приведенный пример демонстрирует формирование определенного взаимодействия различных форм и видов предпринимательства.

1. Ключевыми заказчиками предприятий малого и среднего бизнеса инновационной сферы являются высокотехнологичные крупные компании.
2. Крупные производители или корпорации побуждают представителей малого и среднего бизнеса продавать выпускаемую продукцию по низким ценам, т. е. практически по фактическим затратам, но при этом иметь гарантии сбыта своей продукции в полном объеме.
3. Риски, инфляционные ожидания, а также возможные внешние угрозы более эффективно преодолеваются внутри крупной компании или корпорации, в силу демпфирования инфляции, максимизации объема производства конечной продукции. Это непосредственно сопряжено с последовательным снижением себестоимости продукции, что позволяет конечному продукту соответствовать уровню покупательной способности потребителей.
4. Частичное или полное освобождение от налогового бремени, а также механизмы по льготному налогообложению являются эффективным инструментом государственного стимулирования взаимодействия малых и крупных инновационных предприятий [3].
5. Условие пониженной бюрократизации в отчетности малого инновационного бизнеса позволяет повысить темпы роста внедрения и развития инноваций, что обусловлено относительно низким уровнем переменных издержек и высокой степенью мобильности управляющей системы.

Эффективное взаимодействие малого и крупного инновационного предпринимательства способствует достижению таких результатов, как:

1) формирование механизмов по ограничению темпов роста цен на продукцию малых и крупных инновационных производств;
2) достижение предопределенных финансовых результатов предприятиями малого и крупного инновационного предпринимательства;
3) возникновение естественного демпфера инфляционных процессов, протекающих в рамках крупных инновационных организаций;
4) формирование партнерств и обеспечение ими каналов по привлечению инвестиций, направленных на устойчивое развитие малых инновационных предприятий;
5) систематическая поддержка субъектами хозяйственной деятельности благоприятных условий, направленных на создание и внедрение инноваций;
6) продвижение инноваций на рынках за счет использования возможностей и ресурсов крупных инновационных компаний.

Структура рынка малого инновационного бизнеса в России сегодня находится на стадии формирования. В настоящее время лишь относительно небольшое число российских малых предприятий занимаются коммерциализацией технологий, в то время как во всем мире именно эти компании задают тон в области инноваций,

и, как известно, в развитых капиталистических странах число таких малых предприятий достигает 50–70% от общего объема инновационных предприятий [4]. Развитие инновационных предприятий является приоритетом инновационной политики нашей страны.

Государственная поддержка и регулирование деятельности малых инновационных предприятий представляет собой комплекс мер по регулированию и стимулированию инвестиционного процесса в целях обеспечения устойчивого социально-экономического развития территории. В настоящее время целями господдержки и регулирования являются: реструктуризация экономики; достижение экономической автономии и экономической безопасности страны; рационализация размещения производственных сил в стране и укрепление собственной промышленной базы (в основном экспортная промышленность, производство энергии, энергоснабжение); выделение приоритетных инвестиционных проектов с учетом интересов государства [12].

Необходимость ориентации экономики России на инновационный путь развития в настоящее время обсуждается практически на всех уровнях. Кроме того, многое делается в этом направлении, например, привлечение на территорию России крупных иностранных инвесторов, создание технопарков и научно-исследовательских парков, особое внимание уделяется научно-интенсивным отраслям экономики со стороны государства и частных инвесторов [11]. Все это, несомненно, способствует укреплению российской экономики в целом, а также повышает конкурентоспособность продукции отечественных предприятий на мировом рынке.

К сожалению, многие компании сталкиваются с несовершенством российского законодательства в области инноваций. Именно это на данном этапе является главным «тормозом» в реализации эффективной системы государственной поддержки и развития инноваций в нашей стране [8]. «Как только мы переходим к деталям и обращаемся к отдельным товарам, в производстве которых достигнут наиболее заметный прогресс, следы ведут не к дверям фирм, действующим в условиях сравнительно свободной конкуренции, а прямо приводят к дверям крупных концернов (корпораций). Им же в значительной мере обязаны своим прогрессом и конкурирующие секторы экономики», — писал Й. Шумпетер (цит. по [6]).

В существующих экономических реалиях Российской Федерации ведущее место закреплено за транснациональными корпорациями и крупными представителями нефтегазового комплекса, которые имеют низкую склонность к модернизации инфраструктуры реального сектора экономики. В связи с чем реализация механизмов кооперативного финансирования венчурных инвестиционных проектов, направленных на разработку и внедрение инноваций, затрудняется в силу возникновения разного рода внешних и внутренних барьеров и низкой активности развития государственных финансовых институтов [9].

Организация притока прямых иностранных инвестиций для обеспечения оборотного капитала инновационных предприятий, задачей которых является модернизация экономики и технологического комплекса, по мнению некоторых отечественных исследователей, сопряжена с рядом трудностей и содержит в себе негативные составляющие, нередко имеющие коррупционные признаки, а иногда и вовсе откровенно криминальные [2]. В данных условиях место и роль государственной поддержки и регулирования инновационного предпринимательства определяются особенностями инновационного процесса как объекта управления. Государственная инновационная политика больше, чем другие элементы НТП, связанные с типами отношений, отслеживает все этапы ее реализации. Эта ситуация особенно убедительна в контексте регулируемой рыночной экономики.

Результаты развития современной экономики России свидетельствуют о качественном изменении экономической ситуации. И есть достаточные доказательства: сокращение количества убыточных производств, увеличение объема доходов бюд-

жета, сокращение задолженности по заработной плате, снижение безработицы и благоприятная ценовая конъюнктура рынка основных элементов российского экспорта (углеводородов, алмазов, черных и цветных металлов и т. д.). Последний фактор характеризует прямую зависимость доходных бюджетных статей от ситуации на мировом товарном рынке, что свидетельствует о том, что наша страна сохраняет статус сырьевой экономики.

Основным выходом из существующей ситуации является значительное увеличение объема инвестиций в экономику России, заключающихся в финансировании начальных стадий научно-технических проектов и опытно-конструкторских разработок. Наращивание финансирования фундаментальных и прикладных научных исследований является залогом развития базы внедрения в производство новых технологических процессов. Таким образом, можно существенно нарастить объем производства готовой конкурентоспособной, высокотехнологичной продукции многих отраслей отечественной промышленности и, как следствие, значительно снизить зависимость от импорта в условиях нарастающего санкционного давления со стороны ряда зарубежных стран.

Реализация программ развития малого и среднего отечественного бизнеса в первую очередь должна быть направлена на повышение экономических показателей, где в рамках проводимых мероприятий происходит рост количества субъектов малого бизнеса, увеличение числа занятых в инновационном малом бизнесе и др. [5].

В качестве вывода следует отметить, что среди рекомендаций по стратегическому развитию малого бизнеса необходимо предложить формирование такой программы развития инновационного малого бизнеса, которая предусматривает применение дотаций, новых методов кредитования, мероприятий по снижению налоговой нагрузки, а также внедрение более эффективных моделей государственного управления инновационным предпринимательством.

Литература

1. *Амельченко Е. Н., Куприн А. А.* Формирование условий и необходимость государственного регулирования для устойчивого развития экономических отношений субъектов предпринимательской деятельности // Сборник докладов международной научно-практической конференции (вып. 10): Инновационная экономика: проблемы и перспективы развития 2012 / Новая индустриализация экономики России — вызов XXI века. СПб университет управления и экономики. СПб., 2012. С. 12–15.
2. *Артемьев Н. В.* Организационно-экономические проблемы декриминализации малого бизнеса России : монография. М. : Закон и право : ЮНИТИ, 2015.
3. *Багаева М. В.* Сколько стоит малый бизнес? Выбор системы налогообложения. М. : Феникс, 2016.
4. *Бакшт К.* Построение бизнеса услуг. М. : Мир, 2015.
5. *Браверман А. А.* Маркетинг для прибыльности среднего бизнеса : монография. М. : Экономика, 2015.
6. *Винарчик П.* Спасение идей: Й. Шумпетер и ключевые проблемы противоборствующих экономических теорий // Вопросы экономики. 2013. № 11. С. 15–26.
7. *Гаврилов Л. П.* Инновационные технологии в коммерции и бизнесе : учебник для бакалавров. М. : Юрайт, 2019.
8. *Джобава Н. А.* Государственное регулирование малого предпринимательства. М. : Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, Издательство юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, 2018.
9. *Куприн А. А., Жук И. В., Буга А. В.* Особенности и учет влияния макро- и микроэкономических факторов при формировании системы управления финансами предприятия // Сборник докладов международной научно-практической конференции «Государство, наука и бизнес: перспективы сотрудничества» / под общ. ред. Т. А. Курдяевой. Сосновый Бор : РАНХиГС при Президенте РФ, 2015.

10. *Куприн А. А.* Формирование и роль малого предпринимательства в трансформируемой экономике России : коллективная монография. Сосновоборский филиал РАНХиГС. СПб. : Астерион, 2013.
11. *Молчанова О. П., Солодов В. В.* Государственное регулирование в сфере инновационного предпринимательства и государственное управление // Вестник Московского ун-та. Сер. 21. Управление (государство и общество). 2011. № 2. С. 3–20.
12. *Уолтерс Дж. С.* Качественная эволюция малого бизнеса. 4 ключа к успеху без необходимости расширения компании. М. : Баланс Бизнес Букс, 2018.

Об авторах:

Версоцкий Роман Реонадович, старший преподаватель кафедры экономики Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); amg-890@yandex.com

Куприн Андрей Анатольевич, доцент кафедры экономики Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат экономических наук; kuprinandrejj@rambler.ru

References

1. Amelchenko E. N., Kuprin A. A. Formation of Conditions and Necessity of State Regulation for Sustainable Development of Economic Relations of Business Entities // Collection of Reports of the International Scientific and Practical Conference (10): Innovative Economy: Problems and Prospects for 2012 Development/New Industrialization of the Russian Economy — Challenge of the XXI century. SPb University of Management and Economics. SPb., 2012. (In rus)
2. Artemyev N. V. Organizational and economic problems of decriminalization of small businesses of Russia: monograph. M. : Law and Legislation : UNITY, 2015. 248 p. (In rus)
3. Bagaeva M. V. How much does small business cost? Choice of taxation system. M. : Phoenix, 2016. 256 p. (In rus)
4. Baksht K. Building a services business. M. : World, 2015. 496 p. (In rus)
5. Braverman A. A. Marketing for Medium Business Profitability: Monograph. Moscow: Economics, 2015. 211 p. (In rus)
6. Vinarchik P. Saving Ideas: J. Schumpeter and Key Problems of Opposing Economic Theories // Economic Issues [Voprosy ekonomiki]. 2013. No. 11. P. 15–26. (In rus)
7. Gavrilov L. P. Innovative technologies in commerce and business: a textbook for bachelor ‘s degrees. M. : Urait, 2019. P. 372. (In rus)
8. Jobava N. A. State Regulation of Small Businesses. Moscow: Publishing House of St. Petersburg State University, Publishing House of the Faculty of Law of St. Petersburg State University, 2018. 112 p. (In rus)
9. Kuprin A. A., Zhuk I. V., Buga A. V. Peculiarities and consideration of the influence of macro- and microeconomic factors in the formation of the system of financial management of the enterprise // Collection of reports of the international scientific and practical conference “State, Science and Business: Prospects of Cooperation”/under the general ed. Kurdyaeva T. A. Sosnovy Bor: RANEPA, 2015. 212 p. (In rus)
10. Kuprin A. A. Formation and Role of Small Business in the Transformed Economy of Russia: Collective Monograph of the Sosnovy Bor Branch of RANEPA. SPb. : Asterion, 2013. P. 280 (In rus)
11. Molchanova O. P., Solodov V. V. State Regulation in the Sphere of Innovative Entrepreneurship and Public Administration // Journal of Moscow University. Series 21. Governance (state and society) [Vestnik Moskovskogo un-ta. Ser. 21. Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo).]. 2011. No. 2. P. 3–20. (In rus)
12. Walters J. C. Big Vision, Small Business: 4 Keys to Success wihout Growing Big. M. : Balance Business Bux, 2018. 296 c. (In rus)

About the authors:

Roman R. Versockiy, Senior lector of the Chair of Economics of North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation); amg-890@yandex.com

Andrey A. Kuprin, Associate Professor of the Chair of Economics of North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Economy; kuprinandrejj@rambler.ru

DOI 10.22394/1726-1139-2019-11-135-144

Формирование имиджа России медиаканалами: пример измерения

Антончева О. А.[1, *], *Апанасенко Т. Е.*[2]

[1]Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *antoncheva-oa@ranepa.ru
[2]Независимый исследователь, Санкт-Петербург, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

Цель: измерить имидж России, создаваемый медиаканалами RT и BBC, формализованным методом; сравнить результаты, полученные с помощью формализованного и неформализованного методов.

Методы: традиционный и контент-анализ текстовых материалов с 15 февраля 2011 г. до 10 марта 2012 г., посвященных падению режима Джамахирии; в рамках контент-анализа — корреляционно-регрессионный анализ; проверка надежности статистической связи с помощью F-критерия Фишера.

Результаты: согласно контент-анализу, в материалах RT Россия ассоциируется с системой понятий, символизирующих власть, силу на международной арене. При этом RT никак не связывает Россию ни с демократией, ни с антидемократией и никак не связывает понятие «Россия» с кругом понятий, символизирующих авторитарный режим. BBC также строит имидж России исключительно как сильной державы. Согласно традиционному анализу, в материалах RT Россия предстает сильной державой, разделяющей политические ценности демократических стран, готовой к борьбе с авторитаризмом даже ценой отказа от собственных интересов; в материалах BBC — слабым субъектом международных отношений, который не в состоянии разобраться с выработкой собственной последовательной внешней политики, склонным поддерживать авторитаризм, но вынужденным уступать авторитету НАТО.

Выводы: субъективность исследователя сильно искажает действительность, и контент-анализ позволяет получить более объективные результаты. С другой стороны, ограничения объективности контент-анализа создают тот факт, что тенденциозность медиаканалов при формировании имиджа России реализуется за счет средств выборочного освещения значимых событий, но в рамках самих материалов, выдержанных в стилистике объективного безоценочного суждения, она никак не проявляется.

Ключевые слова: контент-анализ, имидж, Россия, BBC, RT, Джамахирия, объективация

Для цитирования: *Антончева О. А., Апанасенко Т. Е.* Формирование имиджа России медиаканалами: пример измерения // Управленческое консультирование. 2019. № 11. С. 135–144.

Russia's Image Formation by Media Channels: A Case Study of Measurement

Olga A. Antoncheva[a, *], *Tatiana E. Apanasenko*[b]

[a]Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation; *antoncheva-oa@ranepa.ru
[b]Independent researcher, Saint-Petersburg, Russian Federation

ABSTRACT

The objective of this study is to measure the image of Russia formed by RT and BBC, to compare the results of the traditional and of the content-analysis.

Data and methodology: the traditional and the content-analysis of the BBC and of the RT text documents connecting to the Jamahiriya falling from 15.02.2011 to 10.03.2012; within the framework of the content-analysis — correlation-regression analysis. The reliability of statistical connection was checked up by means of the F-test.

Results. According to the content-analysis in both RT and BBC Russia is associated with a system of concepts symbolizing power and strength in international relations and is not associated with democracy or authoritarianism in any way. According to the traditional analysis in RT Russia is a strong power that shares the values of democracy and is ready to fight authoritarianism at the cost of renouncing its own interests. In BBC Russia is a weak international relations actor, unable to deal with the development of its own consistent foreign policy, inclined to support authoritarianism, but forced to give up NATO's authority.

Conclusion: the researcher's subjectivity greatly distorts the overall picture, and content-analysis allows for more objective results. Or the tendentiousness of media channels in forming the image of Russia is realized by selective coverage of significant events. Within the framework of the materials themselves, held in the style of objective judgment, it does not manifest itself in any way.

Keywords: Content-analysis, Image, Russia, BBC, RT, Jamahiriya, Objectivization

For citing: Antoncheva O. A., Apanasenko T. E. Russia's Image Formation by Media Channels: A Case Study of Measurement // Administrative consulting. 2019. No. 11. P. 135–144.

Актуальность исследования и постановка проблемы. Обоснование выбора объекта исследования

В связи с динамичностью и повышенной конкурентностью взаимодействия на международной арене в настоящее время возрастает значение инструментов «мягкой силы» [1; 2, с. 29; 3]. Одним из таких инструментов является построение имиджа страны медиаканалами, когда реципиентом информации выступает иностранная аудитория. Поэтому внимание к точности измерения имиджа как никогда актуально. Последнюю обеспечивает контент-анализ. Однако возникает вопрос границ его объективности. Более или менее пределы этих границ изучены в теории. При этом, если столкнуть между собой сильно расходящиеся выводы традиционного анализа и контент-анализа, вопрос о границах объективности последнего будет поставлен достаточно остро. В таком ракурсе проблема пределов объективности контент-анализа не была теоретически осмыслена достаточно подробно.

Первый учебник по контент-анализу был опубликован в 1952 г. [7], самое раннее упоминание данного термина в названии работы датируется 1941 г. [25]. И с тех пор никто не сомневался в его объективности, обязанной своим существованием формализованности [25, с. 2; 7, с. 8, 119; 17, с. 45; 13, с. 2–3; 16, с. 21–24; 24, с. 11–13; 20, с. 633; 10, с. 32–33]. Дело обстоит таким образом, даже если речь идет не о количественных методах [11; 12]. Более того, ряд исследователей считает, что формализованный метод исправляет ошибки аналитических выводов, сделанных без его применения [8, с. 2; 23; 18, с. 15; 20; 14, с. 1–2; 15, с. 244; 22, с. 2].

Настоящее исследование представляет собой иллюстрацию данного положения. Контент-анализ произведен по текстам, освещающим определенное историческое событие (падение Джамахирии), имеющее временные точки начала и окончания. Субъективные смещения при применении контент-анализа часто возникают из-за позиции исследователя при группировке данных [6, с. 67; 9; 21, с. 32], но особенно часто — из-за произвольного выбора хронологических рамок, в нашем же случае хронологические рамки можно считать данными объективно ввиду завершенности события. Кроме того, исследуемый период совпал с отсутствием явной конфронтации между Россией и Западным миром, и это предполагает большую неопределенность в доформализованных суждениях о намерениях того или иного медиаканала построить имидж России строго определенным образом.

Проблема настоящего исследования — это заострение вопроса: что если выводы традиционного анализа и контент-анализа радикально расходятся? Может ли это быть, и с чем это связано? Правомерно ли противопоставлять объективность контент-анализа субъективности традиционного анализа? Можно предположить,

что, если анализировать построение имиджа России медиаканалами в настоящее время, выводы традиционного анализа и контент-анализа, скорее всего, совпадут, поскольку намерения международных акторов в создании имиджа России обрели в условиях конфронтации более четкий вектор.

Исходные данные

Рассмотрим, как медиаканалы создают имидж России как государства-субъекта международных отношений. Это будет осуществлено на примере освещения каналами Russia Today (RT) и BBC участия России в процессе смены в Ливии политического режима Джамахирии, созданного и возглавляемого полковником Муаммаром Каддафи.

Телеканалы RT и BBC представляют интересы разных стран. RT (англ. Russia Today — «Россия сегодня») — российский круглосуточный информационный канал, созданный для вещания за рубежом на английском, арабском, испанском и французском языках. BBC (англ. British Broadcasting Corporation) — британская широковещательная корпорация, осуществляющая как внутреннее, так и внешнее вещание, хотя и является частной корпорацией, находится под контролем британской короны. Таким образом, при формировании имиджа России RT и BBC преследовали разные задачи. Перед RT стояла задача создания выгодного имиджа России, выгодного с точки зрения иностранных зрителей, в нашем случае англоязычных, т. е. носителей стереотипов либерально-демократического сознания. Перед BBC, как минимум, задачи создания благоприятного имиджа России не стояло, как максимум, стояла задача создания образа врага или, во всяком случае, задача ослабления образа конкурента в системе международных отношений. Рассмотрим, как достигались эти разные задачи.

База исследования

Хронологические рамки исследования: с 15 февраля 2011 г. (это дата восстания против Каддафи) до 10 марта 2012 г. — даты, когда Россия начала ощущать на себе последствия смены политического режима в Ливии (в этот день премьер-министр нового правительства Ливии пообещал проверить контракты, заключенные между Россией и режимом Каддафи, на коррупцию).

В данных хронологических рамках анализу были подвергнуты текстовые материалы, которыми в архиве новостей официальных сайтов RT и BBC сопровождались видеосюжеты. В базу исследования вошли **все** материалы с сайта RT, где с 15.02.2011 по 10.03.2012 упоминается Ливия. Если делать аналогичную подборку по BBC, в базу исследования могли бы попасть более 6000 видеосюжетов, поэтому анализ был ограничен теми, где в тексте упоминалось слово «Россия» или синонимичные ему слова («Москва», «российские власти», «Президент Медведев» и т. п.).

Получившаяся таким образом база исследования фрагментарно представлена в табл. 1.

Выводы традиционного исследования

Даже анализ одних только заголовков материалов позволяет выявить очень сильную тенденциозность каналов в подаче участия России в ливийских событиях. В представлении RT Россия предстает страной, разделяющей политические ценности демократических стран, готовой к борьбе с авторитаризмом даже ценой отказа от собственных интересов. При этом с большим искусством RT подчеркивает, что Россия является чрезвычайно влиятельным субъектом международных отношений, в руках которого находится возможность разрешить или прекратить военные действия, а также примирить конфликтующие стороны. BBC стремится представить Россию как субъекта международных отношений, обладающего сла-

Важнейшие события во время смены режима Джамахи-
Table 1. Major events during the change of regime of the Jama-

Дата	Событие	Отклик RT	
		Адрес постоянной ссылки в интернете	Название материала
15.02.2011	Восстание против Каддафи	Канал не освещал события	
22.02.2011	Медведев выражает беспокойство по поводу событий в Ливии	rt.com/politics/middle-east-russia-medvedev/	No. Middle East-style scenario for Russia — Medvedev
26.02.2011	Принимается резолюция СБ ООН по Ливии № 1970	rt.com/news/libya-fighting-egypt-unrest/	Libya descending into chaos
27.02.2011	Принята резолюция СБ ООН по Ливии № 1970	rt.com/news/un-vote-sanction-libya-451	UN Security Council votes for sanctioning Libya's Gaddafi
		rt.com/news/russia-arms-export-libya/	UN sanctions on Libya to cost Russia US $4 billion
		—	—
—	—	—	—
20.10.2011	Каддафи убит	Rt.com/news/gaddafi-death-world-reaction-347/	Global reaction to Gaddafi's death: Justice or Danse Macabre?
		Rt.com/news/libya-vanoost-people-gaddafi-341/	Libya opens way to second colonization of Africa?
—	—	—	
10.03.2012	Премьер Ливии пообещал проверить контракты России с Каддафи на коррупцию	Канал не освещал события	
—	—	—	

бым влиянием, который, кроме того, не в состоянии разобраться с выработкой собственной последовательной внешней политики, а так же как страны, которая из идеологических соображений склонна поддерживать авторитарные режимы, однако по ряду вопросов вынуждена выступать единым фронтом с НАТО.

Контент-анализ

Однако такой анализ страдает субъективизмом, неустранимостью известной в социологии проблемы неотделимости интересов исследователя от предмета своего исследования. Поэтому данные тексты будут подвергнуты еще контент-анализу,

Таблица 1

рии в Ливии и отклик на них телеканалов RT и BBC
hiriya in Libya and response by RT and BBC TV channels

Отклик BBC	
Адрес постоянной ссылки в интернете	**Название материала**
www.bbc.co.uk/news/world-12482311	Middle East protests: Coutry by country — Libya
Канал не освещал события	
Канал не освещал события	
www.bbc.co.uk/news/world-africa-12590272	Libya: UN Security Council votes sanctions on Gaddafi
www.bbc.co.uk/news/world-middle-east-12589665	UN passes sanctions against Gaddafi and Family
www.bbc.co.uk/news/world-middle-east-12589658	Libya: UN vote to impose sanctions on Gaddafi
—	
www.bbc.co.uk/news/world-us-canada-15395205	Obama «Gaddafi deat ends painful chapter for Libyans»
www.bbc.co.uk/news/world-africa-15390864	Muammar Gaddafi death: world reaction
—	—
www.bbc.co.uk/news/world-africa-17316264	Bengazi's bid for Cyrenaica autonomy divides Libyans
www.bbc.co.uk/news/world-africa-17322429	Libya rallies denounce Cyrenaica autonony calls

который позволит получить объективированные оценки роли России в ливийских событиях соответствующими каналами. Абсолютизация объективности контент-анализа, впрочем, тоже необоснованна, и, тем не менее, его формализованность все же гарантирует большую объективность по сравнению с анализом неформализованным. Верно и то, что ограничения этой объективности возникают лишь из-за некорректного применения методики [4; 5], но последнее как раз бывает из-за неустранимости позиции исследователя.

Гипотеза исследования: имидж России в текстах СМИ может ассоциироваться с ее влиянием в международных отношениях, или с «образом врага», или с демо-

Частота употребления категорий
Table 2. Frequency of use of

Статья	Количество слов	Количество слов категории «Россия»	
		В абсолютном выражении	Доля
1. N Middle East-style scenario for Russia — Medvedev	545	19	0,035
—	—	—	—
57. In Libya, death and disappearance still stalk the land	647	2	0,03

кратическими либеральными ценностями. В первом случае будет преобладать имидж России как сверхдержавы, во втором — как авторитарного государства, поддерживающего авторитарное же государство, в третьем — как страны-члена семьи передовых, демократических государств.

Для того чтобы проверить, с чем именно ассоциируется Россия, нужно выделить в текстах три категории. Первая категория включает слова «Россия» и синонимичные этому слову понятия. В нашем анализе в данную категорию входят следующие слова: «Russia», «russian», «Moscow», «Kremlin», «Medvedev», «Putin», «Lavrov». Назовем ее «Россия». Вторая категория включает в себя исключительно слово «power». Назовем ее «power». Третья категория объединяет слова, которые ассоциируются с либеральными ценностями: «democracy», «freedom», «human rights», «liberal», «pluralism», «representative form of government». Назовем ее «democracy». Четвертая категория объединяет слова, которые ассоциируются с «образом врага» приверженцев либеральных ценностей: «undemocratic regime», «iron first», «dictator», «dictatorship», «tyranny», «despotism». Назовем ее «tyranny».

Далее следует исследовать долю всех категорий в анализируемых текстах, после чего провести анализ корреляционной связи между долей первой категории и соответственно долями второй, третьей и четвертой категории.

Корреляционная связь означает, что изменение частоты употребления в тексте категории «Россия» означает изменение частоты употребления в тексте категории, которая будет рассматриваться как зависимая переменная. Соответственно, частота употребления категории «power», «democrac» и «tyranny» будет рассматриваться как зависимая переменная.

Прямая корреляционная связь означает, что частоты употребления категории «Россия» и другой категории изменяются в одном направлении. Если в каком-то случае (в отдельно взятой статье) категория «Россия» употребляется чаще, то и употребление другой категории («power» или «democracy», или «tyranny») будет на определенную величину параметров употребляться чаще. Обратная корреляционная связь означает, что частоты употребления категории «Россия» и другой категории изменяются в противоположных направлениях. Если в каком-то случае (в отдельно взятой статье) категория «Россия» употребляется чаще, то употребление другой категории («power», или «democracy», или «tyranny») будет на определенную величину параметров употребляться реже.

Если прямая корреляционная связь между категорией «Россия» и любой другой категорией окажется существенной (коэффициент корреляции будет более 0,5)

Таблица 2

в совокупности текстов RT
categories in RT texts

Количество слов категории «power»		Количество слов категории «democracy»		Количество слов категории «tyranny»	
В абсолютном выражении	Доля	В абсолютном выражении	Доля	В абсолютном выражении	Доля
2	0,0037	0	0	0	0
—	—	—	—	—	—
0	0	2	0,003	0	0

и будет признана статистически значимой, значит, можно делать вывод, что Россия ассоциируется именно с той системой понятий, которую символизирует данная категория. Именно данная система понятий и формирует имидж России.

Частота употребления категорий в совокупности текстов RT фрагментарно приведена в табл. 2.

Результаты контент-анализа, сопоставление с результатами традиционного анализа

Коэффициент корреляции между категорией «Россия» и категорией «power» равен 0,463; F-критерий Фишера показал, что данная связь является значимой. Другими словами, в материалах RT Россия ассоциируется с системой понятий, символизирующих власть, силу на международной арене. В то же время F-критерий Фишера не показал, что отрицательная корреляционная связь между категорией «Россия» и категорией «democracy», также как и между категорией «Россия» и категорией «tyranny», является статистически значимой. То есть RT никак не ассоциирует Россию ни с демократией, ни с антидемократией и никак не связывает понятие «Россия» с кругом понятий, символизирующих авторитарный режим.

Контент-анализ материалов BBC по аналогичной схеме показал коэффициент корреляции между категорией «Россия» и категорией «power» 0,59, т. е. сильную прямую связь, достоверную по F-критерию Фишера. Коэффициент корреляции между категорией «Россия» и категорией «democracy» составил — –0,1; между категорией «Россия» и категорией «tyranny» — –0,064, т. е. связи практически нет.

Итак, контент-анализ выявил лишь одну статистически значимую связь — между частотой употребления категории «Россия» и частотой употребления категории «power». Это позволяет сделать вывод, что BBC строит имидж России исключительно как сильной державы.

Характерно, что контент-анализ текстов RT выявил ту же самую закономерность. При этом выводы контент-анализа сильно отличаются от выводов, полученных в результате субъективного анализа. Это касается как RT, так и BBC.

Выводы

1. Можно констатировать, что субъективность исследователя сильно искажает общую картину, и контент-анализ действительно позволяет получить более объективные результаты.
2. Во многом это связано с тем, что тенденциозность медиаканалов при формировании имиджа России реализуется за счет средств выборочного освещения

значимых событий, но в рамках самих материалов, выдержанных в стилистике объективного безоценочного суждения, она никак не проявляется.

3. Ограничения объективации контент-анализа можно дополнить таким фактором, как намеренное исключение из дискурса определенных нежелательных событий.

Литература

1. *Агеева А. В.* Роль инструментов «мягкой силы» во внешней политике России // Власть. 2018. Т. 26. № 4. С. 59–63.
2. *Ачкасова В. А.* «Коммуникационный» уровень политического маркетинга: особенности продвижения имиджа государства // Научные труды Северо-Западной Академии государственной службы. 2011. Т. 2. Вып. 2. С. 26–32.
3. *Володина Л. В., Кострицкая Т. Б.* «Мягкая» сила как инструмент управления репутацией страны // Управленческое консультирование. 2014. № 5 (65). С. 25–30.
4. *Пашинян И. А.* Контент-анализ как метод исследования: достоинства и ограничения // Научная периодика: проблемы и решения. 2012. № 3(9). С. 13–18.
5. *Соловнин В. М.* Об объективности исследования в контент-анализе // Методологические и методические проблемы контент-анализа. М., Л., 1973. Вып. 1.
6. *Altheide D. L.* Ethnographic content Analysis // Qualitative Sociology. 1987. March. Vol. 10 (1). P. 65–77.
7. *Berelson B.* Content Analysis in Communication Research. Glencoe, IL: The Free Press, 1952.
8. *Corsaro W., Heise D. R.* Event Structure Models from Ethnographic Data // Sociological Methodology. 1990. Vol. 20. P. 1–57.
9. *Ferguson J. H., Kreshel P. J., Tinkham S. F.* In the Pages of Ms.: Sex Role Portrayals of Women in Advertising // Journal of Advertising. 1990. Vol. 19. Is. 1. P. 40–51.
10. *Franzosi R.* From Words to Numbers: Narrative, Data and Social Science. Cambridge : Cambridge University Press, 2004.
11. *George A.* Quantitative and Qualitative Approaches to Content Analysis. In: Raftery A. (ed.). Sociological Methodology. Oxford : Basil Blackwell, 1949. P. 135–44.
12. *Heise D. R.* Modeling Event Structure // Journal of Mathematical Sociology. 1989. Vol. 14. Is. 2–3. P. 139–169.
13. *Holsti O.* Content Analysis for the Social Sciences and Humanities. Reading, MA : Addison Wesley, 1969.
14. *Janis I. L., Fadner R. H.* A Coefficient of Imbalance for Content Analysis // Experimental Division for the Study of War Time Communications. Document N 31. Nov. 1. Washington, DC : Library, 1942.
15. *Kaplan A.* Content Analysis and the Theory of Signs // Philosophy of Science. 1943. No. 10 (4). P. 230–247.
16. *Krippendorf K.* Content Analysis. An Introduction to its Methodology. Beverly Hills, CA : Sage, 1980.
17. *Lasswell H. D., Lerner D., de Sola Pool I.* The Comparative Study of Symbols. Stanford, CA : Stanford University Press, 1952.
18. *Lasswell H. D. and Associates.* The Politically Significant Content of the Press: Coding Procedures // Journalism and Mass Communication Quarterly. 1942. Vol. 19. No. 1. P. 12–23.
19. *Laver M.* Party Policy in Britain, 1997: Results from an Expert Survey // Political Studies. 1998. Vol. 46. No. 3. P. 336–347.
20. *Laver M.*, *Garry J.* Estimating Policy Positions from Political Texts // American Journal of Political Sciences. 2000. No. 44. P. 619–634.
21. *Lebart L.* Sur les analyses statistiques de texts // Journal de la société statistique de Paris. 1993. Vol. 134. No. 4. P. 17–36.
22. *Leites N. C., de Sola Pool I.* On Content Analysis. 1942. Vol. 26. Library of Congress. Experimental Division for the Study of War-Time Communications.
23. *Robinson W. S.* The Logical Structure of Analytic Induction // American Sociological Review. 1951. No. 6. Vol. 16. P. 812–818.

24. *Shapiro G., Markoff J.* A Matter of Definition. In: Roberts C.W. (ed.). Text Analysis for the Social Sciences Methods for Drawing Statistical Inferences from Texts and Transcripts. Mahvah N. . : Lawrence Erlbaum Associates, Publishers, 1997. P. 9–31.
25. *Waples D., Berelson B.* What the Voters Were Told (An Essay in Content Analysis) (mimeographed). Graduate Library School, University of Chicago, 1941.

Об авторах:
Антончева Ольга Алексеевна, доцент кафедры связей с общественностью и социальных технологий Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат политических наук; antoncheva-oa@ranepa.ru
Апанасенко Татьяна Евгеньевна, независимый исследователь, кандидат политических наук (Санкт-Петербург, Российская Федерация); apanassenko2008@mail.ru

References

1. Ageeva A.V. The role of the “soft power” instruments in the international politics of Russia // Power [Vlast]. 2018. Vol. 2. No. 4. P. 39–63. (In rus)
2. Achkasova V.A. “Communicational” level of political marketing: the traits of State image producing // Works of North-West Academy of State Management. 2011. Vol. 1. N 2. P. 26–21. (In rus)
3. Volodina L.V., Kostritskaya T.B. “Soft” power as instrument of state-reputation management // Administrative Consulting [Upravlencheskoe konsultirovanie]. 2014. No. 5 (65). P. 25–30. (In rus)
4. Pashinyan I.A. Content analysis as method of research: gains and limits // Scientific periodic: problems and resolutions. 2012. No. 3 (9). P. 13–18. (In rus)
5. Solovnin V.M. Objectivity in Content Analysis // Content Analysis: Problems of Methods and Methodology. M., L., 1973. Vol. 1. (In rus)
6. Altheide D.L. Ethnographic content Analysis // Qualitative Sociology. 1987. March. Vol. 10 (1). P. 65–77.
7. Berelson B. Content Analysis in Communication Research. Glencoe, IL: The Free Press, 1952.
8. Corsaro W., Heise D.R. Event Structure Models from Ethnographic Data // Sociological Methodology. 1990. Vol. 20. P. 1–57.
9. Ferguson J.H., Kreshel P.J., Tinkham S.F. In the Pages of Ms.: Sex Role Portrayals of Women in Advertising // Journal of Advertising. 1990. Vol. 19. Is. 1. P. 40–51.
10. Franzosi R. From Words to Numbers: Narrative, Data and Social Science. Cambridge : Cambridge University Press, 2004.
11. George A. Quantitative and Qualitative Approaches to Content Analysis. In: Raftery A. (ed.). Sociological Methodology. Oxford : Basil Blackwell, 1949. P. 135–44.
12. Heise D.R. Modeling Event Structure // Journal of Mathematical Sociology. 1989. Vol. 14. Is. 2–3. P. 139–169.
13. Holsti O. Content Analysis for the Social Sciences and Humanities. Reading, MA : Addison Wesley, 1969.
14. Janis I.L., Fadner R.H. A Coefficient of Imbalance for Content Analysis // Experimental Division for the Study of War Time Communications. Document N 31. Nov. 1. Washington, DC : Library, 1942.
15. Kaplan A. Content Analysis and the Theory of Signs // Philosophy of Science. 1943. No. 10 (4). P. 230–247.
16. Krippendorf K. Content Analysis. An Introduction to its Methodology. Beverly Hills, CA : Sage, 1980.
17. Lasswell H.D., Lerner D., de Sola Pool I. The Comparative Study of Symbols. Stanford, CA : Stanford University Press, 1952.
18. Lasswell H.D. and Associates. The Politically Significant Content of the Press: Coding Procedures // Journalism and Mass Communication Quarterly. 1942. Vol. 19. No. 1. P. 12–23.
19. Laver M. Party Policy in Britain, 1997: Results from an Expert Survey // Political Studies. 1998. Vol. 46. No. 3. P. 336–347.
20. Laver M., Garry J. Estimating Policy Positions from Political Texts // American Journal of Political Sciences. 2000. No. 44. P. 619–634.

21. Lebart L. Sur les analyses statistiques de texts // Journal de la société statistique de Paris. 1993. Vol. 134. N 4. P. 17–36.
22. Leites N.C., de Sola Pool I. On Content Analysis. 1942. Vol. 26. Library of Congress. Experimental Division for the Study of War-Time Communications.
23. Robinson W.S. The Logical Structure of Analytic Induction // American Sociological Review. 1951. No. 6. Vol. 16. P. 812–818.
24. Shapiro G., Markoff J. A Matter of Definition. In: Roberts C.W. (ed.). Text Analysis for the Social Sciences Methods for Drawing Statistical Inferences from Texts and Transcripts. Mahvah N.J. : Lawrence Erlbaum Associates, Publishers, 1997. P. 9–31.
25. Waples D., Berelson B. What the Voters Were Told (An Essay in Content Analysis) (mimeographed). Graduate Library School, University of Chicago, 1941.

About the authors:

Olga A. Antoncheva, Associate Professor the Chair of Public Relations and Social Technologies of North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Political Science; antoncheva-oa@ranepa.ru

Tatiana E. Apanasenko, Independent researcher (Saint-Petersburg, Russian Federation), PhD in Political Science; apanassenko2008@mail.ru

DOI 10.22394/1726-1139-2019-11-145-154

Оценка и анализ образования: что оцениваем?

Григорьев В. Ю.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация; grigorev-vy@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

Целью и задачей данной статьи является попытка в первом приближении ответить на вопрос — что должны представлять собой интегральная оценка и анализ образования с управленческо-экономической точки зрения. От полноты и корректности ответа существенно зависит как действенность самого анализа, так и эффективность выполненной оценки и набора предлагаемых управленческих решений.

Ключевые слова: управленческие решения, повышение эффективности образовательных систем, устойчивость региональной образовательной системы, дисбаланс региона

Для цитирования: *Григорьев В. Ю.* Оценка и анализ образования: что оцениваем? // Управленческое консультирование. 2019. № 11. С. 145–154.

Assessment and Analysis of Education: what are we Assessing?

Valery Yu. Grigorev

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation; grigorev-vy@ranepa.ru

ABSTRACT

The purpose of this article is an attempt to give a comprehensive answer to the question — what should be an integrated assessment and analysis of education from a managerial and economic point of view. From the completeness and correctness of the answer, both the effectiveness of the analysis itself and the effectiveness of the assessment and the set of proposed management decisions substantially depend

Keywords: Management consulting, stability of the regional educational system, imbalance of the region, improving the effectiveness of educational systems

For citing: Grigorev V. Yu. Assessment and Analysis of Education: what are we Assessing? // Administrative consulting. 2019. No. 11. P. 145–154.

Определим сразу границы нашего исследования в понимании, анализ и оценку какого «образования» мы осуществляем. В общем случае можно вести речь о трех проекциях — анализ процесса образования конкретного обучающегося; анализ образования в конкретной образовательной организации и анализ территориального образования (в качестве территории может выступать Россия, федеральный округ, субъект РФ, муниципальный округ) на всех уровнях образования. В данной статье речь пойдет о последнем направлении — комплексный анализ и оценка региональной (территориальной) системы образования. И именно комплексность оценки и порождает главную проблему. Как только мы переходим от ответа на конкретный вопрос, например, какой процент учителей в сельских школах Тульской области имеет высшее образование, к интегральному анализу образования — насколько плохо или хорошо обстоят дела с образованием в регионе, а самое главное, что нужно делать для улучшения ситуации на тех или иных уровнях образования, ключевым вопросом становится: а что, собственно, нужно оценивать?

Как и при любой оценке по результативной модели, оценка образовательной системы — это осуществляемая по различным направлениям и критериям оценка степени или уровня решения тех задач, которые она решать должна. Согласимся с [2] в том, что зачастую вводимые оценочные показатели измеряют не конечный получаемый результат, а внутрисистемные результаты или затраты ресурсов. Однако это не отменяет ни самой задачи, ни потенциальной возможности построения комплексной матрицы оценочных показателей, с определенной долей успешности измеряющей интегральный результат. Понятно, что при этом для различных уровней образования конкретные наборы и удельные веса оценочных показателей будут отличаться.

Кроме того, примем за аксиому несколько вводных положений [1]:

1) принципиально важно пытаться оценивать весь территориальный комплекс образовательных услуг в целом, а не осуществлять избирательную оценку отдельно по уровням образования;
2) анализ и оценка региональных образовательных систем должны складываться из показателей состояния системы образования с учетом условий социально-экономического и демографического контекстов;
3) система индикаторов должна укладываться в логическую обоснованную схему с ясной структурой, а не являться эклектичным механическим соединением групп показателей.

Для решения задачи необходимо последовательно ответить на три вопроса: каков должен быть набор групп оценочных показателей, каков должен быть состав входящих в эти группы показателей и каковы должны быть удельные веса (значимость) самих показателей. Рамки статьи не позволяют рассмотреть все три ступени анализа, поэтому на данном этапе мы ограничимся формированием групп. Сразу обозначим предлагаемую модель для анализа, а затем сопоставим ее с некоторыми практическими исследованиями и действующими нормативными документами. Для иллюстрации будем использовать примеры исходных и оценочных показателей по подуровню дошкольного образования.

Итак, модель комплексной оценки регионального образования включает четыре базовые группы.

I. Группа оценки *качества* образования.

II. Группа оценки *доступности* образования.

III. Группа оценки *спроса* на образование.

IV. Группа оценки *сбалансированности* и *устойчивости* образовательной системы.

Набор фоновых (контекстных) показателей региона следует не выделять в отдельную группу, а использовать для квазинормирования численных значений остальных оценочных показателей. В качестве примера можно привести «индекс бюджетных расходов», который позволяет привести финансовые показатели различных регионов к сравнимым величинам.

К первой, самой многочисленной и более-менее очевидной группе — оценке качества образования — относятся четыре подгруппы:

- подгруппа оценки ресурсов;
- подгруппа оценка процессов;
- подгруппа оценки результатов;
- подгруппа оценки удовлетворенности.

Подгруппа оценки ресурсов в свою очередь состоит из показателей кадрового обеспечения и показателей материального и инфраструктурного обеспечения и, по сути, отвечает на вопрос — какие условия созданы в регионе для проведения образовательного процесса. Примером «кадрового» показателя может являться «численность педагогических работников — учителей-дефектологов в расчете на 10 000 воспитанников». Сразу оговоримся, мы исходим из того, что само по себе

наличие такого педагога ничего не гарантирует, но оно создает возможность получения более качественного результата. Примером «материально-инфраструктурного» оценочного показателя очевидно является «доля воспитанников дошкольных образовательных организаций, не требующих капитального ремонта и не находящихся в аварийном состоянии».

Подгруппа оценки образовательных процессов — более сложно определяемый объект, показывающий усилия образовательной организации по использованию своих ресурсов. Подобным показателем может являться, например, «численность воспитанников, охваченных летними оздоровительными мероприятиями».

Сама по себе подгруппа оценки результатов образовательной деятельности представляется ясной, однако привести пример удачного оценочного показателя по дошкольному образованию достаточно не просто. Предположительно в качестве таковых можно будет использовать показатели, полученные на основе «инструментария оценки качества дошкольного образования»[1]

Перейдем теперь к подгруппе оценки удовлетворенности. Для этого рассмотрим понятие качества образования с позиций закона об образовании. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» в ст. 2 п. 29 гласит: «*качество образования* — комплексная характеристика образовательной деятельности и подготовки обучающегося, выражающая степень их соответствия федеральным государственным образовательным стандартам, образовательным стандартам, федеральным государственным требованиям и (или) потребностям физического или юридического лица, в интересах которого осуществляется образовательная деятельность, в том числе степень достижения планируемых результатов образовательной программы»[2].

Таким образом, с точки зрения закона об образовании оценка качества образования должна содержать оценку условий осуществления образовательной деятельности (подгруппа оценки ресурсов), оценку ее результатов (подгруппа оценки результатов), а также — оценку соответствия образовательной деятельности потребностям участников образовательного процесса. С последним согласен и Рособрнадзор, который выделяет следующие обязательные направления оценки качества образования[3]:

- «оценка ... к результатам освоения образовательных программ;
- оценка ... к условиям реализации образовательной деятельности;
- оценка степени соответствия подготовки обучающихся их потребностям, потребностям организаций среднего и высшего профессионального образования, предприятий и учреждений;
- оценка степени соответствия образовательной деятельности потребностям обучающихся, потребностям организаций среднего и высшего профессионального образования, предприятий и учреждений, потенциальными будущими работниками которых являются обучающиеся в образовательных организациях».

---

[1] «Инструментарий оценки качества дошкольного образования» // Проект федерального института развития образования РАНХиГС [Электронный ресурс]. URL: http://firo-nir.ru (дата обращения: 29.07.2019).

[2] Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102162745&intelsearch=273-%D4%C7+ (дата обращения: 29.07.2019).

[3] Методология и критерии оценки качества общего образования в общеобразовательных организациях на основе практики международных исследований качества подготовки обучающихся (Проект) // Официальный сайт Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки (Рособрнадзор) [Электронный ресурс]. URL: http://obrnadzor.gov.ru/ru/press_center/news/index.php?id_4=7049 (дата обращения: 29.07.2019).

Таким образом, речь идет о необходимости выделения отдельного направления показателей, которое и было выше поименовано как подгруппа оценки удовлетворенности [участников образовательного процесса]. Причем обратим внимание на то, что удовлетворенность качеством образования вполне могут высказывать участники образовательного процесса на других уровнях образования. В данном случае образовательные организации среднего и высшего профессионального образования уполномочены делать выводы о состоянии общего образования. Что лишний раз подтверждает тезис о целесообразности комплексного анализа образования, а не отдельных его частей.

Попутно акцентируем внимание на любопытном факте. В первом из рейтингов университетов мира, места российских университетов в которых учитываются в известном проекте «5-100-2020»[1], рейтинге Таймс (The Times Higher Education World University Rankings)[2] — 34,5% итоговой оценки, получаемой университетом, это результаты опроса. Академическая репутация университета, включая научную деятельность и качество образования (данные глобального экспертного опроса представителей международного академического сообщества) дает в общий зачет 15%, и еще 19,5% добавляет научная репутация университета в определенных областях (данные глобального экспертного опроса представителей международного академического сообщества). Во втором же рейтинге QS (Quacquarelli Symonds World University Rankings)[3] результаты опроса вообще составляют 50% итоговой оценки: индекс академической репутации вуза (показатель включает данные глобального экспертного опроса представителей международного академического сообщества, который отражает мнения руководства университетов, профессоров и преподавателей, ведущих научно-исследовательскую деятельность) — 40%; индекс репутации вуза среди работодателей (показатель включает данные глобального экспертного опроса представителей организаций-работодателей, охватывающих все основные индустрии и имеющих размер от ста сотрудников и выше; в рамках опроса изучаются мнения руководства организаций-работодателей о профессиональной компетенции выпускников вузов, принятых ими на работу) — 10%.

Заметим, что в перечень показателей для оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации также включен опросный оценочный показатель № 20 «Оценка удовлетворенности населения услугами в сферах образования (процент от числа опрошенных)»[4]. Но как раз его ис-

---

[1] Проект повышения конкурентоспособности ведущих российских университетов среди ведущих мировых научно-образовательных центров реализуемый в соответствии с указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки» // Официальный сайт проекта [Электронный ресурс]. URL: https://www.5top100.ru/ (дата обращения: 29.07.2019).

[2] THE (Times Higher Education) World University Rankings // Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: https://www.timeshighereducation.com/world-university-rankings (дата обращения: 29.07.2019).

[3] The QS World University Rankings // Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: https://www.qs.com/rankings/ (дата обращения: 29.07.2019).

[4] Перечень показателей, информацию о значениях которых для оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации представляют федеральные органы исполнительной власти и организации. Утвержден постановлением Правительства Российской Федерации от 19 апреля 2018 г. № 472 «Об осуществлении мер по реализации государственной политики в сфере оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102160597&nd=102467437 (дата обращения: 29.07.2019).

пользование вызывает вопросы у некоторых исследователей, прежде всего «в связи с непрозрачностью инструментария опроса и способов формирования выборки» [1].

Вторая группа — группа оценки доступности образования — существенно менее очевидна. Во-первых, зачастую происходит смешение понятий доступность и охват. Близость этих понятий только кажущаяся. Если доступность того или иного уровня образования характеризует уровень удовлетворения текущего спроса, то охват (точнее обратная ему величина) позволяет оценить предельный потенциал роста образовательных услуг в регионе.

Разница хорошо видна на следующем примере. На рис. 1 приведен график регионального распределения по охвату дошкольным образованием в 2018 г. детей в возрасте до 3 лет (для расчета использованы исходные статистические данные: Численность постоянного населения — женщин по возрасту на 1 января // Росстат. ЕМИСС. Государственная статистика; Численность постоянного населения — мужчин по возрасту на 1 января // Росстат. ЕМИСС. Государственная статистика; Аналитические формы на основе формы № 85-К // Единая информационная система обеспечения деятельности Министерства образования и науки Российской Федерации).

В правой части графика с результатом существенно менее 20% охвата присутствуют, например, Чеченская Республика (13,73%), Республика Дагестан (8,76%) и Республика Ингушетия (5,17%). Столь низкие цифры можно было бы объяснить национальными особенностями кавказских республик. Но, если посмотреть на график доступности дошкольного образования (рис. 2), то хорошо видно, что соотношение воспитанников и желающих ими стать в республиках также крайне низко (11,42% — в Ингушетии, 17,76% — в Дагестане).

Выполненные нами расчеты также подтверждают независимость данных показателей. Например, значение коэффициента ранговой корреляции Спирмена при наличии связанных рангов между охватом дошкольным образованием детей старше 3 лет и доступностью дошкольного образования для детей того же возраста по данным 2018 г. составило 0,142.

Существенно, что в группу оценки доступности должен входить не единственный показатель — «отношение численности воспитанников образовательных организаций к общей численности желающих быть воспитанниками в данной возрастной группе», но и показатели финансовой доступности, например «доля принятых на обучение за счет средств федерального бюджета» или «доля численности проживающих в общежитиях относительно численности нуждающихся в общежитиях».

Группа оценки *спроса* на образование является ключевым моментом анализа. На самом деле потенциал развития любого уровня образования любого региона — прежде всего функция спроса. Как уже отмечалось выше, потенциальный спрос — величина, обратная охвату. И этот параметр должен активно использоваться для оценки потенциала развития частного образования в регионе.

Вопросы *дисбалансов* в развитии образовательных систем более подробно изложены в специальных работах, посвященных данной теме [3; 5]. Здесь отметим, что помимо общих дисбалансов и дисбалансов по ограничителям, присущих конкретному уровню образования, следует учитывать и межуровневые дисбалансы. Примером последнего может являться рассогласованность между реальными потребностями региона в воспитателях дошкольного образования, исходя из целевых значений достигаемой доступности, и контрольными цифрами приема на соответствующее направление в образовательные организации на уровне среднего профессионального образования.

К этой же группе оценочных показателей относится и вопрос *устойчивости* образовательной системы региона. Например, если с одной стороны высокие значения показателя «доля численности педагогов дошкольного образования в возрасте 60 и более лет» косвенно свидетельствуют о потенциальном наличии большого опыта практической работы, то его оборотной стороной являются риски, связанные

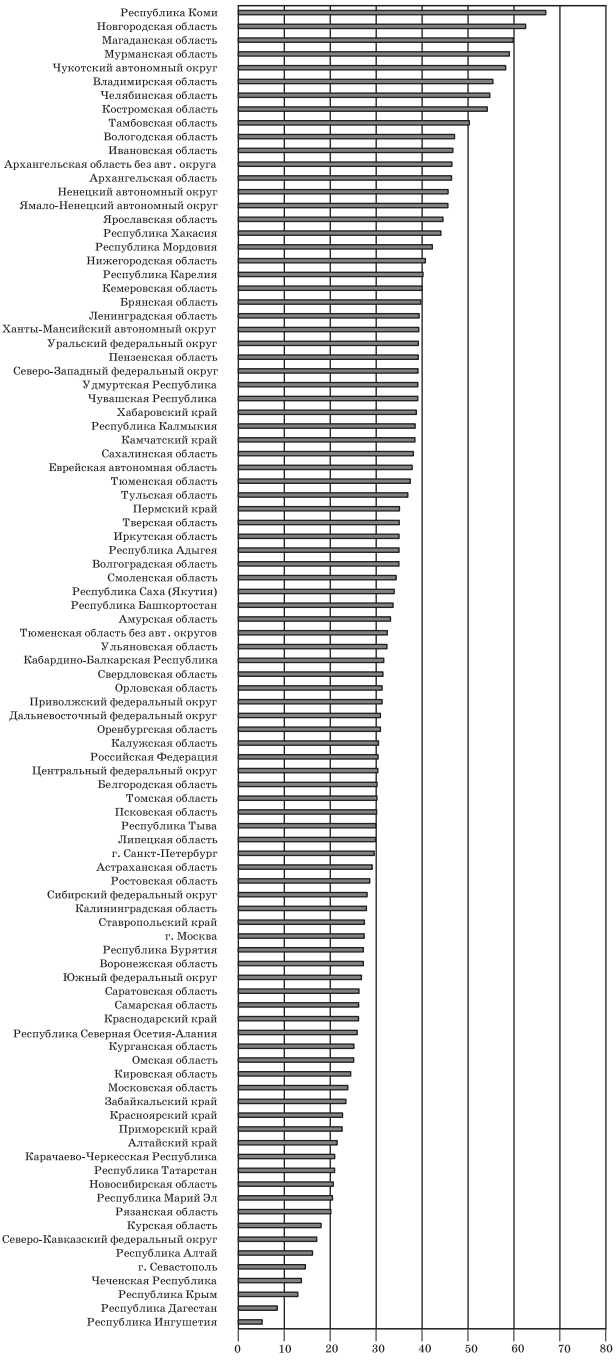


Рис. 1. Охват дошкольным образованием детей в 2018 г. (дети до 3 лет), %
Fig. 1. Preschool enrolment in 2018 (children under 3 years old)

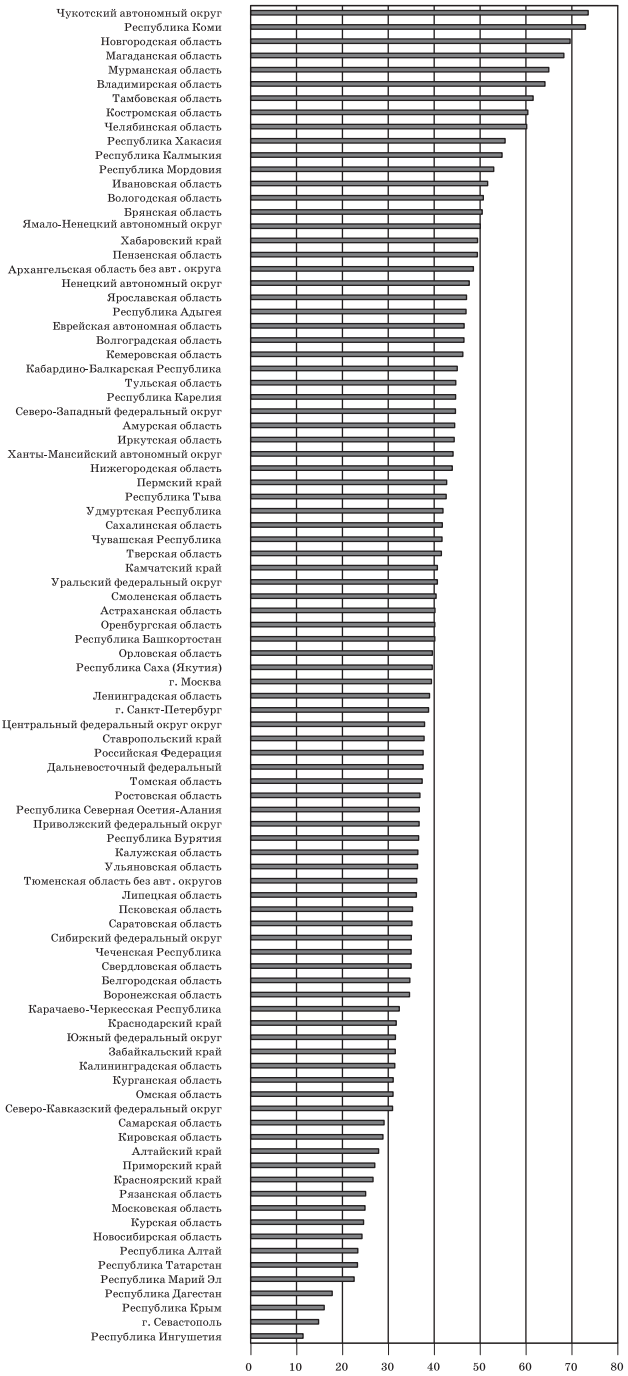


Рис. 2. Доступность дошкольного образования детей в 2018 г. (дети до 3 лет), %
Fig. 2. Access to preschool education for children in 2018 (children under 3 years old)

с существенным одновременным выбытием большого числа квалифицированных педагогических работников.

Рассмотрим далее некоторые последние практические подходы и предложения исследователей к разработке интегральных показателей анализа и оценки образования. Одним из самых эффектных по подаче и достаточно подробных является «Индекс образовательной инфраструктуры российских регионов». В настоящее время вышло второе издание индекса[1]. Авторы в качестве аксиомы постулируют, что повышение качества образовательной инфраструктуры неразрывно связано с увеличением конкурентоспособности российского общего образования. А именно такая цель поставлена в Указе Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»[2], и она же заявлена в качестве основной в национальном проекте «Образование» [6].

Однако по факту эксперты ВШЭ оперируют исключительно кадровым и материально-техническим (т. е. ресурсным) обеспечением, отмечая, что данное исследование — это ответ на вопрос: насколько в регионе создаются «требуемые условия для эффективного функционирования образовательной системы». Что несколько диссонирует с поставленной целью, поскольку в упомянутом выше Указе Президента РФ ставится задача «вхождения Российской Федерации в число 10 ведущих стран мира по *качеству* [общего] *образования*». А как уже было показано выше, полагать, что состояние инфраструктуры является единственным измерителем качества образования — слишком большое допущение. Уже не говоря о том, что все остальные группы показателей находятся вне поля зрения исследователей.

Актуальную на текущий момент тему глобальной конкурентоспособности российского образования в дискуссионной форме поднимают также авторы одноименного аналитического доклада [4]. В докладе продекларированы два потенциальных подхода, позволяющих осуществлять сравнительный анализ образования (в данном случае — на международном уровне). В первом случае осуществляется «прямое сравнение» субъектов между собой, при этом оценивается роль и сопоставляется степень вклада системы образования в общую интегральную оценку (в данном случае в конкурентоспособность страны). Оценивается вклад образования в экономику, социальное устройство, культуру. При втором варианте, который предлагается взять за основу, выделяется три типа индикаторов [конкурентоспособности] образования:

- общее функционирование образовательной системы, куда авторы относят такие субнаправления, как: финансовые показатели, охват образованием на различных уровнях и т. д.;
- показатели процесса образования, выраженные через характеристики образовательных организаций, например, кадровое обеспечение, условия для образовательной деятельности и др.;
- измеряемые результаты образовательной деятельности.

Несмотря на то что авторы по факту в дальнейшем отходят от своего же предложения по комплексной интегральной оценке и осуществляют сопоставление стран по отдельным показателям, можно отметить, что даже на уровне декларирования набор групп показателей ограничивается анализом качества образования без привязки к степени удовлетворенности участников образовательного процесса.

---

[1] Индекс образовательной инфраструктуры российских регионов 2018–2019 [Электронный ресурс]. URL: http://rosuchebnik.ru/index2019/ (дата обращения: 29.07.2019).

[2] Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102468157 (дата обращения: 29.07.2019).

Таблица 1

Ступенчатая (последовательная) модель комплексного анализа и оценки регионального образования

Table 1. Step-by-step (consistent) model of integrated analysis and assessment of regional education

Группы оценочных показателей	Подгруппы оценочных показателей	Блоки оценочных показателей	Пример показателя для дошкольного образования
Фоновые (контекстные) показатели региона, используемые для нормирования оценочных показателей			**Индекс бюджетных расходов региона**
Спрос на образование	—		Прогнозируемый процент спроса на дошкольное образование
Доступность образования	—		Общая доступность дошкольного образования для детей в возрасте до 3-х лет
Качество образования	Ресурсы	Кадровое обеспечение	Численность учителей-логопедов на 10 000 воспитанников
		Материальное и инфраструктурное обеспечение	Бюджет на одного воспитанника с учетом ИБР региона
	Процессы		Доля воспитанников 3 лет и старше, охваченных летними оздоровительными процедурами
	Результаты		—
	Удовлетворенность		Результат социологического исследования
Сбалансированность и устойчивость образовательной системы	—		Общий текущий дисбаланс региона

Аналогично разделяются по функциональности используемые при анализе и оценке показатели в уже упомянутой методике сравнительной оценки образовательных систем [1]. Отличия в наименованиях:

- группа показателей собственно оценки — [результаты функционирования образовательного процесса];
- группа показателей анализа или мониторинга — [ресурсы и организация системы образования];
- фоновые (контекстные) показатели.

Таким образом, как в практическом, так и в методическом смысле существующие методологии комплексного анализа и оценки образовательных систем ограничены узким кругом исследуемых параметров, связанных в основном с кадровым и материально-техническим обеспечением образовательного процесса, и не позволяют предложить сбалансированный перечень управленческих решений для выработки стратегии регионального развития.

С другой стороны, противоречий с предложенной моделью комплексного анализа, которая в компактном виде с примерами реальных оценочных показателей для дошкольного образования представлена в табл. 1, также не выявлено.

Литература

1. *Агранович М. Л.* Методические вопросы сравнительной оценки субнациональных образовательных систем // Social Science Research Network [Электронный ресурс]. URL: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=24578271 (дата обращения: 29.07.2019).
2. *Агранович М. Л.* Индикаторы достижения целей устойчивого развития в сфере образования и национальная образовательная политика // Вопросы образования. 2017. № 4. С. 242–264.
3. *Беляков С. А., Григорьев В. Ю., Бедарева Л. Ю.* Оценка параметров региональных систем образования как инструмент выработки управленческих решений // Управленческое консультирование. 2019. № 7. С. 79–89.
4. *Глобальная* конкурентоспособность российского образования. Материалы для дискуссии / И. В. Абанкина, А. А. Беликов, О. С. Гапонова и др. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт образования. М. : НИУ ВШЭ, 2017. (Современная аналитика образования. № 3 (20)).
5. *Григорьев В. Ю., Беляков С. А.* Обобщенная методика оценки потенциала развития региона на основе анализа дисбалансов // Управленческое консультирование. 2019. № 8. С. 60–69.
6. *Нацпроект* «Образование» // Вестник образования. Электронный периодический журнал [Электронный ресурс]. URL: http://vestnik.edu.ru/national-project (дата обращения: 29.07.2019).

Об авторе:

Григорьев Валерий Юрьевич, ведущий научный сотрудник Центра экономики непрерывного образования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва, Российская Федерация), кандидат технических наук, доцент, лауреат Премии Президента РФ в области образования; grigorev-vy@ranepa.ru

References

1. Agranovich M. L. Methodological Issues of Comparative Assessment of SubNational Educational Systems // Social Science Research Network [Electronic Resource]. URL: http: // papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=24578271 (date of address: 29.07.2019). (In rus)
2. Agranovich M. L. Indicators for Achieving Sustainable Development Goals in Education and National Education Policy // Education Issues [Voprosy obrazovaniya]. 2017. No. 4. P. 242–264. (In rus)
3. Belyakov S. A., Gregory V. Yu., Bedareva L. Yu. Assessment of parameters of regional education systems as a tool for making management decisions // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie.]. 2019. No. 7. P. 79–89. (In rus)
4. Global competitiveness of Russian education. Materials for discussion / I. V. Abankina, A. A. Belikov, O. S. Gaponova, etc. National Research University "Higher School of Economics," Institute of Education. MOSCOW: HSE, 2017. 112 p. (Modern Education Analytics. No. 3 (20)) (In rus)
5. Grigoryev V. Yu., Belyakov S. A. Generalized methodology of assessment of development potential of the region based on imbalance analysis // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie.]. 2019. No. 8. P. 60–69. (In rus)
6. National Project "Education" // Journal of Education [Vestnik obrazovaniya]. Electronic Periodical Journal [Electronic Resource]. URL: http: // vestnik.edu.ru/national-project (date of address: 29.07.2019). (In rus)

About the author:

Valery Yu. Grigorev, Leading researcher of the Center of Economics of Continuous Education of RANEPA (Moscow, Russian Federation), PhD in Technical Sciences, Associate Professor; Laureate of the President of the Russian Federation Award in the Field of Education; grigorev-vy@ranepa.ru

DOI 10.22394/1726-1139-2019-11-155-162

Патентные исследования как инструмент анализа рынка технических решений

Рябоконь М. С.[1], *Скуйбин Б. Г.*[2], *Щеглов Д. К.*[3, 4*]

[1]ПАО «НПП «Импульс», Москва, Российская Федерация
[2]Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана, Москва, Российская Федерация
[3]Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ» им. Д. Ф. Устинова, Санкт-Петербург, Российская Федерация
[4]Акционерное общество «Конструкторское бюро специального машиностроения», Санкт-Петербург, Российская Федерация; *dk@bk.ru

РЕФЕРАТ

На примере анализа патентной активности показано решение проблемы, связанной с оценкой потенциала развития технических систем. Описаны основные возможности современных информационных ресурсов патентной аналитики. Показано, каким образом анализ патентной информации помогает отобрать наиболее перспективные научно-технические решения и технологии для проведения разработок, выявить тенденции отрасли, проанализировать ситуацию на рынке для определения основных конкурентов и партнеров, оценить конкурентоспособность разрабатываемой продукции, сформировать требования и составить план при проведении научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, разработать стратегию инновационного развития предприятия.

Ключевые слова: анализ рынка, патентные исследования, патентные ландшафты, гражданская продукция, товары народного потребления

Для цитирования: *Рябоконь М. С., Скуйбин Б. Г., Щеглов Д. К.* Патентные исследования как инструмент анализа рынка технических решений // Управленческое консультирование. 2019. № 11. С. 155–162.

Patent Research as a Tool for Analysis of the Technical Solutions Market

Maxim S. Ryabokon[a], *Boris G. Skuybin*[b], *Dmitriy K. Shcheglov*[c, d*]

[a]Joint Stock Company "Scientific-production enterprise "Impuls", Moscow, Russian Federation
[b]Bauman Moscow State Technical University, Moscow, Russian Federation
[c]Baltic State Technical University «VOENMECH» named after D. F. Ustinov, Saint-Petersburg, Russian Federation
[d]Joint Stock Company «KBSM», Saint-Petersburg, Russian Federation; *dk@bk.ru

ABSTRACT

The example of the analysis of patent activity shows the solution of the problem related to the assessment of the development potential of technical systems. The main possibilities of modern information resources of patent analytics are described. It is shown how the analysis of patent information helps to select the most promising scientific and technical solutions and technologies for development, to identify trends in the industry, to analyze the market situation to determine the main competitors and partners, to assess the competitiveness of the developed products, to form requirements and to draw up a plan for research and development, to develop a strategy for innovative development of the enterprise.

Keywords: market analysis, patent research, patent landscapes, civilian products, consumer goods

For citing: Ryabokon M. S., Skuybin B. G., Shcheglov D. K. Patent Research as a Tool for Analysis of the Technical Solutions Market // Administrative consulting. 2019. No. 11. P. 155–162.

При выборе направлений научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР), формировании плана их проведения, разработки стратегии инновационного развития предприятия в части обеспечения создания востребованной гражданской продукции и товаров народного потребления необходимо опираться на достоверные сведения о состоянии рынка технологий в интересующей отрасли, о тенденциях его развития, направлениях научно-технической деятельности ведущих предприятий региона, а также зарубежных компаний, занимающихся выпуском аналогичной продукции. Ключевым инструментом анализа рынка научно-технических разработок является проведение патентных исследований.

Патентный анализ способствует решению целого ряда задач: позволяет найти и отобрать наиболее перспективные и эффективные научно-технические решения, на основе которых в дальнейшем может быть осуществлен выбор соответствующих технологий и оборудования; провести оценку конкурентоспособности и технического уровня производимой или разрабатываемой промышленной продукции; определить тенденции развития технологий; проанализировать ситуацию на рынке с целью выявления основных конкурентов и возможных партнеров.

Информационной базой для проведения патентных исследований является большой массив источников патентной и научно-технической информации, которые существуют в открытом доступе. Открытость данных патентных документов и обеспечение полноты раскрытия технической информации являются важнейшим достоинством патентных исследований [7].

Существенными факторами, позволяющими успешно использовать патентный фонд, как базу для анализа, являются:

- жесткая временная привязка (по дате приоритета);
- близкие требования к объему и форме представления заявляемых технических решений в патентных документах разных стран;
- структурированность патентных документов в соответствии с международной патентной классификацией (МКИ);
- обязательность указания автора (авторов) и патентообладателя (патентообладателей);
- ссылки на известные ранее технические решения и патенты-аналоги.

На примере анализа патентной активности продемонстрируем решение проблемы, связанной с оценкой потенциала развития некоторой технической системы. С данной проблемой в той или иной степени сталкивается каждый разработчик в процессе модернизации существующей или создания новой продукции.

Отталкиваясь от передового опыта, накопленного при решении технической проблемы внутри предприятия, а также представленного на отечественном и зарубежном рынках, разработчики стремятся найти самое оптимальное, т. е. наилучшее решение поставленной задачи. И здесь важно учитывать, что любая техническая система имеет свой предел развития.

Жизненный цикл технической системы можно описать S-образной кривой (рис. 1), которая на качественном уровне показывает изменение одного из ее главных показателей во времени (скорости технической системы, ее габаритов, эффективности, производительности, количества выпускаемых единиц и т. д.).

На рис. 2 показан график уровня применяемости технической системы, характеризующий динамику ее использования во вновь разрабатываемых изделиях.

Жизненный цикл технической системы на основе динамики применяемости можно условно разделить на 3 этапа (как показано на рис. 2): I — детство, II — зрелость и III — старость технической системы.

После точки 3 (см. рис. 2) достигается «потолок» в развитии системы, обусловленный ее физическими пределами. Это важная точка — точка принятия решения. Дальнейшее совершенствование системы может не иметь никакого смысла, а попытки ее

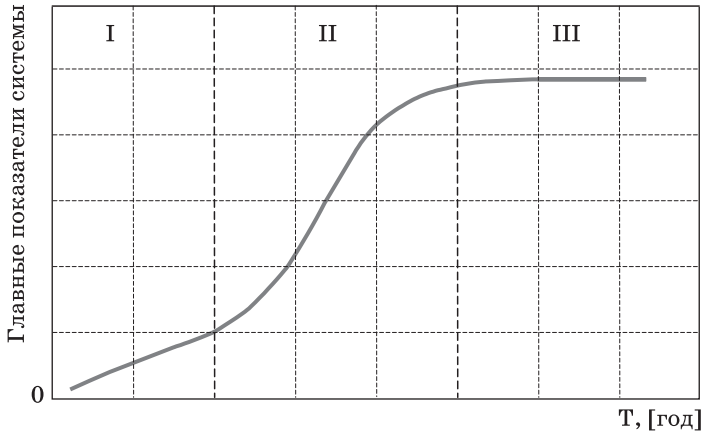


Рис. 1. Изменение главного показателя технической системы во времени
Fig. 1. Change of technical system main indicator over time

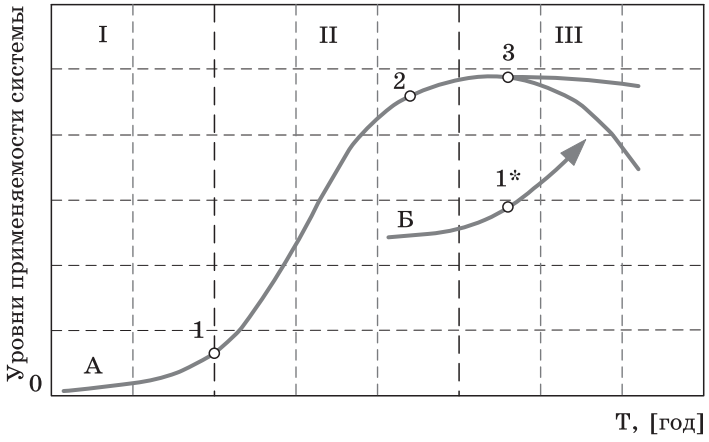


Рис. 2. Изменение уровня применяемости технической системы во времени
Fig. 2. Changing the level of application of the technical system over time

модернизации приведут только к затратам времени и ресурсов, но не дадут положительных результатов. В качестве примера можно рассмотреть радиотелефон, содержащий стационарную базу и трубку. Современные радиотрубки имеют множество функций: записные книжки на большое количество номеров, хороший ресурс автономной работы, возможности подключения гарнитуры, функции будильника, калькулятора и многое другое, однако потребители зачастую не используют и даже не знают об этих функциях. Все дело в том, что радиотелефоны по заложенному функционалу были вытеснены смартфонами, и дальнейшее их техническое развитие не имеет перспектив.

Задачей разработчика является вовремя определить границу, когда необходимо остановиться и от одной технической системы перейти к другой, с опорой на новую технологию. Помочь в этом может анализ патентного фонда. Более 40 лет назад Генрих Альтшуллер первым обнаружил связь S-образной кривой развития технической системы с количеством и уровнем выданных патентов на протяжении ее жизненного цикла [1].

Определить этап жизненного цикла технической системы может помочь анализ динамики патентования, которая качественно приведена на графике рис. 3. Как следует из графика, кривая количества патентов на протяжении жизненного цикла технической системы имеет два ярко выраженных пика. Первый пик связан с тем, что на этапе детства системы идет активный поиск технических решений, система выводится на серьезный, конкурентный уровень. Второй пик обусловлен попытками разработчиков продлить жизнь остановившейся в развитии технической системы, при ее переходе от этапа взросления к старости.

Таким образом, на основе динамики патентования можно оценить перспективы развития технической системы. Если в ходе анализа выявлен только один пик — это хорошо, система имеет ресурс для развития и реализации. Если же наблюдаются оба пика, но серьезного спада по количеству патентов пока не последовало, то систему, конечно же, имеет смысл поддерживать, но уже следует озаботиться поиском альтернативной системы с опорой на более перспективное техническое решение. Если после второго пика наблюдается серьезный спад в патентовании, то развивать систему, вероятнее всего, уже не имеет смысла.

Описанный метод оценки потенциала развития технической системы по динамике количества патентов был многократно опробован на практике, хорошо себя зарекомендовал и на сегодняшний день не утратил актуальности. Выявлению закономерностей между динамикой патентной активности и жизненным циклом продукта посвящен ряд работ [1; 5; 9; 15]. Корреляция этапов жизненного цикла технической системы и динамики патентной активности была подтверждена исследованиями [15]. В работе [5] было проанализировано развитие технологий корейских компаний-производителей полупроводниковых материалов, а в работе [9] было описано создание схемы технического развития тонкопленочных транзисторов и светодиодов на основе патентного анализа.

Современные информационные ресурсы предоставляют новые возможности для проведения патентной аналитики, позволяют облегчить, автоматизировать процесс сбора данных, дают возможность отслеживать в динамике патентование технической системы с точки зрения различных факторов (географическое положение, патентообладатели, авторы патентов и их публикации, кооперации между предприятиями, проблемные узлы — элементы с наибольшим количеством патентов и т. п.).

Патентные исследования могут служить для целей выявления трендов в отрасли, для оценки конкурентных преимуществ, как отдельных предприятий, так и целых стран [4]. В работе [2] проведена систематизация задач исследования трендов развития технических систем на основе патентной информации, выполнен анализ публикаций, посвященных патентным исследованиям, методам и инструментам их исследования.

Метод определения технологических трендов может быть использован в различных отраслях, согласно работе [11] широкое распространение на сегодняшний день он получил в сфере телекоммуникаций. Как пример выявления тренда можно привести анализ энергетической отрасли [14], в ходе которого был обнаружен всплеск в патентовании альтернативных источников производства энергии, пришедшийся на период после первого энергетического кризиса (1973 г.).

Динамика патентования служит показателем активности компаний и государств в проведении НИОКР, является индикатором инновационной активности и научно-технического потенциала. Так, в работе [12] была выявлена зависимость количества патентов предприятия от его показателей продуктивности. А на основе информации, содержащейся в патентах конкретного предприятия, могут быть определены направления развития компании, ее технические возможности и слабые места [10]. На основе распределения количества полученных патентов по предприятиям отрасли можно выявлять ее технологических лидеров — компании, для которых с большой

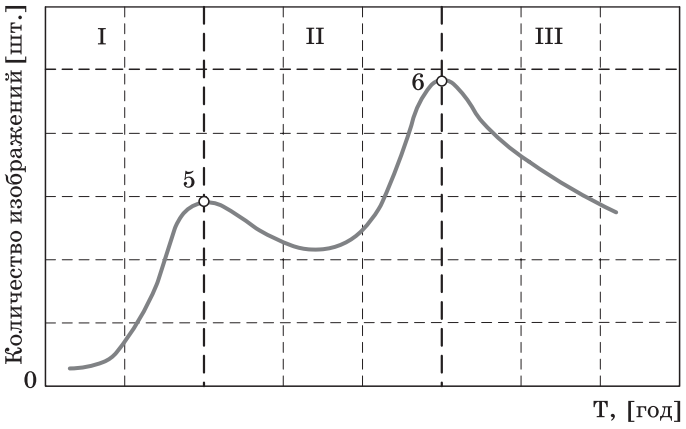


Рис. 3. Количество патентов на различных этапах развития системы
Fig. 3. Number of patents at various stages of development of the system

долей вероятности данная сфера представляет собой стратегическое направление технологического развития [2]. В работе [6] с помощью анализа патентных стратегий была проведена оценка возможностей компании в области машиностроения, было показано, что на основе патентной информации можно оценивать технологии, изучать конкурентов и планировать цели НИОКР. В работе [8] также отмечаются целесообразность и эффективность применения инструментов патентного анализа при планировании научно-исследовательской деятельности компании и управления интеллектуальной собственностью.

Построение сетей совместного патентования позволяет выявлять практику кооперации в проведении исследований и разработок, дает возможность определять предприятия, находящиеся в такой кооперации [2] и решить задачу поиска предприятий-партнеров для проведения совместных исследований. География подачи заявок на патентование дает информацию о государствах-лидерах развития интересующей технологии, а способ подачи заявок может характеризовать нацеленность разработчиков при коммерциализации своих изобретений на международный, либо локальные рынки. Распределение по отраслям промышленности изобретений, относящихся к одной технологии, позволяет определить приоритетные направления развития технологии, а также учесть смежные сферы применения, например, при планировании НИОКР.

Крайне полезным для разработчиков может оказаться изучение публикаций ведущих авторов изобретений в интересующей области. Особое внимание следует уделить исследованиям таких авторов, опубликованным еще до того, как техническая система получила развитие, а также их диссертациям и монографиям. В таких работах могут быть приведены конкретные технические решения, информация о том, как на самом деле происходили исследования и какие неудачные попытки были предприняты.

На основе патентной информации могут быть выявлены проблемные и перспективные узлы технической системы — элементы с наибольшим количеством публикаций.

Особое внимание следует уделить такому инструменту анализа патентной информации, как патентные ландшафты — это вид патентных исследований, который базируется на статистической и интеллектуальной обработке больших объемов патентной информации с последующей визуализацией логических связей между

различными показателями, содержащимися в информационных массивах. Было показано, что использование современных средств для количественного машинного анализа в сочетании с качественной экспертной проработкой патентной информации дает преимущества предприятию в конкурентной разведке [13]. В работе [3] проведено исследование рынка доступных программных продуктов для построения патентных ландшафтов, рассмотрены их основные преимущества и недостатки.

Низкая патентная активность российских разработчиков нередко является причиной скепсиса экспертов относительно эффективности патентной информации при исследовании российского рынка технических решений. Нужно отметить, что такая ситуация прослеживается не во всех отраслях российской экономики и наметился некоторый сдвиг в повышении патентной активности российских вузов. Однако в любом случае патентную информацию при проведении исследований не следует рассматривать в отрыве от другой научно-технической информации, относящейся к интересующей технической системе.

Выводы

Таким образом, анализ патентной информации позволяет отобрать наиболее перспективные научно-технические решения и технологии для проведения разработок *в области гражданской продукции и товаров народного потребления*, выявить тенденции отрасли, проанализировать ситуацию на рынке для определения основных конкурентов и партнеров, оценить конкурентоспособность разрабатываемой продукции, сформировать требования и составить план при проведении НИОКР, разработать инновационную стратегию предприятия. Обеспечение достоверных и эффективных патентных исследований на предприятии должно осуществляться за счет квалифицированного персонала, имеющего навыки работы в современных программных средствах патентной аналитики.

Литература

1. *Альтшуллер Г. С.* Творчество как точная наука. М.: Сов. радио, 1979. С. 113–119.
2. *Кортов С. В., Шульгин Д. Б., Толмачев Д. Е., Егармина А. Д.* Анализ технологических трендов на основе построения патентных ландшафтов // Экономика региона. 2017. Т. 13. Вып. 3. С. 935–947.
3. *Николаев А. С.* Анализ бизнес-среды компании с помощью программных средств обработки патентной информации и построения патентных ландшафтов // Общество: политика, экономика, право. 2018. № 4. С. 37–40.
4. *Chakrabarti D. I., Dror I.* Technology transfers and knowledge interactions among defense firms in the USA: an analysis of patent citations // International Journal of Technology Management. Vol. 9. N 5/6/7. 1994. P. 757–770.
5. *Choung J.-Y., Hwang H.-R., Choi J.-H., Rim M.-H.* Transition of Latecomer Firms from Technology Users to Technology Generators: Korean Semiconductor Firms // World Development. 2000. Vol. 28. Is. 5. P. 969–982 [Electronic resource]. URL: http://dx.doi.org/10.1016/S0305–750X(99)00161–8 (date of access: 26/07/2019).
6. *Ernst H.* An integrated portfolio approach to support market-oriented R&D planning // International Journal of Technology Management. 2003. Vol. 26. N 5/6. P. 540–560.
7. *Frietsch S. U., Schmoch U.* Transnational patents and international markets // Scientometrics. Vol. 82. Is. 1. P. 185–200.
8. *Hall B. H., Griliches Z., Hausman J. A.* Patents and R&D is there a lag? // International Economic Review. 1986. 27 (3). P. 265–283. DOI: 10.3386/w1454.
9. *Lui Sh.-J., Shyu J.* Strategic planning for technology development with patent analysis // International Journal of Technology Management. 1997. Vol. 13. Is. 5/6. P. 661–680. DOI: 10.1504/IJTM.1997.001689.
10. *Noh H., Jo Ye., Lee S.* Keyword selection and processing strategy for applying text mining to patent analysis // Expert Systems with Applications. 2015. Vol. 42 (9). P. 4348–4360.

11. *Noh H., Song Y., Lee S.* Identifying emerging core technologies for the future: Case study of patents published byleading telecommunication organizations // Telecommunications Policy. 2016. Vol. 40. P. 956–970. Doi:10.1016/j. telpol.2016.05.005.
12. *Nordhaus W.* An economic theory of technological changes // American Economic Review. 1969. Vol. 59 (2). P. 18–28.
13. *Pargaonkar Y.* Leveraging patent landscape analysis and IP competitive intelligence for competitive advantage // World Patent Information. 2016. Vol. 45. P. 10–20. DOI: 10.3386/w1454.
14. *Popp D.* The effect of new technology on energy consumption // Resource and Energy Economics. 2001. Vol. 23 (3). P. 215–239.
15. *Technology* life cycle analysis method based on patent documents / Gao L., Porter A. L., Wang J. at all // Technological Forecasting and Social Change. 2013. Vol. 80. Is. 3. P. 398–407. DOI: 10.1016/j.techfore.2012.10.003.

Об авторах:

Рябоконь Максим Сергеевич, научный сотрудник ПАО «НПП «Импульс» (Москва, Российская Федерация); riabokonmaks@yandex.ru

Скуйбин Борис Георгиевич, преподаватель МГТУ им. Н. Э. Баумана (Москва, Российская Федерация), кандидат физико-математических наук, доцент; bgscuibin@ya.ru

Щеглов Дмитрий Константинович, начальник расчетно-исследовательского отделения АО «КБСМ», г. Санкт-Петербург; заведующий базовой кафедрой «Средства ВКО и ПВО» БГТУ «Военмех» им. Д. Ф. Устинова (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат технических наук; d.shcheglov@kbsm.su; _dk@bk.ru

References

1. Altshuller G. S. Creativity as an exact science. M. : Soviet Radio, 1979. P. 113–119. (In rus)
2. Kortov S. V., Shulgin D. B., Tolmachev D. E., Egarmina A. D. Analysis of technological trends based on the construction of patent landscapes // Economics of the region [Ekonomika regiona]. 2017. Vol. 13, Rev. 3. P. 935–947. (In rus)
3. Nikolaev A. S. Analysis of the business environment of the company with the help of software tools for processing patent information and building patent landscapes. // Society: politics, economics, law [Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo]. 2018. No. 4. P. 37–40. (In rus)
4. Chakrabarti D. I., Dror I. Technology transfers and knowledge interactions among defense firms in the USA: an analysis of patent citations // International Journal of Technology Management. Vol. 9. N 5/6/7. 1994. P. 757–770.
5. Choung J.-Y., Hwang H.-R., Choi J.-H., Rim M.-H. Transition of Latecomer Firms from Technology Users to Technology Generators: Korean Semiconductor Firms // World Development. 2000. Vol. 28. Is. 5. P. 969–982 [Electronic resource]. URL: http://dx.doi.org/10.1016/S0305–750X(99)00161–8 (date of access: 26/07/2019).
6. Ernst H. An integrated portfolio approach to support market-oriented R&D planning // International Journal of Technology Management. 2003. Vol. 26. N 5/6. P. 540–560.
7. Frietsch S. U., Schmoch U. Transnational patents and international markets // Scientometrics. Vol. 82. Is. 1. P. 185–200.
8. Hall B. H., Griliches Z., Hausman J. A. Patents and R&D is there a lag? // International Economic Review. 1986. 27 (3). P. 265–283. DOI: 10.3386/w1454.
9. Lui Sh.-J., Shyu J. Strategic planning for technology development with patent analysis // International Journal of Technology Management. 1997. Vol. 13. Is. 5/6. P. 661–680. DOI: 10.1504/IJTM.1997.001689.
10. Noh H., Jo Ye., Lee S. Keyword selection and processing strategy for applying text mining to patent analysis // Expert Systems with Applications. 2015. Vol. 42 (9). P. 4348–4360.
11. Noh H., Song Y., Lee S. Identifying emerging core technologies for the future: Case study of patents published byleading telecommunication organizations // Telecommunications Policy. 2016. Vol. 40. P. 956–970. Doi:10.1016/j. telpol.2016.05.005.
12. Nordhaus W. An economic theory of technological changes // American Economic Review. 1969. Vol. 59 (2). P. 18–28.
13. Pargaonkar Y. Leveraging patent landscape analysis and IP competitive intelligence for competitive advantage // World Patent Information. 2016. Vol. 45. P. 10–20. DOI: 10.3386/w1454.

14. Popp D. The effect of new technology on energy consumption // Resource and Energy Economics. 2001. Vol. 23 (3). P. 215–239.
15. Technology life cycle analysis method based on patent documents / Gao L., Porter A. L., Wang J. at all // Technological Forecasting and Social Change. 2013. Vol. 80. Is. 3. P. 398–407. DOI: 10.1016/j.techfore.2012.10.003.

About the authors:

Maxim S. Ryabokon, Researcher of Joint Stock Company "Scientific-production enterprise "Impuls" (Moscow, Russian Federation); riabokonmaks@yandex.ru.

Boris G. Skuybin, Lecturer of Bauman Moscow State Technical University (Moscow, Russian Federation), PhD in Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor; bgscuibin@ya.ru

Dmitriy K. Shcheglov, Head of Settlement and Research Department of Joint Stock Company «KBSM», St. Petersburg; Head of the base department «Means of aerospace defense and air defense» of BSTU «Voenmech» named after D. F. Ustinov (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Technical Science; d.shcheglov@kbsm.su; _dk@bk.ru

DOI 10.22394/1726-1139-2019-11-163-179

Электронное участие и инициативное бюджетирование как механизмы обратной связи в модели «умного города»[1]

*Чугунов А. В., Карачай В. А.**

Национальный исследовательский университет ИТМО, Санкт-Петербург, Российская Федерация; *vitalinakarachay@gmail.com

РЕФЕРАТ

В статье рассмотрено инициативное бюджетирование (ИБ) как механизм участия граждан в бюджетной политике на местном уровне. Основываясь на параметрах оценки эффективности проектов инициативного бюджетирования, в работе представлены предварительные результаты комплексного исследования институциональной модели электронного участия, описывающей механизм обратной связи в развитии и функционировании систем умного городского управления (в том числе электронного управления). В связи с этим был проведен анализ методологий оценки международных проектов ИБ, изучение предметной области и обзор литературы по тематике исследования.

В результате исследования уточнена первоначальная версия институциональной модели умного города, содержащая элементы инициативного бюджетирования и электронного участия как компонентов обратной связи. Проведен сравнительный анализ международных методологий оценки проектов ИБ; сформулированы выводы; описаны направления дальнейших исследований.

Последующий анализ методологий оценки проектов ИБ будет направлен на изучение практик, ориентированных на аспекты цифровых трансформаций и развитие умного города. Таким образом, эмпирические результаты данного исследования могут быть использованы для теоретической разработки новой актуальной методологии, учитывающей указанные выше компоненты.

Ключевые слова: электронное участие, электронное управление, умный город, умное управление, инициативное бюджетирование, открытый бюджет, бюджетные решения, методология оценки, институциональная модель, вовлечение граждан

Для цитирования: *Чугунов А. В., Карачай В. А.* Электронное участие и инициативное бюджетирование как механизмы обратной связи в модели «умного города» // Управленческое консультирование. 2019. № 11. С. 163–179.

Electronic Participation and Participatory Budgeting as Feedback Mechanisms in the Smart City Model

*Andrey V. Chugunov, Vitalina A. Karachay**

ITMO University, Saint-Petersburg, Russian F ederation; *vitalinakarachay@gmail.com

ABSTRACT

Participatory budgeting (PB) is considering in the article as a mechanism of citizens' participation in budget policy at the local level. Based on the parameters of evaluating the effectiveness of participatory budgeting projects, the paper presents the preliminary results of the comprehensive study of e-participation institutional model, describing the feedback mechanism in the development and functioning of smart urban management systems (including e-governance). In this regard, the analysis of international PB projects' evaluation methodologies, the study of the subject area, and the literature review on the subject of the study were conducted.

[1] Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда, проект №18-18-00360 «Электронное участие как фактор динамики политического процесса и процесса принятия государственных решений».

As a result of the study, the initial version of the smart city institutional model was refined, containing elements of participatory budgeting and electronic participation as feedback components. A comparative analysis of international methodologies for PB projects' assessment is carried out; conclusions are formulated; directions for further research are described.

The subsequent analysis of PB projects' evaluation methodologies will focus on the study of practices, based on the aspects of digital transformation and smart city development. Thus, the empirical results of this study can be used for the theoretical development of a new relevant methodology that takes into account the above described components.

Keywords: e-governance; e-participation; smart city; smart governance; participatory budgeting, open budget, budget decision making; evaluation methodology; institutional model; citizens' engagement

For citing: Chugunov A. V., Karachay V. A. Electronic Participation and Participatory Budgeting as Feedback Mechanisms in the Smart City Model // Administrative consulting. 2019. No. 11. P. 163–179.

Введение

В статье представлены промежуточные результаты одного из компонентов исследовательского проекта, реализуемого в Университете ИТМО при поддержке Российского научного фонда, ориентированного на комплексное исследование электронного участия граждан в контексте политического процесса и принятия политико-управленческих решений. Проект предполагает, в том числе, эмпирический анализ существующих институтов и практик электронного участия, определение наиболее успешных способов его использования для развития государственного и муниципального управления в Российской Федерации. Термин «электронное участие» в данной работе понимается как комплекс методов и инструментов, обеспечивающих электронное взаимодействие граждан и органов власти с целью учета мнения граждан в государственном и муниципальном управлении при принятии политических и управленческих решений по широкому кругу вопросов и проблем [10]. В состав «методов и инструментов» включаются не только электронный и цифровой инструментарий, но и организационные, правовые и институциональные инструменты и методы. Тем самым электронная среда является вспомогательной инструментальной средой, которая существенным образом влияет на процесс принятия решений, но не определяет его.

Сложность данного исследования состоит и в том, что объект изучения находится в перманентной трансформации. Изменяется институциональная и организационно-правовая среда, в которой функционирует как власть, так и механизмы, обеспечивающие взаимодействие с гражданами. Эти изменения связаны со стартом реализации новой программы «Цифровая экономика» и формированием государственной политики относительно исследуемого явления — электронного участия.

Теоретические предпосылки

Кризис концепции представительной демократии обсуждается с 1970-х гг. после известного доклада, представленного Сэмюэлем Хантингтоном для Трехсторонней комиссии [16], исследовавшей способности управлять обществом на основе демократических принципов. С тех пор опубликована обширная научная литература и многие авторы [7; 9] делали попытки концептуализации новых форм демократических систем (или типов демократий), которые, по мнению исследователей, возникают в процессе глобальных изменений на рубеже XX и XXI вв. В частности, Р. Инглхарт утверждает, что переход от индустриализации, как этапа культурной трансформации, характеризующегося бюрократизацией, рационализацией, централизацией и секуляризацией общества, к постиндустриальному развитию влечет

за собой другой этап — усиление роли личной автономии и самовыражения. Постиндустриальная модернизация приводит, по его мнению, к смене стратегии — от максимизации материальных ценностей к увеличению благополучия людей за счет изменения образа жизни. Тем самым на смену политическим баталиям на основе социального и классового конфликта приходят разногласия по вопросам культуры и качества жизни [6, с. 169–170]. Если вернуться к докладу Хантингтона с красноречивым названием «Кризис демократии», то стоит обратиться к обобщению проблем, названных в этом документе «Дисфункции демократии» [16, с. 161–168]. Таких «дисфункций» было обозначено четыре:

- делигитимизация власти (The Delegitimation of Authority);
- перезагрузка правительства (The Overloading of Government);
- дезагрегация интересов и потребностей (The Disaggregation of Interests);
- местнический подход в международных отношениях (Parochialism in International Affairs).

Проблемы, приведшие к кризису, по мнению авторов доклада, вызваны усложнением социальной и институциональной структуры общества, эрозией традиционных ценностей и расширением плюрализма частных интересов, в большинстве случаев противоречащих друг другу. Эти противоречия, сопровождаемые растущими потребностями граждан, приводят к тому, что демократические правительства не могут эффективно осуществлять свою политику. Традиционные демократические процедуры уже не в состоянии адекватно выравнивать весь спектр весьма противоречивых потребностей и запросов граждан, что приводит к массе конфликтов и устойчивой позиции недоверия правительствам. Демократические государства становятся площадкой для согласования противоречивых интересов, а не политическими институтами, предназначенными для достижения общих целей. В целом, через четверть века после Второй мировой войны были сняты ограничения на торговлю и инвестиции и открыта общая экономика экономически развитых стран. Однако во времена экономического дефицита, инфляции и возможного долгосрочного экономического спада давление в пользу национализма и неомеркантилизма усиливается, а демократические политические системы оказываются особенно уязвимыми для такого давления со стороны промышленных групп, региональной власти и профсоюзных организаций, которые считают себя неблагоприятно затронутыми иностранной конкуренцией. Тем самым снижается способность правительств решать внутренние социальные и экономические проблемы, а также растет неуверенность людей в том, что законодательные органы смогут решать эти проблемы.

Обратившись к этой проблеме, Р. Даль сформулировал четыре вызова, которые, по его мнению, угрожают развитию демократии:

- нарастающее экономическое неравенство;
- интернационализация и глобальная культурная дивергенция;
- проблемы гражданского просвещения;
- обеспечение компетенции граждан при обсуждении и принятии решений по социально-значимым вопросам [5].

Вполне естественно, что принципы и механизмы осуществления демократического процесса претерпевали существенные изменения по мере развития и усложнения институциональной картины, которая трансформировалась, в том числе, и в ходе различных общественных и социокультурных трансформаций, а также глобальных изменений.

Можно выделить два фактора трансформаций, которые, несомненно, повлияли на развитие политических систем и демократических институтов в конце XX — начале XXI в.

Во-первых, — это ликвидация биполярного мира и прекращение жесткой конфронтации между «западным» миром и «восточным блоком» (социалистическим

лагерем). Ликвидация изоляции экономических систем существенно способствовала объединению экономических и финансовых систем и развитию глобализации.

Вторым важным фактором изменений выступает процесс глобализации, влекущий за собой снижение роли национальных государств и все возрастающую зависимость от кризисов мировой экономики. Это, в свою очередь, приводит и к уменьшению возможностей поддерживать «социальное государство», обеспечивающее оптимальный уровень качества жизни своих граждан за счет перераспределения ресурсов национальных бюджетов. На этот фактор обращает внимание Ю. Хабермас, подчеркивающий нарастающее противоречие между «социальным государством» и демократическими ценностями, с одной стороны, и экспансией глобализирующихся рынков, с другой [8].

Глобальные изменения, которые постепенно нарастали с 1980-х гг., вызвали к жизни целый комплекс научно-технических разработок (персональные компьютеры, Интернет, мультимедиа, интернет вещей и т. п.), которые позволили не только развивать новые рынки, но и «сгладить» ряд негативных последствий глобализации, создавая новые компоненты повышения качества жизни человека. В теоретическом плане эти явления нашли отражение в концепциях развития «информационного общества», «электронного правительства», «электронной демократии», «электронного участия».

Концентрируя внимание на указанных феноменах как на новом механизме обеспечения взаимодействия власти и общества, следует подчеркнуть, что определяющую роль играют не технологии, а специфика социально-экономической и политической системы, в рамках которой реализуются данные проекты.

В этой связи представляет интерес классификация моделей демократии Д. Хелда, описывающая различия и специфику демократического процесса в разные эпохи и в различных экономико-политических условиях. Она включает в себя как классические модели, представляющие различные модификации демократического процесса в истории развития экономических и политических систем, так и новые модели, интересные с точки зрения современных глобальных трансформаций и развития электронной среды взаимодействия власти и общества. Для нашего анализа представляют интерес четыре из указанных Д. Хелдом моделей: «легитимная демократия» [9, с. 341–342], «демократия участия» [9, с. 353–354], «совещательная демократия» [9, с. 417–418] и «демократическая автономия» [9, с. 462–464].

Завершая краткий обзор подходов к анализу представлений о трансформации демократии в современных условиях перманентной модернизации, обозначим направленность нашего исследовательского интереса и концепцию представляемой статьи.

Электронное участие и инициативное бюджетирование в концепции «умного города»: подходы к исследованию

Одним из направлений вышеупомянутого исследовательского проекта является анализ развития электронного участия в российских регионах, для чего была разработана методика мониторинга порталов электронного участия и проведено два этапа их оценки [12]. В ходе обследования и обобщения материалов мы столкнулись с рядом проблем концептуального и методического свойства, в частности, с отсутствием классификации каналов электронного участия. Стало понятно, что необходимо доработать модель электронного участия, вычленив разнообразие и специфику каналов взаимодействия с властью и привязав к концепции «умного города» как максимально адекватной целям и задачам нашего исследования.

Важным аспектом, который необходимо учитывать при институциональном моделировании, является целеполагание власти, так как легитимные инструменты электронного участия создаются и развиваются в соответствии с нормативными документами или инструкциями, утверждаемыми на федеральном или региональном

уровнях. В начале 2019 г. в рамках стартовавшей программы «Цифровая экономика» было определено «место» и целевая задача для механизмов электронного участия в проектах «Умного города», а также сформулирован перечень требований к соответствующим ресурсам, что помогло зафиксировать специфику целеполагания власти.

Обратившись к научным исследованиям в этой сфере, можно зафиксировать, что популярность проектов и программ «умных городов» вызвала интерес к изучению онлайн-механизмов участия граждан [18], поскольку от оптимальности «обратной связи» зависит эффективность функционирования всей интегрированной социотехнической системы «Умного города». В научных исследованиях, развивающих концепцию электронного управления [19], информационные технологии и системы рассматриваются, прежде всего, как фактор роста эффективности государственного и муниципального управления через повышение прозрачности и подотчетности власти, снятие межведомственных барьеров и автоматизацию ряда технологических процессов. Исследователи смотрят на управление «умным городом» с точки зрения наращивания общественных ценностей [20]. Многими авторами «Умный город» рассматривается, в первую очередь, как серия инновационных проектов в области совершенствования городской среды и система управления городом посредством внедрения современных информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) [14; 21]. Эти подходы сближают концепцию «Умного города» с электронным правительством и электронным участием.

В Российской Федерации связь проектного направления «Умный город» с технологиями и процедурами электронного участия была осуществлена в 2018–2019 гг. в рамках национального проекта «Цифровая экономика». Минстрой России (координатор компонента «Умный город» в нацпроекте) в марте 2019 г. утвердил «Базовые и дополнительные требования к умным городам (стандарт «Умный город»)»[1]. В этом документе в качестве первоочередного мероприятия, обязательного для всех городов с населением свыше 100 тыс. жителей, обозначено создание цифровой платформы вовлечения граждан в решение вопросов городского развития («Активный горожанин»). 2020 год обозначен как контрольный срок выполнения.

В контексте концепции «Умного города» использование ИКТ способствует сбору и предоставлению данных, информации и знаний, влияя на повседневную жизнь и повышая ее качество благодаря электронным услугам, более глубокому вовлечению граждан в управление городом и активной роли посредством механизмов электронной демократии и электронного участия [17]. В рамках «умного города» технологии «умного управления» (Smart Governance) обеспечивают комплексное использование ИКТ, электронные консультации между органами государственной власти и гражданами, возможности для предоставления открытых данных. В связи с этим исследование процесса участия граждан в принятии решений в публичной сфере может способствовать пониманию феномена умного управления, расширить исследовательские возможности для оценки текущих событий в области управления и дальнейшей контекстуализации практических значений цифровых трансформаций [15].

Важное значение для выстраивания обратной связи в проектах, связанных с развитием территорий, имеет инициативное (партисипаторное) бюджетирование. По мнению экспертного сообщества, внедрение практики инициативного бюджетирования (ИБ) стало одной из наиболее эффективных методик вовлечения граждан в бюджетный процесс и принятие решений на местном уровне. ИБ — это совокуп-

[1] Базовые и дополнительные требования к умным городам (стандарт «Умный город») [Электронный ресурс] / Минстрой РФ, утв. 04.03.2019. URL: http://www.minstroyrf.ru/docs/18039/ (проверено 20. 09. 2019).

ность разнообразных, основанных на гражданской инициативе, практик по решению вопросов местного значения при непосредственном участии граждан в определении и выборе объектов расходования бюджетных средств, а также последующем контроле над реализацией отобранных проектов [2, с. 2]. На наш взгляд, электронные системы ИБ в сочетании с правилами и процедурами являются частью системы электронного управления и компонентом электронного участия. Исследования показывают, что участие граждан в бюджетном процессе позволяет оценить оптимальность формирования бюджета и эффективность расходования средств налогоплательщиков [13]. Таким образом, с развитием практики ИБ основной акцент исследований бюджетного процесса сместился с аспектов открытости и доступности бюджетной информации на вопросы, где и как расходуются бюджетные средства.

В России развитие инициативного бюджетирования началось относительно недавно, в 2007 г., в то время как в мире этот процесс идет с 1989 г., когда появились первые практики участия граждан в решении вопроса о направлениях расходования бюджетных средств на местном уровне. На сегодняшний момент существует уже довольно много научных исследований, посвященных изучению различных аспектов этого вопроса.

Так, общее понятие инициативного бюджетирования в России, его состояние, тренды и перспективы дальнейшего развития рассмотрены в работах И. С. Анцыферовой [1], В. В. Вагина и Н. А. Шаповаловой [3], в том числе проанализированы социальные эффекты инициативного бюджетирования и другие вопросы. Особое значение в дальнейшей имплементации этих инициатив имеет вопрос мониторинга развития инициативного бюджетирования, совершенствования соответствующих методик и практик [4]. Эффективность реализации проектов ИБ напрямую зависит от качества их мониторинга и оценки. Более того, грамотная оценка и мониторинг проектов ИБ позволяют не только оценить реальные потребности в инвестициях и необходимые условия, но и выбрать соответствующие оптимальные решения, выявить факторы, способные повлиять на фактические результаты проектов, помогает скорректировать процесс их реализации. Таким образом, мониторинг развития инициативного бюджетирования представляет собой систематическую деятельность, направленную на отслеживание хода и результатов реализации программ и практик ИБ на основе регулярного измерения ряда параметров (показателей) [4].

На сегодняшний момент в мировой практике существует множество методик оценки проектов инициативного бюджетирования. Однако отсутствие эффективной выверенной международной методологии оценки результатов проектов ИБ затрудняет возможность разработки системы, направленной на сравнение достижений конкретной практики ИБ с мировой, что, в свою очередь, затрудняет реализацию инициативного бюджетирования в целом. В этой связи важным компонентом методологии должен стать комплекс показателей, оценивающих эффективность использования методов и технологий электронного взаимодействия граждан и органов власти в бюджетном процессе.

Анализируя инициативы партисипаторного бюджетирования в контексте реализации механизмов электронного участия в умном городе, следует отметить, что в настоящее время существует разрыв между исследованиями электронного управления (E-Governance), электронного правительства (E-Government), открытого правительства (Open Government), с одной стороны, и инициативного бюджетирования, с другой. Первая группа явлений изучается специалистами в области государственного управления, государства, информационных систем, открытых данных и др., а инициативное бюджетирование изучается, как правило, специалистами по муниципальным финансам и урбанистами. Имеется еще исследовательская линия, ориентированная на изучение «умного города» (Smart City), которая привлекает широ-

кий спектр дисциплин — от информатиков, до социологов. В связи с этим существуют три направления исследований (электронное правительство, инициативное бюджетирование, умный город), которые почти не пересекаются. Соответственно, в данной работе авторы пытаются преодолеть этот пробел, включив инициативное (партисипаторное) бюджетирование в качестве компонента в институциональную модель, описывающую специфику функционирования электронного участия в умном городе.

Институциональная модель как методическая основа исследования

Для решения задачи выявления места и роли инициативного бюджетирования в системе обратной связи при реализации социально значимых проектов предлагается использовать институциональную модель функционирования электронного участия в умном городе [4]. Идея представления проектов «умного города» в виде шести базовых блоков (сфер) основывается на подходе, разработанном в Венском техническом университете (Technical University Vienna) и отработанным в ходе серии исследований «European Smart Cities» [11]. Базисом модели являются институциональная среда устойчивого развития города / региона (рис.), включающая институты гражданского общества и основных акторов взаимодействия (граждане, общественные организации и бизнес). Логика модели предполагает, что проекты «Умного города» в ходе своей реализации приносят эффекты, влияющие на институциональную среду устойчивого развития города, где и формируется «обратная связь», которая через действия акторов, использующих один из каналов коммуникации с властью (технологии, методы и процедуры электронного участия граждан в управлении муниципалитетом / регионом), поступает в органы управления. Естественно, как любая модель, эта конструкция представляет некие идеальные представления о логике процессов и их взаимосвязи. При этом практическая значимость такого подхода заключается в возможности декомпозиции явлений и процессов на составляющие для выявления зависимостей с последующим вычленением индикаторов, которые позволяют замерить ход изменений и выявить эффекты и последствия принимаемых решений (в том числе по старту конкретных проектов).

Модель и логика представления связей ориентирована на обозначение роли технологий и методов инициативного бюджетирования в процессах принятия решений и реализации социально значимых проектов, ориентированных на совершенствование институциональной среды устойчивого развития города / региона. Мы видим, что в модели выделены пять сфер: базовая среда устойчивого развития и гражданское общество; институты власти и управления; между ними расположена институциональная среда электронного участия. Справа и слева располагаются два блока, которые представляют сферу проектов: проекты «умного города» и проекты инициативного бюджетирования.

В представляемой модели обратная связь обрабатывается органами управления (на схеме обозначены как «местная / региональная администрация») и через проекты «умного города» реализуются для устойчивого развития территории. При этом предполагается, что проекты «умного города» относятся не только к категории цифровых, а фактически являются системой, обеспечивающей функционирование всего городского хозяйства, от уборки тротуаров, ремонта дорог, оптимизации движения транспорта до высокотехнологических задач и процессов. Подразумевается, что каналы электронного взаимодействия будут постепенно вытеснять офлайновые формы, хотя полностью их не заменят.

На схеме выделена сфера инициативного бюджетирования, которая играет весьма важную роль (конечно, пока как идеальный образ будущего), аккумулируя потребности граждан и других институтов гражданского общества по вопросам приоритет-

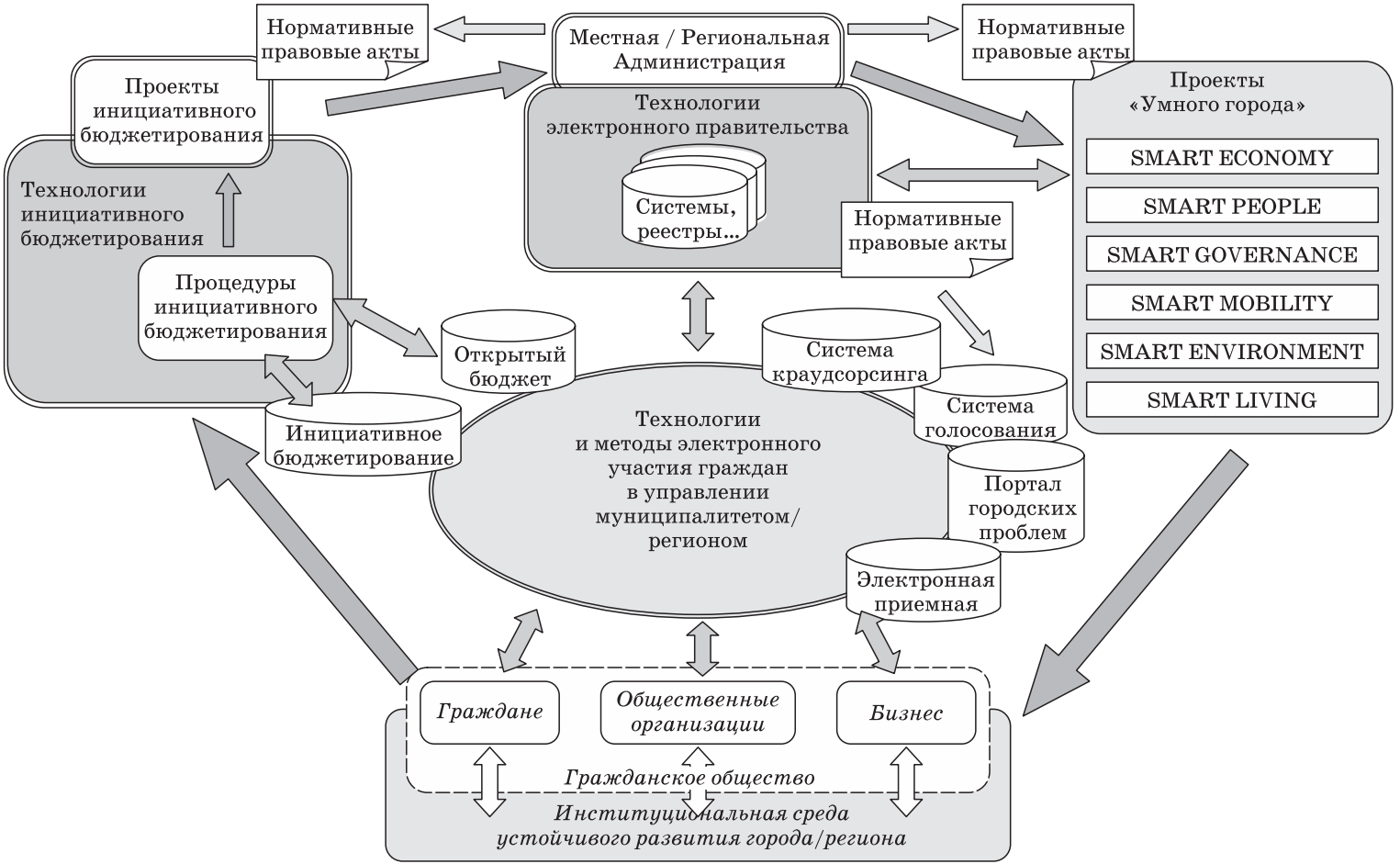


Рис. Институциональная модель инициативного бюджетирования и электронного участия в умном городе
Fig. Institutional model of proactive budgeting and e-participation in a smart city

ности тех или иных проектов развития городской среды. При этом нельзя абсолютизировать роль цифровых технологий в виде информационных систем (порталов) ИБ, в ряде случаев, помогающих при реализации процедурных моментов и обобщения мнения отдельных граждан и донесения позиции экспертов и сотрудников органов власти по конкретным вопросам и проблемам. Поэтому на схеме информационные системы ИБ и открытого бюджета (отнесенные к среде электронного участия) связаны с процедурами ИБ лишь информационными связями. Следует отдельно обратить внимание, что сама сфера проектов инициативного бюджетирования связана темными стрелками, поднимающимися от гражданского общества к органам управления и далее через реализацию проектов развития города к совершенствованию институциональной среды. При этом следует иметь в виду, что инициативное бюджетирование в настоящее время имеет весьма ограниченное «электронное» представление и требует существенной работы в офлайне. Однако, на наш взгляд, этот канал необходимо учитывать и в модели электронного участия граждан, поскольку, с одной стороны, можно прогнозировать постепенное усиление онлайновой составляющей, в том числе, через задействование методов краудсорсинга, а с другой — этот канал важен, так как представляет собой не только информационное взаимодействие с властью, а дает возможность гражданам, бизнесу и общественным движениям реализовывать проектные действия по совершенствованию среды обитания в целях устойчивого развития.

Таким образом, мы в нашей схеме вычленяем не только информационные каналы взаимодействия (помечены серыми стрелками), но и «деятельностные» (помечены темными стрелками), которые также замыкаются в общий цикл с обратной связью. Для эффективного функционирования всей системы обратной связи важное значение имеют и другие составляющие экосистемы электронного участия (помимо систем ИБ и открытого бюджета): электронные приемные, порталы городских проблем (например, «Наш Петербург»), системы голосования («Активный гражданин»), а также системы краудсорсинга и петиций граждан.

Важным компонентом, в существенной степени управляющим всеми компонентами модели, выступает нормативная правовая база. На схеме она сконцентрирована в трех узлах, обозначающих области нормативного регулирования: электронное участие, проекты «Умного города» и инициативного бюджетирования. В настоящее время и, видимо, в обозримом будущем сохранится различный уровень проработки нормативной базы этих процессов. Можно также предположить, что отсутствие системного подхода и ведомственный принцип формирования нормативной базы в сфере цифровых трансформаций еще долго будет существенным барьером при реализации комплексных проектов и программ, к которым, несомненно, относятся проекты инициативного бюджетирования, электронного участия и «умного города».

Модель демонстрирует превалирование институционального подхода в нашем исследовании, что определяет и методику выявления индикаторов оценки эффективности проектов инициативного бюджетирования. Ниже представлены промежуточные результаты исследования этого вопроса.

Сопоставление методик оценки проектов инициативного бюджетирования

Важность разработки эффективной методологии сравнительной оценки проектов и инициатив партисипаторного бюджетирования, содержащей национальную специфику развития социально-политических систем, определяется объективными и субъективными условиями и спецификой развития институциональной сферы конкретной страны. Следует отметить, что в настоящее время не существует единой методологии оценки практик инициативного бюджетирования, с помощью которой можно было бы отслеживать динамику развития и эффективность таких проектов и инициатив.

С целью выявления методик, направленных на изучение аспекта вовлеченности и участия граждан в проектах ИБ, была собрана информация и проанализированы девять основных методик оценки подобных инициатив (табл. 1)[1].

Таблица 1

Целеполагание методик оценки различных аспектов развития проектов инициативного бюджетирования

Table 1. Targeting of methods of evaluation of various aspects of development of proactive budgeting projects

№	Методика	Цели, задачи и основная направленность
1.	Индекс открытости бюджета (Open Budget Index Ranking)[1]	Оцениваются три компонента: доступность информации о бюджете для общественности; возможности для общественности участвовать в бюджетном процессе; роль и эффективность официальных контрольных организаций, включая законодательный орган власти и высший орган государственного аудита. Большинство критериев оценивают то, что происходит с открытостью бюджета на практике, а не то, что требуется по закону. В то же время универсальность применяемых принципов позволяет проводить сравнение бюджетных систем стран мира с разными формами государственного устройства, различным уровнем дохода и т. п. На основе опубликованного рейтинга индекса открытости бюджета международные эксперты готовят рекомендации для каждой страны, направленные на повышение доступности бюджета для общественности. Помимо общей оценки открытости бюджета Международное бюджетное партнерство проводит оценку и участия общественности в бюджетном процессе
2.	Методология Международной обсерватории по партисипаторной демократии (Methodology of International Observatory on Participatory Democracy) (IOPD)[2]	Направлена на оценку содействия проектов внедрению инновационного опыта в местном масштабе и расширение практики участия граждан. Инициативы оцениваются с точки зрения следующих критериев: повышение бюджетной грамотности и бюджетной дисциплины населения; повышение лояльности и уровня доверия к правительству; экономия бюджетных средств; решение неотложных и приоритетных задач (в регионе), достижение равенства в плане участия, расширение прав и возможностей политического участия граждан, повышение качества принятия государственных решений с помощью механизмов партисипаторной демократии; повышение эффективности механизмов представительной демократии, улучшение оценки и отслеживание механизмов демократии участия
3.	Инструментарий самооценки партисипаторного бюджетирования	Направлен на повышение эффективности практик инициативного бюджетирования, усиление контроля качества услуг, предоставляемых в общинах. Позволяет оценить степень расширения прав и возможностей общин путем

[1] Авторы выражают благодарность магистранту Университета ИТМО Р. А. Неустроевой за помощь в сборе и обработке информации по методикам оценки проектов инициативного бюджетирования.

Продолжение табл. 1

№	Методика	Цели, задачи и основная направленность
	(Participatory Budgeting Self-Evaluation Toolkit of PB Unit)[3]	вовлечения местных граждан в определение приоритетов расходов местного бюджета и потенциала для инвестиций; степень социальной сплоченности, укрепления демократии и повышения потенциала общин. Проекты рассматриваются в контексте обеспечения более конструктивных партнерских отношений между жителями, должностными лицами, органами власти и общественными организациями
4.	Инструментарий оценки партисипаторного бюджетирования Глазго (Glasgow's Participatory Budgeting Evaluation Toolkit)[4]	Инструментарий предполагает оценку проектов ИБ (в том числе, исследование участия общественности в проектах; анализ влияния результатов на решение социальных проблем и пр.). С помощью данной методики можно оценить позиции, по которым можно улучшить производительность/результаты и влияние в будущих процессах. Инструментарий позволяет оценить ключевые аспекты процесса реализации проектов: планирование, процесс и воздействие
5.	Национальная оценка партисипаторного бюджетирования в Англии (National Evaluation of Participatory Budgeting in England)[5]	Методика ориентирована на выявление содействия проектов ИБ местному самоуправлению и участию общин. Оценивается, каким образом ИБ может изменить основные услуги в сферах: привлечения дополнительных средств в неблагополучные районы путем обеспечения эффективного распределения ресурсов; повышения уровня и качества информации, доступной для обслуживания граждан; расширения возможностей основных поставщиков услуг на местном уровне по обслуживанию маргинальных групп путем открытия новых каналов их вовлечения; максимизации полезного воздействие и эффективности затрат
6.	Оценка партисипаторного бюджетирования Кембриджа (Cambridge Evaluation of PB)[6]	Методика направлена на оценку масштабов и глубины участия резидентов в проектах ИБ. Базируется на анализе количественных данных (опросы) и качественных данных (индивидуальные интервью и интервью в малых группах, опрос избирателей, обследование этапов процесса, общий обзор обратной связи — распространяется на все заинтересованные стороны после объявления результатов).
7.	Методика рейтинга субъектов РФ по уровню открытости бюджетных данных в 2019 году[7]	Методика устанавливает ориентиры передовой практики в отношении содержания и доступности бюджетных документов, а также использования отдельных инструментов общественного участия в бюджетном процессе. Направлена на повышение эффективности бюджетных расходов; обеспечение открытости и доступности для граждан информации об управлении общественными финансами; повышение доверия населения к органам государственной власти; развитие института местного самоуправления; расширение участия граждан в государственном управлении

Окончание табл. 1

№	Методика	Цели, задачи и основная направленность
8.	15 ключевых метрик оценки партисипаторного бюджетирования. Инструментарий для специалистов по оценке и имплементации (ИБ в Северной Америке – США и Канада) (15 Key Metrics for Evaluating Participatory Budgeting)[8]	Методика направлена на определение потенциального воздействия ИБ в трех аспектах: 1) Гражданская и политическая жизнь (повышение гражданской активности и участия; содействие сотрудничеству между организациями гражданского общества и правительством); 2) Вовлечение и равенство (вовлечение маргинальных сообществ и групп; содействие справедливому распределению ресурсов); 3) Правительство (доля реализованных проектов из числа выигравших; дополнительные ресурсы на имплементацию проектов; правительственные расходы на реализацию проектов ИБ)
9.	Общая оценка и оценка влияния пилотных проектов. Проект EMPATIA (Evaluation and Pilots Impact Assessment. EMPATIA Project)[9]	Проект EMPATIA был создан для разработки, внедрения и оценки согласованных систем участия и инструментов их оптимизации. Направлен на техническую оценку и оценку воздействия в пилотных проектах и других приложениях, где используется платформа EMPATIA. Предполагается, что внедрение данной платформы будет содействовать инклюзивности, высокому качеству обсуждения, улучшению механизмов голосования, прозрачности, подотчетности, вовлечению граждан в политику и в целом улучшению демократии

[1] Open Budget Index Rankings. 2017. URL: https://www.internationalbudget.org/open-budget-survey/open-budget-index-rankings/

[2] IOPD Award Best Practice in Citizen Participation. URL: https://oidp.net/distinction/en/ электронного участия граждан // Информационные ресурсы России. 2019. № 6.

[3] Participatory Budgeting Self-Evaluation Toolkit of PB Unit. URL: https://pbnetwork.org.uk/wp-content/uploads/2016/02/PBunit-self-evaluation-Toolkit.pdf

[4] Glasgow's Participatory Budgeting Evaluation Toolkit. URL: http://whatworksscotland.ac.uk/wp-content/uploads/2017/06/ParticipatoryBudgetingEvaluationToolkit.pdf

[5] Communities in the Driving Seat: a Study of Participatory Budgeting in England. Final Report. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/6152/19932231.pdf

[6] Evaluating the Inaugural Participatory Budgeting Process in the City of Cambridge (2014–2015). URL: https://d3n8a8pro7vhmx.cloudfront.net/cambridgema/pages/181/attachments/original/1439245835/Evaluating_the_Inaugural_PB_process_in_Cambridge_-_FINAL_with_ballot.pdf?1439245835

[7] Методика составления рейтинга субъектов Российской Федерации по уровню открытости бюджетных данных в 2019 году. URL: https://www.nifi.ru/images/FILES/Ratings/2019/Metodika2019.pdf (дата обращения: 25.10.2019).

[8] 15 Key Metrics for Evaluating Participatory Budgeting. The Participatory Budgeting Project, New York, 2016. URL : https://www.publicagenda.org/pages/15-key-metrics-for-evaluating-participatory-budgeting

[9] EMPATIA. Evaluation and Pilots Impact Assessment (Final). 2018. URL: https://empatia-project.eu/wp-content/uploads/2018/09/D4.2-Evaluation-and-Pilots-Impact-Assessment-final.pdf

Основываясь на анализе целеполаганий, мы исключили из последующего исследования методики, ориентированные главным образом на вопросы специфики бюджетного процесса, прозрачности бюджета, технической оценки сайтов, обра-

Таблица 2

Индикаторы оценки проектов инициативного бюджетирования
Table 2. Evaluation indicators for proactive budgeting projects

Группа показателей, индикатор	Рейтинг РФ ИБ / ОБ	Оценка ИБ UK	Оценка ИБ US-CA
I. Граждане			
1.1. Доступность ИБ процессов (сбор идей, разработка проектов, голосование)	2	0	1
1.2. Образовательная среда: школы / семинары / тренинги	2	0	0
1.3. Софинансирование проектов гражданами	2	0	0
II. Правительство и стейкхолдеры			
2.1. Представительство администрации	2	2	0
2.2. Охват муниципалитетов	2	0	0
2.3. Заинтересованные стороны / бенефициары /целевые группы (включая общ. орг., бизнес, лоббистское влияние)	1	2	2
III. Финансирование ИБ			
3.1. Соотношение суммы денежных средств, выделенных ИБ из бюджета	2	2	2
3.2. Дополнительные фонды	2	0	2
3.3. Уровень институциональной поддержки	2	2	0
IV. Процедуры			
4.1. ИБ процедуры	2	1	0
4.2. Информационная поддержка, публичность (медиастратегия проекта и др.)	2	0	0
4.3. Установленные цели проекта	1	2	0
V. Результаты			
5.1. Показатели завершенности (своевременность и полнота реализации проекта)	0	1	2
5.2. Показатели управления рисками (барьеры и критические факторы успеха)	0	2	0
5.3. Методология оценки (итоги и результаты)	1	2	0

зовательного компонента, удовлетворения потребностей общин, а также методики, где отсутствуют позиции анализа затрат и выгод для «мягких» результатов (‘soft’ outcomes). Тем самым, для дальнейшего исследования были отобраны следующие методики оценки инициатив ИБ:

- Национальная оценка партисипаторного бюджетирования в Англии (далее Оценка ИБ UK — позиция 5 в табл. 1);
- Методика составления рейтинга субъектов РФ по уровню открытости бюджетных данных в 2019 г. (далее Рейтинг РФ ИБ/ОБ — позиция 7 в табл. 1);
- 15 ключевых показателей оценки партисипаторного бюджетирования: инструментарий для специалистов по оценке и имплементации (далее Оценка ИБ USA-Ca — позиция 8 в табл. 1).

На следующем этапе исследования выбранные методики были проанализированы по конкретным показателям с группировкой по пяти разделам (табл. 2).

Наличие, частичное представление или отсутствие конкретного показателя в соответствующей методологии было обозначено соответственно цифрами "2", “1” и "0". Результаты анализа представлены в табл. 2.

Стоит отметить, что в российской методологии показатели оценки проектов ИБ являются частью методологии оценки проектов «Открытого бюджета». Это обусловлено сравнительно недавним развитием практики ИБ в России, следовательно, отсутствует опыт разработки отдельной соответствующей методологии.

На основании данных табл. 2 можно сделать вывод о повышенном акценте в российской методологии на аспекты взаимодействия с гражданами, в то время как две другие методологии демонстрируют отсутствие показателей в этом измерении. Это, на наш взгляд, обусловлено слабым развитием механизмов и практик гражданского участия в России, в то время как в западных практиках аспект гражданского участия является безусловным. Соответственно в развитом гражданском обществе «измерение» уровня участия граждан в проектах инициативного бюджетирования просто бессмысленно, так как сами процедуры ИБ предполагают это участие. Кроме того, исходя из данных таблицы, российская методология, в основном, ориентирована на аспекты оценки процедур ИБ, в отличие от британской и североамериканской методологий. Это также можно объяснить многолетней практикой взаимодействия всех политических акторов в западных демократиях, а следовательно, наличием развитых механизмов электронного участия.

Заключение

Исследование институциональных аспектов развития инициативного бюджетирования в контексте функционирования электронного участия и проектов «умного города» предполагает решение следующих задач:

1) Изучение международного и отечественного опыта; сравнительный анализ практик ИБ и создания электронных систем (изучение электронного инициативного бюджетирования на региональном и муниципальном уровне). Основное внимание в аналитическом исследовании уделяется выявлению связей и взаимодействий между этими методами и системами с концепциями и практиками развития компонентов умного города и электронного участия.

2) Разработка принципиальной схемы институционального взаимодействия (институциональной модели) функционирования системы инициативного бюджетирования и электронного участия граждан как компонентов обратной связи в развивающейся социально-технической системе умного города. Институциональная модель будет уточняться и совершенствоваться в ходе проведения последующих исследований и обобщения данных тематических исследований и передового опыта.

3) Сравнительный анализ подходов и методов оценки эффективности систем и проектов инициативного бюджетирования, электронного участия и умного города. На основе результатов этого исследования можно будет сформулировать набор показателей и параметров, необходимых для моделирования и апробации разработанной принципиальной институциональной схемы взаимодействия этих трех компонентов с целью выявления факторов, способствующих / препятствующих оптимальному функционированию экосистемы обратной связи в «умном городе».

Сравнительное исследование методик ИБ было проведено с целью подготовки к разработке методики оценки эффективности инициатив ИБ в Российской Федерации. Следовательно, инициативное бюджетирование рассматривается в данной работе и как механизм совершенствования проектного управления, и как один из каналов обратной связи между гражданами и властью, так как компонент гражданского участия, которое все чаще реализуется в электронном виде.

Анализ показателей оценки ИБ проектов выявил взаимосвязи между выделенными группами параметров и основными институциональными блоками инициативного бюджетирования и электронного участия в модели умного города (рис. 1): граждане, бизнес и государство. Результаты анализа могут служить основой для формирования набора показателей при тестировании разработанной модели на конкретных случаях реализации проектов по развитию компонентов умного города. Эта работа будет проводиться на следующем этапе нашего исследовательского проекта.

Следует также отметить, что при институциональной поддержке органов государственной власти ИБ может быть не только эффективным инструментом электронного участия, обеспечивающим диалог с государственными учреждениями, но и специфической формой гражданского участия в виде конкретных проектов с финансовой поддержкой. В связи с этим, задачу учета факторов ИБ при создании цифровой модели города планируется рассматривать как компонент создания системы управления проектами в рамках деятельности проектного офиса «Умный Санкт-Петербург». Это может стать важной составляющей продвижения проектов «умного города» при развитии процессов цифровой трансформации, особенно в крупных городах. Таким образом, на следующих этапах работы исследовательская группа планирует развивать данное направление в контексте взаимодействия с проектным офисом «Умный Санкт-Петербург».

Кроме того, дальнейший анализ методик оценки ИБ будет направлен на изучение практик в части проектов, ориентированных на компоненты цифровой трансформации и развития умного города. Следовательно, эмпирические результаты данного исследования могут быть использованы в качестве теоретической основы для разработки новой актуальной методологии, учитывающей указанные выше компоненты.

В ближайшей перспективе авторы предполагают использовать для исследования взаимодействие с международным проектом в рамках программы Interreg Европейского Союза, ориентированной на изучение и внедрение лучших практик ИБ в странах региона Балтийского моря. Это может предоставить информационную базу для комплексного анализа в регионах Северо-Западного федерального округа России и странах Балтийского моря.

Литература

1. *Анцыферова И. С.* Социальный проект инициативного бюджетирования // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2018. № 2. С. 205–207.
2. *Вагин В. В., Шаповалова Н. А.* Инициативное бюджетирование и смежные практики // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2016. № 38. С. 2–19.
3. *Вагин В. В., Шаповалова Н. А.* Информационное сопровождение инициативного бюджетирования: содержание и принципы успешной реализации // Власть. 2016. Т. 24, № 12. С. 63–69.
4. *Вагин В. В., Шаповалова Н. А., Гаврилова Н. В.* Мониторинг развития инициативного бюджетирования: методика и практика организации // Научно-исследовательский финансовый институт. Финансовый журнал. 2019. № 2 (48). С. 51–64.
5. *Даль Р.* О демократии. М. : Аспект Пресс, 2000. С. 171–179.
6. *Инглхарт Р.* Модернизация и демократия // Демократия и модернизация. К дискуссии о вызовах XXI века / под ред. В. Л. Иноземцева. М. : Европа, 2010. С. 163–182.
7. *Мюллер Я.-В.* Споры о демократии. Политические идеи в Европе XX века. М. : Изд-во Института Гайдара, 2014. С. 332–343.
8. *Хабермас Ю.* Политические работы. М. : Праксис, 2005. С. 293–298.
9. *Хелд Д.* Модели демократии: 3-е изд. М. : Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2014.
10. *Чугунов А. В.* Взаимодействие власти и граждан в институциональной среде электронного участия // Власть. 2017. Т. 25, № 10. С. 59–66.

11. *Чугунов А. В.* Концепция «Умного города»: функционирование механизмов обратной связи в контексте электронного участия граждан // Информационные ресурсы России. 2019. № 6. С. 21–27.
12. *Чугунов А. В., Кабанов Ю. А., Федяшин С. В.* Развитие электронных приемных в регионах Российской Федерации: результаты пилотного исследования в 2017–2018 гг. // Информационные ресурсы России. 2019. № 3. С. 32–36.
13. *Чулков А. С.* Опыт и перспективы применения в России инициативного бюджетирования // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. 2017. № 11 (419). С. 13–23.
14. *Caragliu A., Del Bo C. F.* Smart innovative cities: The impact of Smart City policies on urban innovation // Technological Forecasting and Social Change. 2019. Vol. 142. P. 373–383. https://doi.org/10.1016/j.techfore.2018.07.022
15. *Chugunov A., Cronemberger F. and Kabanov Y.* Contextualizing Smart Governance Research: Literature Review and Scientometrics Analysis // Communications in Computer and Information Science (CCIS). Springer, 2018. Vol. 858. P. 102–112. DOI: 10.1007/978-3-030-02843-5_9.
16. *Crozier M., Huntington S., Watanuki J.* The Crisis of Democracy: Report on the Governability of Democracies to the Trilateral Commission. New York : New York University Press, 1975. 227 p.
17. *Dameri R.* Using ICT in Smart City // Smart City Implementation. URL: https://www.researchgate.net/publication/308188925_Using_ICT_in_Smart_City (Retreived: 24.10.2019) DOI: 10.1007/978-3-319-45766-6_3
18. *E-Democracy* for Smart Cities. Advances in 21st Century Human Settlements / Ed. T. M. Vinod Kumar. Springer Singapore, 2017. 551 p. https://doi.org/10.1017/ 978-981-10-4035-1.
19. *Gil-Garcia J. R., Zhang J., Puron-Cid G.* Conceptualizing smartness in government: An integrative and multi-dimensional view // Government Information Quarterly. 2016. Vol. 33 (3). P. 524–534.
20. *Liu N., Gavino A., Purao S.* A Method for Designing Value-infused Citizen Services in Smart Cities // Proceedings of the 15th Annual International Conference on Digital Government Research (dg.o 2014). P. 34–43.
21. *Nam T., Pardo T.* Smart city as urban innovation: Focusing on management, policy, and context // Proceedings of the 5th international conference on theory and practice of electronic governance. 2011. P. 185–194. https://doi.org/10.1145/2072069.2072100.

Об авторах:

Чугунов Андрей Владимирович, директор Центра технологий электронного правительства Института дизайна и урбанистики Университета ИТМО (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат политических наук; chugunov@itmo.ru

Карачай Виталина Анатольевна, доцент Института дизайна и урбанистики Университета ИТМО (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат политических наук; vitalinakarachay@gmail.com

References

1. Antsyferova I. S. Social Project of Participatory Budgeting // Public and Municipal Governance. Scientific Notes [Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski]. 2018. № 2. P. 205–207. (In rus).
2. Vagin V. V., Shapovalova N. A. Participatory Budgeting and Related Practices// Financial Analytics: Problems and Solutions [Finansovaya analitika: problemy i resheniya]. 2016. № 38. P. 2–19. (In rus).
3. Vagin V. V., Shapovalova N. A. Information Campaign of Initiative Budgeting: the Content and Principles of Successful Realization // Power [Vlast']. 2016. V. 24, № 12. P. 63–69. (In rus).
4. Vagin V. V., Shapovalova N. A., Gavrilova N. V. The Monitoring of Initiative Budgeting Development in Russian Regions: Methodology and Practice of Organization // Financial Journal [Finansovyi zhurnal.]. 2019. № 2 (48). P. 51–64. (In rus).
5. Dal' R. About Democracy. Moscow : Aspect Press, 2000. P. 171–179 (In rus).
6. Inglhart R. Modernization and Democracy // Democracy and Modernization. Towards the Discussions About the Challenges of XXI Century / ed. by V. L. Inozemtsev. Moscow : «Europa» Publisher, 2010. P. 163–182 (In rus).
7. Muller Y. V. Disputes about Democracy. Political Ideas in Europe in XX Century. Moscow : Gaydar's Institute Publisher, 2014. P. 332–343 (In rus).

8. Habermas Yu. Political Works. Moscow : Praxis, 2005. P. 293–298 (In rus).
9. Held D. Models of Democracy: 3th Edition. Moscow : «Delo» of RANEPA, 2014. (In rus).
10. Chugunov A. V. Interaction between the Government and the Citizens in the Institutional Environment of Electronic Participation // Power [Vlast']. 2017. V. 25, № 10. P. 59–66 (In rus).
11. Chugunov A. V. Smart City Concept: Functioning the Feedback Mechanisms in the Context of Citizens' Electronic Participation // Information Resources of Russia [Informatsionnye resursy Rossii]. 2019. № 6. P. 21–27 (In rus)
12. Chugunov A. V., Kabanov Y. A., Fedyashin S. V. Development of the Electronic Receptions in the Regions of the Russian Federation: Results of the Pilot Study in 2017–2018 // Information Resources of Russia [Informatsionnye resursy Rossii]. 2019. № 3. P. 32–36 (In rus).
13. Chulkov A. S. Experience and Prospects of Participatory Budgeting Implementation in Russia // Accounting in Budgetary and Non-Profit Organizations [Bukhgalterskii uchet v byudzhetnykh i nekommercheskikh organizatsiyakh]. 2017. № 11 (419). P. 13–23. (In rus).
14. Caragliu A., Del Bo C. F. Smart innovative cities: The impact of Smart City policies on urban innovation // Technological Forecasting and Social Change. 2019. Vol. 142. P. 373–383. https://doi.org/10.1016/j.techfore.2018.07.022
15. Chugunov A., Cronemberger F. and Kabanov Y. Contextualizing Smart Governance Research: Literature Review and Scientometrics Analysis // Communications in Computer and Information Science (CCIS). Springer, 2018. Vol. 858. P. 102–112. DOI: 10.1007/978-3-030-02843-5_9.
16. Crozier M., Huntington S., Watanuki J. The Crisis of Democracy: Report on the Governability of Democracies to the Trilateral Commission. New York : New York University Press, 1975. 227 p.
17. Dameri R. Using ICT in Smart City // Smart City Implementation. URL: https://www.researchgate.net/publication/308188925_Using_ICT_in_Smart_City (Retreived: 24.10.2019) DOI: 10.1007/978-3-319-45766-6_3
18. E-Democracy for Smart Cities. Advances in 21st Century Human Settlements / Ed. T. M. Vinod Kumar. Springer Singapore, 2017. 551 p. https://doi.org/10.1017/ 978-981-10-4035-1.
19. Gil-Garcia J. R., Zhang J., Puron-Cid G. Conceptualizing smartness in government: An integrative and multi-dimensional view // Government Information Quarterly. 2016. Vol. 33 (3). P. 524–534.
20. Liu N., Gavino A., Purao S. A Method for Designing Value-infused Citizen Services in Smart Cities // Proceedings of the 15th Annual International Conference on Digital Government Research (dg.o 2014). P. 34–43.
21. Nam T., Pardo T. Smart city as urban innovation: Focusing on management, policy, and context // Proceedings of the 5th international conference on theory and practice of electronic governance. 2011. P. 185–194. https://doi.org/10.1145/2072069.2072100.

About the authors:

Andrei V. Chugunov, Director of the Center for Electronic Government Technologies of the Institute of Design and Urbanization of ITMO University (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Political Sciences; chugunov@itmo.ru

Vitalina A. Karachay, Associate Professor of the Institute of Design and Urbanization of ITMO University (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Political Sciences; vitalinakarachay@gmail.com

DOI 10.22394/1726-1139-2019-11-180-192

Дискурсивные практики в цифровой публичной сфере современной России: результаты и направления исследований*

Филатова О. Г.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация; o.filatova@spbu.ru

РЕФЕРАТ

Статья посвящена исследованию цифровых дискурсивных практик в контексте процессов, происходящих в современной российской политике. Автор делает вывод о том, что цифровая публичная сфера современной России претерпевает перемены, которые во многом предвидел Ю. Хабермас. В первой части статьи анализируются классические подходы к понятию «публичная сфера», прежде всего — подход Ю. Хабермаса, рассматриваются предлагаемые им модели функционирования публичной сферы и политической коммуникации. Во второй части статьи автор выявляет позиции исследователей по отношению к трансформациям публичной сферы, вызванным активным развитием Интернета и социальных медиа и предлагает собственную схему функционирования публичной сферы в цифровом обществе. В третьей части отдельное внимание уделяется дискурсивным практикам в цифровой публичной сфере. Приводятся результаты авторских исследований с использованием специальной методики дискурс-анализа. На основе анализа интернет-дискуссий по тематике повышения пенсионного возраста выявляются преимущества данной методики. В конце указываются дискуссионные моменты и направления дальнейших исследований в сфере цифрового публичного взаимодействия государства и граждан.

Ключевые слова: публичная сфера, делиберативная демократия, дискурс, интернет-дискуссия, дискурс-анализ, коммуникация

Для цитирования: *Филатова О. Г.* Дискурсивные практики в цифровой публичной сфере современной России: результаты и направления исследований // Управленческое консультирование. 2019. № 11. С. 180–192.

Discursive Practices in the Digital Public Sphere of Modern Russia: Results and Directions of Research

Olga G. Filatova

Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation); o.filatova@spbu.ru

ABSTRACT

The article is devoted to the study of digital discursive practices in the context of processes occurring in modern Russian politics. The author concludes that the digital public sphere of modern Russia is changing that was foreseen by J. Habermas. In the first part of the article classical approaches to the concept of “the public sphere” are analyzed and functional models of the public sphere and political communication are examined. In the second part of the article the author reveals the position of researchers in relation to the transformations of the public sphere caused by the active development of the Internet and social media and offers his own scheme for the functioning of the public sphere in a digital society. The third part focuses on discursive practices in the digital public domain. The results of author’s research using a special discourse analysis technique are presented. The advantages of this technique are revealed being based on the analysis of online

* Работа выполнена при поддержке РНФ, проект №18-18-00360 «Электронное участие как фактор динамики политического процесса и процесса принятия государственных решений».

discussions on the topic of raising the retirement age. At the end, discussion points and directions for further research in the field of digital public interaction between the state and citizens are indicated.

Keywords: public sphere, deliberative democracy, discourse, discussion, discourse analysis communication

For citing: Filatova O. G. Discursive Practices in the Digital Public Sphere of Modern Russia: Results and Directions of Research // Administrative consulting. 2019. No. 11. P. 180–192.

Введение

В последние несколько десятилетий понятие «публичная сфера» стало настолько широко и часто используемым, что, пожалуй, найдется мало интеллектуалов, которые бы не знали, кто такой Юрген Хабермас и как его работы связаны с этим понятием. Однако, начиная с периода активного развития социальных медиа, предметом интенсивных теоретических дебатов и многочисленных эмпирических исследований становится возникновение и существование *цифровой* публичной сферы, как онлайнового эквивалента традиционной, кажущейся уже несовершенной, «старой» публичной сферы. Цифровая публичная сфера определяется в основном как сфера онлайн-общения, участие в котором открыто и свободно доступно для всех, кто заинтересован в обсуждении вопросов, представляющих общий интерес. Современные исследования показывают, что отличительной особенностью цифровой публичной сферы является видимость результатов обсуждения или совместной работы для всех акторов сети [6, с. 60] и что, по крайней мере иногда, они влияют на процесс принятия решений другими людьми. В ряду таких исследований стоят и проведенные нами исследования, указанные в данной статье.

В первой части статьи мы коснемся классического понимания традиционной «старой» публичной сферы, во второй части — рассмотрим, какие изменения привнесла цифровая эпоха в понимание публичной сферы, а в третьей — попытаемся выявить дискурсивные практики цифровой публичной сферы в контексте современной российской политики и указать возможные направления дальнейших исследований.

«Классическое» понимание публичной сферы

Появление цифровой публичной сферы привлекло большое внимание исследователей в последние годы, потому что она была концептуализирована как дополнение или даже замена ранее существующей, «старой» концепции публичной сферы как важнейшего элемента современной демократии [26].

Концепт публичной сферы политической жизни принято рассматривать в контексте делиберативной теории, то есть как продолжение греческого идеала Агоры, городских залов заседаний колониальной эпохи в стиле Новой Англии, культуры парижских кафе или дискуссий в венском салоне прошлых веков. С этой точки зрения публичная сфера рассматривается как коммуникативное пространство, в котором заинтересованные стороны обсуждают вопросы, представляющие общий интерес таким образом, чтобы это соответствовало ряду амбициозных нормативных критериев. Эти критерии перечислены в ряде работ [см: 19; 26]:

- утверждения должны быть подкреплены соответствующими аргументами, достоверность которых может быть проверена другими;
- лучшие аргументы должны преобладать;
- участники должны попытаться понять аргументы других и попытаться увидеть ситуацию с их точки зрения;
- все должны быть честными и открытыми, прилагая искренние усилия, чтобы прийти к совместному выводу;

- все заинтересованные стороны должны быть допущены к участию, и должна присутствовать возможность обсудить все виды вопросов.

Юрген Хабермас утверждал, что эти амбициозные требования не выполняются в современных обществах, главным образом из-за «структурной трансформации публичной сферы» [22], в ходе которой средства массовой информации стали основным, но недостаточным форумом публичной делиберации. По словам Хабермаса, способы выбора и представления вопросов в СМИ смещены под воздействием экономических факторов и политических предпочтений. В результате средства массовой информации, в частности, серьезная пресса, будучи «спинным хребтом политической публичности» [10, с. 105], рассматриваются как важный форум, который дает преимущество влиятельным и институционализированным субъектам, исключая при этом более мелкие институты и гражданское общество, что подрывает публичную сферу.

Концепция публичной сферы в работах Ю. Хабермаса развивается от исторически-обусловленного «статуса публичного» до внеисторичной по своей природе посреднической системы демократической делиберации в рамках демократической политической системы (такую трансформацию, в частности, наглядно демонстрирует в своей работе С. Бодрунова [2]. В итоге Ю. Хабермас определил политическую публичную сферу как «промежуточную систему коммуникаций между, с одной стороны, формально организованными консультациями и переговорами в центре, а с другой — мероприятиями и неформальными разговорами на относящихся к гражданскому обществу обочинах политической системы» (рис. 1). Из этого «коммуникативного круговорота между центром и периферией должны возникать отрефлексированные общественные мнения — как собственные продукты публичной сферы» [10, с. 133]. Таким образом, «публичная коммуникация проявляет силу, стимулирующую и в то же время ориентирующую граждан для формирования

<table>
<tr><th>Модус коммуникации</th><th colspan="2">Арена политической коммуникации</th></tr>
<tr><td>Институционализированные дискурсы и переговоры</td><td colspan="2">Правительство, администрация, парламенты, суды и т. д.
Политическая система
(1) Государственные институты</td></tr>
<tr><td>Опирающаяся на массмедиа массовая коммуникация в разбросанных публичных сферах</td><td>Обнародованные мнения → Медиа-системы ← • Политики • Лоббисты • Акторы гражданского общества
Публика
Результаты опросов общественного мнения</td><td>(2) Политическая публичность</td></tr>
<tr><td>Коммуникация между адресатами</td><td colspan="2">Организованные и неформальные отношения, социальные сети и движения
Гражданское общество</td></tr>
</table>

Рис 1. Арены политической коммуникации
Fig. 1. Political communication arenas

Источник: [10, с. 133].

общественного мнения и волеизъявления, одновременно принуждая политическую систему к прозрачности и приспособлению [10, с. 109].

По мнению ученого, общественное мнение трудно «охватить эмпирически». Оно формируется «благодаря интуитивному преодолению воспринимаемых различий между опубликованными мнениями, в значительной степени определяемыми качественной прессой, с одной стороны, и распределениями мнений, полученными в репрезентативных опросах и отраженными в данных опросов — с другой. Поэтому они представляют собой трудно рассчитываемые равнодействующие между усилиями формирующих мнения элит и более или менее осознанными реакциями широкой и разнообразной массовой публики (рис. 2)

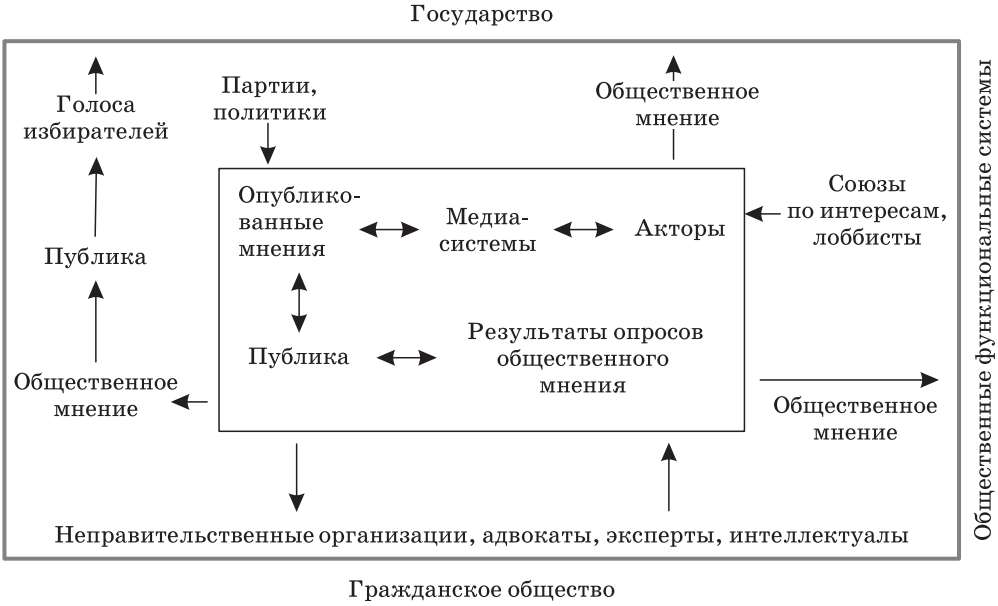


Рис. 2. Публичная сфера: что на входе и что на выходе
Fig. 2. Public sphere: what is at the entrance and what is at the exit?

Источник: [10, с. 138].

Исследования в области цифровой публичной сферы

Появление онлайн-СМИ в ряде научных работ трактуется как вторая структурная трансформация публичной сферы. Первые такие работы, которые внушали большие надежды и опасения относительно развития публичной сферы в интернете и ее влияния на общество, появились еще в конце 1990-х — начале 2000-х гг. Профессор М. Шафер обоснованно выделяет среди исследователей цифровой публичной сферы «кибероптимистов» и «киберпессимистов» [26]. Позиции «кибероптимистов», «утопистов» [23, с. 9] или «чистых энтузиастов» [18, с. 70] подчеркивали потенциальные преимущества цифровой публичной сферы, указывая, во-первых, на относительно открытый, простой и быстрый доступ к информации, который предоставляют онлайн-СМИ, во-вторых, подчеркивая, что онлайн-СМИ позволяют большему количеству людей высказывать свое мнение в обществе [15], в-третьих, утверждая, что онлайн-СМИ могут помочь создать новые виды коммуникации (например, Wiki рассматриваются как посредники в новом, децентрализованном, сетевом производстве коммуникаций и контента) [14].

Эти оптимистические взгляды были противопоставлены киберпессимистическим взглядам, которые с самого начала указывали на ряд потенциальных проблем, связанных с цифровыми публичными сферами. Во-первых, они указали на многочисленные формы цифрового неравенства, во-вторых, киберпессимисты утверждали, что даже среди тех, кто принимает участие в онлайновых дебатах, существует опасность фрагментации на небольшие сообщества единомышленников (например, [21]). Развитие социальных сетей позволило пользователям самим решать, кому следовать или какой контент получать, и, соответственно, отфильтровывать мнения, которые им кажутся чужими. Предполагалось, что это приведет к эффекту «эхо-камеры», при котором определенные взгляды не оспариваются, а скорее отражаются и, следовательно, укрепляются в онлайн-сообществах [27; 28]. К тому же, по мнению М. Шафера, киберпессимистов также беспокоит вопрос о том, какие темы будут обсуждаться в онлайн-СМИ. Они настороженно относятся к политическим и особенно экономическим влияниям в этом отношении - лейтмотиву, уже широко представленному в работах Ю. Хабермаса [26].

Тем не менее, следует отметить, что влияние цифровых публичных сфер на общество и политику все еще остается в значительной степени неизученным и может быть довольно незначительным. На наш взгляд, большей эвристической ценностью обладают исследования, которые показывают, что «именно баланс между утопическими и антиутопическими взглядами раскрывает истинную природу интернета как публичной сферы» [12, с. 21].

Очевидно, что с развитием Интернета и, прежде всего, социальных медиа, количество участников коммуникации, чьи акты в рамках медиа, культуры, образования могут быть обнаружены в пространстве публичности, увеличилось во много раз, просто в силу количественного расширения как каналов коммуникации, так и числа ее участников[1]. Изучив достаточное количество литературы, можно сделать осторожный вывод о том, что «онлайновые публичные сферы в большой степени содействуют процессу трансляции общественного мнения в политические решения» [13; 16]. С учетом сказанного мы позволили себе внести небольшие корректировки в схему Ю. Хабермаса (рис. 2). Новая схема (рис. 3) демонстрирует основные изменения, происходящие в публичной сфере под воздействием новых информационных технологий и в связи с появлением новых акторов (блогеров, гражданских журналистов): она становится значительно больше и влиятельнее. Разумеется, речь идет о той же идеальной модели делиберативной демократии, как ее понимал Хабермас, где важную роль играют дискурсивные практики.

К настоящему времени исследователи цифровой публичной сферы проанализировали, является ли участие в интернет-дискуссиях открытым и видимым для всех, как организовано общение с точки зрения содержания и стиля, и как такие дискуссии влияют на участников, а также на лиц, принимающих решения [26]. Как пишет С. Коулман, «некоторые комментаторы не находят в политических дискуссиях в Интернете ничего, кроме праздной болтовни», другие полагают, что онлайн-коммуникации обладают чертами, способными улучшить качество публичной дискуссии [3, с. 76]. По мнению британского профессора, «даже когда онлайн-дискуссии импровизированы, неформальны и не поддерживаются какой-либо делиберативной структурой, поведение участников часто намного ближе к делиберативным нормам, чем можно было бы ожидать» [3, с. 78]. Коулман считает, что частные беседы могут содержать политическое начало, так как людям зачастую проще повлиять на равных себе собеседников (горизонтальное взаимодействие), чем на представителей государства (вертикальное взаимодействие).

[1] *Гатов В.* Публичная сфера [Электронный ресурс] // Частный корреспондент. 2014. 17 февраля. URL: http://www.chaskor.ru/article/publichnaya_sfera_35122

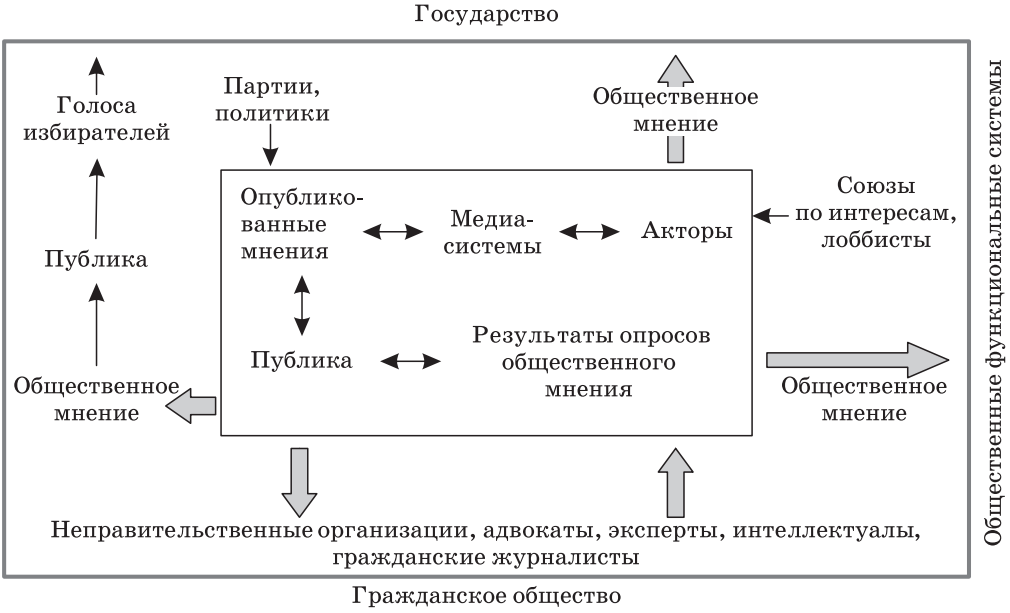


Рис. 3. Цифровая публичная сфера
Fig. 3. Digital public sphere

Подтверждаются ли такие выводы эмпирическими исследованиями в России? Чтобы ответить на этот вопрос, представим далее проведенное нами исследование публичных интернет-дискуссий в контексте современной ситуации в России.

Результаты исследования российского интернет-дискурса: кейс закона о пенсионной реформе

По мнению Хабермаса, имеются существенные различия между конкурирующими в обществе общественными мнениями и обнародованными данными относительно их распределения с точки зрения демоскопии. «Общественные мнения, возникающие благодаря дискуссии и полемике, при всех разногласиях фильтруются с помощью соответствующей информации и соответствующих обоснований, тогда как демоскопия до известной степени лишь „проводит перекличку“ латентных мнений в их „сыром“ и неподвижном состоянии» [10, с. 109]. Подобной точки зрения придерживается и классик теории и практики связей с общественностью Эдвард Бернейз. В своей, очень известной во всем мире, но только недавно переведенной на русский язык, книге он пишет: «Опросы мнений зачастую «убаюкивают» государственных деятелей и бизнесменов, создавая иллюзию, что им не грозит неодобрение публики. Это происходит, когда количественные результаты поддерживают их точку зрения. Однако они не рассматривают общественное мнение как феномен, меняющийся без предупреждения, и упускают из виду такую возможность. Они не считают пассивные или скрытые точки зрения важными. Подобное отношение может привести к взрыву позже, когда мнение меньшинства будет озвучено, станет активным и действенным и внезапно войдет в конфликт с мнением большинства. Поэтому при принятии решения в интересах всего общества важна дискуссия» [1, с. 345].

Учитывая указанные точки зрения, мы провели разведывательное исследование, в котором попытались сравнить результаты опроса общественного мнения

и дискурс-анализа интернет-дискуссий на общественно значимую тематику. Для исследования были отобраны интернет-дискуссии, связанные с обсуждением закона о повышении пенсионного возраста на наиболее популярных интернет-площадках 11 разных по численности населения городов России. Результаты дискурс-анализа сравнивались с результатами социологического опроса, проведенного Фондом «Общественное мнение» 26–27 мая 2018 г. в 53 субъектах РФ (1500 респондентов) [7]. При изучении дискуссий на интернет-площадках использовалась методика дискурс-анализа, разработанная Ю. Г. Мисниковым в его PhD-диссертации [23] и подробно описанная в наших предыдущих статьях и выступлениях на международных конференциях [17; 20; 24]. Полученные на них отклики позволяют с достаточной уверенностью утверждать, что использованная методика, основанная на разработанном автором т.н. «делиберативном стандарте» (deliberative standard to assess discourse quality) и концепции Хабермаса, подтвердила свою эффективность как аналитическое средство для оценки качества делиберативности онлайн-дискуссий.

Для исследования дискуссий по пенсионной реформе были отобраны интернет-форумы разных по размеру российских городов, это Санкт-Петербург и Волгоград (крупнейшие), Калининград и Севастополь (крупные), Братск и Нальчик (большие), Белореченск и Ногинск (средние), Снежинск и Урюпинск (малые), а также дополнительно была рассмотрена Москва. Всего было проанализировано 5193 поста, размещенных 495 участниками. В целом по результатам дискурс-анализа всех 11 форумов 91,125% высказываются «против» повышения пенсионного возраста и 8,875% — «за»[1]. В указанном выше социологическом опросе ФОМ общее число людей, относящихся отрицательно к идее повышения пенсионного возраста, составляет 92,35% (рис. 4). То есть показатели, хотя и незначительно, но отличаются. Кроме того, общий процент негатива чрезвычайно различен, когда он касается выделения мнений по типам городов (см. рис. 5). Результаты, описывающие негативное отношение, являются более низкими, чем результаты социологического опроса. Хотя есть исключение: представители малых городов более негативно относятся к реформе, если сравнивать с опросом (рис. 5).

На наш взгляд, несколько меньшая доля противников реформы указывает на наличие противоположных или нейтральных мнений, высказанных в ходе дискуссий, где представлены разные точки зрения, влияющие, так или иначе, на позиции их участников. Это является важным отличием от методики изучения общественного мнения через социологические опросы (где ответы респондентов не зависят друг от друга).

Итак, данное исследование позволило сделать следующий вывод: мнения, зафиксированные вне рамок интернет-пространства, в целом совпадают с мнениями, полученными из обсуждений на интернет-платформах, однако анализ онлайн-дискурса показывает неоднозначность мнений, которые высказывались людьми по такой злободневной теме, как повышение пенсионного возраста в России. В ходе анализа дискуссий выявляются противоположные или нейтральные мнения, самые разные точки зрения, влияющие так или иначе на позиции их участников. Исследования в данном направлении необходимо продолжать. Тематика пенсионной реформы — это только один из возможных примеров исследования. Для исследования общественно-политического дискурса важна тема, где мнения не только поляризуются на две группы, но и где возникает множество таких групп, что позволяет выявлять в текстах дискуссий утверждения, которые могут быть поддержаны или оспорены.

[1] Автор благодарит за участие в проведении исследования студента СПбГУ Даниила Волковского.

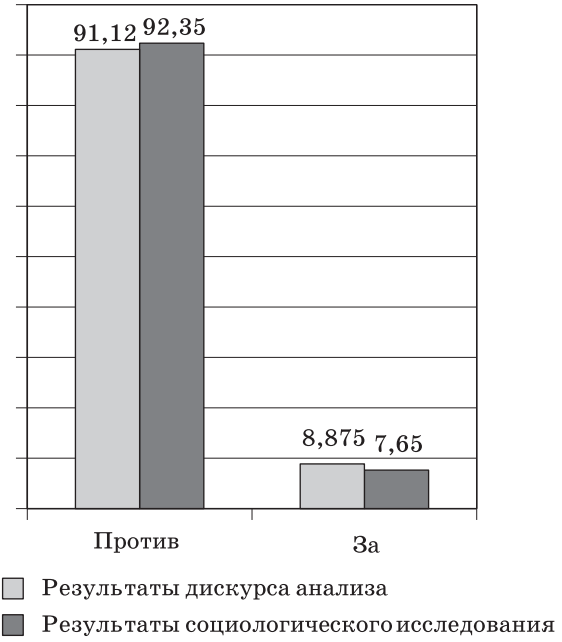


Рис. 4. Сравнение итогов опроса и дискурс-анализа
Fig. 4. Comparison of survey results and discourse analysis

В ходе исследования также были выделены несколько важных аспектов обсуждений, позволяющих раскрыть характер дискуссии и позиции граждан, выражаемые в процессе делиберации: аргументация, рациональность, интерактивность, диалогичность, активность участников и т. д.

К сожалению, на настоящий момент, мы вынуждены констатировать, что цифровая публичная сфера современной России более точно соответствует требованиям конструктивистской теории, чем требованиям делиберативной теории, основанной на участии. Приходится согласиться с уже полученными ранее выводами других исследований о том, что «даже если политические дискуссии в Интернете более тонкие и гражданские, чем дискуссии по другим вопросам», они, как правило, далеки от рационального гражданского обсуждения, о котором говорил Хабермас. Участники часто отвлекаются от основной темы обсуждения, используют неуважительные и даже оскорбительные формулировки и нападения ad hominem, делают заявления, не подкрепленные аргументами, или полностью воздерживаются от рациональной аргументации, и используют свое социальное положение в данной интернет-платформе для делегитимизации противоположных взглядов.

Безусловно, проведенные исследования позволяют лишь в ограниченной степени судить о применимости делиберативного проекта исследования для сложного процесса политической коммуникации в современном цифровом пространстве. Следует учитывать, что исследуется все же не структурированная и целенаправленная дискуссия о проблеме, а всего лишь политически ориентированный разговор — every day political talk. Образно говоря, как разговор на кухне, поэтому вполне естественно, например, что люди отклоняются от темы. Возможно, многое ещё зависит и от тематики дискуссии, от того, насколько тема задевает людей и, соответственно, будет ли это моральным дискурсом, или это будет более прагматическая дискуссия, где большую роль играют технические аспекты, а люди не всегда хотят вникать в них.

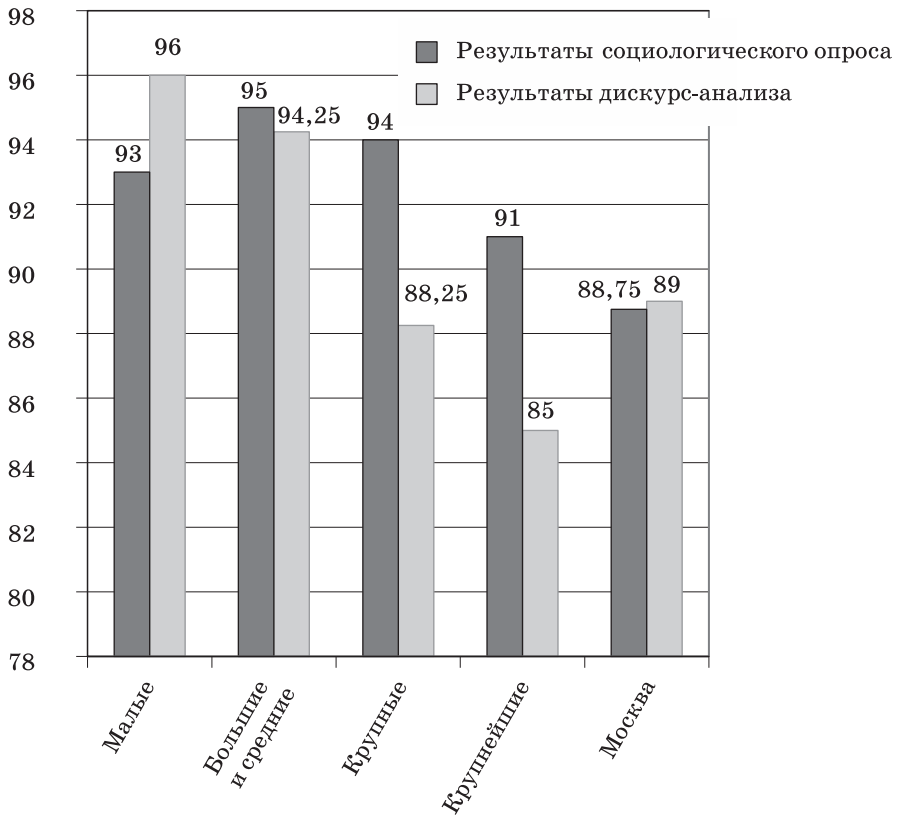


Рис. 5. Сравнение итогов социологического опроса и дискурс-анализа по типам городов (позиция «против», в процентах)
Fig. 5. Comparison of the results of the sociological survey and discourse analysis by city type (position “against,” in percentage)

Здесь содержательная интерактивность будет невысокая и это важно с научной точки зрения. Отметим, что мы столкнулись еще с некоторыми методологическими трудностями при анализе онлайн-дискуссий: например, эффект, оказываемый на результаты политики дискуссиями, контролируемыми государством, можно оценить, в то время как влияние неформального дискурса на политические изменения установить сложно. Нерешенными пока остаются вопросы, связанные и с репрезентативностью результатов онлайн-обсуждений, и с идентификацией истинности утверждений (выявлением ботов, например).

Тем не менее, не вызывает сомнения само преимущество методики дискурс-анализа по сравнению, например, с традиционным опросом, которая заключается, прежде всего, в возможности выявить аргументацию согласия или несогласия по конкретному вопросу, что важно в дальнейшем при принятии политических решений.

Дискуссия и перспективы дальнейших исследований

Совершенно очевидно, что качество и эффективность коммуникации между людьми, их объединениями, группами и институтами влияет на функционирование публичной сферы. Очевидно также, что появление новых способов коммуникации по

определению расширяет возможности организации широких публичных обсуждений [12]. Публичная сфера дискурсивна. Публичное измерение постоянно расширяющихся цифровых пространств коммуникации — дискурсивно тем более. Однако можно ли сейчас с уверенностью заявлять, что формирование новых, виртуальных (цифровых, электронных) публичных сфер, которые обеспечивают условия для «идеальной речевой ситуации» [12], содействует вовлечению граждан в процесс принятия политических решений и является фактором динамики политического процесса? Проанализированные нами данные пока не дают однозначного ответа на этот вопрос. Особенно неоднозначными представляются выводы, обещания и прогнозы, касающиеся цифровой публичной сферы современной России. Могут ли и каким образом современные россияне становиться активными участниками общественно-политических процессов? [7, с. 7] Проблема публичной сферы как рационально-критической дискурсивной формации в современной России стоит достаточно остро [4; 7; 9]. Мы склонны согласиться с мнением российского медиааналитика В. Гатова о том, что сегодня происходит активное смещение публичной российской сферы в сторону социальных сетей — и как места формирования смыслов, и как площадки для обсуждения, и как некого «заместителя реальности», что является реакцией публичной сферы на доминантность государства в традиционных каналах коммуникации[1]. Цифровая публичная сфера в современных условиях становится «текучей», она «выползает» из-под созданной системы реагирования на вызовы и становится похожей на «лоскутное одеяло» разных акторов и смыслов.

Тем не менее, в современной России появляются новые гражданские инициативы и развиваются существовавшие ранее общественные движения — их рост заметен в разных регионах России. По мнению специалистов, некоторые — уже приобрели широкий размах и получили легальное организационное оформление, другие представляют собой распространенные, но нелегальные формы протеста [7]. Как должна реагировать власть на эти вызовы гражданского общества? Как формируются в новой публичной сфере процессы гражданского участия? Во многом ответы на эти вопросы дают исследования и публикации в рамках проекта «Электронное участие как фактор динамики политического процесса и процесса принятия государственных решений»[2]. Однако ряд вопросов еще требует научного осмысления. Ведь академическая дискуссия по проблемам гражданского участия в контексте информационного общества располагается между двумя полюсами, между мнениями двух групп авторов, условно между «кибероптимистами» и «киберпессимистами». Существуют доказательства как правоты тех, кто говорит о растущей деполитизации в обществе, так и тех, кто указывает признаки активизации участия граждан в цифровой публичной сфере. Одновременно есть много научных и практических примеров активизации государства в процессах взаимодействия с гражданами в цифровом пространстве.

Но здесь тоже возникают проблемы. Например, одним из проблемных мест в развитии электронного взаимодействия власти и общества в России (а, возможно, и не только в России — это еще требует дополнительного изучения) является то, что власти охотно организуют порталы и площадки обработки «жалоб» граждан, но совсем неохотно — ресурсы, обеспечивающие аккумуляцию инициатив и предложений, идущих снизу, т. е. непосредственно от граждан. Можно предложить для дальнейшего обсуждения две причины этого: а) менталитет власти, основанный на традиционных механизмах представительной демократии (власть ориентируется на мнение

[1] *Гатов В.* Публичная сфера [Электронный ресурс] // Частный корреспондент. 2014. 17 февраля. URL: http://www.chaskor.ru/article/publichnaya_sfera_35122

[2] Проект РНФ №18-18-00360.

«представителей» граждан и т. п.); б) опасение сильного влияния со стороны заинтересованных сторон (как бизнеса, так и политиков или оппозиционных политиков) через манипуляции, интернет-троллей и прочее. Соответственно, важной научной задачей, которая в дальнейшем может помочь развитию методов и технологий электронного участия, становится исследование механизмов фейк-ньюз и методов фильтрации ненадежных с точки зрения достоверности содержания сообщений.

Сейчас, в эпоху постправды, когда стираются границы между правдой и неправдой, необходимо обратить внимание на тот факт, что в онлайн-коммуникациях преобладают эмоции, а эмоциями, в отсутствие аргументации (как об этом писал Хабермас) гораздо проще манипулировать [12, с. 171]. Поэтому так важно обращать внимание на набирающий силу популизм в политике, являющийся серьезной угрозой для демократии. Исследования популизма могут оказаться полезными для понимания того, какие слои населения недостаточно представлены в политическом контексте, каковы в целом критерии принадлежности в политике и почему необходимо поддерживать плюрализм в обществе [5, с. 133].

И, конечно же, необходимо дать более убедительные ответы на многочисленные вопросы о том, как выглядит демократия и демократическая делиберация, отвечающая требованиям цифровой эпохи. Для этого требуется совершенствование методики исследования, в первую очередь связанной с анализом интернет-дискурса.

Заключение

В заключение мы можем констатировать, что цифровая публичная сфера современной России претерпевает перемены, которые во многом предвидел Хабермас. Интернет активно развивается во всех сферах жизни, «простые граждане «эффективно и творчески взаимодействуют друг с другом онлайн» [3, с. 20].

Однако исследования показывают, что, хотя цифровые публичные сферы демонстрируют целый ряд коммуникативных стилей, они далеко не всегда соответствуют идеям рациональности и вежливости, как это отстаивается в дискурсивной теории Хабермаса. К тому же нам пока не удалось обнаружить четкие эмпирические подтверждения того факта, что интернет-дискуссии в России представляют собой важную форму гражданского участия в политике и органы власти учитывают результаты таких дискуссий в процессе принятия политических решений.

Тем не менее, несмотря на неоднозначность обещаний цифровой публичной сферы России, можно утверждать, что в российском сегменте Интернета существуют коммуникативные площадки, форумы, вызывающие публичные дебаты, которые, по крайней мере, время от времени, влияют на другие форумы и способствуют нахождению коллективных решений. Однако этот вывод нуждается в дальнейшем обосновании и выявлении условий, при которых такие цифровые публичные коммуникации должны развиваться.

Литература

1. *Бернейз Э.* Связи с общественностью. М. : ВШЭ, 2019.
2. *Бодрунова С. С.* Концепции публичной сферы и медиакратическая теория: поиск точек соприкосновения // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. 14, № 1. С. 110–132.
3. *Коулман С.* Может ли Интернет укрепить демократию? / Науч. ред. Ю. Г. Мисников, А. В. Чугунов. СПб. : Алетейя, 2018.
4. *Малинова О. Ю.* Конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России: символическая политика в трансформирующейся публичной сфере // Политическая экспертиза. 2010. № 1. С. 5–28.
5. *Мюллер Я.-В.* Что такое популизм? М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2018.
6. *Неверов К. А.* Публичная сфера социальных медиа: проблема определения стратегий сетевых акторов // Социальные и гуманитарные знания. 2018. Т. 4, № 2. С. 66–70.

7. *О пенсионном* возрасте и отношении к идее его повысить [Электронный ресурс] // Портал ФОМ. 2018. URL: https://fom.ru/posts/14043 (дата обращения: 15.10.2019).
8. *Публичная* сфера: теория, методология, кейс стади : коллективная монография / под ред. Е. Р. Ярской-Смирновой, П. В. Романова. М. : ООО «Вариант» : ЦСПГИ, 2013.
9. *Семенов А. В.* Переосмысливая гражданское общество: нормативная концепция публичной сферы Ю. Хабермаса // Социум и власть. 2009. № 4. С. 9–13.
10. *Хабермас Ю.* Ах, Европа. Небольшие политические сочинения. М. : Весь мир, 2012.
11. *Чугров С. В.* Формирование и эволюция публичности (о книге Ю. Хабермаса) // Социологические исследования. 2017. № 12. С. 168–172.
12. *WWW* как политическая публичная сфера // Постсоветская публичность: Беларусь, Украина. Сборник научных трудов / под ред. М. Соколовой, В. Фурса. Вильнюс : ЕГУ, 2008.
13. *Becker B., Wehner J.* Electronic Media and Civil Society // Ess, Ch., (ed.) Towards an Intercultural Global Village. New York, 2001.
14. *Benkler Y.* The Wealth of Networks: How Social Production Transforms Markets and Freedom. New Haven : Yale University Press, 2006.
15. *Bennett W. L., Segerberg A.* The Logic of Connective Action. Information // Communication & Society. 2012. Vol. 15 (5). P. 739–768. doi:10.1080/1369118X.2012.670661
16. *Bimber B.* The Internet and Political Transformation: Populism, Community and Accelerated Populism // Polity. 1998. №. 1. P. 133–160.
17. *Chugunov A., Filatova O., Misnikov Yu.* Online Discourse as a Microdemocracy Tool: Towards New Discursive Epistemics for Policy Deliberation // ACM International Conference Proceeding Series. ICEGOV 2016; Montevideo; Uruguay, 2016. P. 40–49.
18. *Dahlberg L.* Cyberspace and the Public Sphere: Exploring the Democratic Potential of the Net. Convergence // The International Journal of Research into New Media Technologies. 1998. Vol. 4 (1). P. 70–84. doi:10.1177/135485659800400108
19. *Dahlberg L.* Net-public Sphere Research: Beyond the “First Phase” // Javnost-the Public. 2004. Vol. 11 (1).
20. *Filatova O., Misnikov Yu., Kabanov Yu.* Public Deliberation in Russia: Deliberative Quality, Rationality an Interactivity of the Online Media Discussions // Media and Communication. 2019. Vol. 7, Iss. 3 (Internet Science: Detecting Social Problems via Online Content). P. 133–144. DOI:10.17645/mac.v7i3.1925.
21. *Gerhards J., Schäfer M.* Is the Internet a Better Public Sphere? Comparing old and new media in Germany and the US // New Media and Society. 2010. Vol. 4 (1). P. 143–160.
22. *Habermas J.* The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a category of Bourgeois Society. Cambridge : Polity, 1989.
23. *Misnikov Y.* Public Activism Online in Russia: Citizens’ Participation in Webbased Interactive Political Debate in the Context of Civil Society. Development and Transition to Democracy: PhD thesis. Leeds, 2011.
24. *Misnikov Y., Filatova O., Chugunov A.* Converting the outcomes of citizens discourses in the cyberspace into policy inputs for more democratic and effective government // Beyond Bureaucracy: Towards Sustainable Governance Informatisation. Springer, 2017. P. 259–287.
25. *Papacharissi Z.* The virtual sphere: the internet as a public sphere // New Media and Society. 2002. Vol. 4 (1). P. 9–27.
26. *Schäfer M.* Digital public sphere // The International Encyclopedia of Political Communication / Mazzoleni, Gianpietro et al. (Eds.). London : Wiley Blackwell. 2015. P. 322–328.
27. *Sunstein C.* Republic 2.0.C. Princeton & London : Princeton University Press, 2009.
28. *Sunstein C.* Republic.com. Princeton & London : Princeton University Press, 2001.

Об авторе:

Филатова Ольга Георгиевна, доцент кафедры связей с общественностью в политике и государственном управлении Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат философских наук, доцент; o.filatova@spbu.ru

References

1. Bernays E. Public Relations. M. : HSE, 2019. (In rus)
2. Bodrunova S. S. Concepts of the public sphere and media theory: the search for common ground // Journal of Sociology and Social Anthropology [Zhurnal sotsiologii i sotsial’noi antropologii]. 2011. Vol. 14. No. 1. P. 110–132. (In rus)

3. Coleman S. Can the Internet Strengthen Democracy? / Scientific. ed. Yu. G. Misnikov A. V. Chugunov. St. Petersburg : Aletheia, 2018.
4. Malinova O.Yu. The construction of a macro-political identity in post-Soviet Russia: a symbolic policy in a transforming public sphere // Political Expertise [Politicheskaya ekspertiza]. 2010. No. 1. P. 5–28. (In rus)
5. Muller J.-V. What is populism? M. : Publishing House of the Higher School of Economics, 2018.
6. Neverov K. A. The public sphere of social media: the problem of determining the strategies of network actors // Social and Humanitarian Knowledge [Sotsial'nye i gumanitarnye znaniya]. 2018. Vol. 4, No. 2. P. 66–70. (In rus)
7. On the retirement age and attitude towards the idea of raising it [Electronic resource] // Portal FOM. 2018. URL: https://fom.ru/posts/14043 (Date accessed 10/15/2019) (In rus)
8. Public sphere: theory, methodology, case study : monograph / Ed. by E. R. Yarskaya-Smirnova, P. V. Romanov. M. : Option LLC : TsSPGI, 2013. (In rus)
9. Semenov A. V. Rethinking Civil Society: The Normative Concept of the Public Sphere of J. Habermas // Society and Power [Sotsium i vlast']. 2009. No. 4. P. 9–13. (In rus)
10. Habermas J. Ah, Europe. Small political writings. M. : The whole world, 2012.
11. Chugrov S. V. The formation and evolution of publicity (about the book by J. Habermas) // Sociological researches [Sotsiologicheskie issledovaniya]. 2017. No. 12. P. 168–172. (In rus)
12. WWW as a Political Public Sphere // Post-Soviet Publicity: Belarus, Ukraine. Collection of scientific papers / ed. by M. Sokolova, V. Furs. Vilnius : YSU, 2008. (In rus)
13. Becker B., Wehner J. Electronic Media and Civil Society // Ess, Ch., (ed.) Towards an Intercultural Global Village. New York, 2001.
14. Benkler Y. The Wealth of Networks: How Social Production Transforms Markets and Freedom. New Haven : Yale University Press, 2006.
15. Bennett W. L., Segerberg A. The Logic of Connective Action. Information // Communication & Society. 2012. Vol. 15 (5). P. 739–768. doi:10.1080/1369118X.2012.670661
16. Bimber B. The Internet and Political Transformation: Populism, Community and Accelerated Populism // Polity. 1998. №. 1. P. 133–160.
17. Chugunov A., Filatova O., Misnikov Yu. Online Discourse as a Microdemocracy Tool: Towards New Discursive Epistemics for Policy Deliberation // ACM International Conference Proceeding Series. ICEGOV 2016; Montevideo; Uruguay, 2016. P. 40–49.
18. Dahlberg L. Cyberspace and the Public Sphere: Exploring the Democratic Potential of the Net. Convergence // The International Journal of Research into New Media Technologies. 1998. Vol. 4 (1). P. 70–84. doi:10.1177/135485659800400108
19. Dahlberg L. Net-public Sphere Research: Beyond the "First Phase" // Javnost-the Public. 2004. Vol. 11 (1).
20. Filatova O., Misnikov Yu., Kabanov Yu. Public Deliberation in Russia: Deliberative Quality, Rationality an Interactivity of the Online Media Discussions // Media and Communication. 2019. Vol. 7, Iss. 3 (Internet Science: Detecting Social Problems via Online Content). P. 133–144. DOI:10.17645/mac.v7i3.1925.
21. Gerhards J., Schäfer M. Is the Internet a Better Public Sphere? Comparing old and new media in Germany and the US // New Media and Society. 2010. Vol. 4 (1). P. 143–160.
22. Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a category of Bourgeois Society. Cambridge : Polity, 1989.
23. Misnikov Y. Public Activism Online in Russia: Citizens' Participation in Webbased Interactive Political Debate in the Context of Civil Society. Development and Transition to Democracy: PhD thesis. Leeds, 2011.
24. Misnikov Y., Filatova O., Chugunov A. Converting the outcomes of citizens discourses in the cyberspace into policy inputs for more democratic and effective government // Beyond Bureaucracy: Towards Sustainable Governance Informatisation. Springer, 2017. P. 259–287.
25. Papacharissi Z. The virtual sphere: the internet as a public sphere // New Media and Society. 2002. Vol. 4 (1). P. 9–27.
26. Schäfer M. Digital public sphere // The International Encyclopedia of Political Communication / Mazzoleni, Gianpietro et al. (Eds.). London : Wiley Blackwell. 2015. P. 322–328.
27. Sunstein C. Republic 2.0.C. Princeton & London : Princeton University Press, 2009.
28. Sunstein C. Republic.com. Princeton & London : Princeton University Press, 2001.

About the author:

Olga G. Filatova, Associate Professor of the Chair of Public Relations in Policy and Public Administration of Saint-Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russian Federation), PhD in philosophy, Associate professor; o.filatova@spbu.ru

DOI 10.22394/1726-1139-2019-11-193-200

Роль коммуникационных каналов в проведении процедуры аккредитации медицинских специалистов

Захаренко Г. А.

Министерство здравоохранения Российской Федерации, Москва, Российская Федерация; gleb_zakharenko@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье проанализирована роль информационных каналов в подготовке и проведении аккредитации медицинских специалистов. Автор обращает внимание на то, что большая часть трудностей, которая возникает при внедрении данной процедуры, связана с низкой мотивацией обучающихся к получению достоверной информации, обилием дезинформирующих и провокационных информационных материалов в социальных сетях, а также высокой скоростью их распространения в медийном пространстве. Широкое освещение объективных сведений, основанных в первую очередь на нормативных правовых актах, позволит существенно повысить эффективность как самой процедуры аккредитации специалистов, так и всего медицинского образования в Российской Федерации.

Ключевые слова: аккредитация специалистов, медицинское образование, обращения граждан, государственная политика в сфере здравоохранения, открытость, коммуникации в сфере здравоохранения

Для цитирования: *Захаренко Г. А.* Роль коммуникационных каналов в проведении процедуры аккредитации медицинских специалистов // Управленческое консультирование. 2019. № 11. С. 193–200.

Role of Communication Channels in the Accreditation Procedure for Medical Personnel

Gleb A. Zakharenko

Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation; gleb_zakharenko@mail.ru

ABSTRACT

The article analyzes the role of information channels in the preparation and conduct of primary accreditation of medical specialists. The author draws attention to the fact that most of the difficulties that arise when implementing this procedure are associated with an abundance of misleading and provocative information materials, as well as a high speed of their distribution in the media space. A wide coverage of objective information, based primarily on regulatory legal acts, will significantly improve the efficiency of both the accreditation procedure for specialists and the entire medical education in the Russian Federation.

Keywords: accreditation of specialists, medical education, citizens' appeals, state policy in the field of public health, openness, communications in the field of public health

For citing: Zakharenko G. A. Role of Communication Channels in the Accreditation Procedure for Medical Personnel // Administrative consulting. 2019. No. 11. P. 193–200.

Правовая основа проведения процедуры аккредитации специалистов. Роль аккредитации в достижении указа Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204[1]

Тема нехватки медицинских работников в российском здравоохранении настолько актуальна, что в своем указе от 7 мая 2018 г. № 204 Президент Российской Феде-

[1] Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // Российская газета. 2018. № 75601.

рации В.В. Путин поручил Правительству Российской Федерации при разработке национального проекта в сфере здравоохранения к 2024 г. ликвидировать кадровый дефицит в медицинских организациях, оказывающих первичную медико-санитарную помощь. Для достижения указанной цели в рамках реализации национального проекта «Здравоохранение» Министерством здравоохранения Российской Федерации был разработан федеральный проект «Обеспечение медицинских организаций системы здравоохранения квалифицированными кадрами», утвержденный проектным комитетом по национальному проекту «Здравоохранение» (протокол от 14.12.2018 № 3) (далее — федеральный проект). Реализация федерального проекта позволяет ликвидировать кадровый дефицит в медицинских организациях, оказывающих первичную медико-санитарную помощь, в том числе благодаря использованию дистанционных образовательных технологий, разработке интерактивных образовательных модулей, созданию и дооснащению аккредитационно-симуляционных центров, **допуску специалистов к профессиональной деятельности через процедуру аккредитации специалистов,** другим мероприятиям.

Доля специалистов, допущенных к профессиональной деятельности через процедуру аккредитации к 2024 г. согласно федеральному проекту, должна составить 83,7%. Таким образом преобладающее большинство специалистов будет допущено в отрасль (первично или повторно) благодаря аккредитации специалистов.

Следует отметить, что данная мера, направленная на совершенствование процесса медицинского образования, была принята очень своевременно, так как после того, как будет устранен «первичный кадровый голод» возникнет совершенно логичный вопрос: «Насколько хорошим является каждый конкретный специалист, оказывающий медицинскую помощь»? Классическая диалектическая парадигма перехода количества в качество не заставит себя долго ждать.

Вместе с тем не следует полагать, что процесс совершенствования проведения процедуры аккредитации завершен. Несмотря на серьезную методологическую работу при формировании тестовых материалов в 2019 г., например, Минздравом России было принято решение, направленное на дальнейшую объективизацию процесса проведения указанной процедуры. Именно поэтому, для исключения субъективной оценки членами аккредитационной комиссии знаний выпускника 3-й этап был заменен на кейсы, проверка которых осуществляется компьютером. Ведь только машина способна бесстрастно оценить уровень подготовки специалиста полностью, исключив личностную (эмоциональную, коррупционную) составляющую.

Под аккредитацией (лат. *accredo* — доверять) понимается процедура официального подтверждения соответствия объекта установленным критериям и показателям, роль которых обычно исполняют профессиональные стандарты.

К понятию аккредитации очень близка интерпретация термина «сертификация». Нередко это приводит к смысловой путанице, причем не только у обучающихся, но и у преподавателей медицинских образовательных организаций.

Под термином «сертификация» понимается подтверждение соответствия объектов требованиям технических регламентов, положениям стандартов, сводов правил или условиям договоров, осуществляемое специальным органом по сертификации.

Сертификация предполагает лишь подтверждение квалификации врача, в то время как аккредитация, помимо этого, означает еще и повышение его профессиональных навыков, а также возможность освоения смежных специальностей [9].

Близко по смыслу к аккредитации и понятие «аттестация» (или государственная итоговая аттестация — ГИА). В соответствии со ст. 59 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»[1] ГИА

[1] Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Российская газета. 2012. № 5976.

проводится государственными экзаменационными комиссиями в целях определения соответствия результатов освоения обучающимися основных образовательных программ соответствующим требованиям федерального государственного образовательного стандарта (государственного образовательного стандарта) или образовательного стандарта (далее — ФГОС).

Целью ГИА является оценка качества знаний, полученных за весь период обучения в образовательной организации, соответствие этих знаний ФГОС, а также присвоение квалификации с последующей выдачей документов об образовании.

В основе содержания оценочных средств при проведении ГИА лежит совокупность компетенций, заданная во ФГОС и образовательных программах. Вместе с тем оценка подготовленности выпускников при данной процедуре весьма субъективна, поскольку в большинстве случаев выставляется экзаменаторами, а используемые тесты разрабатываются преподавателями того вуза, где проводится аттестация. В составы экзаменационных комиссий также входят преподаватели, работающие на базе того вуза, в котором проводится ГИА.

Отсутствие сопоставимости результатов ГИА, проведенных в разных образовательных организациях, полностью исключает возможность ее использования для повышения качества результатов медицинского и фармацевтического образования.

При аккредитации специалистов здравоохранения в отличие от ГИА используется Единый федеральный банк оценочных средств (далее — ФОС), формируемый Методическим центром аккредитации специалистов[1], структурированный в соответствии с трудовыми функциями профессиональных стандартов по соответствующим специальностям.

Задания ФОС разрабатываются с учетом Национальных клинических рекомендаций и проходят многократную экспертизу качества содержания и формы с привлечением профессионалов в области педагогических измерений, профессорско-преподавательского состава вузов России и представителей профессионального медицинского сообщества.

Различия в процедурах, инструментарии и результатах аккредитации и ГИА наглядно показывают невозможность отождествления процедур итоговой аттестации и аккредитации специалистов, поскольку только в процедуре аккредитации специалистов обеспечено высокое качество контрольного инструментария (по форме и содержанию), его аутентичность по отношению к задачам профессиональной деятельности аккредитуемых.

Следует отметить, что внедрение процедуры аккредитации специалистов тесно связано с проблемой независимой оценки профессиональной готовности специалистов здравоохранения к осуществлению своих трудовых обязанностей.

Большое количество работ отечественных авторов [2; 3; 7; 8], а также зарубежных исследователей [4; 5; 6] подчеркивают значимость создания максимально объективных (подчас обезличенных) способов оценки уровня компетенций выпускников образовательных организаций.

Беспристрастный подход к указанной оценке позволяет не только допустить (или не допустить) к труду конкретного специалиста, но и подвести независимый итог проделанной педагогической работе сотрудников образовательных организаций.

Вместе с тем, несмотря на многочисленные методологические, организационные и финансовые преимущества процедуры аккредитации специалистов среди про-

[1] Для осуществления методического сопровождения аккредитации специалистов Министерство здравоохранения Российской Федерации на базе подведомственной образовательной и (или) научной организации создает Методический центр аккредитации специалистов / пункт 6 приказа Минздрава России от 2 июня 2016 г. № 334н «Об утверждении Положения об аккредитации специалистов» // СПС КонсультантПлюс.

фессионального сообщества все еще данный вид допуска к профессии воспринимается настороженно, а подчас — враждебно. Следует полагать, что это не осознанная диверсия, желание вернуть «все на круги своя», а естественно возникшая реакция на новое и неизвестное.

Единственный способ комфортных преобразований в таком случае основывается на максимальном просвещении, предоставлении необходимого объема проверенной, объективной информации как обучающимся и выпускникам, так и преподавателям.

Указанные противоречия определили **цель** настоящей работы: на примере выпускников высших медицинских образовательных организаций установить истинные причины негативного отношения к процедуре аккредитации специалистов, а также предложить комплекс мер по улучшению общего восприятия при внедрении данной процедуры в образовательный процесс.

Для достижения указанной цели необходимо решить ряд задач: представить причины логичного и последовательного внедрения процедуры аккредитации специалистов в систему отечественного медицинского образования, основанного исключительно на нормативных правовых актах; в ходе анкетирования обучающихся и выпускников высших медицинских образовательных организаций продемонстрировать истинные мотивы негативного восприятия внедрения процедуры аккредитации; на основании полученных результатов предложить решения по «выравниванию» ситуации, в том числе благодаря совершенствованию коммуникационных каналов между органами государственной власти (инициатора аккредитации) и образовательными организациями (выпускниками, педагогами — непосредственными участниками процедуры).

Правовые основы процедуры аккредитации специалистов

В правовом контексте на федеральном уровне впервые об аккредитации специалистов было упомянуто в Федеральном законе от 21 ноября 2011 г. № 323 «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»[1] в 69 статье, посвященной детализации права на осуществление медицинской и фармацевтической деятельности.

В период с 2011 по 2017 гг. в стране проходило активное методологическое совершенствование и нормативно-правовое регулирование данной процедуры. Так, приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации от 2 июня 2016 г. № 334н[2] утверждено Положение об аккредитации специалистов, раскрывающее понятие аккредитации специалиста, определяющее категории лиц, подлежащих данной процедуре, детализирующее принципы формирования и организации аккредитационных комиссий.

Приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации от 6 июня 2016 г. № 352н[3] был утвержден порядок выдачи свидетельства об аккредитации специалиста, его форма, а также технические требования к данному свидетельству.

Приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации от 22 декабря 2017 г. № 1043н[4] утверждены сроки и этапы проведения аккредитации специали-

---

[1] Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Российская газета. 2011. № 5639.

[2] Приказ Минздрава России от 2 июня 2016 г. № 334н «Об утверждении Положения об аккредитации специалистов» // СПС КонсультантПлюс.

[3] Приказ Минздрава России от 6 июня 2016 г. № 352н «Об утверждении порядка выдачи свидетельства об аккредитации специалиста, формы свидетельства об аккредитации специалиста и технических требований к нему» // СПС КонсультантПлюс.

[4] Приказ Минздрава России от 22 декабря 2017 г. № 1043н «Об утверждении сроков и этапов аккредитации специалистов, а также категорий лиц, имеющих медицинское, фармацевтическое или иное образование и подлежащих аккредитации специалистов» СПС КонсультантПлюс.

стов, а также категорий лиц, имеющих медицинское, фармацевтическое или иное образование и подлежащих аккредитации специалистов.

Качественная правовая регламентация позволила в 2016 г. впервые в стране провести аккредитацию для выпускников медицинских вузов по специальностям: «Стоматология» и «Фармация», а дальнейшее совершенствование и наполнение ФОС, неуклонная объективизация самой процедуры благодаря использованию дистанционных способов контроля дала возможность говорить о принципиально новом этапе развития медицинского образования в России.

Достоверные и альтернативные информационные каналы, используемые аккредитуемыми

Одним из принципиальных отличий процедуры аккредитации специалистов от классических экзаменов является ее модульный принцип.

Так, прохождение процедуры первичной и первичной специализированной аккредитации специалистами с высшим медицинским образованием осуществляется в три носящих последовательный характер этапа.

На первом этапе оценивается уровень освоения базовых знаний и умений, необходимых для выполнения трудовых функций, включенных в профессиональные стандарты (далее — ПС) (или проектах профессиональных стандартов (далее — проекты ПС)). Данный этап проводится в виде тестирования.

Второй этап носит практико-ориентированный характер и предназначается для оценивания уровня освоения ряда практических навыков с помощью тренажеров (симуляторов) для отработки практических навыков в формате объективного структурированного клинического экзамена.

На третьем этапе используются множественные (многомерные) интерактивные кейсы, ориентированные на оценивание уровня освоения нескольких трудовых функций ПС (или проектов ПС).

Вариация видов оценочных средств по различным этапам позволяет охватить в их содержании все трудовые функции, а также знания и умения, представленные в ПС (проектах ПС) по соответствующему профилю медицинской деятельности.

Широкие возможности для использования цифровых технологий в процессе подготовки аккредитуемыми позволяют не только выстроить индивидуальную стратегию подготовки, но и часто приводят к получению некачественной, недостоверной информации.

Для оценки наиболее уязвимых коммуникационных областей процедуры аккредитации специалистов было проведено анкетирование студентов младших курсов (1–3), старших курсов (4–6), а также выпускников образовательных организаций, прошедших стажировку в Минздраве России.

В ходе анализа полученных данных было установлено, что половина из опрошенных не следит за информацией о правилах, сроках и этапах проведения аккредитации специалистов. Примечательно, что на данный ответ указало 100% студентов 4–6-х курсов — тех, для кого информация о проведении аккредитации специалистов является наиболее актуальной.

Для большей части исследуемой группы (87,5%) было достаточно информации, полученной от руководства образовательной организации. При этом только 12,5% участников анкетирования проверяли полученную информацию на достоверность и актуальность, используя действующие нормативные правовые базы, следили за изменением отраслевого законодательства.

Благодаря работе официального сайта Методического центра аккредитации специалистов опрашиваемые могут использовать его ресурсы для подготовки к первому этапу аккредитации специалистов — тестированию. Лишь 12,5% опрошенных стажеров использовали в процессе подготовки сторонние источники информации.

Несмотря на активную реализацию программ по повышению престижа работы в первичном звене здравоохранения, дополнительные компенсационные выплаты и другие меры поддержки специалистов, 100% от исследуемой группы стремятся к поступлению в ординатуру после окончания образовательной организации.

В случае отсутствия альтернативы работы в амбулаторно-поликлинической системе здравоохранения 37,5% опрошенных рассматривают возможность совместительства с работой в других профессиональных сферах, расценивая основную работу лишь как источник финансового дохода; еще 37,5% готовы пойти работать в поликлиники, используя данное место работы как основное и единственное; оставшиеся 25% не рассматривают возможность работы в амбулаторно-поликлиническом звене и сразу же уйдут из профессии.

В качестве основных способов повышения престижа профессии участкового врача большая часть опрошенных (75%) предложили: повышение заработной платы, предоставление различных социальных льгот и поощрений (таких как служебное жилье, автомобиль), возможность дальнейшего целевого обучения в клинической ординатуре.

При этом следует отметить, что все указанные средства поддержки молодых специалистов уже используются или будут использованы большинством субъектов Российской Федерации в рамках реализации региональной части федерального проекта. Данный факт в очередной раз можно представить как информационный сбой между целевой группой — выпускниками и источником информации — Минздравом России и/или органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации в сфере охраны здоровья [1].

На страх перед проведением самой процедуры в качестве основной причины негативной оценки аккредитации специалистов указало 75% опрашиваемой группы, примечательно, что 12,5% прямо указало на то, что страх вызван отсутствием доступной и объективной информации.

Проблема информационного дефицита, а также предоставления ложной информации

Обобщая полученные сведения, можно сформулировать **вывод** о том, что основная причина недовольства обучающихся, связанная с вопросами аккредитации специалистов, заключена в низкой осведомленности о проведении самой процедуры, трудностях при получении объективной информации вследствие низкой самомотивации к ее получению, а также в нежелании изучения студентами и выпускниками отраслевых нормативных правовых актов.

Затруднения могут также возникать уже после прохождения аккредитации. Например, выпускники часто не знают, каким образом и где они могут получить свидетельство об аккредитации специалиста.

В ходе анализа полученных данных может возникнуть предположение о том, что современным обучающимся следует преподносить информацию в доступной форме, использовать распространенные коммуникационные каналы, например — социальные сети. Это предположение также было проверено и не нашло подтверждения.

Так, при детальном изучении тематических групп в социальных сетях не отмечено выраженной временной рассинхронизации между официальным опубликованием актуальных нормативных правовых актов или иных информационных материалов Минздравом России и их появлением в доступных и привычных для обучающихся информационных ресурсах (социальных сетях, информационных каналах мессенджеров).

Внимание привлек другой факт. Обсуждение в упомянутых группах принятых нормативных правовых актов (информационных писем) не проводилось большин-

ством подписчиков в конструктивной форме правоприменительной практики, возможностях адаптации к конкретной образовательной организации, а носило эмоционально окрашенный, непродуктивный характер.

Таким образом, можно сделать еще один вывод о том, что большинство сообществ (в том числе закрытых) в социальных сетях носит характер «клуба по интересам», а не серьезного информационно-аналитического ресурса, позволяющего оперативно получить необходимую информацию, а также обсудить ее с компетентными коллегами.

Меры по предотвращению распространения ложной информации как способ повышения эффективности аккредитации специалистов

Проведенный анализ в очередной раз подчеркнул одну из основных современных социальных проблем — отсутствие эффективных коммуникационных каналов между властью и обществом. Сторонние (альтернативные) каналы обладают выраженной субъективностью, нежеланием рассматривать возникающие вопросы по существу, опираясь на букву закона, излишней эмоциональностью, а подчас и вовсе противозаконны.

В качестве решения обозначенной проблемы можно рекомендовать следующие мероприятия: дальнейшее совершенствование и интенсификацию работы профильных (гуманитарных) кафедр; внедрение дополнительных образовательных программ как в высшее, так и в среднее специальное медицинское образование; доступное консультирование студентов и выпускников образовательных организаций по вопросам аккредитации специалистов с привлечением профессорско-преподавательского состава, представителей аккредитационных комиссий, специально подготовленных волонтеров и членов студенческого самоуправления; создание нового или перезапуск действующего информационного ресурса, предоставляющего возможность дистанционного консультирования студентов или выпускников, опирающегося исключительно на действующее отраслевое законодательство, лишенное возможности альтернативного трактования, эмоционального и некомпетентного комментирования, а также его широкое тиражирование.

Указанные меры позволят не только гармонизировать процесс проведения аккредитации специалистов, но и благодаря масштабированию положительного опыта решить проблему кадрового дефицита в России.

Литература

1. *Балашов А. И., Захаренко Г. А.* Зачем открывать закрытое здравоохранение? // Управленческое консультирование. 2018. № 6. С. 33–40.
2. *Звонников В. И.* Измерения и качество образования : монография. М. : Логос, 2006.
3. *Звонников В. И., Челышкова М. Б.* Оценка качества результатов обучения при аттестации: компетентностный подход. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Логос, 2013.
4. *Каплан Р. С., Нортон Д. П.* Сбалансированная система показателей. От стратегии к действию / пер. с англ. 2-е изд., испр. и доп. М. : Олимп-Бизнес, 2006.
5. *Крамер Д.* Математическая обработка данных в социальных науках: современные методы: учеб. пособие для студентов высших учебных заведений / пер. с англ. И. В. Тимофеева, Я. И. Киселева; науч. ред. О. В. Митина. М. : Академия, 2007.
6. *Крокер Л., Алгина Дж.* Введение в классическую и современную теорию тестов / пер. с англ. под общ. ред. В. И. Звонникова, М. Б. Челышковой. М. : Логос, 2010.
7. *Логвиненко А. Д.* Измерения в психологии: математические основы. М. : изд-во МГУ, 1993.
8. *Марголис А. А., Сафронова М. А., Панфилова А. С., Шишлянникова Л. М.* Апробация инструментария оценки сформированности профессиональных компетенций у будущих педагогов // Психологическая наука и образование. 2015. № 5. С. 77–91.
9. *Семенова Т. В.* Оценка профессиональной готовности специалистов в системе здравоохранения. М. : ГЭОТАР-Медиа, 2019.

Об авторе:

Захаренко Глеб Александрович, заместитель начальника отдела обеспечения отрасли квалифицированными специалистами Департамента медицинского образования и кадровой политики в здравоохранении Министерства здравоохранения Российской Федерации (Москва, Российская Федерация); аспирант кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС; gleb_zakharenko@mail.ru

References

1. Balashov A. I., Zararenko G. A. Why open closed health care? // Administrative Consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2018. No. 6. P. 33–40. (In rus)
2. Zvonnikov V. I. Measurements and Quality of Education: monograph. M. : Logos, 2006. 311 p. (In rus)
3. Zvonnikov V. I., Chelyshkova M. B. Assessment of quality of training results during certification: competence approach. 2nd ed. M. : Logos, 2013. 279 p. (In rus)
4. Kaplan R. S., Norton D. P. Balanced Scorecard. From Strategy to Action/Translation from English 2nd ed. M. : Olympus-Business, 2006. (In rus)
5. Kramer D. Mathematical Processing of Data in Social Sciences: Modern Methods: Educational Manual for Students of Higher Educational Institutions / Translation from English I. V. Timofeev, Ya. I. Kiselev; scientific editor O. V. Mitina. M. : Academy, 2007. 288 p. (In rus)
6. Crocker L., Algina J. Introduction to classical and modern tests theory / translation from English under the general ed. V. I. Zvodnikov, M. B. Chelyshkova. M. : Logos, 2010. 667 p. (In rus)
7. Logvinenko A. D. Measurements in Psychology: Mathematical Foundations. M. : MSU publishing house, 1993. (In rus)
8. Margolis A. A., Safronova M. A., Panfilova A. S., Shishlyannikov L. M. Evaluation of tools for assessing the formation of professional competences of future teachers // Psychological science and education [Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie]. 2015. No. 5. P. 77–91. (In rus)
9. Semenova T. V. Assessment of professional readiness of specialists in the health care system. M. : GEOTAR-Media, 2019. 272 p. (In rus)

About the author:

Gleb A. Zakharenko, Deputy chief of department of providing the industry with qualified specialists of Department of medical education and personnel policy in health care of the Ministry of Health of the Russian Federation, Graduate student of the Chair of State and Municipal Management of North-West institute of management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation); gleb_zakharenko@mail.ru

DOI 10.22394/1726-1139-2019-11-201-203

Новые книги: к 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.

Рецензия на книгу А. Ф. Измайлова «Куда бредут „Троянский конь“ и „пятая колонна“...»

Очерки о борьбе с профашистскими группами в битве за Ленинград в 1941–1944 гг.

Измайлов А. Ф. **Куда бредут “Троянский конь“ и “пятая колонна”... Очерки о борьбе с профашистскими группами в битве за Ленинград в 1941–1944 гг. СПб. : ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2019. 320 с.: ил.**

ISBN 978-5-89781-654-5

Степанов А. В.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

В документальной книге «Куда бредут “Троянскй конь“ и “пятая колонна“...» А. Ф. Измайлова, жителя блокадного Ленинграда, раскрываются малоизвестные факты битвы за Ленинград в 1941–1944 гг., организации деятельности Красной Армии, органов НКВД, партизанского движения, милиции, трудовых коллективов, партийных, советских, комсомольских организаций в борьбе с профашистскими группами.

Ключевые слова: блокада Ленинграда, борьба с профашистскими группами

Review of the book of Albert F. Izmaylov “Where “Trojan Horse” and “Fifth Column” are Staggering Around...” Essays on the fight against pro-fascist groups in the Battle of Leningrad in 1941–1944

Alexey V. Stepanov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation

ABSTRACT

In the documentary “Where “Trojan Horse” and “Fifth Column” are Staggering Around” of A. F. Izmailov, a resident of blockade Leningrad, reveals nameless facts of the Battle of Leningrad in 1941-1944, organization of activities of the Red Army, NKVD bodies, guerrilla movement, militia, labor collectives, party, Soviet, Komsomol organizations in the fight against pro-fascist groups.

Keywords: blockade of Leningrad, fight against pro-fascist groups

В Научную библиотеку Северо-Западного института управления поступила новая книга А. Ф. Измайлова «Куда бредут “Троянский конь“ и “пятая колонна...“». Это книга очерков, рассказывающая об обороне Ленинграда в 1941–1944 гг., о системной организации деятельности Красной Армии, органов НКВД, партизанского движения, милиции, трудовых коллективов, партийных, советских, комсомольских организаций в борьбе с профашистскими группами.

Германский фашизм проповедовал воинствующий национализм, расизм, антисемитизм, антикоммунизм. Профашисты, являясь сторонниками фашизма, действовали в его интересах как на временно оккупированных территориях, так и в советском тылу.

Ленинградская блокада, как пишет автор, состояла из трех составляющих и образовывала единое временное явление: 1. *Временное окружение* врагом города. 2. *Прорыв вражеской блокады* города (январь 1943). 3. *Полное освобождение города от фашистской блокады* и разгром врага у стен Ленинграда (1944).

Блокада Ленинграда в 1941–1944 гг. была триединой: *сухопутно-водно-воздушной* осадой.

В книге на основе исследования архивных, научных, литературных источников, публичных выступлений, воспоминаний очевидцев аргументированно раскрываются факты работы советских спецслужб, которые осуществляли специальные мероприятия, направленные на формирование истребительных батальонов, укрепление боеспособности дивизий НКВД, обеспечение безопасности войскового тыла, оборонных предприятий, партизанских отрядов, усиление взаимодействия органов НКВД и милиции, а также Политических управлений Ленинградского, Волховского, Карельского фронтов, Краснознаменного Балтийского флота, разоблачение вражеской пропаганды.

В книге показывается деятельность госаппарата в условиях войны, методы его работы: политический контроль, цензура, репрессии. Политический контроль существовал во все периоды истории Российского государства, контроль и анализ различных публичных текстов, речей, высказываний, писем, обращений граждан. Ведь хорошо известно, что «любую ситуацию» в конкретный исторический период «можно понять только в собственных условиях».

В книге имеются приложения, в которых публикуются указы, постановления, приказы, указания военно-политических органов власти, направленные на обеспечение обороны города.

Триединство блокады Ленинграда, окруженного врагом с суши, воды, воздуха, невольно рождало триединое отображение сущности блокадного состояния, в котором оказался защитник и житель осажденного, борющегося с врагом города. Это триединое отображение выражалось понятиями — *героизм, трагизм, преступность.*

Героизм ленинградцев воплощал в себе характерные черты советской эпохи — коллективизм, самоотверженность, мужество, верность долгу и присяге.

Трагизм блокадного Ленинграда — это большие жертвы, суровая борьба за жизнь, это, прежде всего, проявление человеческого духа.

Преступность — как измена, предательство, дезертирство, воровство. Со всеми видами преступлений боролись органы власти, правопорядка, государственной безопасности. Боролись с помощью самих граждан, бескорыстных, честных, ответственных, трудившихся в цехах, на линиях обороны, боевых постах.

Триединство блокады Ленинграда проявлялось в специфике борьбы, которая совершалась *в трудовых отношениях, быту, человеческих душах.*

Враг пытался использовать эту специфику для формирования «пятой колонны», развертывания шпионажа, диверсий, неповиновения властям, разжигания страха, паники, слухов. Этому препятствовали сложившиеся за последние годы качества

человека, воспитанные школой, трудовым, учебным, воинским коллективом, общественными организациями — советский патриотизм, верность долгу, воинской присяге, любовь к родному дому, семье, Родине.

Автор книги приходит к выводу, что, несмотря на трудности блокадных лет, руководство Ленинграда при поддержке всей страны вместе с защитниками и жителями города, командованием Ленфронта, УНКВД ЛО, партизанским движением, милицией, военной прокуратурой, военным трибуналом обеспечило оборону города и разгром врагов в битве за Ленинград.

Книга о борьбе с профашистскими группами в битве за Ленинград может быть использована в учебном процессе. Ибо сегодня, в условиях гибридной войны, важен опыт прошлых лет, позволяющий узнать, как правоохранительные структуры, спецслужбы и госаппарат в условиях войны решали особые, специфические задачи.

Об авторе:

Степанов Алексей Васильевич, доцент кафедры правоведения Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат юридических наук

About the author:

Alexey V. Stepanov, Associate Professor of the Chair of Law of North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Jurisprudence

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ, ПРИНИМАЕМЫХ К РАССМОТРЕНИЮ РЕДАКЦИЕЙ

Предлагаем разместить статьи в научно-практическом журнале «Управленческое консультирование», адресованном специалистам в области государственного и муниципального управления, руководителям органов государственной власти и бизнес-структур, ученым, преподавателям, аспирантам.

Журнал «Управленческое консультирование» входит в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим группам научных специальностей: 23.00.00. Политология; 08.00.00. Экономические науки.

Издание входит в Перечень журналов, рекомендованных Ученым советом Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации для публикации статей по экономическим наукам.

Статьи журнала включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу http:elibrary.ru (Научная электронная библиотека). Сведения, касающиеся издания и публикаций, включены в базу данных ИНИОН РАН и публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям “Ulrich’s Periodicals Directory”. Журнал включен в индексацию международных баз данных научных публикаций ERIH PLUS и EBSCO. Публикации журнала размещаются в научной электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Издание выходит ежемесячно. Все статьи проходят научное рецензирование.

На сайте журнала https://www.acjournal.ru предусмотрена возможность представить рукопись статьи через «Электронную редакцию».

1. Автор(-ы) представляет(-ют) в редакцию:
   - электронную версию статьи в формате Microsoft Word. Объем представляемых для публикации статей не должен быть меньше 16 000 знаков с пробелами.
   - Заполненное и подписанное «Обязательство автора(-ов)», образец которого размещен на сайте журнала: https://www.acjournal.ru

Оригинальность статьи должна быть не менее 85%. Все материалы проверяются системой «Антиплагиат».

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ

Каждая статья должна быть сопровождена сведениями об авторе(-ах), (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество полностью; место работы; должность; ученая степень; ученое звание; адрес электронной почты. После указания места работы обязательно указывается город и страна.

СТРУКТУРА РУКОПИСИ

Статья должна быть структурирована. Наиболее распространенная модель структуры научных статей — IMRAD —аббревиатура от «введение, материалы и методы, результаты и обсуждение» (англ. introduction, methods, results and discussion). В конце статьи следует Заключение (Conclusion). Если статья посвящена теоретическому исследованию, то раздел Methods (Методы) заменяется на Theoretical Basis

(Теоретические основы). Каждая часть должна быть выделена в основном тексте отдельно.

Рукопись статьи должна содержать *реферат* (аннотацию) и ключевые слова. Статьи без *реферат*а (на русском и английском языках) не рассматриваются. *Реферат* не должен содержать ссылки и аббревиатуры. Объем ограничен 250–300 словами. В *реферат*е обязательно указываются: Цель, Методы, Результаты, Выводы (по 1–2 предложения для каждого пункта). Ключевых слов может быть от 4 до 7, обычно — 5–6 слов. Термины-словосочетания считаются одним ключевым словом. Желательно избегать составных ключевых слов. В состав ключевых слов не рекомендуется включать слова, содержащиеся в названия статьи.

Введение *(Introduction)*

Введение должно определять суть проблемы, указывать цель исследования и представлять его гипотезу и научный подход, обосновывать важность исследования. В этой части уместны ссылки на уже известные выводы и опубликованную литературу по данной проблеме.

Материалы и методы (*Materials and Methods*)

Цель данной части — провести оценку надежности используемых методов и их влияние на результаты. Здесь приводятся план и последовательность процесса исследований, протоколы эксперимента, используемые материалы, предметы, оборудование, готовые статистические данные, программное обеспечение и т. д.; а также методика оценки результатов. Если ключевым моментом в работе является методология эксперимента, необходимо описать ее процессы в деталях.

Результаты (*Results*)

Эта часть представляет результаты исследования в четкой логической последовательности, без интерпретаций результатов. Именно здесь чаще всего используются таблицы, рисунки и графики. Следует избегать повторения данных в таблицах и графиках (в случае их наличия), такие данные следует только прокомментировать с точки зрения трендов или наиболее важных моментов.

Обсуждение *(Discussion)*

Обсуждение должно быть сфокусировано на интерпретации результатов исследования и других связанных с ним материалов. Подчеркните новые и важные наблюдения. Объясните значение наблюдаемого мнения для цели исследования. Свяжите результаты с предлагаемой гипотезой. Любые неожиданные результаты или наблюдения; которые имели место, могут быть объяснены именно здесь.

Эта часть завершается детальным заключением (выделяется отдельно). Следует обобщить результат и его значение, описать последствия и практическое применение исследования, дать возможные рекомендации.

Сокращения и аббревиатуры должны быть расшифрованы при первом их употреблении (в скобках в тексте или под текстом).

При написании статьи необходимо избегать личных местоимений, в том числе научного «мы». Это же касается ссылок: при ссылках на собственные работы стоит избегать предложений типа «как показано в нашей работе». В первую очередь, это требование анонимности.

Выводы (*Conclusions*)

Подведение итогов исследования — получилось ли достичь цели и доказать определенную гипотезу? Какое значение имеют полученные результаты? Как можно применить их на практике?

Список литературы (References)

Список литературы в конце статьи дается **в алфавитном порядке**.

В списке литературы должно быть не менее 25 источников, и в тексте статьи все они должны быть процитированы. Рекомендуется наличие не менее 10 иностранных источников, из них не менее 5 источников, индексируемых в базе данных Scopus. В случае, когда цитируется англоязычная работа, обязательно ссылаться на оригинал, а не на русскоязычный перевод.

В тексте дается ссылка в квадратных скобках — например, [7, с. 625].

Ссылки на официальные сайты, правовые и законодательные акты, архивные материалы, учебники/учебные пособия, словари и газетные статьи даются постранично (в сносках) и не выносятся в список литературы, размещённый в конце статьи.

ОФОРМЛЕНИЕ ТАБЛИЦ, РИСУНКОВ, СХЕМ И ФОРМУЛ

Материалы могут содержать таблицы и черно-белые схемы, выполненные в редакторе Word (for Windows). Применение объектов Word Art в схемах не рекомендуется. Все рисунки, диаграммы и схемы, включенные в текст статьи в электронной версии, должны быть представлены также отдельными файлами в тех форматах, в которых они были сделаны (объекты должны давать возможность редактирования). Каждую таблицу и рисунок следует снабжать порядковым номером и заголовком/подписью, продублированными на английский язык. Все графы в таблицах также должны иметь заголовки.

Формулы должны быть набраны в редакторе Microsoft Equation, где их набор более корректен; также возможен набор формул в MathType ... Equation.

Простые строчные формулы желательно набирать с клавиатуры, не используя формульный редактор.

ПРИМЕРЫ ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ

1. **Сведения об авторе:**

Иванов Иван Иванович

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация

Заведующий кафедрой _____

Доктор философских наук, профессор

E-mail:

Телефон:

2. **Краткие затекстовые ссылки:**

В тексте:

А. В. Виленский называет его «своего рода „золотым легионом“ постиндустриального общества» [7, с. 625].

В затекстовой ссылке:

7. Россия в глобализирующемся мире: Политико-экономические очерки / отв. ред. Д. С. Львов. М. : Наука, 2004.

3. **Краткое библиографическое описание в затекстовых ссылках:**

♦ монографии:

Филиппов Г. Г. Роль организации в механизме политической власти. СПб. : Изд-во СЗАГС, 2008.

♦ ***статьи в научных сборниках***:

Липсет С. Политическая социология // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М. : Прогресс, 1972.

♦ ***публикации в многотомных изданиях***:

Ирвинг В. Собр. соч.: в 5 т.: пер. с англ. М. : ТЕРРА, 2002–2003. Т. 1.

Карамзин Н. М. История государства Российского: в 12 т. М. : Мир книги, 2003. Т. 7.

♦ ***статьи в научных журналах:***

1. *Кириленко В. П., Дронов Р. В*. О современных методах нейтрализации коррупционных процессов // Государственная служба. Вестник Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2011. № 2. С. 46–53.

2. *Шамахов В. А*. К новой системе профессионального обучения государственных управленцев // Управленческое консультирование. 2011. № 4. С. 6–15.

♦ ***статьи в газетах:***

Федорова Е. Бюджет развития // Литературная газета. 2003. 2–8 апреля. С. 22.

♦ ***правовые акты:***

О науке и государственной научно-технической политике: федер. закон Рос. Федерации от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 45. Ст. 3274.

О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2000 г. № 6 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 4. С. 5–9.

♦ ***архивные документы (при первой ссылке указывается полное наименование архива, далее допускается его сокращенное название):***

Записки князя Голицына // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 293-об. Л. 73.

Извлечение из донесений генерал-майора Желтухина об осмотре Казанского университета // РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 33. Л. 5.

♦ ***электронные ресурсы оформляются следующим образом:***

1. *Манойло А. В*. Объекты и субъекты информационного противоборства [Электронный ресурс] // ПСИ-ФАКТОР: сайт информационного ресурсного центра по научной и практической психологии. Библиотека. Информационная война. Информационное противоборство. URL: http://psyfactor.org/lib/psywar24.htm (дата обращения: 23.02.2016).
2. Образ врага. Все об «Аль-Каеде» [Электронный ресурс] // VIP. Lenta.Ru: издание Rambler Media Group. 2004. 23 июня. URL: http://vip.lenta.ru/doc/2004/06/23/alqaeda/ (дата обращения: 20.09.2017).

2019. № 11(131)

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

Научно-практический журнал
Выходит ежемесячно
Все статьи рецензируются

Директор
издательско-полиграфического центра
Е. Ю. КНЯЗЕВ

Заведующий издательским отделом
Е. Г. ЗАКРЕВСКАЯ

Сдано в набор 01.11.2019.
Подписано к печати 15.11.2019.
Формат 70×100/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 16,77. Тираж 200 экз.
Заказ № 11/19.

Научные редакторы
д. филос. н., профессор Н. И. БЕЗЛЕПКИН
д. э. н., профессор В. А. ПЛОТНИКОВ
д. э. н., профессор Л. С. САВЧЕНКО

Корректоры:
И. Ю. СЕРОВА
Т. В. ЗВЕРТАНОВСКАЯ
Верстка Т. П. ОЛОНОВОЙ

УЧРЕДИТЕЛЬ:
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-52288 от 25 декабря 2012 г.

Индекс по каталогу Агентства «Роспечать» «Газеты. Журналы» 70107

Комплекс работ выполнен издательско-полиграфическим центром
Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации

199004, Санкт-Петербург, 8-я линия В. О., д. 61
Тел. (812) 335-94-97